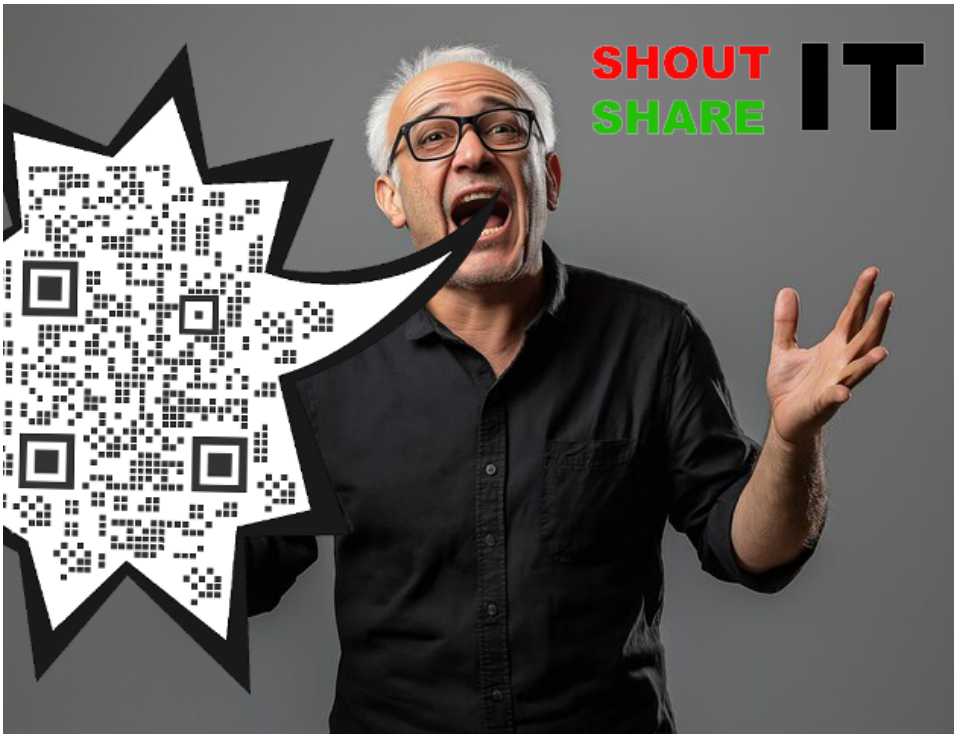
ЭРВИН СТАВИНСКИЙ

НАШ ЧЕЛОВЕК В ГЕСТАПО

КТО ВЫ, ГОСПОДИН ШТИРЛИЦ?


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

М. М. Исаев, известный нам по книге Ю. Семенова «Альтернатива», он же штурмбанфюрер СС Штирлиц — кто же на самом деле был этот человек? О трагической судьбе особо ценного агента внешней разведки НКВД, настоящего, а не придуманного Штирлица рассказывает эта книга.

- Эрвин Ставинский
- Обманутая баронесса
- Первые контакты с советской разведкой
- Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан
- Лубянка ставит на Лемана
- Нацисты у власти
- Брайтенбах укрепляет авторитет в гестапо
- Василий Зарубин, оперативный псевдоним Бетти
- Ракеты для Кремля
- В преддверии Второй мировой
- Шпионский тандем
- Александр Коротков,
- Путь на Голгофу
- Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Эрвин Ставинский
Наш человек в гестапо
Кто вы, господин Штирлиц?

Шел победный май 1945 года. Берлин лежал в руинах. В развалины были обращены многие здания на Вильгельмштрассе и Принц-Альбрехтштрассе, где еще недавно размещались различные службы Главного управления имперской безопасности — ГУИБ (немецкая аббревиатура РСХА).

На пепелище одного особняка, где находилась тайная государственная полиция, которой руководил группенфюрер СС Генрих Мюллер, группа офицеров советской разведки и контрразведки искала сохранившиеся документы. Эту специальную команду возглавлял резидент внешней разведки НКГБ полковник Александр Коротков.

В одном из заваленных полусожженными бумагами помещений офицер из группы Короткова подобрал учетную карточку на хаупштурмфюрера СС Вильгельма Лемана, арестованного в декабре 1942 года. В чем обвинялся этот гестаповец и что с ним стало, никаких пометок в карточке, вопреки немецкой пунктуальности, не было…

Оперативному работнику невысокого звания указанная в карточке фамилия ровным счетом ничего не говорила, да и среди руководителей разведки того времени о Лемане знали лишь единицы. Загадочный бланк попал в кипу найденных материалов и был отправлен в Москву.

К сожалению, полковнику Александру Короткову никто не доложил об обнаруженном документе, отчасти проливавшем свет на судьбу антифашиста в эсэсовском мундире, с которым разведчик работал перед войной и чьи следы надеялся отыскать в поверженном Берлине.

Объем и особая важность возложенных на полковника, а затем генерал-майора Короткова после победы Советским правительством ответственных заданий (до своей преждевременной кончины в 1961 году он был одним из руководителей внешней разведки КГБ) были таковы, что все вопросы разведывательной работы, не имевшие чрезвычайной срочности, пришлось отложить на более позднее время.

Найденная учетная карточка арестованного поступила в соответствующее подразделение центрального аппарата НКГБ, где и было установлено, что бесследно исчезнувший

хауптштурмфюрер СС Леман был никем иным, как надежным и проверенным особо ценным агентом советской внешней разведки, известным под псевдонимом А/201 и Брайтенбах.

Привлечение на свою сторону этого человека было большой удачей внешней разведслужбы. На протяжении многих лет он, образно выражаясь, был щитом для советских разведчиков в Германии, оберегавших их от ударов немецких контрразведывательных органов. Он своевременно предупреждал нашу резидентуру в Берлине о выходе немецких контрразведчиков на след ее сотрудников и агентов, о ведущихся оперативных разработках, о готовящихся арестах, в том числе и немецких коммунистов.

Леман информировал московский разведцентр об особенностях обстановки в стране, об истинных планах и намерениях главарей гитлеровского рейха, намеченных политических и военных акциях, закулисной борьбе в нацистской верхушке — словом обо всем, что держалось правящим режимом в строгом секрете от общественности и дипломатического корпуса, но становилось известным ему по службе. Он передал большой объем информации о военной промышленности фашистской Германии и производимой ею продукции, о новейших военно-технических разработках. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны он предупредил резидентуру в Берлине о точной дате и времени наступления германских войск.

Так что же за человек был Вильгельм Леман, этот настоящий, а не придуманный Штирлиц? Что, собственно, побудило его, преуспевающего чиновника берлинской полиции, человека рассудительного и уравновешенного, решиться на столь неординарный шаг, как предложить свои услуги советской разведке?

Почему он, хауптштурмфюрер СС, ответственный чиновник в контрразведывательном отделе тайной государственной полиции, несмотря на постоянный риск и смертельную угрозу оставался до конца преданным выбранному пути и стойко принял мученическую гибель, во имя торжества общечеловеческих идеалов?

Обо всем этом, а также о других приключениях Вильгельма Лемана, любители исторической правды могут узнать, прочитав предложенную книгу.

Обманутая баронесса

Как ни странно, Вилли привязался к Эрнсту, хотя Эрнст хам и настоящий преступник. Его долго не могли ни в чем уличить, настолько он был ловок и хитер. Но на этот раз Кур все-таки попался. На оккупированной немцами территории Польши, куда он выезжал в служебную командировку, был убит некий Вальтер Людерс, исчезли принадлежавшие ему пятнадцать тысяч марок. Вскоре точно устанвлен убийца. Он чивновник отдела Ia берлинского полицай-президиума Эрнст Кур.

Эрнст пытался оправдаться, мол, дело политическое, покойный сам напал на него по причине политического характера и ему ничего другого не оставалось, как обороняясь, застрелить Людерса. Говорил он так потому, что партия в беде его не оставит.

Паритя пыталась вызволить его из этой грязной истории. Обвинение настаивало, что убийство совершено из корысти. Эрнста поместили в берлинскую следственную тюрьму и ему грозило заключение на длительный срок. Из полиции Кура, конечно, уволили.

Однако через несколько недель Вилли узнал, что следствие по делу Кура прекратили, а его самого отпустили на свободу. Кто бы не заговаривал с Вилли об этом, он упорно отстаивал версию, будто Эрнст оборонялся и убил своего противника во время допроса, когда тот на него набросился и попытался задушить.

По характеру Вилли был проще, тогда как Эрнст, в отличие от несколько медлительного друга, был изворотлив и ловок. Вообще, друзья дополняли друг друга.

Да, они были связаны друг с другом еще с юности, когда их родители были учителями, а Вилли и Эрнст посещали одну и ту же народную школу в Лейпциге. Правда, потом их пути разошлись. Эрнст поступил в реальную гимназию, а Вилли пошел учиться на столяра, а затем добровольцем стал служить на военно-морском флоте.

Сейчас их пути снова скрестились. Они постоянно держались вместе, нередко пускались в скользкие дела и никогда не выдавали друг друга.

Поэтому сейчас, получив известие о друге, Вилли думал о нем с теплотой и нежностью. Они договорились встретиться в Мюнхене, для чего Леман испросил в отделе короткий отпуск.

Через два дня, вечером, Вилли стоял на перроне мюнхенского вокзала и, вытянув шею, обшаривал взглядом вагоны только что прибывшего берлинского поезда. Наконец из купе мягкого вагона

показался Эрнст. Выглядел он похудевшим, глаза запали, губы стали еще тоньше, но он улыбался. И это была улыбка сообщника, довольная, уверенная и хитрая. «Неплохо он выглядит, черт возьми, — подумал Вилли, — и это несмотря на тюремные приключения».

— Вот здорово, что ты вернулся! — приветствовал друга Леман. А сам подумал: «И пальто на нем новое, и в мягком вагоне прикатил… Скажи, пожалуйста!»

Эрнст не мешкал: быстро остановил такси и друзья направились в приличный отель «Кайзергоф». Удивление Вилли нарастало.

— Ну, рассказывай, — торопил он когда друзья остановились на тротуаре у входа в отель. — Наверное, есть что рассказать.

Я ужасно скучал по тебе — громко стараясь перекричать уличный шум ответил Эрнст и хлопнул Вилли по плечу. — Иногда мне так требовалась твоя поддержка, уж очень скверно было на душе.

— Я это знал, но ничего не мог поделать!

Наконец они вошли в отель. Эрнст тут-же потребовал хороший номер. Подошел посыльный, взял чемодан, и они не спеша поднялись наверх.

Потом Эрнст открыл чемодан, вынул необходимые вещи и пошел в ванную. Расслабившись в теплой воде, он принялся откровенно рассказывать о своих злоключениях.

— Но как бы гнусно не оборачивалось дело, — говорил он, — я, в сущности, никогда не сомневался, что все кончится хорошо. Я был уверен, что партия добьется своего. И она меня не подвела.

— Я чего-то не понимаю, — заметил Вилли, — ведь за первого встречного партия не будет вступаться, так?

— Ну конечно, — подтвердил Эрнст, энергично обтираясь мохнатой простыней. — Ну да, у меня есть заслуги и связи. А ты как думал. Я им помогал, когда работал в полиции. Заломон меня в беде не бросит. Теперь мои отношения с Францем стали еще теснее, — хвастался он.

Ужин принесли в номер, и Эрнст начал рассказывать, как он стал своим человеком в нацистской партии, и что теперь он надеется жить на ее средства. Отсюда и новое пальто и мягкий вагон.

— И все это время ты скрывал от меня свою связь с нацистами? — удрученно вопрошал Вилли. Но Эрнст лишь хитро улыбался.

Когда речь шла о повседневной жизни, Вилли обычно соображал медленно, и сейчас он с трудом переваривал рассказ друга. «Значит Эрнсту не только удалось избежать последствий

того «мокрого дела», он даже ухитрился извлечь из него пользу, — думал Вилли. — А мне нечем похвастаться. Как был, так и остался ассистентом в политическом отделе». Эрнст заметил, как омрачилось лицо друга и довольно бесцеремонно спросил:

— Ну, а деньги у тебя водятся?

— Найдутся, — пытаясь сохранить достоинство, ответил Вилли, — триста марок в месяц полиция мне гарантирует. Кое-что подрабатываю в частном сыске.

Эрнст помолчал и решил переменить тему разговора. Он стал объяснять, почему он приехал в Мюнхен и пригласил сюда Вилли. Оказалось, что завтра на большом партийном собрании в цирке «Кроне» его возможно смогут представить руководству и мюнхенским членам партии. Это очень важно, считал он.

— Франц Пфеффер фон Заломан прилетит из Берлина, чтобы самолично представить меня, — похвастался Эрнст, — тебе тоже там надо быть, может удастся представить и тебя.

Вилли внимательно всматривался в лицо друга и все никак не мог понять, как обычный с виду парень мог добиться столь ощутимых успехов в жизни. А Эрнст между тем зевал и блаженно потягивался, лежа в кровати.

Вернувшись к себе в отель на Румфордштрассе, Вилли долго лежал без сна, размышляя об успехах Эрнста. «А деньги у него есть, это сразу видно, партия не хочет, чтобы он голодал. Только бы все закончилось лагополучно» — думал он, прикрывая заботливостью свою зависть к другу.

Эрнст всегда старался устроить себе хорошую жизнь и при этом вечно попадал во всякие истории. Не очень было прилично, когда поднялся шум из-за каких-то роялей, которые Эрнст во время войны вывез из Польши в Германию. Да и теперешние дела друга, эти поручения партии, которые он выполняет, вызывают подозрение. Ведь не ради его прекрасных глаз партия несет такие расходы. Очевидно, его вынуждают заниматься рискованными делами. Может, даже «мокрыми».

Во время последних выборов национал-социалистическая партия заметно укрепила свои позиции. Миллионы немцев поверили, что только она сможет стать силой, способной вызволить Германию из тисков экономического кризиса. Они считали, что новому правительству удастся решить острые социальные и внутриполитические проблемы.

Эрнст пожурил друга: быть членом нацистской партии сейчас очень важно. Пожалуй, придется приложить к этому руку. Заметив, что Вилли усмехается, он заверил:

— Уж ты на меня положись. Твой друг кое-что умеет в этой

жизни!

Вилли не возражал, однако недоверчивое выражение не сходило с его лица. Ведь Эрнст, при всей его ловкости, не смог даже удержаться в полиции, с треском оттуда вылетел, а теперь намеревается стать высокооплачиваемым политическим агентом. «Вот уж любитель побахвалиться!

Когда они вошли в битком набитый зал, Вилли к своему удивлению, убедился, что Эрнст не хвастал. Вилли глазам своим не поверил: Эрнст, этот бывший обер-вахмистр и мелкий полицейский чиновник, сын покойного школьного учителя Игнаца, оказался своим среди собрания нацистской партийной верхушки. Он свободно общался с какими-то бонзами, обменивался мнениями со знакомыми, кому-то кивал, махал рукой. Вилли был просто поражен. Удивление вызывал не только столь большой успех, сколько та уверенность и непринужденность, с которыми Эрнст держался в этой необычной обстановке. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде.

Вилли, зная, что мюнхенский отдел политической полиции внимательно наблюдает за нацистами, решил держаться в сторонке. Не знающие его люди раскланивались с ним, принимая его за одного из партийных бонз. Эрнст же все время суетился и при каждом удобном случае повторял, что сам-то он ничто, просто так сложились обстоятельства, что ему удалось оказать партии кое-какие услуги, но вот его друг — это да! Очень способный человек! Обратите на него внимание.

Наконец появился близкий знакомый Эрнста, которого Вилли прекрасно знал по полицейским сводкам и публикациям в печати: начальник штаба штурмовых отрядов Франц Пфеффер фон Заломон. Эрнст сразу же подошел к нему, угодливо раскланялся, внося при этом какую-то понятную им интимность, а тот лишь снисходительно улыбался и кивал в ответ.

Франц фон Заломон был небольшого роста, гладкий, холенный, с розовой кожей и склонностью к полноте. Его светлые глазки хитро поглядывали из-за прищуренных век. Одет он был в коричневую форму нацистского руководителя, и она шла ему, делая его полноватую фигуру более подтянутой.

Значит, вы и есть друг нашего Эрнста, — сказал он, небрежно протянув Вилли мягкую, вялую руку и бесцеремонно разглядывая его с ног до головы.

Вилли чувствовал себя неловко, не зная, как ему следует расценивать слова фон Заломона. Несмотря на внешнюю простоту обращения, в нем ощущалась высокомерность и какая-то барская презрительность к окружающим. Он играл здесь одну из первых ролей и сознавал это, как сознавали и все окружающие. От него

веяло силой, самоуверенностью и вместе с тем, каким-то предвестием беды, и как ни заманчива была для Вилли мысль о знакомстве с этим человеком, внутренний голос опытного полицейского предостерегал его от сближения.

— Я приехал в Мюнхен по делам партии, — отрывисто заговорил фон Заломон, — но Эрнст просит представить его фюреру. Если вы непротив, я готов представить и вас.

Он улыбался, и его светлые глазки весело смотрели в светлосерые глаза Лемана. Вилли спокойно выдерживал этот взгляд. Однако фон Заломона кто-то отвлек, потом все двинулись в круглый зал цирка, и, судя по всему, он быстро забыл о друзьях.

Леман отметил про себя, с какой ловкостью и блеском подает себя партия. Все было в одном стиле: грозные черные свастики на белых кругах посреди кроваво-красных полотнищ, коричневые рубашки, бравурная музыка, крики толпы, затаенные надежды людей, сидящих в ожидании перед наполненными до краев пивными кружками, когда можно будет с воодушевлением прореветь «хайль», приветствуя обожаемого фюрера.

Наконец Гитлер появился, неспеша прошествовал к трибуне, поднялся нанее и с мужественно-замкнутым лицом принял приветствия своих преданных сторонников. Некоторое время он молчал, потом поднял руку, успокаивая возбужденных почитателей и, наконец, заговорил. Его натренированный голос заполнил зал и сердца слушателей. Говорить на литературном немецком языке и избегать нарушений основных правил немецкой грамматики ему было трудно. Однако фюрер интуитивно понял, что сейчас неважно, правильно ли построены фразы с точки зрения грамматики и имеют ли они смысл. Важно покорить сердца людей и тут все зависит от оратора — его позы, подъема, трепета и громовых раскатов голоса. Поэтому он не очень-то продумывал содержание своей речи. Пока Гитлер говорил, он верил, и вслед за ним верила толпа. Перед глазами завороженной публики он ненавидел, презирал, восхищался и вслед за ним подобные чувства испытывал весь зал.

Наконец грандиозный спектакль подошел к своему концу, раздались крики, бурные аплодисменты. Все встали, приветствуя своего идола.

После собрания руководители партии направились вместе с фюрером в винный погребок на Барерштрассе. Эрнст крутился у входа надеясь, что фон Заломон выполнит свое обещание, но тот забыл о друзьях.

Леман провдил друга до гостиницы.

— Почему бы тебе не подняться? Выпьем по маленькой на ночь? — предложил Эрнст. Он устал, был разочарован

поведением «своего друга Франца» и поэтому сразу лег в постель. Вилли сидел за столом и маленькими глотками потягивал коньяк.

— Ты такой чудак, Вилли, начал Эрнст с издевкой. — Если я не займусь твоими делами, чего ты добьешься в полиции? Если друг тебе не поможет, ты так и останешься на бобах со своими знаниями криминалистики.

Он еще долго продолжал рассуждать в таком же духе, пока Вилли, терпеливо его слушавший, в конце концов не выдержал и заявил:

— Да, ты добился успеха, ничего не скажешь, ловко выкрутился из уголовного дела. Быть героем процесса о шантаже, устроить пальбу и завалить человека — не всякий на такие штучки решится. А толку-то! Судя по поведению твоего друга Франца — никакого!

Эрнст демонстративно отвернулся и стал зевать.

— И охота тебе нести эту чушь, Вилли! Хоть тебе и сорок два годка стукнуло, а рассуждаешь ты как школьник. Знаешь, я очень устал. Давай поговорим, когда отдохнем. Спокойной ночи!

«Очень приятно поговорили», — подумал Вилли.

На следующий день, когда друзья снова сидели в номере отеля, Эрнст вернулся ко вчерашней теме.

— Давай поговорим о твоем будущем, — заявил он, закуривая сигарету и удобно усаживаясь в кресле. — Расскажи подробнее о своем положении.

— Положение мое не очень завидное. Сижу на картотеке в пятом отделении, получаю около трехсот марок в месяц.

— Понимаю, понимаю, — с глубокомысленным видом заметил Эрнст. — Но триста марок, это только триста марок, особенно на них не погуляешь. — Он встал, хитро блесну карими глазами. — К тому же любовницу надо содержать. Твой покойный папаша, наверное, сказал бы: «Другого такого отпетого лодыря, как Вилли, не найти».

Слушай, Вилли, у меня есть одна идея. Сначала я расскажу тебе об одной женщине, некой баронессе Элизабет фон Грозигк. Эта Грозигк — одна из влиятельнейших берлинских дам, очень богатая, род не менее древний, чем у Гогенцоллернов[1] В ее доме бывает весь берлинский высший свет, она — из немногих аристократок, поддерживающих нацистскую партию. Кстати, именно эта Грозигк и спасла меня в тюрьме: не будь ее, я бы никогда не выпутался бы из этой истории.

Он замолчал, ожидая реакции Вилли, но тот молчал. Тогда Эрнст продолжил:

— И знаешь, когда она первый раз пришла ко мне в тюрьму, меня сразу же осенило: «Эта куколка прямо для Вилли!»

Представь себе картину, сижу я в тюрьме, дело идет о моей жизни и смерти. И вот сейчас придет человек, о котором мне сказали: это твой последний шанс. Если и тут не выгорит, тогда тебе крышка. Стою я за решеткой в ожидании посетителя и вдруг вижу: это женщина. Теперь все зависит от меня, как я буду с ней говорить, какое смогу произвести на нее впечатление! Представляешь? Как только я ее увидел — аристократка, шикарная особа, хороша собой, черты лица тонкие, чуть резкие, волосы рыжеватые… Как только я ее увидел, особенно ее глаза, эти беспокойные, манящие глаза, мне тут же пришло в голову: «А ведь она клюнет на Вилли!» Клянусь тебе, господь бог ее прямо-таки создал для тебя.

Вилли сидел не шелохнувшись. Он думал, что Эрнст преподнесет ему какой-нибудь деловой проект, позволяющий подработать на стороне, а он, оказывается, всего-навсего предлагает этот вздор, мелет о какой-то аристократке.

С трудом сдерживаясь, Вилли вежливо ответил:

— Очень любезно, приятель, с твоей стороны, что даже в тюрьме ты вспомнил обо мне. И ты, конечно, предлагаешь мне этот план из самых лучших побуждений. Я видишь ли, не понимаю — прости за откровенность — как я могу подойти женщине, потомственной аристократке, с мыслью о том, как и сколько я смогу из нее выжать. Уж ты как хочешь!

Эрнст с улыбкой выслушал друга, потом спросил:

— Ты никогда не задумывался, насколько ты похож на своего отца? Он тоже любил разглагольствовать и также высокопарно. И тем не менее, покойный учитель женился на твоей матери только потому, что у нее было приличное приданное, были деньги. Ладно, — вдруг решительно прервал он себя. — Хватит об этом.

Казалось, еще секунда и Вилли сорвется, ответит ему сочным морским словцом, но он сдержал себя, и через секунду вполне миролюбиво предложил:

— Ну ладно, давай выкладывай.

Эрнст улыбнулся и приступил к подробному изложению плана. Сначала он описал Элизабет фон Грозигк, эту сверхэлегантную даму, ее светло-рыжие волосы, живые подвижные черты лица и откровенный взгляд. Она очень деятельна, что-то сейчас у нее новое увлечение: оказывать содействие партии. Описав ее дом, где запросто бывают многие нацистские бонзы, и не только они, но и другие влиятельные люди, Эрнст замолчал.

— А почему ты думаешь, что твоя Грозигк, или как там ее, не только пообещает, но и действительно что-то сделает? — прервал затянувшуюся паузу Вилли.

— Да она непременно попадется в твои сети, голову даю на отсечение, — воскликнул Эрнст. — Уж это я в женщине сразу чувствую, не мальчик, опыт имею. Я наплел ей про тебя, про твои морские скитания, посещение экзотических стран… Тебе ничего особенно не надо делать. Ты больше многозначительно молчи.

— Ты окажешь мне большое одолжение, — с ледяной вежливостью прервал его Вилли, — если прекратишь свои дурацкие шутки. Скажи мне ясно и понятно, что мне нужно делать с твоей Грозигк.

Эрнст с мечтательным видом вынул новую рубашку из стоявшей на столе коробки, погладил рукой шелковую ткань и положил обратно.

— Небольшую сенсацию придется, конечно, придумать. Как ты смотришь на идею создания тайного детективного бюро в интересах партии. Это для начала, а там посмотрим…

— Я не могу на это пойти, — после некоторого раздумья заметил Вилли. — Если все вскроется, у меня будут неприятности по службе.

Эрнст понимал колебания друга и поэтому воздерживался от иронических замечаний.

— Я не хочу уговаривать тебя делать то, что тебе не по нутру, — сказал он. — Но ты пойми, второй такой случай, как эта Грозигк, едва ли представится. Да и на деле, ведь никакого бюро не будет.

Вилли не зря раздумывал. Для его отца, скромного учителя, знакомство с именитыми людьми вроде бургомистра или богатого хлеботорговца было пределом желаний. Сам Леман в период войны и Веймарской республики, испытывал удовольствие, когда по своим полицейским вопросам, имел дело с человеком, которого можно было назвать «барон» или «ваше сиятельство». Конечно, он сознавал, что титулы — одна видимость, главное деньги. Все же это была приятная видимость.

Из задумчивости его вывел вкрадчивый голос Эрнста:

— Видишь ли, мой друг, толпе ничего не втолкуешь без рекламы, без обмана. Люди противятся всему, что отклоняется от обычной нормы. Даже фюрер и тот не пробился бы без пышных слов, без того, что ты сейчас назвал обманом. Прочти внимательно, что он говорил в своей книге о необходимости пропаганды, лжи, обмана. Сколько клятвопреступлений он взял на себя, как унижался! Превозмоги и ты себя, Вилли!

Леману было приятно слушать эти речи. Эрнст верил в то, что говорил и не притворялся. А разве он не прав? Да, нужно себя пересилить, совратить эту аристократку, переспать с ней и сделать это так, как могут делать это опытные моряки, чтобы

взамен она была готова на все, что от нее потребуется.

— А какая выгода тебе, приятель, если я займусь этой баронессой? — спросил Вилли и пристально посмотрел другу в глаза. Эрнст выдержал его взгляд.

— Ты совершенно прав, — спокойно сказал он. — Я делаю тебе это предложение не только из-за нашей дружбы. Я сильно надеюсь, что если мы это дело провернем, то и мне кое-что перепадет. И я убежден, — продолжил он с теплыми в голосе, — что объединившись, мы достигнем большего, чем будем действовать порознь.

— Постой, — остановил его Вилли, — пока твои берлинские планы что-нибудь дадут, пройдет немало времени. А я, к сожалению, сижу на мели. Кончились деньги, особенно после этой поездки в Мюнхен.

— Ах ты, дуралей! — ласково отозвался Эрнст. — Деньги у меня есть, а значит они будут и у тебя!

— Ну и тянул же ты с ответом! — воскликнул Леман.

— Не скоро до тебя доходит. Значит, решено, завтра выезжаем в Берлин и я представлю тебя этой Грозигк. — Он опять взялся за коробку и стал перекладывать из нее белье в чемодан.

— Ну нет, так дело не пойдет, — решительно заявил Вилли. — Бегать за твоей Грозигк? Это меня не устраивает, я уже говорил тебе. Не буду я предлагать себя твоей аристократке, — он стоял перед другом с воинственным видом. — Результат будет тогда, когда она сама явится ко мне!

Эрнст прекратил укладывать белье и уставился на Вилли.

— Тебе не кажется, что это слишком?

Однако Вилли стоял на своем.

— Если это ее заинтересует, как ты утверждаешь, — продолжал он упрямо, — то она явится. А нет, то и жалеть нечего.

«Впрочем, если хорошенько разобраться, — подумал Эрнст, — то в решении Вилли ждать, пока эта Грозигк явится к нему сама, есть смысл. Если играть, то по крупному. Ведь и фюрер добился успеха только потому, что действовал просто и нагло».

Размышляя над этим, Эрнст все не мог придумать, каким способом заманить баронессу в какой-нибудь берлинский отель. Он сегодня же напишет ей, и расскажет о встрече с Гитлером, прибавит о впечатлении, которое они с другом произвели на фюрера. Это ей наверняка должно понравится.

— Ты прав, — признал он, наконец. — Она должна приехать сама.

На следующее утро друзья прибыли в Берлин. Вилли, не заходя к себе на Кармен-Сильверштрассе, отправился на работу в

полицай-президиум.

Потом недели пошли одна за другой. Изредка встречаясь с Эрнстом, Вилли, как бы невзначай, спрашивал:

— Получил что-нибудь от этой Грозигк?

— Пока нет, бросал тот мимоходом и куда-то исчезал с озабоченным видом.

Вилли уже начал терять надежду. Но как-то утром, едва проснувшись, он услышал пронзительную трель звонка телефонного аппарата. Звонил Эрнст.

— Баронесса Грозигк хочет тебя видеть и как можно скорее!

— Что сейчас? — не разобравшись спросонья брякнул Вилли.

— Вечером, дурак! Кто сейчас встречается!

Вилли вздрогнул от сладкого предчувствия. Вот судьба, кажется, и вознаграждает его за терпение. «Она ждет твоего звонка. Осторожно! Цель так близка, что сейчас никакая ошибка не допустима. С самого начала этой штучке надо показать, кто кому должен подчиняться!»

— Ты слышишь? — нетерпеливо переспросил Эрнст. — Она ждет твоего звонка.

— Слышу, слышу, не шуми! — пробурчал Вилли. — Только боюсь, что ей придется обождать! — Некоторое время он молчал, потом добавил: — Если этой даме что-нибудь от меня угодно, пусть сама пожалует ко мне, точнее куда-нибудь в отель, Эрнст, потому что не могу же я ее принимать в присутствии Маргарет.

Наступила короткая пауза, а потом Эрнста прорвало:

— Идиот, скотина, в какое положение ты меня ставишь!

Вилли молча положил трубку, но уже через две минуты Эрнст позвонил опять:

— Послушай, Вилли, не валяй дурака. Нельзя же требовать от такой дамы, чтобы она посещала мою конуру.

— А я этого и не требую, — сказал Вилли. — Но ты подумай обо мне. Если я так мало значу для твоей Грозигк, что она даже не хочет потрудиться прийти ко мне в номер отеля, то и вся наша затея ломанного гроша не стоит. Тогда мы остаемся при своих интересах.

Он снова повесил трубку и пошел в спальню за одеждой.

— Кто звонил? — сонным голосом спросила Маргарет и уткнулась головой в подушку.

Вечером, к нему на квартиру опять позвонил Эрнст.

— Она придет, — буркнул, с раздражением. — Завтра пораньше сними номер в нашем отеле и приведи там все в порядок.

На следующий день, в начале двенадцатого, баронесса Элизабет фон Грозигк в сопровождении Эрнста впорхнула в его

номер. Вилли, одетый в свободную темную куртку, сдержанно ее приветствовал. Элизабет оказалась элегантной рыжеватой дамой лет тридцати пяти, с вздернутым носиком, ярко накрашенными тонкими губами и светлыми, бегающими глазками.

С непринужденной любезностью Вилли поднялся из своего кресла навстречу баронессе.

— Я счастлива видеть вас, — произнесла баронесса. Голос у нее был громкий, с резким северогерманским акцентом. — Господин Эрнст так много о вас рассказывал…

Ее светлые глаза уже осмотрели номер, перепрыгивая с предмета на предмет и нигде долго не задерживаясь.

— Мне очень повезло, что я имею возможность сравнивать мои представления с оригиналом, — продолжала она. — Надеюсь вас не смущает, что я так бесцеремонно все тут разглядываю?

— Вы спасли моего друга, — со сдержанной вежливостью ответил Вилли, — и я вам за это глубоко признателен.

— Значит, вы меня терпите здесь только ради вашего друга? — кокетливо отозвалась она, видимо, ожидая какой-нибудь галантности. Но Вилли промолчал и пауза затягивалась.

— Я понимаю, — первой не выдержала баронесса. — По тому, что мне рассказывал Эрнст, я могу себе составить некоторое представление о вашем миросозерцании. Я подготовлена к этому также идеологией национал-социалистической партии. В вашем присутствии я испытываю то же чувство, что и в присутствии фюрера. — Она замолчала.

Молчали Вилли, продолжая смотреть на нее твердым, не мигающим взглядом. В сущности это был не его тип женщины, но она была неплохо сложена и мысль о том, что она. Баронесса фон Грозигк, родовита и занимает высокое положение в обществе, тешила его самолюбие. В остальном он в себе не сомневался.

Баронесса смущалась под его взглядом, волновалась и явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Вы правы, — наконец заговорил Вилли. — Нужно понять друг друга. А для этого и та, и другая сторона должна проявить к этому готовность.

— В готовности с моей стороны вы можете не сомневаться, — живо отозвалась баронесса. — У меня она появилась с первой минуты, как только я вас увидела.

Все развивалось по намеченному плану, и когда под конец баронесса робко и кокетливо осведомилась, сможет ли опять она увидеться с Вилли, он, сохраняя достоинство и выдержку ответил ей «да».

Они любезно попрощались и вместе с Эрнстом вышли.

Под вечер Эрнст вновь встретился с Вилли, чтобы обсудить,

как действовать дальше. По мнению Вилли держался недурно.

— Ты должен довести баронессу до того, чтобы она сама заговорила с тобой о деньгах, — рассуждал Эрнст. — А когда она заговорит, ты делай вид, что в деньгах ты сущий профан и посоветуй ей обратиться ко мне. Главное, чтобы не ты поднял вопрос о деньгах, а она. И тогда дело будет в шляпе.

Два дня спустя Вилли ужинал с баронессой в ресторане гостиницы. Грозигк щебетала о схожести образов Вилли и фюрера. Она говорила о великой задаче, которая ожидает партию. Она говорила и говорила… За фруктами и сыром Вилли признался, что никогда еще призыв верно служить партии не звучал так искренне, как из уст госпожи Элизабет. При этом он смотрел ей в глаза пристальным, настойчивым взглядом.

Решающая минута настала, когда они перешли в салон пить кофе. Вилли продолжал настойчиво смотреть ей в глаза, а в голове все крутилась одна и та же мысль: «Когда же эта дура наконец заговорит о деньгах!

И, наконец, она заговорила.

— Я понимаю, — сказала она, — если вы решитесь открыть в Берлине то предприятие, о котором мне столько говорил Эрнст, это будет связано с материальными трудностями. Может быть, вы позволите в этом деле немного помочь вам? Я была бы счастлива это сделать.

Следуя наказам Эрнста, Вилли ответил уклончиво:

— Меня не интересует финансовая сторона дела. Для меня существует единственная область: профессиональная деятельность, в которой я как криминалист знаю толк.

— Да, да, я знаю, — смешалась баронесса и покраснела как девушка. — Мне не следовало и заговаривать с вами об этом. Мы все обсудим с Эрнстом! — добавила она с улыбкой.

Румянец был ей к лицу, и Вилли решил несколько разрядить ситуацию.

— Вероятно, это не случайность, — задумчиво произнес он, — что интересы партии и ваши нас объединяют. Таковы все немцы! Идеал для них, как говорит фюрер, воплощен в женском образе.

Она была совершенно счастлива, и он чувствовал, что прикоснись он к ней сейчас и она растает. И он не против был бы это сделать, но это в данный момент было бы неразумным. Нужно было еще немного ее разжечь. Поэтому Вилли довольствовался лишь тем, что целуя ей на прощанье руку, опять проникновенно посмотрел ей в глаза. А потом он отправился к Флорентине…

Через несколько дней Вилли решил, что время для того, чтобы скрепить союз с партией и ее представительницей Элизабет

фон Грозигк настало. Во время следующей встречи проходившей в номере гостиницы, его взор недвусмысленно скользил по округлым формам баронессы. Наконец он нежно взял ее за руку и медленно провел ладонью до плеча. Элизабет почувствовала дрожь во всем теле и попросилась на минуту в ванную. Там она быстро привела себя в порядок и подождала, пока прекратиться дрожь в ногах.

Потом баронесса выключила свет и открыла дверь в комнату. Глаза ее какое-то время привыкали к темноте, потом она разглядела, что Вилли стоит у постели голый, спиною к ней. Не отходя от кровати, он медленно повернулся. Сначала она увидела его глаза и белые зубы в улыбке. Потом ее глаза опустились ниже и она почувствовала, как у нее опять задрожали ноги и пересохло во рту. Элизабет медленно подошла к нему не подымая глаз, завороженная его мужской силой.

Он нежно снял с плеч бретельки черной нижней сорочки и аккуратно положил Элизабет на постель. Она молчала, лишь мелкая дрожь пробегала по ее телу. Он начал нежно целовать ее в грудь, мягко поглаживая рукой между ногами. Потом, просунув руки под ее ягодицы, подтянул ее к себе и начал осторожно входить в нее.

— Я боюсь, — вдруг пролепетала она.

Он не отвечал и не торопился. Как только они напрягалась в ожидании боли, он возвращался назад, не прекращая медленные покачивания.

Она ожидала боли, ей казалось, что она не способна настолько раскрыться, чтобы принять его, но уже через какие-то мгновения почувствовала, что вобрала его целиком и что ее переполняют новые, необычные ощущения.

Теперь уже она сама, охватив Вилли руками, крепко прижалась к нему всем телом и ее бедра. Сначала осторожно, а потом все быстрее и быстрее, по мере того, как захватывала ее страсть, стали двигаться в такт с его телом…

Через несколько дней, на имя Эрнста Кура, в филиал Баварского союзного банка в Берлине, была переведена приличная сумма денег. Получив свою долю, Вилли приобрел за городом дачный домик и небольшую парусную лодку. Теперь, в свободное время, он мог путешествовать по озеру и впадающим в него рекам, с улыбкой вспоминая Элизабет.

Они встречались недолго. В начале 1928 года, из-за своего вздорного характера, Эрнст испортил свои отношения с Францем Пфеффером Заломоном. Этим воспользовались завистники из «Коричневого дома» — штаб-квартиры нацистов в Мюнхене, пустившие слух будто Эрнст выдает партийные секреты полиции.

Позже, начальник службы безопасности партии Гайдрих найдет изменника. Им окажется криминал-секретарь городского отдела полиции Иозеф Майзингер, который потом долго будет отрабатывать свои грехи. Но это будет позже. А сейчас Эрнсту пришлось срочно прятаться, опасаясь мести фон Заломона. Его спасло то обстоятельство, что у самого начальника штаба штурмовиков возникли разногласия с Гитлером и ему пришлось покинуть свой пост.

К этому времени Вилли прервал свои отношения с Элизабет фон Грозигк, объяснив пылкой даме, что уезжает в командировку на границу с Польшей и свяжется с ней, когда вернется, чего он конечно не сделал.

Эрнст остался в Берлине без работы и без денег, и теперь Вилли приходилось его периодически субсидировать. Долго так продолжаться не могло и друзья мучительно искали выход из положения…

Первые контакты с советской разведкой

В дождливый мартовский день 1929 года Павел Корнель, оперативный сотрудник берлинской легальной резидентуры, после бессонной ночи, решил прилечь на кушетке в дежурной комнате консульского отдела, попросив коменданта разбудить его в шестнадцать ноль-ноль. Однако тот поднял Павла раньше: стрелки на светящемся циферблате его часов показывали без пяти минут три после полудня.

— Товарищ консул… а, товарищ консул! — Тут пришел один… Миронов приказал провести к вам…

— Зажги свет! — приказал Павел, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без него. Васильев зажег верхний свет и, повернувшись к Павлу, доложил:

— Пришел прямо к дежурному по посольству. Зачем — толком не говорит, требует встречи с руководством… У нас языка толком никто не знает, а он по-русски не говорит. Может прикидывается! Миронов приказал…

Павел, привстав, выпростал ноги из-под пледа, протирая глаза, уселся на кушетке. Васильев, рыжий детина, стоял перед ним, роняя капли вода с темного намокшего плаща. Быстро надев пиджак, наскоро причесавшись, Павел направился в комнату для приема иностранцев.

Яркая люстра хорошо освещала большую просторную комнату. У самых дверей он увидел невысокого, плотного мужчину лет сорока пяти в намокшем плаще, нервно теребившего в руках шляпу; из-под плаща виднелись мятые брюки и видавшие виды башмаки.

— Пройдите к столу! — сказал Павел. — Кто вы такой?

Незнакомец подошел, рассматривая консула настороженно-сосредоточенным взглядом небольших, глубоко посаженых глаз. Лицо у него было круглое, темновато-красное. Бросались в глаза почти лысая голова, оттопыренные уши и длинный прямой нос. В его взгляде, в выражении уставшего, с плотно сжатыми тонкими губами рта чувствовалось какое-то напряжение и, как показалось Павлу, внутреннее недоверие и настороженность.

— Кто вы такой? — повторил Павел.

— Пусть он выйдет, — глуховатым голосом на берлинском диалекте произнес мужчина, указывая взглядом на Васильева.

— Пойди посмотри, что там на улице и жди меня в дежурной! — сказал Павел Васильеву.

Шумно вздохну, комендант, чтобы затянуть пребывание в теплой комнате, поправил стоящие в стороне стулья и, не торопясь, вышел. Павел тем временем пододвинул стул, сел и выжидающе посмотрел на мужчину.

— Ну, что же вы молчите?

— Меня зовут Эрнст Кур, — произнес он тихо с такой интонацией, будто это имя и фамилия могли что-нибудь сказать или же вообще все объясняли. — Прошу сообщить вашему начальству, что я нахожусь здесь.

— Ишь ты! — Павел не смог удержать улыбки. — Ну и что же будет дальше?

— Дальше вас не касается. Руководство все решит само.

— Кто это руководство? Кто конкретно вам нужен?

— Руководство гепеу.

Он замолчал. Перестав улыбаться, Павел удивленно посмотрел на посетителя. Тот сидел за приставным столиком, поглядывая настороженно и отчужденно, руки его иногда мелко вздрагивали. Плащ он небрежно бросил на спинку стула.

Павел собрался было спросить, есть ли у него с собой документы, но воздержался, подумав, что ознакомиться с документами еще успеет. Поглядывая на Павла холодно и отчужденно, немец молчал.

— Что так и будем сидеть и молчать?

— Вы должны сейчас же доложить руководству, что я нахожусь здесь, — упрямо повторил он.

— Я никому ничего не должен, — сказал Павел раздраженно. — И пока вы не объясните, кто вы и откуда, я ничего делать не буду!

Немец продолжал молчать. После продолжительной паузы, напряженно подумав он сквозь зубы выдавил:

— Я из полицай-президиума Берлина. Я писал об этом в письме.

— Из полицай-президиума? — Павел не поверил. — Чем вы можете доказать, что вы работаете в полицай-президиуме? И о каком письме вы говорите?

— Я ничего вам не буду доказывать. Вы должны сейчас же сообщить обо мне руководству! Письмо я бросал в почтовый ящик посольства.

Павел некоторое время разглядывал его и размышлял. Фамилия Кур ему ровным счетом ничего не говорила, но, может быть, руководство резидентуры его знало или знало что-то о его письме: за время работы в разведке он привык ничему не удивляться.

Вид у посетителя был не ахти какой, однако держался он

довольно независимо, говорил уверенно: даже не просил, а требовал. Угрюмый, сосредоточенный, он производил весьма странное впечатление, и его утверждение. Будто он чиновник полиции, казалось явной ложью.

Понятно, Павел не собирался сообщать о нем непосредственно резиденту, но доложить своему куратору было его прямой обязанностью. Он подумал, что они займутся посетителем и сами выяснят, что к чему.

Оставив немца в приемной, он выше в соседний кабинет и вызвал по внутреннему телефону резидентуру.

— Вас слушают, — услышал он голос шифровальщика Виктор Маслова.

— Виктор, это Корнель беспокоит. У меня здесь посетитель. Он требует встречи с руководством.

— Не знаю, где сейчас Смирнов, а шеф на совещании у посла!

— Ты можешь его вызвать?

— Не могу и не хочу! — ответил Маслов запальчиво. — Что ты ко мне с пустяками лезешь! У меня сейчас сеанс связи, а ты позови того, позови этого! Что я тебе мальчишка, что ли!

Как я понял… — Павел на мгновение замялся. — Он говорит, что он…

Но Маслов уже положил трубку. И Павел бросил свою, злясь на посетителя и еще больше на Маслова. Но подумав несколько минут он вновь вызвал Маслова.

— Это опять Корнель, прошу меня выслушать, — твердо заявил Павел. — Я опять по поводу посетителя. Он настаивает на встрече с руководством!

— Откуда он его знает? — спросил Маслов устало.

— Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нем шефу!

— Если считаешь, что нужно, докладывай сам, — с каким то безразличием сказал Маслов. — Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Я лично не вижу оснований беспокоить руководство, тем более во время совещания. Несолидно!

— Так ты советуешь мне самому позвонить в приемную полпреда?

— Я тебе ничего не советую, и ты меня не впутывай.

Павел соединился с секретарем полномоченного представителя Пчелинцевой и сообщил, что у него в приемной консульского отдела находится посетитель и что он настаивает, чтобы о нем сообщили Ефиму Соломоновичу.

— Ясно, — прервала его Пчелинцева. — Ожидайте. Я сейчас доложу.

Минуты через две резко и требовательно зазвонил телефон.

— Корнель? Добрый день, Павел Иванович! — Павел узнал низкий, глуховатый голос Гольденштейна. — Что у вас там стряслось?

— Пришел посетитель. Настаивает на встрече с вами, Ефим Соломонович.

— Понятно! Слушай внимательно! Попроси всех наших удалиться, чтобы его не видели. Создай все условия, дай ему бумагу и ручку. Пусть пока напишет, что он хочет сообщить. В общем создай ему условия и пока не трогай его расспросами. Я освобожусь минут через тридцать—сорок. Понял?

— Так точно! — по привычке быстро ответил Павел, и резидент положил трубку.

Корнель вернулся в комнату приемов.

— Чаю хотите? — спросил он у немца.

— Потом, — ответил тот.

Тогда Павел положил перед ним на стол бумагу, перо, пододвинул чернильницу и попросил изложить свои данные, а так же то, что он хотел бы довести до сведенья руководства. Выглянув из кабинета, он крикнул Васильеву, чтобы тот приготовил чаю.

Между тем, немец начал что-то писать; пальцы у него были короткими с плохо обрезанными ногтями. Время от времени он останавливался, нервно покусывал губы, думал и снова принимался писать.

Через минут тридцать, как и обещал, в комнату быстро вошел резидент — невысокий, коренастый, с волнистой рыжеватой шевелюрой. Подойдя к столу он, бегло взглянув на посетителя, взял исписанный им лист бумаги, стоя быстро его прочитал и сев на место Павла, сказал:

— Так, значит вы Эрнст Кур! Бывший сотрудник контрразведывательного отделения, или, как вы называете «абвера», полицай-президиума! Интересно! Что вы хотели? И почему именно со мной хотите беседовать? — его голубые, с сероватым оттенком глаза требовательно уставились на немца.

— Мои друзья знают вас, — отрывисто начал Кур. — Они знают, что вы руководитель, поэтому я решил обратиться именно к вам! — он остановился, ожидая реакции Гольденштейна.

— Так, так, говорите! Я вас внимательно слушаю, — подтолкнул его резидент, подвижное лицо которого с прямым носом и выпуклым лбом оставалось невозмутимым.

— Я хочу предложить вам свои услуги, как бывший полицейский чиновник! Естественно, за плату!

— Вы что сейчас без работы?

— Да, уже несколько лет, как я уволился из полицай-

президиума. Не поладил с руководством! Сейчас перебиваюсь случайными заработками, да иногда помогают старые друзья.

— Понятно. Чем вы можете помочь нам?

— Я думаю, мог бы наводить справки на интересующих вас лиц, при необходимости мог бы вести разработки. Все, что смогу, все буду делать.

— Ну а подробней, что можете о себе рассказать? — спросил Гольденштейн.

— Извольте. В полиции с 1904 года. Поступил в Берлине, служил в Данциге, Эссене, потом опять вернулся в Берлин. Последние годы был в контрразведывательном отделении полицай-президиума Берлина в чине криминал-обервахмистра.[2] За служебный проступок был уволен без права на пенсию. Стал перебиваться случайными заработками, — он замолчал.

— И что было дальше?

— Я всегда любил живопись, — продолжил Кур. — Хотел стать художником. Но средств на обучение живописи не было, поэтому пришлось стать простым маляром. Красил крыши. Потом друзья из полиции подсказали, что у вас, в посольстве, можно получить работу.

— Кем же, маляром? — улыбнулся Гольденштейн.

— Нет, зачем, думаю, вам лучше использовать мой опыт полицейского, — Кур замолчал и, прищурясь, выжидательно смотрел на резидента.

— А вы могли бы возобновить контакты с вашими прежними сослуживцами? — подключился к беседе Павел.

— Думаю, что мог бы. Они охотно со мной болтают, главное только умело направить разговор в нужное русло.

— Ну, хорошо! — Гольденштейн на минуту задумался, видимо, размышляя над решением, потом сказал: — Сейчас я не могу вам ничего обещать. Нам нужно подумать, посоветоваться. Сделаем так: через неделю он, — резидент кивнул головой на Павла, — позвонит вам и укажет место, где вы сможете встретиться и все обговорить. А пока — до свидания, всего доброго и… спасибо за предложение! — он встал и крепко пожал немцу руку.

Кур явно не ожидал такого окончания разговора. Он растерянно посмотрел вокруг себя, видимо не решаясь расстаться с людьми, от которых ожидал большего.

— Павел Иванович! Проводи гостя! — предложил Гольденштейн.

Павел взял плащ немца и жестом руки показал ему в сторону двери. Кур молча надел плащ и вышел.

Когда Павел вернулся, Гольдештейн, потирая маленькие

пухловатые руки, расхаживал по кабинету.

— Ты извини, у вас перекусить чего-нибудь не найдется? — спросил он.

Корнель быстро достал приготовленные Васильевым для немца бутерброды, налил в стакан чаю. Пока резидент ел, он, присев сбоку, стал рассказывать о том, что им было проделано за последнее время, а потом остановился на визите Кура. Гольденштейн слушал, изредка задавал уточняющие вопросы, его красивое, лицо оставалось спокойным. Лишь когда речь пошла о необычном посетителе, он оживился и попросил все повторить в подробностях.

Гольденштейн — оперативный псевдоним Доктор, он же Александр — был тем самым человеком, чье мнение и чьи советы в процессе разведывательной работы, без сомнения, интересовали Корнеля, впрочем, как и других оперативников. Член РСДРП с 1900 года, Гольденштейн был одним из самых опытных и заслуженных работников Иностранного отдела ОГПУ. До перевода в Германию, он много лет проработал на Балканах и Ближнем Востоке и, в настоящее время, помимо резидентуры в Германии, руководил из Берлина работой агентурных сетей во Франции и Англии, не забывая при этом своих старых знакомых на Ближнем Востоке. Резидентура в Берлине поддерживала строго конспиративную связь с руководством Германской коммунистической партии и помогало ему материально.

Доктор обладал редкостным талантом делать правильные выводы из минимума данных. Осмысливая факты, он нередко по какой-нибудь частности приходил к весьма неожиданному умозаключению и, как правило, не ошибался. Поэтому Павел обстоятельно, до мелочей, изложил ему все, в том числе и свои сомнения относительно версии посетителя, и, закончив, приготовился внимательно слушать.

Тем временем Гольденштейн, доев бутерброд, закурил. Наконец он заговорил, как всегда тихо и неторопливо.

— Да, возможно, посетитель провокатор. Настораживает то обстоятельство, что он настаивал на встрече именно со мной.

— И вел он себя необычно, — заметил Корнель. — Как-то уж очень развязно и цинично.

— А может, сильно нервничал? Он действительно давно мог сидеть без работы и поэтому проявлял такую настойчивость, — тихо и неторопливо рассуждал Гольденштейн. — М-да, есть над чем подумать…

Излагая информацию, он, по обыкновению, все время ставил под сомнение каждый сообщаемый факт и свои предложения и требовал такого же критического отношения от тех, кто его

слушал. Он не любил бездумного поддакивания, его правилом было: подчиненные должны откровенно и независимо высказывать свои соображения, спорить и противоречить. За два года совместной работы Корнель отлично усвоил эту манеру обсуждения и ценил ее эффективность.

— Этим делом, Павел Иванович, придется заняться тебе, — сказал Гольденштейн. — Эрнста Кура надо проверить. Подключи друзей,[3] дай задание нашему источнику в полицай-президиуме, может быть, он сможет что-нибудь узнать. Если ничего настораживающего не добудешь, вытягивай Кура в город. Для начала попроси собрать данные на кого-либо из известных нам лиц. В качестве аванса выдай ему марок сто, не больше. Регулярно докладывай мне и Смирнову, как будут идти дела. А сейчас пойдем в резидентуру — уже вечер!

— Понятно, Ефим Соломонович! — Павел стал торопливо собирать со стола бумаги.

В последние дни Корнель, при содействии Дмитрия Смирнова, а также через других сотрудников, стал осторожно наводить справки о Куре.

Время летело стремительно. Как-то утром, в сентябре, около десяти часов, когда Павел еще не начал прием иностранцев в консульском отделе, зазвонил телефон. Корнель поднял трубку.

— Павел Иванович! — Павел узнал голос Смирнова. — Быстренько подымись наверх! Тебя хочет видеть Ефим Соломонович.

— Есть. Иду! — Павел машинально поправил узел галстука, бегло взглянул на себя в зеркало, на ходу бросив секретарю, что его вызывает начальство, и устремился по переходу в главное здание представительства.

Постучав предварительно в дверь, он вошел в просторный кабинет. Гольденштейн, как обычно, сидел за пустым столом. В коллективе уже все знали, что ему готова замена — в конце октября должен прибыть новый резидент Самсонов, ветеран ВЧК и Иностранного отдела. Гольденштейн по существу уже готовился к передаче дел. В своих сорок пять лет он решил связать судьбу с молодой женщиной и в последнее время все замечали, что Доктор устал и хочет уйти на покой. Он несколько раз подымал вопрос о своей замене, но только теперь, осенью 1929 года, ему наконец разрешили вернуться в Москву. Начальник Иностранного отдела Триллиссер собирался назначить его своим помощником.

— Добрый день, Павел Иванович! — приветствовал резидент Корнеля и по тону его голоса, по выражению лица, Павел понял, что Доктор с утра пребывает в хорошем настроении. — Как самочувствие?

— Спасибо, самочувствие хорошее, — ответил Павел, чувствуя внутреннее облегчение от того, что возможного нагоняя, как это часто бывает при общении с начальством, сегодня не будет.

— Я пригласил вас вот зачем, — сразу перешел к делу Гольденштейн. — Из Центра пришла телеграмма. — Он поднял трубку и набрал номер шифровальщика. — Виктор, принеси телеграмму по А/70!

А потом вновь обратился к Корнелю.

Напомни, что мы писали в Москву по источнику А/70 и его связях.

— Мы сообщали, — не спеша начал Павел, — что консульство посетил бывший чиновник политического отдела полицай-президиума Берлина Эрнст Кур и предложил нам свои услуги. По соображениям конспирации мы присвоили ему номер А/70 и приступили к его изучению. Через источник в полицай-президиума Папаша удалось выяснить, что А/70 действительно являлся в прошлом чиновником пятого контрразведывательного отделения полицай-президиума. Одно время он был доверенным лицом начальника штаба штурмовых отрядов нацистской партии Франца Пфеффера фон Заломона и выполнял его личные поручения. Во время пребывания в командировке в Польше совершил уголовное преступление, находился под следствием, но при содействии нацистов дело было замято. За этот проступок А/70 из полиции уволен. В настоящее время объект с нацистами связи не поддерживает. Ему не доверяют, считая, что он выдавал секреты партии полиции.

— Как объясняет все происшедшее сам А/70? — спросил резидент.

— Он говорит, что произошло для него стечение обстоятельств: арестованный умер в камере сам по себе, но Кур не смог доказать свою невиновность. Выручили нацисты. Сотрудничать он с ними стал, потому, что хотел заработать.

— А как на счет передачи информации в полицию?

— Этот факт он начисто отрицает. Считает, что его оболгали завистники из «Коричневого дома», поскольку он стал пользоваться доверием фон Заломона.

— Ну хорошо, — кивнул Доктор, — пошли дальше!

— В процессе разработки связей А/70, — продолжил Павел, — и освещения деятельности контрразведывательного отделения полицай-президиума, мы установили подходящего объекта в окружении А/70. После предварительной проверки этого объекта…

— Так, что удалось о нем узнать, — прервал Павла резидент.

— Мы сообщили его данные: Вильгельм Леман, возраст 45 лет, проживает по адресу — Кармен-Сильверштрассе, 21 в двухкомнатной квартире, женат, имеет домашний телефон. Источник А/26 сообщил: Леман имеет ранг криминал-ассистента, занимает должность секретаря по картотеке в комнате 67 полицай-президиума. Среди коллег считается работником средних способностей и не особенного прилежания, любит задаваться, считая себя лучше их, но выдвинуться не смог. По месту жительства известен как комиссар криминальной полиции и очень любит, когда его так величают. Товарищи по службе полагают, что он человек без определенных политических взглядов. Мы присвоили ему номер А/201.

— Так, понятно… — резидент задумался.

Дверь кабинета неожиданно отворилась и шифровальщик Маслов вошел в помещение. Все замолчали.

— Принес телеграмму? — спросил его Доктор.

— Так точно… — Маслов, сделав несколько быстрых шагов, оказался между сидевшим за приставным столиком Смирновым и Гольденштейном. Открыв свою известную всей резидентуре черную папку, он достал из нее телеграмму и положил ее на стол перед резидентом. Потом, отступив на шаг в сторону, он застыл в ожидании дальнейших указаний.

— Продолжай, Павел Иванович! — сказал резидент и кивнул Маслову головой, давая понять, что тот свободен. Подождав, пока Маслов вышел, Павел продолжил свой доклад:

— После того, как была получена информация в отношении А/201, мы рекомендовали А/70 попытаться осторожно вовлечь А/201 в работу с нами. В результате последний дал согласие сотрудничать с нами…

— Какие еще материалы передал нам за это время А/70? — опять прервал Павла резидент.

— Летом от него получены подробные данные о структуре полицай-президиума, его политического отдела с указанием фамилий руководителей, а также информация, которую он добыл из бесед с отставными полицейскими Вулем и Шуленбергом. Затем А/70 проводил по нашему заданию установки, представил информацию об организации, которая используется военной контрразведкой для разработки наших учреждений в Берлине.

— Понятно, продолжайте!

— Очень ценно то обстоятельство, что А/201 связан с бывшим чиновником политической полиции Новаковским, который в настоящее время работает на военную контрразведку, с чиновником отдела Ia политической полиции Рау, который занимается выявлением подпольных радиостанций, и

сотрудником военной контрразведки Лизиным. А/201 согласился информировать нас о всех заданиях, которые будут поступать от Рау через Новаковского, что для нас сейчас очень важно.

— С этой почтой мы что-нибудь будем посылать от А/201? — спросил Смирнов, молчаливо сидевший за столом.

— А/201 передал нам копию доклада руководителя компартии Германии, который был направлен во все районные парторганизации объяснил Павел.

— Как он его получил, — сразу насторожился резидент. — Вы выясняли?

— Выясняли, Ефим Соломонович! Со слов А. 201, ему случайно удалось ознакомиться с этим документом, когда папка с перепиской возвращалась от начальника отделения в регистратуру и находилась среди других бумаг, ожидающих отправки в канцелярию отдела. В ближайшее время агент надеется установить источник информации полиции в руководстве местного комитета коммунистической партии.

Павел закончил свой доклад и уставился на своих начальников.

— Не забудьте сразу же проинформировать друзей, и источник А/75, — обратился Гольденштейн к Смирнову, имея ввиду руководство компартии Германии. — А теперь, Павел Иванович, ознакомьтесь с телеграммой из Центра. Дело взято под контроль руководством разведки.

Павел взял протянутый резидентом исписанный мелким аккуратным почерком бланк шифротелеграммы с литером «совершенно секретно», и прочитал:

> *«07. 09. 29 Берлин, тов. Захару. Совершенно секретно.*
>
> *Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Судя по материалам, которые мы получили, источник может развиться в очень ценного агента. Единственное наше опасение это то, что вы забрались в одно из наиболее опасных для нас мест, где при малейшей неосторожности со стороны источников может случиться много бед.*
>
> *Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201.*
>
> *Алексей».*

Оперативный псевдоним «Алексей» принадлежал начальнику Иностранного отдела ОГПУ Трилиссеру.[4]

— Прошу быть внимательным и тщательно готовьте документы в Центр, — сказал Павлу Гольденштейн. — Без согласования с Москвой никаких мероприятий по А. 201 не

проводить! — это уже был приказ.

Немного помолчав и дав тем самым Павлу возможность осознать услышанное, резидент, уже менее строгим голосом, продолжил:

— Вот так, Павел. Тебе надо лично встретиться с А/201 и договориться об условиях связи. Я думаю, что работать с ним нужно через нелегалов. Создадим группу «Бом». Нелегала Бома ты знаешь?

— Ну как же можно не знать Альберта Такке? — усмехнулся Павел.

— Вот и отлично. Твоя задача: встретиться с А/70 и А/201 и объяснить им, что впредь они будут работать так: А/201 добывает материалы и передает их А/70, а тот, в свою очередь, доставляет их Бому. Бом — как решит Центр: или будет передавать нашему связнику, или по своим каналам передаст материалы в Центр. Это общая схема. Тебе нужно продумать все детали и обсудить их с источником. Вопросы ко мне есть?

— Все понятно! — Павел поднялся и вышел из кабинета.

Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан

Дежурный по посольству позвонил Павлу на квартиру в половине восьмого утра и передал указание Смирнова: явиться к девяти часам. Это означало, что Павла хочет видеть новый резидент Николай Самсонов, оперативный псевдоним Семен, заменивший Доктора в ноябре прошлого года.

В служебном кабинете Самсонов был один. Судя по отсутствию дежурной машины на площадке перед зданием диппредставительства, Смирнов куда-то уехал. Павел несколько раз присутствовал на совещаниях, которые Самсонов проводил в резидентуре, мимолетно разговаривал с ним во время летучек у постпреда, но обсуждать с резидентом оперативные вопросы наедине ему еще не приходилось. Он уже наслышался разного о Самсонове от коллег и Смирнова. Резидент представлялся ему человеком во многих отношениях необычным. «Голова в разведывательных делах», — не раз говорил о резиденте Смирнов.

Голова, то голова, но не без странностей. Так Самсонов любил разъезжать по Берлину в ярко голубом автомобиле и забывал менять на нем номера пред встречей с ценными агентами. Павел ожидал услышать от Семена что-то мудреное и даже опасался, сумеет ли быстро ухватить главное из того, что скажет резидент.

Однако Самсонов, статный человек, с умным высоколобым лицом, держался на удивление просто и высказывал вполне понятные мысли. Задание, которое он сегодня решил обсудить, касалось проведения встречи с двумя источниками — А/70 и А/201.

Дело в том, что между нелегалом Бомом и А/70 возникли серьезные трения. Бом, требовательный к себе, подходил с такими же мерками и к источниками, с которыми работал. На этой почве между ним и А/70 стал развиваться конфликт. Эрнсту, этому «свободному художнику» и любителю импровизаций, не нравилось, что Бом часто читал ему нудные нотации. Дело закончилось тем, что Москва отозвала Бома, и вот теперь, в связи с прибытием нового нелегала, Павлу предстояло обсудить с друзьями все технические вопросы сотрудничества. Дело знакомое.

Самсонов заканчивал инструктаж, когда открылась дверь и в кабинет быстро вошел полпред Крестинский,[5] невысокий, подвижный, с типичной для ленинской гвардии внешностью —

очки, усы, бородка. Глава диппредставительства вырос перед Павлом, и тот непроизвольно вскочил:

— З-з-дравствуйте…

— Здравствуйте. Откуда вы? — отрывисто спросил Крестинский вглядываясь в Павла острым, пронзительным взглядом.

— Консул Корнель из группы Смирнова, — поспешил на помощь Павлу Самсонов. — В консульском отделе уже пятый месяц. Самый молодой из нашего коллектива. Толковый сотрудник.

— Толковый сотрудник, — неулыбчиво повторил Крестинский и, повернувшись к Самсонову, быстро заговорил: — Николай Георгиевич, ходят упорные слухи, что нынешнее коалиционное правительство готовится уйти в отставку и у власти будет кабинет Брюннинга.[6] Нынешняя ситуация в наших отношениях с Германией тупиковая… — Самсонов кивнул Павлу головой, давая понять, что тот свободен. Корнель вышел и осторожно прикрыл за собой дверь.

До этого только раз в жизни, в прошлой командировке, Павлу пришлось беседовать и пожимать руку полпреду. Тот был пожилой человек и хотя он старался держаться бодро, руку пожимал вяло. Крестинский, судя по всему, был другим человеком.

Воодушевленный, желая как можно лучше справиться с порученным заданием, Корнель отправился к себе, на ходу обдумывая детали предстоящей операции.

Тихим апрельским вечером, когда лица прохожих смутно угадывались в неярком свете уличных фонарей, Павел, убедившись в отсутствии за собой слежки, прибыл в обусловленное место — небольшое, малолюдное кафе. Кивнув кельнеру, он прошел в угол и сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за входящими посетителями.

Через несколько минут в кафе появился Эрнст Кур в сопровождении немца среднего роста, коренастого, плотного, с тяжелым, разделенным ямочкой подбородком. Увидев Павла, Эрнст улыбнулся, отчего его угрюмое лицо подобрело, и направился со своим спутником к его столу. Павел встал и пожал друзьям руки.

Дождавшись, когда кельнер принес пиво и отошел, Павел стал интересоваться, что нового у друзей произошло за истекшее время. Отвечал Кур, не спеша, обстоятельно, поглядывая на друга, как бы ожидая от него подтверждение своим словам. Леман больше молчал, изредка кивал в знак согласия головой, охотно улыбался. Сидел он в расслабленной позе, положив одну

руку на стол, но когда Павел обратился непосредственно к нему, он сразу подобрался, сосредоточился и начал отвечать коротко, ясно и по существу.

— Недавно у нас в отделении проанализировали советского промышленного шпионажа, — начал он, спокойно глядя Павлу в глаза. — За прошедший год количество случаев шпионажа возросло с трехсот до тысячи. По этой причине руководство отдела приняло решение о создании в составе нашего отделения специальной группы для борьбы с промышленным шпионажем. К работе группа еще не приступила, поскольку пока не могут подобрать подходящих чиновников, — он замолчал и отхлебнул пиво.

— Вчера, криминальрат[7] Шефлер, заместитель начальника отдела Дильса, проводил в нашем отделении совещание. Шефлер потребовал, чтобы чиновники нашего отделения заводили связи в иностранных посольствах для получения сведений на сотрудников, которые занимаются разведывательной деятельностью. Каждый чиновник обязан разрабатывать несколько иностранных представителей из подготовленного списка. Мне поручили разработку советского посольства…

Леман замолчал, ожидая реакции Корнеля, но ото оставался невозмутимым.

— Помимо этого, — продолжил Леман, — мне поручено готовить обобщенные доклады по материалам других чиновников в части, касающейся разработки иностранных представительств.

— Мы сможем получать копии этих документов? — спросил Павел, на этот раз не скрывая своей заинтересованности.

— Надеюсь я смогу их получать, — ответил Леман и улыбнулся.

Павел подумал, что улыбка у него приятная. Выждав некоторое время и, окинув взглядом друзей, медленно, со всей внушительностью, на которую был способен, Павел произнес:

— Наше руководство выражает вам благодарность за то, что вы делаете для нас! Мы надеемся на вас.

Леман кивнул в знак согласия. По выражению его округлого лица чувствовалось, что слова Павла его глубок тронули.

— Я хочу еще обсудить с вами следующее, — обратился Павел к друзьям. — Наше руководство считает, что встречаться вам, — Павел посмотрел на Кура, — лично со мной опасно, поскольку я работаю в официальном советском представительстве и меня многие могут знать в лицо. В ближайшее время познакомлю вас с другим человеком. К нашему посольству он отношения не имеет. Схема связи останется прежней. Следующий раз, Эрнст, встречаемся, как обычно, через неделю.

Они расплатились за пиво и направились к выходу. Кур отлучился в туалет и Леман, посмотрев вокруг и убедившись, что его никто не слышит, подошел к Павлу вплотную и быстро проговорил:

— Мне стало известно, что Эрнст получает у вас какие-то дополнительные деньги и, вообще, довольно часто говорит с вами о деньгах. Поэтому я решил воспользоваться случаем, чтобы сказать: я лично к этим денежным делам не имею никакого отношения и вообще все это не одобряю! Я знаю, что у вас с деньгами не густо.

Подошел Кур, и Леман прекратил разговор. «Интересно, — подумал Павел, — чем это А/201 так обеспокоен?».

Сейчас, сидя на жесткой скамейке трамвая по пути в посольство, Павел уже в который раз мысленно возвращался к деталям прошедшей встречи. «Вполне очевидно, — думал он, — что этот разговор у гардероба возник не случайно. Леман давно ждал подходящего случая. Жаль, что не было возможности сразу во всем разобраться. Теперь придется ждать подходящего момента».

Он не сомневался, что между А/70 и А/201 на почве денег возникли какие-то трения. Павел представил, сколько будет у начальства вопросов, после того, как он обо всем доложит, а потом за них возьмется Центр, «Никуда не денешься, — подумал он, выходя на своей остановке — придется разбираться».

Леман мучительно пытался сосредоточиться: нужно было продумать как провести допрос одного из членов группы Штефена, в ходе которого он, Вилли попытается в завуалированной форме предупредить остальных подпольщиков о возможном провале. Сделать это как обычно, через куратора из нелегальной резидентуры, он уже не успевал. Времени было в обрез, и Вилли решился на авантюрный вариант. А случилось вот что.

Сегодня утром Леман попросился на прием к начальнику отделения Вильгельму Абдту и был быстро принят. Первое, что он увидел, войдя в кабинет, огромный письменный стол, заваленный сообщениями агентурных источников, доверенных лиц, документами из других отделений, сводками постов радиоперехвата, и маленького, полного криминальсекретаря[8] Абдта, едва видневшегося за всей этой горой папок и документов.

— Не желаете ли присесть, мой дорогой? — добродушно улыбаясь спросил шеф. — Что у вас нового?

Леман остался стоять и официальным тоном заявил:

— Господин Абдт! Прошу привлечь меня к расследованиям! Работа на картотеке важная, но она не занимает много времени.

Мне не хотелось бы оставаться в стороне, когда я вижу, как загружены мои коллеги!

Начальник отделения явно удивился. Достав из кармашка монокль, он вставил его в глазницу и строго взглянул на Лемана.

— Ну-ну, мой дорогой, вы, видимо, сегодня не в духе, не так ли? Что за блоха вас укусила?

Он вышел из-за стола, взял Вилли под руку, подвел к креслу, стоявшему у круглого столика в углу кабинета и усадил его. Сам же плюхнулся в другое, стоявшее напротив, достал портсигар и протянул его Леману.

— Ну-ну, сначала давайте покурим, а потом вы расскажете мне о своих идеях, — произнес он.

Они закурили и Леман, разыгрывая волнение, стал высказывать шефу все, что у него «накипело в душе»: он хочет выполнять свой долг и не в состоянии больше злоупотреблять добрым отношением к нему руководства, отсиживаться на картотеке, тогда как другие чиновники перегружены делами по советскому шпионажу. Он просит разрешения тоже подключиться к расследованиям.

Абдт слушал его молча, покачивал головой и откашливался. Он с уважением относился к этому уже не молодому криминльассистенту: толковый, опытный работник, побольше бы таки. Тогда работа политической полиции была бы намного успешнее, исчезли бы коррупция, пьянство и бесполезное время препровождение!

— Ну, мой дорогой! — воскликнул Абдт, хлопнул Вилли по плечу, вскочил и начал энергично мерить шагами кабинет. — Ваша просьба о повышении вашей служебной занятости делает вам честь!

Абдт пробежался из угла в угол кабинета и остановился перед Леманом.

— Посмотрите на это! — он ткнул пальцем в сторону бумаг на своем столе. — Взгляните на вещи моими глазами! Ведь я ежедневно получаю такую кучу документов. И большинство из них не соответствует действительности. Это либо слухи, либо просто ложь! Вы думаете мне не хочется заняться живым делом, вырваться в город, пообщаться с людьми?

Абдт замолчал и какое-то время молча ходил из угла в угол. Потом он направился к столу, уселся за него и официальным тоном произнес:

— Ваша просьба, криминальасистент Леман, о привлечении вас к расследованиям по делам экономического шпионажа мною удовлетворяется. Отдаю вам приказ — приступить к расследованию дела коммунистического профсоюзного лидера

Эриха Штеффена и его группы. Все понятно?

— Так точно, господин Абдт! — Леман вытянулся, а потом повернулся и направился к двери.

— Минуточку, Леман! — остановил его Абдт. — Вы не забыли, что за вами остается советское посольство. Как там идут дела?

— Некоторые успехи уже достигнуты, господин криминальсекретарь, — доложил Леман. К этому вопросу он готовился и доложить ему было о чем. — Мною завербован некий Тукубеков, который, как мы зафиксировали, дважды встречался в городе с советским консулом. Одновременно, к сотрудничеству привлечен другой кандидат, некий Идрисси, который посещал советское представительство. На квартире у них проведены обыски и после очной ставки они сознались, что сотрудничают с русскими. Через этих двух агентов я планирую вести активную разработку советского консула, а также само представительство.

— Хорошо! — одобрительно улыбнулся Абдт. — Держите меня в курсе событий! — он энергично кивнул, давая понять, что Леман свободен.

«А неплохо придумали русские, — размышлял Леман, — теперь можно морочить Абдту голову с этими агентами, а заодно, представлять их, как свои успехи. Надо только умело дозировать правду и ложь. Что касается Абдта, то что бы ни случилось важно его успокаивать, втолковывать, что все идет хорошо».

Да, как быстро все меняется. Не успели сработаться с сотрудником из посольства, как нас передали другому. Признаться честно, не нравился он мне. Уж не из прусских ли он офицеров, похожие повадки. А Эрнст, так тот просто бесился от его постоянных нотаций. Но теперь, кажется, у нас будет очень симпатичный человек. Русские правильно сделали, что прекратили нашу связь с сотрудником посольства. Случай с Тукумбековым и Идрисси это подтвердил. Хорошо, что вовремя приняли меры»…

Но сейчас нужно было немедленно предупредить Штеффена, и Леман помчался по адресу одного из членов группы профсоюзного лидера. Войдя в подъезд он стал стремительно подыматься по лестнице. Жажда, сухость во рту напомнили, что несколько дней назад у него в моче опять был обнаружен сахар. Врач прописал диету, более того, предложил лечь в больницу, чтобы пройти курс лечения. Леман пока отказался. Чувствовал он себя неплохо, строго следовал рекомендациям врача и ложиться в стационар не хотел: нужно было кому-то присматривать за женой, тяжело заболевшей и не способной обходиться без посторонней помощи.

Наконец Вилли нажал кнопку звонка у входной двери. Но уже через несколько секунд обнаружил, что перепутал двери и звонит не в ту квартиру. Он тут же бросился к двери под номером девять и уже не отнимал палец от кнопки звонка.

Дверь долго не открывали. Наконец в коридоре зажегся свет, послышались легкие шаги, щелкнул в замке ключ и дверь слегка приоткрылась.

— Что… что вам нужно? — дрожащим от страха голосом спросила невысокая красивая женщина, одетая в длинный халат.

— Полиция, — нетерпеливо ответил Леман, распахнул дверь и буквально ворвался в квартиру. «Чертовски красивая женщина, — мелькнуло у него в голове, — неужели она тоже занимается шпионажем».

— Мы арестовали Карла Динстбаха, — сразу взял он быка за рога. Услышав это, женщина побледнела. — Где ваш муж? Я намерен произвести у вас обыск!

— Не знаю, с утра ушел куда-то по своим делам, ответила она, настороженно посматривая на Вилли. «Значит я на верном пути, — подумал он. — Главное, чтобы они успели принять меры».

— Теперь Леман решил изменить тактику. Он вежливо попросил, ее сесть, предложил сигарету, галантно поднес огонь. Она поблагодарили, жадно затянулась и длинной струей выпустила дым. Обстановка в комнате несколько разрядилась и Вилли решил этим воспользоваться. Он начал говорить и постепенно развел такую болтовню, какую просто никак нельзя было ожидать от этого сурового с виду полицейского. Он перескакивал с одного на другое, валил все в одну кучу: о группе Штеффена, кто из нее арестован, кто предал, кто разыскивается и кого скоро задержат. Как бы между прочим он называл псевдонимы некоторых подпольщиков. Он говорил и говорил, мороча ей голову и наконец стал иссякать.

— Как видите, госпожа, мы знаем уже много, даже очень много. Не желаете ли вы ответить на парочку вопросов?

— Вы от меня ничего не узнаете, я не скажу ни слова, ни полслова — твердо заявила женщина. — Вы что же, думаете, я предательница?

— Ни в коей мере, — заявил Вилли. «Что ж, — подумал он, — я все сказал. Думаю, она сделает правильные выводы».

Немного помолчав, не сводя с женщины пристального взгляда, Вилли медленно и многозначительно произнес:

— Да, нужно отдать должное вашему мужу: у него есть вкус, даже чертовски хороший вкус! Вилли улыбнулся, а затем со значением добавил:

— Жаль только, что ваш муж, Стефан, кажется, довольно неосторожный человек. Мы могли бы арестовать его, когда он выносит документы. Да, да, когда выносит много документов. Конечно, это неприятная история…

— Вы лжете! — перебила его женщина. Она вскочила. Лицо ее сделалось белым как мел.

— К чему такое обвинение, госпожа? С чего это мне обманывать вас? — ответил Леман, искренне недоумевая. — Честно говоря, мне больно за вас.

Мне кажется, что люди, окружающие вас, не ценят вашу красоту, ум и тонкое воспитание! До свидания, госпожа! Сожалею, что не застал вашего мужа. У меня к нему тоже были вопросы.

В глазах женщины страх сменялся недоумением: что еще может выкинуть этот странный полицейский? Вилли молча надел шляпу и вышел из квартиры.

Реакция, на которую рассчитывал Леман последовала, причем гораздо быстрее, чем он ожидал. Как только о его визите стало известно в посольской резидентуре, ее новый руководитель Борис Берман,[9] оперативный псевдоним Артем, сменивший на этом посту Самсонова, не на шутку встревожился. Не имея возможности напрямую давать указания нелегалам, опасаясь возможного провала ценного агента в полицай-президиуме, он срочно направил начальнику Иностранного отдела Мессингу[10] послание с просьбой «вправить мозги» товарищам, как в переписке именовались нелегалы.

Лубянка ставит на Лемана

Немецкое направление Иностранного отдела ответа на запросы в нелегальную группу № 2 — «Генрих» пока не получало. Секретарь закордонной части Янишевский, быстро шагая по коридору, бросил на ходу, что для сотрудников немецкого направления у них, пока ничего нет, и, словно извиняясь за свое невнимание к ним, добавил, что если что-то поступит — он сразу зайдет.

Чай секретарша пообещала нагреть минут через пятнадцать. Карл Силли,[11] новый куратор по Германии, невысокий смуглый венгр, открыл свой кабинет, зажег свет, снял пальто и кепку, и принялся раскладывать на столе документы из своего брезентового мешка. За время работы в органах, особенно в период борьбы с бандитизмом, ему приходилось располагаться на время работы не только в случайных, чужих кабинетах, но и во всяких каморках, по сравнению с которыми это просторное, чистое, проветренное помещение на Лубянке представлялось чуть ли не дворцом. Особенно ему нравился большой, оббитый зеленым сукном стол. Сослуживцы, занятые своими делами, отсутствовали.

Прежде всего он просмотрел собранные подчиненными в папку документы по ряду наиболее ценных источников в Берлине, с особым вниманием последние, поступившие с недавней почтой во время его кратковременного отъезда. Прочитав сообщения из группы нелегалов о работе со своими агентами, Силли не без иронии улыбнулся: чего-чего, а сырых идей от ребят поступает предостаточно.

Помощник, приготовив в углу на столике чайные принадлежности, направился к секретарше за кипятком, а Силли взялся набрасывать ориентировку о новых методах работы немецкой полиции, но дверь кабинета распахнулась и на пороге появился Мессинг, высокий, представительный мужчина, одетый в военную форму без знаков различия.

— Здравствуйте, — поздоровался Силли и неторопливо поднялся.

— Живой? — проведя рукой по густой шевелюре, басовитым голосом спросил Мессинг.

— Как видите, — усмехнулся Силли.

— Садись… Неплохо устроился, — оглядывая кабинет, заметил Мессинг. — Чаи гоняешь… От начальства сел подальше!

Он шутил, но его широкоскулое лицо сохраняло властное, суровое выражение.

Силли еще недостаточно хорошо знал начальника отдела, тем не менее, почувствовал, что за его шутливостью скрывается недовольство. Знать бы чем!

— Ну, что нового в Германии, — спросил он не глядя на Карла, а устремив свой взор в окно.

— Нацисты продолжают укреплять свои позиции. Участие Гитлера в правительстве не исключено уже в ближайшее время.

— Но немецкие военные, особенно в окружении генерала Шлейхера, убеждают нас, что национал-социалисты ничего не смогут сделать помимо рейхсвера и вопреки рейхсверу, что в случае их участия в правительстве, они все равно не будут хозяевами! — уверенным тоном возразил Мессинг. И как бы желая подкрепить свою позицию, добавил: — Товарищ Сталин придерживается такого же мнения.

Положение в СССР не переставало ухудшаться, и надежда, что Сталин, осознав результаты своих перегибов, положит этому конец, понемногу исчезала. В партии царили опасные настроения. Возникали платформы, требующие отстранения Сталина, и всюду — на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, на улицах — ощущалось тревожное ожидание: что-то вот-вот случится в партии или стране. Люди надеялись на чудо, но власть Сталина над партийным аппаратом и над страной в целом была намного прочнее, чем это многим казалось. Мессинг это прекрасно понимал, поэтому не упускал случая лишний раз подстраховаться.

— Может и так, — не стал возражать Силли. — Но вот послушайте, что пишет из Германии Гиршфельд,[12]!

Силли быстро извлек из папки листок и протянул начальнику ИНО.

«Сейчас сравнительно мало уделяется внимания, — стал читать Мессинг, — внешнеполитическим воззрениям национал-социалистов, которые указывает на направление внешней политики Германии ближайшего будущего. Официально внешнеполитическая линия нацистов рисуется как антифранцузская и антипольская с ориентацией на Англию и Италию. Однако целый ряд фактов показывает, что генеральной линией является борьба с Советским Союзом.

— Оригинальная позиция, — заинтересовался Мессинг, — проследи, если сможешь, за дальнейшими сообщениями этого парня. Теперь вот, что, зачем я собственно пришел. Ты последнюю почту из Берлина читал?

— До нас пока еще не дошла, — улыбнулся Силли.

— Тогда прочти вот это! — он протянул телеграмму Бермана.

20. 05. 30 г. Дорогой товарищ Алексеев!

Фриче завтра выезжает. Последний допрос показал, что он большой трус и дурак… Протокол допроса посылаем почтой. Прочитав протокол, ты увидишь, что А/201 ведет себя просто безобразно. Но это еще полбеды. Вчера он был с обыском у жены Стефана и рассказал ей буквально все подробности дела. Рассказал, кто арестован, кто предал, кто разыскивается. Жена Стефана тут же прибежала к нам и чуть ли не прямо заявила, что этот полицейский «наш». Здесь я не раз уже обращал внимание «товарищей» на то, что если А/201 так будет действовать, то он неизбежно провалится. Вся беда в том, что его плохо инструктируют и считаю, что по этому вопросу вы должны дать «товарищам» соответствующие инструкции.

Твой Артем.

Пока Силли читал, Месинг нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице.

— Ну что скажешь? — спросил он, когда Силли познакомился с текстом.

— Что ж, Берман прав, вероятно, плохо работают с агентом.

Карл вспомнил Бермана — высокого, стройного, моложавого мужчину, любимца женщин, большого умницу.

— Какой там плохо! Отвратительно! — Мессинг поднялся и стал мерить шагами кабинет. — У нелегалов нет опытных оперативников. Для работы с таким агентом нужен профессионал. Что будем делать? У тебя есть предложения? — он сразу перешел к практическому решению вопроса.

— Предложения дадим, но может выпьем сначала чаю?

— Давай!

Мессинг остановился перед Силли и рассматривал его с высоты своего роста. Силли взял чайник, и разлил горячий напиток по чашкам. Все это он проделал абсолютно невозмутимо, словно перед ним стоял не большой начальник, а его приятель, с которым он обсуждал очередную проблему.

— Недавно пришло письмо от Джека, руководителя нелегальной группы № 2, — как всегда неторопливо начал Силли. — Он спрашивает, как быть с материалами от А/201; передавать их Берману и реализовывать на месте, или направлять нам. Его беспокоит, что если Берман будет предупреждать коммунистов, которыми по данным А/201 занимается полиция, то рано или поздно в полицай-президиуме могут пронюхать, что КПГ очень много знает из того, что ей не следовало бы знать!

— Что вы решили?

— Мы написали, что разделяем это беспокойство и предложили Берману реализовывать материалы крайне осторожно. В каждом случае исходить из возможности расшифровки источника.

Мессинг сидел молча, потирая ладонью широкий затылок, что он делал в минуты волнения или напряженной умственной работы. Потом взял письмо Джека и тоже внимательно его прочитал.

— Мы ведь давали указание ограничить активность Стефана, а он по прежнему продолжает носить материалы, — возмутился он. — Смотри, уже А/201 их тыкает носом, а он все носит материалы. Напиши, пусть немедленно выводят Дейча из Германии! Безобразие!

Потом он неожиданно переменил тему.

— Кстати, а по какой тематике А/201 приносит документы?

Силли достал нужную папку и раскрыл ее.

— Вот перечень некоторых литерных дел, к которым он имеет доступ.

Мессинг стал читать: «Дело № 7 — русский шпионаж; дело № 97 — загранпаспорта для немцев русского происхождения; дело № 138 — компартия Германии и измена родине; дело № 151 — экономический шпионаж; дело № 165 — советское представительство в Германии; дело № 168 — школа шпионажа в Минске; дело № 135 — новое направление иностранного шпионажа; дело № 143 — украинцы; дело № 162 — следственные дела по шпионажу.

— Объем материалов, видимо, большой, заметил Мессинг.

Когда Силли показал ему железный шкаф, несколько полок которого уже были заполнены материалами, полученными от источника, начальник ИНО лишь покачал головой.

— Еще раз напомни Берлину: все задания А/201 ставить только через Центр, не допускать никакой, самодеятельности. Так кого пошлем работать с агентом? Клесмет явно не справляется со своей задачей.

— Подходящий человек есть, товарищ начальник, но он сейчас в Париже.

— Кто это? — заинтересовался Мессинг.

— Зарубин Василий Михайлович. В органах с 1921 года, был в Харбине. На нелегальной работе вместе с женой Лизой с 1925 года. В Париже у них дела идут хорошо. Правда, в личном плане есть проблема.

— Какая?

— Жена беременна и скоро должна рожать.

— Да, это действительно проблема. Оставьте их в Париже, пока не родит. Но вообще подумай! Боюсь, чтобы в Берлине не наломали дров. Мессинг поднялся, допил чай и, не прощаясь, быстро вышел из кабинета.

«Теперь можно пойти перекусить», — подумал Силли. Попросив помощника побыть в кабинете, он по узкой внутренней лестнице направился во двор, где в одном из подвалов был оборудован буфет для сотрудников…

Павел Корнель не ошибался, когда предполагал, что трения во взаимоотношениях источников А/70 и А/201 вызовут большое беспокойство у руководства. Время шло, а внести ясность в сложившееся положение никак не удавалось, и это несмотря на неоднократные напоминания Центра.

К началу года друзья наконец были переданы на связь новому нелегалу Николаю Клесмету, оперативный псевдоним Карл, которому и предстояло безотлагательно решать эту проблему. Теперь их группу в переписке именовали «Генрих».

Еще раз обкатав проблему, пришли к выводу, что Клесмету следует организовать с агентами совместную выпивку, в ходе которой, крепко угостив друзей, разведчику нужно осторожно подтолкнуть их к откровенному разговору.

Предлог для такой встречи вскоре подвернулся: день рождения А/201. Клесмет предложил встретиться втроем в ночном кафе и в узком кругу по мужски провести чествование. Друзья охотно согласились.

Когда Клесмет появился в небольшом прохладном зале заведения, за столиком по-праздничному уставленному едой и выпивкой, сидели Леман и уже заметно подвыпивший Кур. Вилли, как именинник чинно помещался во главе стола. Когда Клесмет подошел, Эрнст что-то занудно толковал, как невесело и трудно ему жилось в последний год. Он так, увлекся, что не сразу сообразил, что рядом с ним уже сидит их куратор. К ним сразу подошла молоденькая симпатичная кельнерша. Выяснив, что заказ уже сделан и ничего другого клиенты пока не желают, она приветливо улыбнулась и отошла.

Вилли налил водки в рюмки Клесмету и Эрнсту, себе плеснул немного, вскользь заметив, что он не совсем здоров, и предложил выпить.

— За здоровье нашего друга! — поднял рюмку Клесмет.

Все выпили и принялись закусывать. Николай проголодался, но чувствуя себя несколько стесненно в присутствии агентов, ел маленькими кусочками, медленно и осторожно, не забывая посматривать вокруг. Эрнст выпил, толком закусывать не стал, а сразу же закурил и опять принялся рассказывать что-то о своей

жизни. Вилли, с аппетитом уминая мясо с гарниром, слушал его не перебивая, но и без особого сочувствия: он уже не раз внимал жалобам Эрнста и ему, видимо, хотелось поговорить о чем-то другом.

Разговор преимущественно велся между Вилли и Клесметом — спокойный, обстоятельный и касался служебных дел Вилли. Потом речь зашла о Лейпциге, где родился Леман, и Эрнст, решив вмешаться в их беседу, брякнул невпопад что-то такое, отчего всегда невозмутимый Вилли вдруг вспыхнул и сердито заговорил:

— Ты, Эрнст, говори, да не заговаривайся! — воскликнул он. — Любишь ты трепаться!

Эрнст, ошарашенный столь внезапным оборотом до того спокойного и дружелюбного разговора, приложил руку к груди и растерянно замолчал. Все на секунды притихли, но тут находчиво вмешался Клесмет.

— Давайте выпьем за Лейпциг, — весело предложил он, доливая всем в рюмки, — и за Берлин тоже!

Вилли, все еще хмурый после вспышки, поднял рюмку и, неожиданно широко улыбнувшись, залпом опрокинул ее в рот.

— Все хочу вас спросить, — обратился Клесмет к Вилли, воспользовавшись благоприятной минутой, — как вы оказались на службе в полиции?

— Как я оказался в полиции, — переспросил Вилли и опять улыбнулся, — да вот благодаря ему! — Он кивнул на уже изрядно захмелевшего Эрнста, — Он, можно сказать, мой крестный отец!

— Как так? — удивился Клесмет

— Случилось все в 1913 году, — начал Вилли свой рассказ. В тот год он, военный моряк демобилизовался и приехал в Берлин. Он поселился в дешевом пансионате и стал посещать собрания «Союза африканцев», участников колониальных войн к Африке! Крейсер на котором служил Леман, поддерживал операции сухопутных войск.

На одном из собраний Вилли повстречался с Эрнстом. Тот уже был чиновником тайной политической полиции, но Вилли в начале этого не знал.

Друзья стали посещать кабаки, благо у Вилли было немного скопленных денег. Эрнст, присматривался к нему, а когда решил, что Леман для полиции подходит, замолвил за него слово перед руководством.

Вскоре Леману сделали официальное предложение, но предупредили, что в качестве испытательного срока он должен год прослужить простым патрульным полицейским. Вилли согласился.

В 1914 году, после успешного прохождения испытательного

срока, Леман, как бывший военный моряк, был переведен в контрразведывательное отделение /абвер/ полицай-президиума Берлина на должность помощника начальника канцелярии.

Вскоре началась война. В отделении подобралась группа чиновников, бывших военных, которые работали самостоятельно и занимались широким кругом вопросов.

В мае 1918 года в Берлине было открыто дипломатическое представительство РСФСР и чиновники из отделения Лемана стали вести наблюдение за его персоналом. В полиции знали, что в Верховном командовании германских вооруженных сил считали: сохранение власти большевиков в России равносильно отсутствию Восточного фронта. Поэтому особого рвения в отношении русских чиновники не проявляли.

4 ноября 1918 года вспыхнуло восстание в Киле. Началась революция…

Эрнст потихоньку выпивал, а Клесмет с Вилли так увлеклись беседой, что ничего не замечали вокруг. Между тем, зал заполнился, стало шумно, в воздухе повисло плотное облако табачного дыма.

— Продолжайте, Вилли, это все очень интересно, — подбадривал собеседника Клесмет.

— Всеобщая эйфория захватила и берлинскую полицию, — рассказывал дальше Леман. — Стихийно образовался Комитет чиновников полиции. Меня избрали председателем общего собрания. Мне тогда казалось, что сбылась мечта моей юности: простой моряк, обличенный доверием своих товарищей, становится лидером в борьбе за справедливость. На всю жизнь запомнил я чувства, которые переживал в тот момент!

Волю и порядок в лагере социал-демократов воплощал Густав Носке, позже назначенный военным министром. У Лемана были знакомые из его команды, с которыми он сотрудничал во время войны.

Вилли, как бывшему военному моряку, поручили заняться флотскими. Он легче, чем кто-либо другой, мог разобраться в личном составе и делах экипажей и судовых команд. За двенадцать лет службы на флоте он основательно изучил «морских волков». Стоило ему только раз с кем-нибудь побеседовать, как он сразу мог определить, что это за человек. Тогда же у него завязалась дружба с моряком Отто Штройбелем, председателем Совета солдатских и матросских депутатов, с которым раньше они плавали на одном корабле.

В этот момент Вилли с Эрнстом получили важное задание: наладить связь со штабом гвардейской кавалерийско-стрелковой дивизии. 13 января 1919 года они доставили в штаб дивизии

исторический приказ Носке: дивизия должна отрезать юг Берлина от северных рабочих кварталов, занять улицы в районе Шпрее, рейхстага, окружной железной дороги и Потсдамской площади.

Спустя двое суток в предрассветных сумерках походные колонны дивизии пришли в движение. Стратегические пункты были заняты ими без малейшего сопротивления.

Тогда пришло время добровольческих отрядов. Ненависть, накопившаяся в сердцах немцев, верных старым порядкам, обрушилась на безоружных противников. Карательные отряды добровольцев прочесывали дом за домом и беспощадно расстреливали любого, кого принимали за коммуниста. Спустя некоторое время обстановка в столице вновь накалилась. Берлинский Совет, под давлением рабочих, объявил всеобщую забастовку. В ответ Носке ввел в городе осадное положение. На улицах начались столкновения рабочих с морскими бригадами, которые переросли в вооруженное восстание. Пришлось вновь обращаться за помощью к регулярным войскам.

Леман и Кур вновь выполняли задания по поддержанию связи между правительством и частями первой гвардейской дивизии. Обстановка в Берлине сложилась крайне опасная и им приходилось проявлять смелость и ловкость, пробираясь под огнем из одной части города в другую, собирая попутно необходимую информацию. Опасность еще больше их сблизила.

В апреле 1920 года власти приняли решение о воссоздании политической полиции и Леман с Куром вернулись в свое контрразведывательное отделение.

Пора было подводить итоги прошедшей жизни. Надежды, которые Вилли связывал с социал-демократами, не оправдались. Он испытывая глубокое разочарование от того, сколько сил и энергии, наконец здоровья, были потрачены впустую. В полицию пришли новые люди, и кому из них было дело до заслуг друзей в революцию! Всю команду Носке разогнали.

Леман вернулся на прежнюю должность. Для дальнейшего продвижения по службе ему необходимо было сдать экзамен на среднюю ступень полицейского чиновника. Для этого обычно подбиралась группа, которая в течение двух лет упорно готовилась к экзамену на высшего криминального служащего /комиссара/, а также осваивала значительное количество общеобразовательных предметов.

Такая группа подобралась и у них в отделе. Вилли энергично взялся за учебу, но незадолго до экзамена он впервые слег с приступом сахарного диабета. Тут уже было не до экзамена, нужно было лечиться, слишком серьезной оказалась болезнь. Вот когда пришлось расплачиваться за бурную молодость!

Из-за болезни он не сдал экзамена и не получил более высокого ранга. Остался криминальассистентом.

Руководство полицай-президиума, в частности, правительственный советник Герке, да и сам Дильс сочувственно отнеслись к нему.

Отдавая должное его опыту и организаторским способностям, его временно назначили исполняющим обязанности начальника канцелярии отделения.

В это время вся переписка контрразведывательного отделения проходила через его руки. Он распределял дела между чиновниками, о результатах проделанной работы часто докладывал непосредственно советнику Герке, проводил еженедельные совещания с младшими чиновниками, сам вел особо важные досье, контролировал работу других чиновников. Иногда, по важным делам, связанными со шпионажем, он выезжал в командировки в другие города, а также ежегодно участвовал в организации наблюдения за иностранными военными атташе во время маневров. По существу он руководил контрразведывательным отделением в полном объеме.

В первые годы службы в политической полиции, необычность ее деятельности, присутствие опасности, риска, ощущение своей власти над людьми — все это вызывало у него большую увлеченность работой. Однако, постепенно Леман понял, что полиция, как: флот и армия, является бюрократической системой, что здесь тоже процветает карьеризм, скрытая борьба между чиновниками за благосклонность начальства, за должности. Всей своей предшествующей флотской жизнью он был приучен к тому, что карьера должна делаться добросовестной службой, проявлением инициативы и смелости, но отнюдь не угодничеством перед начальством и «расталкиванием локтями» сослуживцев.

— Принимая участие в вооруженной борьбе в Берлине, — говорил Вилли, — я думал, что рискую жизнью во имя будущего страны и себя тоже. Однако, социал-демократическая верхушка использовала таких, как я, лишь в качестве средства для достижения своих целей. Потом нас выбросили на улицу. Общее разочарование социал-демократами усиливалось чувством безысходности в связи с экономическим хаосом в стране, инфляцией и массовой безработицей. Ко всему этому добавились личные проблемы: неудача с экзаменом, заболевание диабетом, напряженные отношения с женой, которая не только меня не поддерживала морально, но постоянными придирками и упреками по поводу малых заработков, что у нас нет детей, лишь усиливала угнетающие меня чувства.

Вилли задумался и замолчал. Видимо, воспоминания его глубоко взволновали. Молчал и Клесмет. Наконец Леман поднял голову и продолжил:

— Состояние мое было ужасное, хоть стреляйся. Но как-то утром, рано проснувшись, я подумал — а почему я уперся в эту службу? Жизнь показывает, что не она должна быть целью, а мое здоровье и отдых. А работа в полиции должна помочь мне достигнуть эти цели.

Леман быстро установил контакт с одним частным детективом и за плату стал предоставлять ему необходимую информацию. Правда, первый блин вышел комом. Из-за неосторожности детектива в полиции узнали об их отношениях, но начальство дело замяло. Вилли понял, что впредь надо быть более осторожным.

Постепенно утряслись дела и на семейном фронте. С помощью Эрнста, Вилли познакомился с девушкой, которая вскоре стала его любовницей. Она была значительно моложе его по возрасту, хороша собой и полна той женственности, которая так привлекает мужчин. Флорентина Ливорская, так ее зовут, росла без родителей, сиротой, к Вилли привязалась, была нежной и преданной подругой, буквально его обожающей.

На службе дела шли своим чередом. В отделении контрразведки, зная о широком военно-техническом сотрудничестве между рейхсвером и советскими военными и сквозь пальцы смотрели на деятельность советской резидентуры в Берлине. Случаи шпионажа, раскрытые 5 отделением отдела Ia полицай-президиума не подвергались строгому судебному разбирательству. Обычно суд выносил мягкие приговоры, сводившиеся к нескольким месяцам тюремного заключения даже в отношении очень серьезных преступлений.

В 1927 году начальником отделения назначили Вильгельма Абдта, опытного военного разведчика, хорошо знающего русский и польский языки. Его заместителем стал криминальсекретарь Шлаф. После этих назначений Вилли понял, что перспектив роста по службе у него не будет. Поэтому он выбрал себе спокойное место в картотеке и там работает по настоящее время. Леман закончил свой рассказ, когда ночь уже была на исходе. Кафе закрывалось, последние посетители спешили покинуть помещение. Пора было уходить и им. На улице было тихо. Редкие автомашины высвечивали фарами одиноких прохожих.

Клесмет не раз потом вспоминал, как закончился тот памятный вечер. Помнится, он предложил пройтись пешком, чтобы освежиться, и они с Леманом, тихо беседуя, не торопясь, шли впереди, в то время, как Кур, в состоянии сильного

опьянения, буквально волочился за ними в шагах пятидесяти.

— Вилли, хотелось бы услышать от вас, как вы пришли к мысли работать с нами? — спросил Клесмет.

— Как это выразиться точно, — Леман на минуту задумался.

— Понимаете, существует ряд запретов, которые должны были бы удержать меня от этого шага: честь, верность долгу, патриотизм и тому подобное…

Но я разочаровался в нашей полиции. Мне было стыдно как вели себя наши политики, такие как прежний военный министр Носке или нынешний начальник нашего отдела Дильс, пьяница и бабник. Поступки этих людей развязали мне руки.

Он на минуту замолчал, пережидая пока проедет автомобиль, а затем продолжил: Я также убедился, что политическая полиция коррумпирована в прямом и переносном смысле слова. Я видел, что она делает для защиты власти богачей, безжалостно преследуя коммунистов и не трогая национал-социалистов. Я уж не говорю о том, что каждый чиновник не упустит возможности воспользоваться своим положением, чтобы обогатиться. — В этой полиции я не видел для себя перспективы продвижения по службе.

Конечно, он мог бы рассказать, что был лучше, чем кто-либо, осведомлен о деятельности советского диппредставительства, что ему не все нравится, точнее нравилось. И тем не менее, он как и многие немцы, всегда симпатизировал новой России и поэтому считал, что если сможет предотвратить аресты сотрудников советской разведки или немецких коммунистов, то не принесет Германии никакого вреда.

Он понимал, что Клесмету было бы, наверное, приятно от него услышать, что он пошел на этот шаг из-за возмущения порядками в стране или из-за недовольства руководством полицией, или из любви к Советам. Но он рискнул исключительно ради денег. Да, денег! Потому, что понял, что только деньги позволяют быть независимым, вести достойное человеческое существование, не отказывая себе ни в чем.

Его любовь к Флорентине формировалась нелегко и сопровождалась внутренними конфликтами. Неурядицы с Маргарет, одиночество, отсутствие теплоты и понимания в отношениях с женой, все это способствовало сближению с девушкой и подтверждало его вывод о возможности сохранить их отношения лишь при наличии денег. На триста марок месячной зарплаты в полиции ничего толкового не сделаешь.

Все это он мог сказать, но промолчал и закончил свою мысль так: Я всегда хорошо относился к вашей стране. За то, что вы делаете для меня, я вам благо дарен. Мне кажется, что вы и люди,

с которыми я работал раньше, испытывают ко мне по-настоящему теплые и дружеские чувства. И я чувствую себя в долгу перед вами. Не знаю, сумел ли я ответить на ваш вопрос?

— Спасибо, Вилли, за откровений ответ. Но у меня еще есть вопрос. Вы не подумайте, что я имею что-то против Эрнста, я понимаю он ваш друг и сослуживец. Но я хочу понять, как вы лично оцениваете нынешнее положение вещей в нашей работе в связи с тем, что Эрнст, как я убедился, ведет себя недостаточно конспиративно?

— Леман задумчиво покачал головой. Казалось, что он не знает с чего начать.

— Вы коснулись очень чувствительной для меня темы, — прервал он паузу. — Извольте. Расскажу все по порядку. После революции Эрнст был командирован в Верхнюю Силезию, кого-то там арестовал, при аресте конфисковал пятнадцать тысяч марок. Арестованный вскоре умер при невыясненных обстоятельствах, а деньги Эрнст утаил. Этот случай получил огласку, Эрнста обвинили в убийстве и судили. Выручили его нацисты.

Из дальнейшего рассказа Лемана выяснилось, что уже после того, как Кур разошелся с женой, Каролина пришла к Вилли и рассказала, что Эрнст хранит дома целую кипу служебных дел. Леман пытался убедить ее что это, видимо, старые дела, но она не успокаивалась и грозила заявить в полицию. Он поговорил об этом с Эрнстом, попросил его уничтожить бумаги. Тот обещал от них избавиться, но ничего не сделал. Кончилось все тем, что Каролина написала заявление в полицию, на квартире произвели обыск, обнаружили злополучные папки с весьма важными документами и опять на Эрнста завели дело. Однако за его старые заслуги руководство полиции не дало делу ход.

После этого случая все знакомые от Эрнста отвернулись. Лишь один Леман, рискуя нажить неприятности, продолжал его поддерживать.

Как-то в начале 1929 года у Вилли появилась мысль — а что, если направить Эрнста в советское посольство? Он может предложить за плату свои услуги. Опасности для него никакой, ведь он безработный. Без Лемана он все равно ничего бы не смог делать, а если начнут платить, деньги можно делить пополам. Если поймают обоих, скажу, что посылал его с заданием в рамках разработки персонала советского постпредства.

Он только изложил идею Эрнсту и указал, к кому ему следует обратиться в посольстве. Всех деталей не рассказывал, хотел посмотреть, что из этой затеи получится. Через некоторое время Эрнст начал расспрашивать меня о разных делах, просил навести справки на отдельных лиц. Вилли понял, что он договорился с

русскими. Дальше, больше. Эрнст стал постепенно втягивать Лемана в сотрудничество и наконец сделал официальное предложение, как Вилли понял, по поручению русских. Вилли согласился и они начали работать вместе.

Леман еще раз подчеркнул, что знакомство с Эрнстом представляет сейчас для него опасность. Если сослуживцы увидят их вместе, на работе у него могут быть неприятности.

— Но я понял, что вас беспокоит поведение Эрнста? Что конкретно? — уточнил Клесмет.

— Вы правы. Когда у него появляются деньги, он становится легкомысленным, обо всем забывает и знает только одно — веселиться!

— Как он тратит деньги, которые получает от нас?

— В те дни, когда у него есть деньги, он часто на всю ночь устраивает в каком-нибудь кабаке пьянку, угощает женщин, музыкантов, кельнеров, изображая из себя миллионера. Кроме того, он взял за правило в двух-трех пивных Веддинга и Нейкельна, вы знаете, это коммунистические районы Берлина, сидеть целыми днями с безработными и вести с ними разговоры о текущей политике. Если денег нет, он одалживает их у владельцев пивных. Этого «богатого дядю» уже многие знают. В каждом кафе он заводит разговоры с кельнерами. Два раза встретиться в одном и том же кафе уже нельзя — кельнеры сразу вас узнают. Я уже много раз говорил ему, что надо бросить эту дурную привычку!

— Это все его грехи?

— Нет не все. Меня беспокоит, что те материалы, которые я передаю для вас, а также мои записки, по которым Эрнст пишет донесения, он носит постоянно с собой. Я не знаю как уничтожаются те записи, которые вам не передаются. Может они хранятся у него в кармане длительное время? Понимаете, достаточно обнаружить у него хоть одну мою записку, как сразу можно установить, кто ее писал: облава, драка или несчастный случай, и дело готово!

Взволнованный, Вилли замолчал. Но Клесмет чувствовал, что он еще не выговорился. И он не ошибся. Вилли рассказал, что беспокойство вызывает Каролина, первая жена Эрнста. Если она узнает, что Эрнст имеет квартиру, обстановку и, следовательно, деньги — она немедленно подаст в суд на алименты, которые он должен ей платить после развода. В настоящее время он сошелся с женщиной, которая пытается держать его в руках. Если бы не она, Эрнст совсем бы спился. За то, что они живут вне брака, Эрнст уже заплатил сотню марок штрафа.

Такой он человек: нет денег — хороший парень, есть деньги

— пьяница. Вот и сегодня набрался! — Вилли с жалостью посмотрел на бредущего поодаль Эрнста.

Клесмет подумал, как это жизнь Эрнста никому не бросилась в глаза из его старых знакомых? Был безработным и вдруг все изменилось! Любой догадается, что так жить с заработка его жены, медсестры, которая получает сто пятьдесят — сто восемьдесят марок, невозможно. Одна квартира ему обходится в сотню марок ежемесячно!

Клесмет остановился, повернулся к Леману и требовательно взглянул ему в глаза.

— Я предлагаю вам очень серьезно поговорить с Эрнстом, пригрозите ему, что откажитесь с ним работать!

— Да, я приму все меры, чтобы он образумился, — согласился Леман. — Пока прошу никаких мер против него не предпринимать. Все-таки он хороший работник и друг! Трудно ожидать, что он сразу исправится, но я постараюсь.

— А как у вас дела со здоровьем? — поинтересовался Клесмет.

— Болезнь меня по прежнему беспокоит. Сейчас сахара в крови меньше, но нужно продолжать лечение. Стоит оно сто марок в месяц.

— Можете не беспокоиться, все затраты на лечение мы вам компенсируем, — успокоил его Клесмет.

Стало светать. Было тихо и свежо. Друзья сели в такси, а Клесмет решил пройтись. «Да, дела — думал он, размеренно шагая по тротуару, — Предстоит перевоспитывать старого алкоголика. Его образ жизни может привести к провалу и нужно срочно предпринимать какие-то меры, чтобы исправить положение. На работе у Лемана обстановка осложняется».

Он вспомнил, что несколько дней назад у него уже было столкновение с Куром, когда тот позвонил по телефону и спросил, как будет по-немецки «черные вороны» и «пролетарий, будь начеку». При встрече Клесмет выдал ему по первое число! Это его слабость — показывать, что он немного знает русский.

«Может попробовать давать ему на руки только часть денег, — прикидывал Клесмет, — а остальные класть на его счет в Швейцарии? Да, теперь многое прояснилось и с самим Леманом. Ясно, что он направил к нам Кура. По сути, Вилли парень порядочный, верный дружбе и своему слову. В политическом плане с ним нужно поработать, толк будет. Это не Эрнст. Кстати, надо подумать, как лучше отвести Эрнста от Вилли».

За размышлениями Клесмет не заметил, как добрался до дома. После напряженной ночи на плечи свалилась тяжелая

ноша.

Не прошло и двух недель после той памятной для всех ночной встречи в кафе, как Кур в сильном волнении разыскал Клесмета: Вилли слег с сильным обострением диабета.

Не мешкая, вечером того же дня нелегал отправился на такси на квартиру к агенту.

«Кажется, я почти на месте, — подумал Клесмет, заметив приближение нужного ему номера дома. Он расплатился с таксистом и вышел, решив оставшуюся часть пути пройти пешком с тем, чтобы осмотреться и изучить обстановку вокруг.

Однако было все спокойно и, не заметив ничего подозрительного, Клесмет вошел в подъезд и стал подыматься по лестнице.

«Хорошо бы не встретить никого из соседей», — подумал он, оглядываясь по сторонам.

Дверь открыла невысокая молодая женщина. Минуту спустя, они прошли по коридору, заставленному плохо различимыми в темноте предметами. Сняв пальто и шляпу, Клесмет на ходу поправил галстук и одернул пиджак.

В квартире пахло лекарствами. Это напоминало ему госпиталь, где в гражданскую войну после ранения ему пришлось проваляться несколько месяцев.

— Он чувствует себя очень плохо. У него образовалась опухоль на левой голени. Врач определил повышенное содержание сахара в крови… — она была явно взволнована.

— Но сейчас его жизнь вне опасности? — останавливаясь, тихо спросил Клесмет.

— Врач говорит, что пока трудна утверждать что-либо определенно. Не исключено, что могут ампутировать ногу…

— Вам нужно немедленно отвезти его в больницу, где имеется специальное отделение для больных, страдающих диабетом.

— Врач просил пока обождать. Он сделал два укола сильнодействующего лекарства. Разговаривать Вилли вообще-то нежелательно… Вы его не утомляйте, пожалуйста, — вдруг совсем неофициально попросила она, улыбнулась, и Клесмет машинально отметил, что она молода и хороша собой. — Сюда, пожалуйста…

В большой светлой комнате она указала на кровать у стены и сразу же ушла. Увидев Клесмета, Леман смущенно улыбнулся и жестом предложил ему присесть на стул, стоявший у изголовья.

— Добрый вечер, Вилли, — поздоровался Клесмет.

— Как вы себя чувствуете?

Леман, словно не понимая, где он и что с ним, молча глядел

на гостя.

— Вилли, я спрашиваю, как ваше самочувствие? Вы меня слышите?

— Да, — тихим голосом, не сразу ответил Леман и осведомился:

— Что-то случилось?

— Нет, нет, ничего не случилось. Все в порядке. Просто я захотел узнать, как ваше самочувствие и не нужно ли чем-нибудь помочь. — успокоил его Клесмет.

— Очень сильные боли в конечностях, воспалилась голень левой ноги. Увеличился сахар. Врач выписал дорогие лекарства и говорит, что через пару дней дела пойдут на поправку, — подобие улыбки пробежало по губам Лемана. Он попытался приподняться.

— Лежите, лежите, Вилли! Сейчас вам нужен абсолютный покой! А может все-таки отправить вас в больницу?

— Спасибо, но пока не нужно. Врач считает, что необходимо выждать. Хотите кофе? Сейчас попросим, и она принесет.

— А кто это? — Клесмет указал глазами на дверь.

— Это Флорентина Ливорски, моя подруга, я вам рассказывал. Жена уехала к родителям в Швибут, старики часто болеют и за ними нужно присмотреть. А Флорентина приходит и ухаживает за мной, пока я болею, — пояснил Леман.

— Понятно, — кивнул Клесмет. — Вилли, вы можете заказывать все лекарства, которые необходимо. О цене не беспокойтесь, мы все оплатим.

— Спасибо.

Убедившись, что Леман чувствует себя достаточно хорошо, чтобы разговаривать о серьезных делах, Клесмет рассказал о недавней встрече с Эрнстом. Тот обратился с просьбой отработать условия связи на случай опасности. Он ранее, якобы, говорил на эту тему с Бомом, но безрезультатно. Сейчас обстановка в Берлине осложняется, и он хочет знать, как ему действовать, если заметит за собой наблюдение. Клесмет, конечно, разъяснил ему, что осторожность нужна прежде всего в работе, а отступление — это в последнюю очередь. Тем не менее, он предложил Эрнсту условия связи на Швейцарию и хотел бы, чтобы Вилли тоже их знал и мог воспользоваться ими при необходимости.

— Кто-нибудь знает обо мне в Берлине? — спросил Вилли после того, как куратор закончил свой инструктаж.

— Я и Эрнст, еще мой начальник, больше никто, — ответил Клесмет.

— Это хорошо! А где ваш предшественник?

Я думаю, что он уже в Москве. А почему он вас интересует?

Во время нашей совместной работы я, честно говоря, его

побаивался. — Вилли на мгновение задумался. Потом продолжил: — Мне не нравились его манеры, мне казалось, что он был немецким офицером. Бывало, сверкнет взглядом, настоящим взглядом прусского офицера, жестким, пронизывающим, налитым кайзеровским свинцом! Аж мороз шел по коже. Я серьезно опасался, что мы из-за него провалимся.

— Это вам показалось! Нормальный парень, может быть, нервничал немного и это отражалось на его поведении, — Клесмет выгораживал товарища по работе, у которого, видимо, не сложились отношения с агентом. Такое в разведывательной практике часто бывает.

Леман решил переменить тему разговора, заметив, что она неприятна Клесмету.

— По поводу условий связи на случай опасности, я могу сказать следующее, — заявил он, — если меня заподозрят, я это сразу почувствую и приму необходимые меры. Главное, чтобы у Эрнста не нашли моих записок! Это будут прямые улики. Если меня арестуют, я буду все отрицать!

— Согласен с вами, — сказал Клесмет. — Мы думаем сейчас над тем, как найти другую работу для Эрнста. Как только мы что-нибудь подыщем, вы не будете с ним встречаться. Между прочим, он сильно изменился после наших разговоров с ним. На встречу приходит ни жив, ни мертв, растерял весь свой гонор и самоуверенность. Ресторанные счета тоже уменьшились.

— Я тоже с ним очень серьезно разговаривал, — поддержал тему Вилли. — Посмотрим, надолго ли его хватит. Тут еще надо учитывать, что его вторая жена — активистка Международного общества помощи рабочим, распространяет литературу и, кажется, состоит членом ячейки компартии в больнице, где работает, что тоже опасно для нас.

— Вот как? — удивился Клесмет. — Я этого не знал. Надо тоже помозговать. Пока у меня все, не хочу вас утомлять. Поправляйтесь, через несколько дней я вас навещу.

Клесмет поднялся, осторожно пожал Вилли руку и направился к выходу. У двери он обернулся:

— Флорентине…

Я понимаю… — улыбнулся Леман, давая понять, что ничего подруге не скажет.

«Внимательный, — подумал Вилли, когда за Клесметом закрылась дверь. — Не такой, как его предшественник. Еще приятный сотрудник был из посольства, интересно он в Берлине или уже уехал».

Беседа с куратором утомила Вилли и он заснул. Проснулся, когда на улице уже стемнело и зажглись фонари. Флорентина

сидела рядом у его постели и грустно о чем-то размышляла.

Как все женщины, она быстро навела порядок в квартире, постелила белую скатерть на небольшой журнальный столик и поставила на него посуду из прекрасного сервиза, который обнаружила в серванте. Погасив верхний свет, зажгла настольную лампу и ее зеленый свет неярко освещал комнату.

Она сидела на стуле возле кровати и с нежностью смотрела на Вилли. В нем она видела свою единственную опору и защиту от всех угроз и напастей, и ей хотелось владеть им только одной, ни с кем не делиться.

Пока отсутствовала жена, она оставалась у Вилли и смотрела за ним. Чистила его костюмы, заботилась о белье и готовила, как хорошая и добропорядочная хозяйка. Окруженный постоянной заботой и вниманием, Леман порой забывал, что любит эту женщину совсем не так, как она этого хотела. Конечно, он испытывал к ней сердечную симпатию и расположение, но он прекрасно отдавал себе отчет, что о «самой большой любви» в его жизни уже не может быть и речи.

Флорентина подняла бокал с налитым красным вином и сделала маленький глоток. Увидев, что Вилли проснулся, она нежно ему улыбнулась.

— Тишина, — тихим голосом промолвила она. — Сижу и думаю: как хорошо чувствовать себя спокойной, находиться в безопасном месте, под покровительством такого человека…

— Значит, ты довольна?

Флорентина отпила глоток вина и покачала головой.

Довольна? Можно сказать, что довольна, когда я рядом с тобой, Но между нами всегда есть она… — И после небольшой паузы, тихо, как бы для себя, добавила: — Тем не менее, мне кажется, что еще никогда я не была так счастлива и спокойна, как сейчас с тобой, мой дорогой!

Вилли улыбнулся, взял ее изящную маленькую белую руку в свою и нежно поцеловал. Потом лукаво посмотрел на нее и спросил:

— Неужели это правда?

— Да, правда, и ты это хорошо знаешь… — прошептала она и прижала его руку к своей щеке.

Вилли чувствовал, что она говорит правду, что она его любит и всецело отдается этому чувству. В его душе поднялась теплая волна. «А как же я, — подумал он, — смогу ли я когда-нибудь также ответить на ее чувства. Да, меня тянет к ней, молодой и цветущей. Но эта проклятая болезнь! Она забирает все силы!»

Все его симпатии принадлежали, безусловно, этой миловидной женщине с рыжеватыми кудрявыми волосами,

которая восхищала его молодостью, непосредственной живостью и добрым характером.

А может все это от того, что не сложились отношения с женой, Маргарет? Образ супруги с неясными, размытыми чертами появился перед ним. Конечно, девушкой она отдала ему все: честь, доброе имя, достоинство и приданое. У нее будет наследство после смерти родителей — гостиница с рестораном. При нынешней безработице это неплохое средство к существованию. Но она так и не стала для него ни любовницей, ни другом, заботливым товарищем. «А любил ли я ее тогда, в 1915 году, когда просил ее руки? Может, она привлекла меня состоянием своих родителей? Нет, тогда я еще о таких вещах не думал. Просто она мне понравилась, и я женился по холостяцкой привычке, особенно не раздумывая. А потом… потом началась совместная жизнь и все пошло кувырком. Не было детей — упреки, безработица, придирки… Домой не хотелось приходить, чтобы не видеть только эти недобрые глаза!»

Вилли, видимо, забылся и что-то сказал вслух, потому что Флорентина наклонилась над ним и положила руку ему на лоб.

— Температуры у тебя нет. Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Мне кажется, что гораздо лучше. Дай мне воды, пожалуйста?

— Вилли, а кто это приходил? — спросила она, протягивая ему кружку с водой.

Вилли не спеша напился, вернул кружку и после этого ответил:

— Да так, один мой старый приятель. Мы с ним когда-то вместе служили.

— Да, а мне показалось, что он гораздо моложе тебя.

— Конечно моложе, ведь он был тогда юнгой.

— Хорошо, когда есть такие друзья, — заметила Флорентина. — Хоть кто-то о тебе позаботится, когда тебе плохо… Вилли, меня беспокоят нацисты, — чисто по-женски она неожиданно сменила тему разговора. — Чем все это может закончиться, как ты думаешь?

— Они упорно стремятся к власти, — он тяжело вздохнул. — Смотри, в сентябре 1930 года Геринг с сотней нацистов прошел в рейхстаг. Сейчас они активно готовятся к президентским выборам в апреле. Представляешь, Гитлер рвется к власти, но при этом даже не имеет немецкого гражданства! Неслыханная наглость!

— Как же его будут избирать в президенты? — удивилась Флорентина.

— Хитрец Геринг и тут нашел выход, — саркастически

усмехнулся Вилли. — Гитлера назначили экономическим советником представительства Брауншвейга в Берлине, естественно, через друзей Геринга. 24 февраля Гитлер получил назначение, 26 принес присягу, через несколько дней подаст в отставку и все. Вот так, за неделю он станет немцем! Вот увидишь, к лету нацисты будут иметь больше всех мест в парламенте, а Геринг его возглавит и станет наконец важным вельможей. Это его заветная мечта! И никто их не остановит!

— Успокойся, мой дорогой, — целуя его в лоб тихо прошептала Флорентина. — Тебе нельзя волноваться. Врач прописал хорошие лекарства. Скоро ты поправишься… и все наладится!

Он почувствовал, как ее рука стала нежно гладить его затылок, мягкие губы коснулись лба и приятный запах духов, исходящий от нее, стал его обволакивать. Он успокоился и скоро уснул.

Флорентина оказалась права. Через две недели здоровье Лемана улучшилось настолько, что он смог выйти на работу. Опухоль рассосалась бесследно.

К этому времени из командировки вернулся непосредственный начальник Лемана криминальсекретарь Шлаф, и Клесмет сообщил в Центр, что А/201 встретил шефа на рабочем месте.

Нацисты у власти

Утро было сырое, пасмурное. Всю ночь сыпал мелкий дождь, холодный, с ветром и казалось, ему не будет конца.

Вилли вышел из дома пораньше. Очень хотелось выпить хорошего, крепкого кофе. До работы еще оставалось время, он зашел в первое попавшееся по пути кафе.

Заняв столик в углу, попивая горячий кофе маленькими глотками, он рассеянно, больше по привычке, стал рассматривать посетителей заведения, пока взгляд его не зацепился за одного из них, уткнувшегося в газету и ничего не замечающего вокруг. «Где я его видел, — размышлял Вилли, как вдруг его осенило. — Бог мой, да это же Моллис! Ну да, он. Как это я сразу его не узнал?»

Вилли вспомнил, как в 1925 году, он арестовал Моллиса по анонимке соседей. Они заподозрили в нем польского шпиона. Как выяснилось в ходе расследования, Моллис, на основе анализа берлинской прессы, составлял отчеты для советника польского посольства, чем подрабатывал себе на жизнь. Он охотно согласился сотрудничать с полицией, регулярно представлял сведения о поляке, а однажды ухитрился принести для фотографирования портфель советника, набитый бумагами. К сожалению, ничего интересного в портфеле не обнаружили.

«Моллис талантливый журналист, долгое время жил в Петербурге, свободно владеет русским языком, — подумал Леман. — В компартии он, видимо, хорошо известен, у него много знакомых среди членов МОПРа, Лиги прав человека и даже в штабе партийной разведки на Беренштрассе. Но вот знают ли они, что Моллис работает на военную разведку Штюльпнагеля, приятеля генерала Шлейхера[13] и что у него главная задача — проникновение в компартию, я не уверен. Судя по тому, что он без прописки проживает у одного из руководителей коммунистов, наверняка не знают. Его легко можно прижать: он скрывается от жены с ребенком и не платит им алименты. Надо поговорить о Моллисе с русскими друзьями».

Между тем Моллис, увлеченный чтением газет, совершенно не обращал внимания на окружающих. Его верхняя губа с усиками а ля Чаплин все время шевелилась. Еще раз бросив на него беглый взгляд и убедившись, что не обознался, Вилли кивнул кельнеру, оставил деньги на столике и вышел на улицу. Дождь постепенно сменился снегом; мягкие, мокрые хлопья падали, белой пеленой покрывая тротуар и мостовую, и нехотя таяли.

Не успел Вилли раздеться и сесть за свой стол как раздался

телефонный звонок. Его пригласил к себе начальник отделения Абдт.

Вилли вошел, поздоровался и сел в предложенное кресле в углу, где Абдт предпочитал вести с ним доверительные беседы. Сегодня шеф с утра пребывал явно в возбужденном состоянии, о чем свидетельствовало его побагровевшее лицо. Стукнув кулаком по столу, отчего лежавшая на нем гора папок завалилась набок, Абдт выбежал на середину кабинета и воскликнул:

— Не нахожу слов, Вилли! Вчера вечером я был на совещании, которое проводил заместитель президента полицай-президиума советник Герке. На имя президента поступило анонимное письмо, в котором наше отделение обвиняется в саботаже! Мы, видите ли, совершенно не работаем против поляков и польская разведка чувствует себя в Берлине, как дома! — он замолчал и принялся шагать из угла в угол. Потом остановился и продолжил:

— Во время вашего пребывания в отпуске в отделение из других подразделений отдела были переданы все дела по полякам. Для их ведения откомандировали ряд чиновников из внешней службы. Мы их всех приняли за исключением криминальсекретаря Лика.

По словам Абдта, он объяснил Герке и присутствующему на освещении начальнику отдела политической полиции Рудольфу Дильсу, что пятое отделение отдает работе по полякам все, что может. Две трети чиновников отделения вместе с прикомандированными занимаются только польскими делами. Назвал поименно, кто анализирует прессу, кто занят изучением деятельности польских общественных союзов и клубов.

— Но им этого мало! — воскликнул Абдт. — Дильс, эта бездарь, пьяница, бабник, взялся меня поучать, меня, опытного разведчика!

Абдт продолжал бегать по кабинету, размахивая руками.

— Он появился здесь при социал-демократе Зеверинге, выступил со лжесвидетельством, обвинив Зеверинга в связях с коммунистами и таким образом получил должность начальника отдела. Раньше он лизал зад Папену и Шлейхеру, а теперь охаживает Геринга, разъясняя ему, каким ценным источником сведений о противнике является политическая полиция! Геринг его ценит! Как же не ценить! Дильс носит ему компрматериалы на его конкурентов, что позволяет Герингу укреплять свое положение в нацистской партии! Вот все его заслуги и умения!

Абдт выговорился и, кажется, начал успокаиваться. Он сел в кресло напротив Вилли, открыл портсигар, и они не спеша закурили. Оба были почти одного возраста, уже много чего

повидали в этой жизни и хотя субординация обязывала к сдержанности, они чувствовали взаимную симпатию и доверяли друг другу.

— Я полагаю, — после некоторой паузы продолжил Абдт, — что Дильс нашел и другие способы, чтобы обеспечить себе благорасположение Геринга. — Он глубоко затянулся сигаретой и выпустил струю дыма в потолок:

— Геринг любит выглядеть импозантно в рейхстаге и у себя в председательском дворце, разыгрывая перед публикой роль крупного вельможи. На самом деле, он стеснен в средствах. А Дильс располагает хорошими связями на бирже. Пользуясь информацией, любезно предложенной Дильсом, Геринг успешно спекулирует и зарабатывает деньги.

Абдт опять замолчал. Наконец он окончательно успокоился.

— Однако, вернемся к полякам. В чем дело, почему у нас мало результатов? — он в упор смотрел на Лемана.

Мне представляется, что мы распыляем наши силы, — подумав, ответил Вилли. — У нас отсутствует систематизация материалов. Если бы все материалы и разработки мы могли бы сосредоточить в одних руках, результаты не заставили бы себя ждать. Мы бы смогли быстро раскрыть всю разведывательную сеть поляков в Берлине.

— Интересная мысль, — одобрительно кивнул Абдт, — но кому все это поручить. Шлаф у нас постоянно в командировках и комиссиях. Кстати, как прошла ваша командировка в Лейпциг?

— Я встретился с верховным прокурором по делу Буллерьена — шпионаж в пользу межсоюзной комиссии в Берлине на оружейных заводах в Виттенау, — доложил Леман. — Договорились, что мы соберем все доказательства к 3 ноября, ко дню пересмотра дела.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнул Абдт.

— Господин Абдт, а не смогли бы вы поручить польские дела криминал-секретарю Лику из внешней службы? — поинтересовался Вилли. Он задал этот вопрос специально, поскольку вспомнил, что его русский куратор интересовался этим чиновником.

— Ну что вы, о Лике не может быть и речи! — заявил Абдт. — Когда его хотели прикомандировать к нам, все чиновники нашего отделения в один голос заявили, что не хотят с ним работать. У него несносный характер. Вообще, не мешает к нему присмотреться. Говорят, что он тратит денег больше, чем зарабатывает!

Подымая вопрос о Лике, Вилли не знал, что по существу выполняет задание по проверке еще одного агента советской

разведки в полицай-президиуме Берлина, действующего под псевдонимом «Папаша». Интересно, что в 1939 году гестапо арестовало сотрудника Второго (разведывательного) отдела польского генерального штаба Сосновского. «Папаша» от службы наружного наблюдения ведал разработкой связей Сосновского и все материалы, касающиеся польского разведчика, аккуратно передавал в резидентуру. Это позволило в последующем завербовать отпущенного немцами поляка.

— Я думаю, что мне придется самому серьезно взяться за польские дела, — решил Абдт. — Если не возражаете, мы будем иногда подключать и вас, — улыбнулся Абдт.

— Я всегда к вашим услугам!

— Да, Вилли, как вы думаете, кто мог написать это анонимное письмо. Я читал его и, судя по его содержанию, оно написано чело веком, знающим обстановку в нашем отделении.

Абдт остановился перед Леманом и снизу вверх внимательно смотрел ему в глаза.

— Я полагаю, господин Абдт, — заговорил Леман глубокомысленным тоном, — что кто-то из наших дал информацию, а писали нацисты с целью скомпрометировать Дильса. На его место сейчас многие метят и не исключено, что таким способом его хотят убрать.

— А военная контрразведка может быть заинтересована? У вас есть там хорошие знакомые, с которыми можно обсудить эту проблему?

— Знакомые есть… но такого уровня… Впрочем можно поговорить с Протце.

— Протце? Кто это, — заинтересовался Абдт.

— Рихард Протце служил палубным офицером на корвете «Штайн», где я юнгой начинал службу. В 1921 году он возглавлял разведотдел морской базы в Киле, создал в ряде городов агентурную сеть, которая наблюдала за политическими настроениями моряков и оберегала тайные склады оружия от лазутчиков союзных войск. Протце участвовал в создании подпольной организации «Консул», но вовремя из нее вышел, когда увидел, что молодые фанатики стали убивать своих политических противников. В начале этого года абвер[14] возглавил капитан 2 ранга Конрад Патциг, он пригласил Протце к себе. В настоящее время Протце возглавляет абвер штелле,[15] «Домашняя капелла», которая занимается разведывательной работой по ряду стран. Побеседовать с Рихардом Протце я могу, если вы даете на это согласие, — закончил доклад Леман.

Советская резидентура в Берлине уже давно проявляла интерес к Протце, а также к его секретарше «тете Лене» и теперь

Леману представлялась хорошая возможность для развития контакта с Протце.

День незаметно приближался к полудню. Вилли вернулся к себе и занялся текущими делами. Разбирая бумаги, он вспомнил, что на последнюю встречу его куратор Карл пришел с незнакомым Леману коллегой по работе. Незнакомец оказался знающим дело специалистом. В течение двух часов они подробно обсудили польские дела и договорились, что необходимо предпринять, чтобы побудит немецкую полицию более решительно заняться агентурой польской разведки в Берлине. Вилли понял, что совещание, в котором принимал участие Абдт и его дальнейшие планы — все это следствие операции, проведенной его советскими друзьями.

Леман, конечно не знал, что на встречу с ним вместе с нелегалом Клесметом приходил сотрудник легальной резидентуры Костя, которого в Москве все знали, как Карла Силли. Жизнь внесла свои коррективы в планы разведки. В 1931 году Мессинг ушел с поста начальника ИНО и на смену ему пришел Артузов, один из лучших учеников Феликса Дзержинского. По инициативе Артузова, Силли выехал на работу в берлинскую резидентуру.

Резидент в Берлине Борис Берман неоднократно высказывал свое недовольство стилем руководства агентом А/201 со стороны нелегала Клесмета. По существу, в Москве перед Николаем Клесметом поставили только одну задачу — грамотно и эффективно наладить работу со связкой агентов А/70 и А/201. И если Клесмет в сравнении с Такке был более предпочтительным, поскольку сумел наладить с друзьями хорошие, человеческие отношения, то в профессиональном плане он явно не дорабатывал. Леман сразу почувствовал разницу, когда он стал обсуждать оперативные вопросы с Силли.

По существу Берман привлек Силли для того, чтобы наглядно научить Клесмета, как надо работать с агентом такого уровня, как А/201. Перевод Зарубина из Парижа в Берлин задерживался и для того, чтобы решить вопрос обучения неопытного нелегала. Берман принял нестандартное решение — привлечь опытного сотрудника легальной резидентуры Силли в качестве наставника нелегала Клесмета. Так на пару они встречались с агентом дважды, о чем в Центр был направлен подробный отчет. В ответ Артузов писал:

Сов. секретно Берлин, тов. Артему.

Сообщения Кости, написанные в результате его свиданий с А/201, внесли ясность в ряд наших разработок

и на деле доказали, что источник до сего времени использовался недостаточны.

О работе с А/201 Карлу говорилось в Москве. Вам нужно на него нажать как следует и заставить работать, это ведь его единственная задача и, конечно, если он не сможет вести работу А/201 так, как это требуется, то мы вынуждены будем его заменить. Уже теперь надо подумать об этой замене и начать подыскивать соответствующего кандидата.

Мы хотим Вас предупредить, хотя это Вы сами хорошо знаете, о соблюдении максимальной осторожности при свиданиях Кости с А/201 и прибегать к этому только в исключительных случаях.

Отделение А/70 от А/201 мы приветствуем. Обдумайте, какое прикрытие Вы можете ему устроить, приняв во внимание, что организация детективного бюро, как доходного предприятия, сейчас неприемлема… Мы думаем, что более подходящей будет какая-либо мелкая торговля, а уже под этой маркой А/70 должен будет вести для нас установочную работу. И в настоящее время А/70 можно использовать путем получения от него сведений на многих проходящих по нашим делам лиц (Моллис, Новаковский, Рау, Протце и др.). Он ведь, как и А/201 может давать значительно больше, чем мы получали от них до сих пор.

Циркуляры учреждения А/201 для нас весьма ценные, но мы не получаем их уже месяцев 5–6. Организуйте бесперебойное получение этих материалов по мере их выхода…

С дружеским приветом. Артур».

— Новый оборот событий, когда правительство фон Папена, [16] этот закон отменило, поставило Дильса в затруднительное положение. Вовремя сообразив, что обстановка меняется и нацисты в ближайшее время могут стать хозяевами страны, — Дильс быстро перестроился. Уже в августе, после избрания Геринга председателем рейхстага, Дильс стал усиленно его обхаживать поставляя компрометирующую информацию на его политических противников. Практичный Геринг быстро забыл былые обиды и ухватился за оказанную помощь, по достоинству оценив возможности политической полиции в борьбе как с противниками, так и конкурентами.

И вот теперь приезд Геринга в полицай-президиум стал быстро обрастать различными слухами. Для начала Геринг

провел совещание с начальниками отделов и, на удивление всем, держался корректно и заверял, что больших изменений в политической полиции не будет, просил не относиться враждебно к тем чиновникам, которые являются членами национал-социалистической партии.

Такое поведение министра внутренних дел не только не разрядило атмосферу беспокойства среди чиновников, но напротив, породило новые слухи. Теперь все заговорили о том, что чиновники из числа социал-демократов будут уволены, что президентом полицай-президиума станет руководитель берлинских штурмовиков граф Геллендорф, инициатор еврейских погромов на Курфюрстендам в прошлом году. Чиновники из числа членов национал-социалистической партии стали демонстративно выходить на работу в коричневой форме.

— В тот же вечер на первом заседании кабинета министров, битва против «внутреннего врага» стала единственным пунктом повестки дня. Геринг остановился на неотложной задаче: «Прежде всего мы должны начисто вымести нынешних руководителей департамента полиции!» Гитлер кивком головы выразил свое одобрение.

Наутро 22 из 32 руководителей германской полиции оказались без работы.

На том же заседании Геринг предложил превратить штурмовые отряды во вспомогательную полицейскую силу, Вопрос был согласован, и эта мера привела в министерство внутренних дел и местные органы полиции по стране лидеров штурмовиков.

Между тем, Геринг не менее активно действовал в рейхстаге. По его инициативе были приняты законы о роспуске парламентов всех земель, за исключением парламента Пруссии. Вместо них назначались специальные представители рейхсканцлера — рейхсштатгальтеры. Им поручалось наблюдать за строгим исполнением законов на местах и распоряжениями Гитлера.

Закон от 7 апреля представлял также возможность увольнять с работы судей и чиновников, придерживающихся антинацистских взглядов, а также всех тех, кто когда-либо состоял в левых организациях. К ним относились и лица еврейской национальности…

В этой сложной, полной драматизма обстановке, Вилли Леман, как всегда в точно назначенное время, прибыл на встречу с Клесметом.

В кафе, заполненном посетителями, было накурено, пахло сосисками и капустой. С трудом пробравшись к свободному столику, Вилли сел и сразу занял место для товарища. Не прошло

и двух минут, как он услышал знакомое: «Добрый вечер, старина!» Подняв голову, он увидел присаживающегося на занятый стул «старого друга». Он излучал бодрость и энергию, хотя прекрасно видел, что Вилли явно не в себе.

— Ну, что нового? Как здоровье Маргарет? — задал он обычные в таких случаях вопросы.

— Не знаю даже, что сказать! Полный хаос! Все спасают отечество.

— Как на службе ведут себя чиновники? — спросил Клесмет.

— По-разному, одни радуются, другие затаились и ждут, что скоро выгонят. Члены Комитета чиновников подготовили на имя Геринга письмо с заверениями в своей преданности. Я предложил сначала ознакомить с этим письмом всех чиновников, а потом посылать его…

— Напрасно вы вмешались, — мягко перебил Лемана Клесмет. — Сейчас не нужно проявлять инициативу.

— Моя инициатива уже не имеет никакого значения, — возразил Вилли. — Уже во всю идет компания по формированию нового Комитета из числа национал-социалистов. Никакие письма уже не помогут.

Далее он рассказал, что в прусском МВД идет «чистка», которой заправляет Дильс. В первую очередь избавились от Роберта Кемпфера — организатора полицейских мер против СА и нелегальной нацистской деятельности. Но все, кто не состоял в партии на улицу не выбросишь, так? — спросил Вилли и не дожидаясь ответа, продолжил. — Тогда Геринг нашел, выход: создать новый секретный отдел «гехаймештаатсполицай», сокращенно гестапо — «тайная политическая полиция», разместить его отдельно от полицай-президиума и постепенно, по мере проверки, заполнять его чиновниками из старого политического отдела, а также подбирать новых из числа штурмовиков. Указ о создании гестапо уже подписан, начальником назначен Дильс. Аналогичные отделы будут создаваться во всех административных округах Пруссии.

Гестапо Берлина возглавит некий Фишер. Располагаться он будет на Александрплац, в доме Карла Либкнехта. Туда подбирают чиновников с опытом работы против коммунистов.

Леман замолчал и отхлебнул пива. Клесмет уже знал его привычку: обдумать очередную мысль, поэтому терпеливо ждал.

— Арест Тельмана — это их рук дело, — продолжил Вилли. — Вообще к арестам сейчас привлекли всех полицейских… В моторизованные части при гестапо влили целую группу белых эмигрантов из России. Надеются, что эти русские покажут свою преданность в борьбе с коммунистами. Их фамилии

я сообщу позже. Вот список лиц, подлежащих аресту в ближайшее время, — он протянул под столом два листа бумаги, исписанных мелким почерком.

— Что слышно о Тельмане?

— Тельман жив, здоров, содержится в тюрьме Моабит. Я видел его издали, когда мы водворяли в камеры группу Шеера. Если вновь попаду в тюрьму, постараюсь собрать побольше сведений.

— Что происходит в городе? — спросил Клесмет.

— Штурмовики распоясались, бесчинствуют, убивают людей. Карательные отряды создаются стихийно и каждый из них стремится урвать как можно больше. В первых рядах штурмовиков выступают «старые бойцы», которых мы раньше ловили и сажали в тюрьмы.

Перед глазами Вилли возникли события сегодняшнего дня. Пытаясь хоть как-то упорядочить действия штурмовиков, Дильс собрал группу из чиновников полиции, в которую попал и Леман, и направился с ним инспектировать их логовища. Первой оказалась пещера пыток на четвертом этаже дома НСДАП. Картина ужасная… Полы в комнатах устланы соломой. Обнаруженные жертвы умирали от истощения. Много дней подряд они провели в узких шкафах, где у них выбивали признания. Дюжина головорезов через каждые несколько часов их избивала резиновыми жгутами и железными палками. У всех были выбиты зубы и переломаны кости. Когда полицейские вошли, эти живые скелеты лежали рядами на гнилой соломе. Не нашлось ни одного человека, на теле которого не было бы синих, желтых и зеленых полос от жесточайших избиений. У многих совершенно заплыли глаза, под носом были кровавые струпья. Не слышно было ни стонов, ни жалоб — все безмолвно ждали смерти или новых мучений.

На Кантштрассе отряд СА мучил и христиан и евреев. Жертвы, у которых были деньги, откупались и ускользали. Те искалеченные, кто выходил на волю, не осмеливались произнести ни слова.

Самым неприступным логовом оказался «Колумбия-хауз». Там хозяйничали эсэсовцы, а начальником был некий Тойфль, садист такой, что его побаивались даже свои подчиненные.

Дело не ограничивалось подобными «дикими концлагерями». Время от времени штурмовики устраивали уличные побоища, как, например, резня коммунистов в рабочем пригороде Берлина Кеппенинге. Там коммунистов и социал-демократов заставляли пить серную кислоту, одну из жертв поджарили на открытом огне, других зверски избивали плетьми.

Едва группа вернулась с обхода, как наткнулась на пьяного Карла Эрнста со штурмовиками в коридоре полицай-президиума. Эрнст во всю глотку орал на Артура Небе, начальника отдела. Небе робко пытался его успокоить.

— Я вас выпорю как собаку, — закричал в ответ Эрнст, — Я знаю все ваши уловки. Подлец, от злости вы аж пожелтели!

Увидев Дильса, Эрнст кинулся к нему:

— Пусть этот хитрец жалуется на меня идиоту Далюге, шефу прусской полиции. Ведь Далюге покровительствует ему, не так ли?

— В чем дело Брюгге? — обратился Дильс к чиновнику, спрятавшемуся за спины товарищей и имевшему весьма потрепанный вид.

Оказалось, что Эрнст со своими молодчиками проник в здание полиции и избил Брюгге, который осмелился задержать одного из штурмовиков Эрнста за шантаж.

— Как он посмел! — ревел Эрнст. — Свинья! Арестовать старого борца!

— Ну, хорошо, Эрнст, успокойтесь. Будем считать, что это недоразумение, — сказал Дильс. — Успокойтесь, стоит ли расстраиваться из-за таких пустяков!

— Ладно, — заявил Эрнст. — У вас виски есть?

И со всей свитой он повалил в кабинет Дильса. Туда пошли любопытные чиновники, хотелось узнать, чем вое это закончится.

— Вот так, мой дорогой Эрнст, — с улыбкой заявил Дильс, наливая ему в стакан виски. — Я застал вас на месте преступления. Вы избили и пытались запугать представителя государства. Это недопустимо!

— Ха-ха-ха! Государственная власть! — начал заводиться Эрнст. — Государственная власть — это мы! Да я тебя сейчас убью, скотина! — взбеленился он и потянулся рукой к кобуре за пистолетом. Друзья схватили его под мышки и потащили из кабинета.

— Знай! Пуля для тебя отлита! — кричал он, пытаясь вырваться из объятий друзей.

О случившемся Дильс доложил Герингу. Видя, что дело принимает дурной оборот и штурмовики выходят из под контроля, Геринг для начала поручил Дильсу ликвидировать созданные ими концлагеря…

— В полиции, — рассказывал Леман, — полный беспорядок. Отделы превратились в разбойничьи притоны. Его шеф Абдт передвигается по зданию с большой осторожностью, пользуется только черным ходом, двигаясь по лестнице, всегда держит наготове револьвер со взведенным курком. Недавно он очень

ругал Лемана за то, что он ходит по лестнице держась за перила. Так, мол, меня хорошо видно сверху. «Я вам приказываю красться вдоль стены, — шумел он, — осторожно минуя простреливаемые участки, лестницы». Поскольку в полиции взяли моду арестовывать друг друга прямо в здании полицай-президиума, Абдт заготовил ордер на собственный арест. Если его остановят, чтобы арестовать, он сунет им, ордер и заявит, что давно арестован. Заминка на две-три минуты гарантирована, а за это время, считает он, можно выхватить оружие и скрыться за углом коридора. Пусть тогда достанут… Учитывая все это, — закончил Леман, — у меня есть личная просьба.

— Пожалуйста, Вилли, — насторожился Клесмет.

— Я хочу, чтобы вы знали. Я не боюсь работать и не отказываюсь от связи с вами, несмотря на такую обстановку в Берлине. Вы знаете, когда была возможность, мы с Эрнстом выносили много документов и многих людей предупреждали об арестах. Но сейчас, как никогда, наша работа должна быть четкой и осторожной. Если на меня падет хоть малейшее подозрение — мне грозит смерть на месте!

Леман замолчал, собираясь с мыслями.

— Так, так, Вилли, я вас слушаю, — подбодрил его Клесмет.

— Так вот, я хочу вам сказать — я боюсь сейчас встречаться с Эрнстом и, тем более, что-то ему передавать. Сейчас нужно работать без посредника, напрямую. И мне кажется, что в данный момент самое время перевести Эрнста на другую работу!

Леман замолчал, ожидая, что скажет по этому поводу Клесмет.

— Я полагаю, что вы совершенно правы, — сказал тот. — Давайте решим так: пока мы не определимся с Эрнстом, вы не будете брать на работе никаких документов и встречаться с Эрнстом. Главное для вас сейчас, следить за обстановкой вокруг себя!

— Понятно, — кивнул головой Вилли, — но есть еще один небольшой вопрос.

— Говорите, я слушаю.

— Мои коллеги на работе пристают ко мне, чтобы я вступил в националистический союз полицейских чиновников. Я сказал, что подумаю. Как считаете, стоит вступить?

— Конечно, надо вступить. Только не стоит проявлять никакой демагогической активности, что бы не вызвать к себе скрыто враждебного отношения сослуживцев.

— Понятно, — впервые за этот вечер улыбнулся Вилли. — А вообще, если меня уволят, я могу оказывать вам помощь в другом месте — на границе с Польшей. Моя теща владеет гостиницей в

Швибуте. Это небольшой городок и крупная железнодорожная станция. По завещанию, теща отписала гостиницу на жену. Там тоже будет хорошее место для разведывательной работы.

Пора было прощаться. В последний момент Клесмету пришла в голову мысль.

— Послушайте, Вилли, — сказал он. — Ведь вы были, если мне не изменяет память, когда-то членом «Союза африканцев»? Республиканские власти считали этот союз реакционным? Так? Расскажите при случае об этом нацистам. Такие мелочи сейчас имеют решающее значение.

И они пожали друг другу руки.

Позже в своем отчете в Центр, Клесмет писал:

> *«Провел совместную беседу с А/70 и А/201 по поводу отделения первого от второго. А/70 согласен начать новую работу по отдельным заданиям. Он догадывается, что его отделение связано не с желанием его лучше использовать, а со стремлением А/201 от него избавиться. Открыто об этом он не говорит и занимает пока выжидательную позицию. Руководить им необходимо с учетом его слабости — склонности к выпивке. Как сотрудник он, безусловно, опытный и знающий.*
>
> *Учитывая опасения провала со стороны А/201 и его угнетенное состояние в связи с общей обстановкой в стране и по месту работы, я постарался успокоить обоих источников, прежде всего путем детального обсуждения вопросов безопасности их работы и повседневной жизни. Со встречи они ушли более уверенными.*
>
> *Мне представляется возможным использовать для А/70 прикрытие — неофициальный компаньон в маленьком кафе. Подходящая кандидатура компаньона подобрана. Стоить это будет 300–400 марок. Деньги небольшие. Сообщите ваше мнение.*
>
> *Карл».*

Вилли остановил свой выбор на небольшой сумке из крокодиловой кожи с замком из топаза. Это было как раз то, что должно было понравиться Маргарет. Подарок предназначался ко дню рождения.

Пока приказчик заворачивал коробку с сумочкой, Вилли докурил сигарету. Курить на улице было невозможно, моросил мелкий, холодный дождь.

Выйдя из магазина, Вилли в нерешительности остановился: может воспользоваться близостью «Кемпинского»[17] и зайти

перекусить? Посмотрел на часы: до встречи с советским куратором еще оставался целый час.

Он шел, осторожно обходя прохожих. Мысли его были далеко. Все чаще и чаще, помимо собственной воли, он возвращался теперь к тому, что осталось позади. Меньше всего хотелось думать о настоящем, и почти страшно было думать о том, что ждало его впереди…

Если бы швейцар у подъезда ресторана не узнал старого клиента и не распахнул дверь, Вилли в рассеянности прошел бы мимо.

— Давненько не изволили заглядывать к нам, господин Леман!

— Много народу? — осведомился по привычке Вилли.

— Нет, вечернее время еще не наступило.

Действительно, просторный зал был почти пуст. Вилли направился в угол, где обычно любил садиться в прежние времена. Когда он проходил мимо возвышения, образующего нечто вроде ложи, оттуда раздался возглас:

— Леман! Ты ли это?

Вилли оглянулся и увидел поднятую руку. Его приветствовал невысокий, плотный человек ни с чем не примечательными чертами лица и тщательно расчесанными на пробор черными волосами. Хотя он не носил военной формы, но по манере держаться можно было признать бывшего офицера. Несмотря на полумрак, царивший в ложе. Вилли сразу узнал Новаковского, своего давнего знакомого. Но ему понадобилось подойти вплотную к ложе, чтобы определить: один из собутыльников тучный тип с заплывшим, красным лицом со шрамом у правой скулы, никто иной как предводитель штурмовых отрядов Эрнст Рем.[18] Третий был Вилли не знаком, хотя ему показалось, что он его уже где-то видел. Прежде, чем Леман решил, стоит ли ему накануне встречи, связываться с этой компанией, как Новаковский подхватил его под локоть и сильно потянул за барьер ложи.

— Ну, вот, — весело воскликнул Новаковский, — Я недавно только вспоминал, что давно тебя не видел и ничего не слышал о тебе!

— Да, да, — подтвердил Рем, — Новаковский утверждал, что вы из тех, кого не хватает нашему движению. Сейчас так мало осталось надежных людей, на которых можно положиться. — Он спохватился и указал на своего молчаливого соседа: — Вы знакомы?

Навстречу Вилли поднялся сутулый человек с худощавым лицом, маленькими, глубоко сидящими, хитрыми глазками и

большими, плоскими, прижатыми к черепу ушами.

— Мой друг Эдмунд Хайнес! — представил его Рем. Вилли и Хайнес пожали друг другу руки: «Вот почему он мне показался знакомым, — подумал Вилли. — Руководитель штурмовиков Силезии, член секретной организации «Феме», тайный убийца, в прошлом проходил по ориентировкам полиции».

Хайнес, видимо, догадался, что Вилли его узнал. Его глазки сощурились еще больше.

— Как поживает ваш друг Эрнст? — вежливо спросил он.

— Не знаю, давно его не встречал.

— Зато я его видел недавно в «Захи». Передает тебе, Вилли, привет, — сказал Новаковский.

Вилли опустился на подставленный кельнером стул. «Интересная компания, ничего не скажешь! Новаковский, кажется, был на фронте вместе с Ремом. Фронтовые друзья. Он и Гитлера должен знать» — подумал Вилли.

— За приятную встречу, — Рем поднял бокал и сделал глоток.

Потом всем своим грузным телом он повернулся к соседнему столу, где, наклонившись над телефонным аппаратом и прикрыв рукою рот, чтобы разговор не был слышен, сидел четвертый из их компании. Вилли не было видно его лица; он заметил только широкую спину, туго обтянутую коричневым сукном и прорезанную наискось ремнем портупеи.

— Довольно болтать, Карл! — крикнул Рем. — Ни за что не поверю, что ты способен уделять столько внимания делам!

Он взял из вазы апельсин и бросил его в спину сидящего у телефона. Тот наконец положил трубку и подошел к столу. Вилли сразу его узнал: Карл Эрнст, группенфюрер СА, молодой, самоуверенный и на этот раз совершенно трезвый. Эрнст молча взял бокал и отпил несколько глотков. Потом поставил его на стол. Движения его были четкие и быстрые. Он не произносил ни слова и даже, когда Новаковский представил ему Вилли, он только лишь молча кивнул.

— Мой друг, Карл Эрнст, — сказал Рем с улыбкой, глядя на своего любимца. — Наверное, слышали?

— Еще бы! — в тон ему ответил Вилли. — Кто в полиции не знает командира бранденбургских штурмовиков!

Вилли опасался, как бы его глаза не выдали того, что он думает о Карле Эрнсте и его собутыльниках и потому, опустил взгляд. Новаковский подумал, что Вилли смущен пребыванием в такой компании.

— Ты все тот же, — улыбнулся он. — По прежнему подозреваемые, шпионы. Да? Знаете ли вы, господа, что из таких

людей, как Леман, Геринг создает новую организацию — тайную политическую полицию?

— Не произноси при мне этого имени! — проворчал Рем.

— Между вами пробежала черная кошка?

— Между нами стоит нечто более страшное, — произнес Рем. — Нам двоим нет места в этом мире!

Вилли понял, что Рем был здорово пьян. Сверкая злыми глазами, он стукнул кулаком по столу.

— Скоро, очень скоро мы покажем фюреру, чего стоит этот его дружок!

— Перестань, — сказал Хайнес, но Рем не обратил на него никакого внимания. Его понесло.

— Есть только один пут к спасению превращение моих молодцов в постоянную армию. Я не собираюсь становиться картонным плясуном в руках толстого Германа! — На пылающем лице Рема все ярче выступали шрамы. — Гитлер стал презирать своих старых товарищей. Еще бы! Он прекрасно знает, чего я хочу. Дайте нам только новую армию, с новыми генералами! Да, именно так, с новыми генералами! Верно я говорю, Эдмунд?

Хайнес молча кивнул.

А Рем, прихлебнув из бокала, продолжал:

— Все, что Адольф знает о войне, он получил от меня. Сам он — штатский болтун. Настоящий австрияк, черт бы его побрал! Ему нравится торчать на троне и править со своей «священной горы». А мы что должны сидеть сложа лапы?

Хайнес положил руку на плече Рема:

— Замолчишь ты наконец?!

Но тот не унимался:

— Честное слово, мертвый Адольф принес бы нашему делу больше пользы, чем живой… Как Хорст Вессель,[19] точно!

— Если ты не замолчишь, я отправлю тебя спать, понял? — прошипел Хайнес.

Рем запустил пятерню в вазу со льдом, где лежали гроздья винограда, и сжал их так, что брызги разлетелись по всему столу.

Вилли понял, что нужно уходить, пока пьяный Рем не затеял какой-нибудь скандал. Он поднялся:

— Кажется, мне пора. Спасибо за Компанию!

Рем вскинул на него воспаленные глаза:

— Тебе есть куда спешить! А я должен чего-то ждать, потому что старые куклы из рейхсвера считают ниже своего достоинства подавать мне руку!

— У тебя больное самолюбие, — отводя глаза, пробормотал Карл Эрнст.

— …При поступлении моих ребят в рейхсвер им даже не

засчитывают заработанные у меня нашивки. Как будто не штурмовики сделали Адольфа тем, что он есть! А теперь, видите ли, нашлись моралисты, нашептавшие ему: «Рему пора укоротить руки».

— Какое тебе дело до их морали? — спросил Карл Эрнст.

Рем молча оглядел собеседников и несмотря на опьянение, уверенно, не пролив ни капли, снова наполнил бокалы.

— Когда люди начинают лопотать о морали, — проговорил он, — это означает, что им ничего более остроумного не приходит в голову. Я горжусь, что в моих казармах пахнет не потом, а кровью. Ты знаешь, что они придумали? Распустить моих молодцов в годовой отпуск? Если враги тешат себя мыслью, что штурмовики вовсе не вернутся из отпуска, то мы заставим их разочароваться! Это вы все скоро увидите! — и он уставился мутными глазами на Новаковского.

— Новаковский, иди служить ко мне! Не пожалеешь! — Хрип, похожий на рыдание вырвался из его груди. — Если бы ты знал, как мне нужны надежные люди!

При этих словах у него потекли по липу пьяные слезы. И, словно это послужило сигналом, за его стулом мгновенно выросла фигура штурмовика. Он подхватил Рема под руки и, напрягая силы, чтобы удержать равновесие, повел его из ресторана.

За ними вышел и Вилли: времени оставалось в обрез. Сунув покупку под мышку, он поднял воротник плаща и двинулся к условленному месту, где его должен был взять в автомашину Клесмет. Поравнявшись с нею, Вилли быстро сел на заднее сиденье и поздоровался с Клесметом. Тот ответил и, с удивлением взглянув на Лемана, спросил: — У вас взволнованный вид. Что случилось?

Вилли постарался успокоить куратора, но Клесмет настаивал:

— Да, да, я же вижу. Вас что-то взволновало!

— Право же, Карл, — с некоторым смущением пробормотал Вилли, — это вам так показалось. Впрочем, думаю, что вы сейчас очень удивитесь.

— Чему же?

— Я только что был в компании Эрнста Рема и его дружков.

— Ого! — отреагировал удивленный Клесмет. — Как это вам удалось?

— Я потом расскажу. Давайте сначала обсудим наши дела.

Некоторое время они ехали молча. Клесмет посмотрел на часы и сказал:

— Вам будет интересно послушать одну радиопередачу.

— Что-нибудь особенное? — спросил Вилли без большого

интереса.

— Новости из Москвы.

— Если вам интересно… Я ведь не знаю языка.

— Мы услышим на немецком.

Клесмет включил приемник. Сквозь гудение слышался шорох и плеск, словно волны прибоя ворошили крупную гальку на берегу моря. Никак не удавалось поймать волну.

— Ладно, в другой раз, — сказал Клесмет. — Вилли, из Центра просили передать вам благодарность за информацию об агентуре абвера среди белых эмигрантов. Москва также заинтересована в том, чтобы вы продолжали укреплять отношения с обер-лейтенантом Проце из абвера.

— Понятно, — кивнул Вилли.

— Накануне я встречался с Куром, — продолжил Клесмет.

— Ну что, он нашел работу, устроился?

— Дело как будто решается. Так вот, Кур рассказал мне, что он виделся с Новаковским и узнал от него, что Моллис видел вас в ресторане «Захи» с каким-то незнакомым человеком. Кур, конечно, догадался, что Моллис видел нас, но сделал вид, что ничего не понимает. Даже спросил, не встречаюсь ли я с вами, а то, мол, над Леманом нависла опасность. Ведь Новаковский и Моллис — работают на абвер. Что за этим скрывается? Не перевербовали ли Кура? Как вы думаете?

— Я думаю, что вы напрасно беспокоитесь, — ответил Леман, внимательно выслушав куратора. — Вокруг меня все спокойно, я постоянно проверяюсь.

— Тогда чем вызван интерес Кура к нашим встречам?

— Я полагаю, что Эрнст преувеличивает эту историю. По-моему, он опять хочет стать посредником между нами. То, что он случайно встретил Новаковского — это блеф чистой воды. Он прекрасно знает, что Новаковский регулярно посещает кабачок на Миттельштрассе, специально пошел туда, чтобы его встретить и при случае спросить обо мне. Новаковский ему, видимо, рассказал, что Моллис видел меня в «Захи» с незнакомым человеком. Вот и все.

— Возможно, вы правы, — согласился Клесмет, — Подобная мысль появилась и у меня, когда Кур сказал, что я сделал ошибку, исключив его как посредника из работы с вами. Я ему ответил, что хуже было бы, если бы Моллис увидел Лемана с ним.

— Вы понимаете, — взволнованно начал объяснять Леман, — для того, чтобы по настоящему вывести Кура из нашей связки, надо подобрать ему такую работу, чтобы он был действительно занят и не думал, что от него хотят избавиться. Если он не занят, то может ухватиться за историю с Моллисом, чтобы нас испугать.

Тогда вы бы уехали, а он опять бы начал работать со мной.

— Я тоже придерживаюсь такого же мнения и говорил об этом руководству, — согласился Клесмет.

Куратор, конечно, не мог рассказать своему агенту, что это незначительное на первый взгляд событие вызвало большое беспокойство у руководства резидентурой. Резидент, указывая на неосторожность и неосмотрительность Клесмета, заявил, что из-за его нечеткой работы могла возникнуть угроза провала особо ценного агента.

— Кстати, — заметил Вилли. — час назад я виделся с Новаковским, но он мне о Моллисе ничего не говорил. Видимо, Эрнст специально раздувает это дело.

— Возможно, возможно, — задумчиво проговорил Клесмет.

Наконец он выбрал подходящее место и остановил машину.

— Где вы встретились с Новаковским? — спросил он.

Вилли подробно сообщил о своей встрече в ресторане с компанией Новаковского — Ремом, Хайнесом, Эрнстом, а также о пьяных разглагольствованиях Рема.

— Что у вас нового на службе? — спросил Клесмет.

Леман рассказал, что гестапо обосновалось в комплексе зданий на Принц-Альбрехт-штрассе, восемь. Но там работать пока невозможно. Помещение не приспособлено, там сыро, холодно. Не хватает телефонных номеров. Дела свалили в кучу по кабинетам. Среди чиновников много простуженных, работа стоит. Чтобы позвонить по телефону, иногда приходится бегать в полицай-президиум. Столько было разговоров о создании гестапо. Толковали о пополнении новой службы квалифицированными чиновниками — где все это? Наоборот, каждый день, то один, то другой чиновник куда-то откомандировывается, а на замену им никто не приходит. Лемана тоже хотели послать в командировку за границу, но он отказался, сославшись на болезнь.

Леман замолчал, ожидая, что скажет по этому поводу Клесмет, но тот лишь внимательно слушал. Тогда Вилли продолжил, отметив, что со всех концов страны в гестапо приходят письма, доносы, обращаются организации, а управление работать не в состоянии. Общее мнение таково, что с созданием тайной политической полиции по примеру ЧК в России и с переездом в новое здание, была совершена ошибка. Если в ближайшее время не произойдет коренных изменений, гестапо не сможет вести серьезной работы.

— Подождите, Вилли, не торопитесь с выводами, — опять улыбнулся Клесмет, — новое дело всегда трудно начинается. Давайте немного подождем. И прошу вас подобных мыслей на

работе коллегам не высказывать. Сейчас лучше больше слушать, чем говорить!

— Да нет, это я с вами, как говорится, отвел душу. Да, кстати, в подтверждение моих предположений по поводу Эрнста, — вспомнил Вилли, — После переезда в новое здание я предложил коллегам пойти в пивную и «смыть пыль». Подобралась компания, в том числе Геллер и Хиппе, который сидит со мной в одном кабинете. Пили мы за счет расходов на переезд.

Когда все изрядно подпили, я разговорился с Хиппе, зная, что он в состоянии опьянения становится болтливым. Из разговора с ним у меня сложилась впечатление, что Хиппе ко мне относится хорошо и даже откровенничает. Он передал мне привет от Новаковского, отметил, что тот жаловался, что давно меня не видит. Я сказал, что с удовольствием бы с ним повидался, но сейчас очень занят. А потом заметил, что недавно видел мельком Новаковского и Моллиса в ресторане «Захи», но поговорить обстоятельно не мог. Хиппе никак на это не реагировал и я думаю, что он ничего не знает.

— Что же, может быть вы и правы, — сказал Клесмет, — но на всякий случаи будьте все-таки осторожнее.

Договорились, что Леман продолжит внимательно наблюдать за развитием событий и при появлении признаков опасности, срочно свяжется с Клесметом.

На том Клесмет и Вилли расстались.

«Иностранный отдел
3 отделение Сов. секретно.
группа Х — Генрих
от 19 июня 1933 года Москва, тов. Алексею.

В положении А/201-го за истекшие десять дней никаких перемен не замечено. Он считает, что его никто ни в чем не подозревает и что положение его в учреждении крепко. Он даже ожидает повышение по службе. Будет ли это связано с переводом в другое место или же он останется в прежнем учреждении, трудно пока сказать. Его знакомые национал-социалисты и доверенное лицо национал-социалистической партии в его учреждении ему несколько раз намекали, что он вскоре «кем-то будет». Несмотря на то, что в партию он еще официально не принят, в кругах национал-социалистов его знают и хорошего о нем мнения. Это хорошее о нем мнение объясняю тем, что с 1919 года А/201-й порвал с социал-демократами, за последние тринадцать лет не примыкал ни к одной партии левого толка, а в 1928 году,

вместе с А/70 и с осени 1932 года сам заигрывал с национал-социалистами.

Карл».

Брайтенбах укрепляет авторитет в гестапо

Совещание в Кремле было назначено на полночь.

Поскребышев, помощник Сталина, невысокий, коренастый, тихим, бесстрастным голосом приветствовал каждого вошедшего, пожимал ему руку и дела пометку красным карандашом в списке приглашенных. Когда все собрались, Поскребышев в точно назначенное время, пригласил их в кабинет Сталина и затем бесшумно закрыл за ними дверь.

При появлении в кабинете первых участников совещания Сталин поднялся из-за своего стола в глубине кабинета, вышел на середину и, пожав по очереди всем руки, жестом пригласил рассаживаться за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Участники совещания рассаживались, настороженные, не представляя, зачем их собрали, и не ожидая от этого вызова для себя ничего хорошего.

Сталин в сероватом, полувоенном френче, в брюках, заправленных в шевровые кавказские сапожки, заложив руки за спину и неслышно ступая по красной ковровой дорожке, стал медленно расхаживать по кабинету.

Пока он удалялся в другой конец кабинета, где помещался заваленный бумагами, книгами и папками письменный стол с несколькими телефонными аппаратами на приставной этажерке, сидевшие за столом провожали взглядами его чуть сутулую спину и седоватый наклоненный затылок. Когда же достигнув там, в глубине кабинета стены, обшитой в рост человека панелью из светлого дуба, он поворачивался и, не торопясь, возвращался, они смотрели ему в лицо. Но глаз Сталина видно не было: расхаживая в раздумье, он не поднимал головы.

Ни разу не взглянув на сидевших, он не сомневался, что они не спускают с него глаз, как не сомневался и в том, что они с нетерпением и опаской, если даже не со страхом, ожидают, когда он заговорит.

— Скоро будет девять месяцев, как к власти в Германии пришел Гитлер, — неожиданно остановившись по среди кабинета, глуховатым голосом с выраженным кавказским акцентом, заговорил Сталин.

При этом он поднял голову и обвел взглядом собравшихся.

— Нетрудно представить себе его ближайшие планы, — продолжил Сталин. — Он их собственно никогда и не скрывал. Агрессия на Востоке — вот главная его цель. Но чтобы напасть на

нас, у Гитлера пока коротки руки. Ему мешает Польша, которая в последнее время буквально мечется между Германией и СССР. Правда, недавно наш посол в Варшаве Антонов-Овсеенко сообщил, что поляки, якобы, собираются сменить гнев на милость и попытаются сблизиться с нами. Это было бы разумным шагом с их стороны, — заметил вождь, — но так ли это на самом деле? И можно ли вообще верить такого рода сообщениям?

Он замолчал и в кабинете воцарилась напряженная тишина. Первым паузу нарушил импульсивный Радек[20]

— Я думаю, что посол в Варшаве совершенно прав. По логике, полякам деваться некуда: германский орел с острыми, как ножи, когтями, куда более страшен для Варшавы, чем русский, привычный для них медведь. Поэтому они и ищут сближения с нами, рассчитывая на нашу поддержку в случае гитлеровской агрессии…

Судя по оживленным голосам присутствующих, точку зрения Радека поддерживало большинство участников совещания. Лишь один из них, среднего роста, широкоплечий, с бородкой и подстриженными усами, не разделял общего оживления. Он сосредоточенно смотрел в стол перед собой, словно что-то надеялся там увидеть.

Заложив руки за спину, Сталин уже шел назад по кабинету. Не доходя несколько шагов до того места, где за длинным столом, с краю, сидел невозмутимый участник совещания, он остановился и спросил:

— А что думает по этому поводу разведка? Товарищ Артузов?[21]

Начальник Иностранного отдела ОГПУ — это он хранил молчание — поднял крупную с проседью голову и, глядя прямо в немигающие глаза вождя, не торопясь, тщательно подбирая слова, ответил:

— У нас, товарищ Сталин, несколько иная информация. Наши источники сообщают, что поляки ведут нечестную игру. Они только делают вид, что собираются сблизиться с нами. На самом деле Польша зондирует почву для соглашений с Гитлером, рассчитывая на его снисходительность.

Сталин никак не реагировал. Он оказался в противоположном конце кабинет, и все провожали взглядами неширокую спину и седоватый затылок вождя. У самой панели он повернулся и в молчании возвратясь к тому месту, где сидел Артузов, остановился и спросил:

— Ну а ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?

При этом он пронзительным взглядом небольших, цепких с

желтоватыми белками глаз впился прямо в зрачки начальника разведки.

— Товарищ Сталин! — Артузов поднялся со своего места и видно было, что он взволнован, — заверяю вас, партию и правительство, что разведка приложит все силы, чтобы распознать дезинформацию и впредь сообщать руководству страны только проверенные и точные сведенья!

Сталин ничего не ответил, лишь усмехнулся в усы.

Совещание так и не пришло к конкретному решению. Очевидно, вождь стремился «обозначить проблему» и побудить представителей всех внешнеполитических ведомств обратить повышенное внимание на польский вопрос.

Когда совещание закончилось участников пригласили в соседний зал, где для них был накрыт стол. Сталин попросил Артузова задержаться. В кабинете остались также Молотов, Ворошилов и заместитель начальника ОГПУ Ягода.[22]

— Мы вот здесь познакомились с вашей запиской, — сказал Сталин, подойдя к стоявшему посреди кабинета Артузову вплотную, — и ваше мнение считаем заслуживающим внимания, а вас по совместительству хотим назначить заместителем начальника разведуправления РККА. Как вы думаете, товарищ Молотов? — повернулся он к молчаливому соратнику, остававшемуся на своем месте за большим столом.

— Согласен, — лаконично ответил Молотов.

— Я тоже, — поспешил присоединиться Ворошилов.

Сталин достал трубку, подошел к своему столу, набил ее табаком и раскурил. Мнение Ягоды, положительное, конечно, он уже знал. Поэтому вождь вернулся к Артузову.

— Нам необходимо взять под неусыпный контроль чекистов работу военной разведки и улучшить показатели этого важнейшего подразделения Генштаба. Ваше мнение?

Артузов молчал, слишком неожиданным оказалось предложение.

— Ну хорошо, подумайте над нашим предложением и через неделю обсудим, — Сталин махнул рукой, давая понять, что беседа окончена…

Утром, у себя в отделе на Лубянке Артузов сидел за столом своего кабинета и внимательно читал документ. «В чем дело? — уже в который раз в голову, помимо его воли, приходила мысль. — Почему польская информация пришлась вождю не по вкусу? Неужели агентура нас обманывает? Сталин ведь не мог ошибаться».

На приветствие вызванного Отто Штейнбрюка,[23] начальника третьего, немецкого направления, он, подняв голову, рассеяно

ответил: «Здравствуй, садись…» и продолжая изучать лежащий перед ним документ.

— Вызывали, — напомнил о себе Штейнбрюк.

— Чаю хочешь? Возьми там, — указал он рукой на столик в углу кабинета.

— Кто же откажется от вашего чая, — пошутил начальник направления.

Он налил стакан крепкого душистого чая, завариваемого Артузовым по своей рецептуре, опустился на стул у приставного столика и, положив в рот кусочек сахара, с удовольствием сделал несколько глотков.

— Перед Артузовым лежал лист бумаги, исчерканный синим карандашом. Штейнбрюк, взглянув мельком, подумал, что это, очевидно, текст шифртелеграммы для одной из резидентур, дела, как известно, совершенно секретного. Он знал, что каждое слово в таких документах тщательно выверяется, что продумывают и составляют текст исполнители или направленцы, но вся ответственность за содержание шифртелеграммы лежит на руководителе разведки или его заместителе.

Его восхищало в Артузове умение при любых обстоятельствах сосредоточиться, отключиться от всего второстепенного в данную минуту, а главным для начальника ИНО были, как ему казалось, эти исчерканные строки.

Помедлив, Штейнбрюк взял одну из нескольких булочек, лежавших на блюдце, — секретарша приносила их из общей столовой.

— Вчера собирали представителей всех внешнеполитических ведомств — вдруг спокойно сообщил Артузов.

— Где?! — от неожиданности Штейнбрюк поперхнулся.

— Собирали ночью, в Кремле. — Артузов поднял голову, и Штейнбрюк понял, что он переключился и думает сейчас о текущих делах отдела. — На совещании Сталин поднял вопрос о возможности заключения Польшей договора с нами, либо с Германией…

— И вы сказали, что с Германией? — быстро спросил Штейнбрюк.

— Да, основываясь на информации источника А/30 из польского посольства в Берлине, А/36 — из аппарата министерства иностранных дел Польши и А/201 из полицай-президиума Берлина, я высказал предположение, что поляки нас обманывают, а мирный договор заключат с Германией.

— И что, Сталин?

— Вот тут-то и вся загвоздка, — нахмурился Артузов. — Понимаешь, мне показалось, что ему не понравилась наша

информация. Он даже поинтересовался, не дезинформируют ли нас источники.

— Думаете, он располагает какой-то другой информацией?

— Не знаю, но такой возможности не исключаю. На всякий случай сделай подборку из сообщений этих источников и пусть она будет у меня под рукой.

— Сейчас же сделаю, Артур Христианович!

— Теперь давай закончим обсуждение берлинских дел. Прошлый раз нас прервали. Что-нибудь важное поступало?

— Резидентура сообщает, что встречу Карла с А/201 случайно видел в ресторане агент абвера Моллис.

Штейнбрюк протянул Артузову оперативный документ, который тот внимательно прочитал.

— У меня возникают вопросы, — оказал Артузов, положив письмо на стол. — Во-первых, почему Карл встречается с А/201 в ресторане «Захи» в центре города? Что ресторанов в более отдаленном месте нет? Во-вторых, Моллиса Карл знает, как же он мог не заметить его в ресторане? Подготовь телеграмму и укажи, что мы ставим Карлу на вид за подобную небрежность в работе!

— Это еще не все, Артур Христианович! — Штейнбрюк был явно удручен. — А/201 провел проверку в визовом отделе полицай-президиума и не обнаружил там дела Карла по оформлению вида на жительство. Его кто-то изъял! Агент порекомендовал Карлу проявлять осторожность и избегать контактов с полицией и штурмовиками.

— Ты связываешь это обстоятельство с проколом в ресторане? — спросил Артузов.

— А/201 утверждает, что Моллис Карла не знает, поэтому ничего страшного в том, что он видел их в ресторане, нет. Возможно, что изъятие дела Карда в полицай-президиуме связано с общим ужесточением властями режима пребывания иностранцев в Берлине, — высказал предположений Штейнбрюк.

— Попроси резидентуру в Берлине осторожно провести проверочные мероприятия вокруг А/201, — приказал Артузов. — Напиши, пусть соблюдают максимальную осторожность. Карл в любой момент должен быть готов перейти на запасные документы. В любом случае, ему нужно срочно готовить замену! Кстати, Зарубин[24] здесь?

— Зарубин прибыл и ожидает вашего вызова, Артур Христианович!

— Хорошо, сейчас закончим с немецкими делами и пригласим его, — решил Артузов. У тебя все?

— Нет, Артур Христианович, еще не все!

Начальник немецкого направления был по характеру

несколько флегматичным человеком, но с бульдожьей хваткой. В отделе все знали, что если он за что-то взялся, то быстро отделаться от него было невозможно.

— Ну, что еще?

— Карл сообщает, что А/201 хотели повысить в должности и перевести во второй отдел. Но он отказался, сославшись на то, что ему предстоит операция на почках. А/201 хочет остаться на прежней должности, которая соответствует состоянию его здоровья. Его непосредственного начальника криминальсекретаря Шлафа переводят в Министерство иностранных дел. Возможно, что А/201 назначат на его место.

Штейнбрюк сделал паузу, ожидая реакции Артузова, но тот молчал. Тогда начальник направления продолжил:

— И вот еще. А/201 удалось получить копию доклада криминальсекретаря Геллера из второго отдела. В нем особенно важны два места: первое, где говорится, что у немцев есть источник информации в аппарате военной разведки РККА. Пока не ясно, где он, то ли в резидентуре военной разведки в Берлине, то ли здесь, в Москве. Берман пока ничего не предпринимает, ожидая наших указаний.

— Это серьезно! — Артузов задумался. — Мне нужно обсудить этот вопрос с руководством Разведупра РККА и тогда решим, что делать. Торопиться не будем. А что второе?

— Второе, Артур Христианович, это информация о деятельности немецкого МВД с использованием русских эмигрантов. Вот посмотрите, — Штейнбрюк протянул Артузову документ.

Тот взял лист и быстро стал читать:

> «МИД Германии поставил в известность первый отдел о возобновившейся с середины прошлого года деятельности определенных лиц по изготовлению фальшивок. Уведомил об этом Курт Янке, который работает для МИД в области разведки…»

— Поставьте всех этих лиц на учет, — распорядился Артузов, возвращая документ. — Меня интересует, чем конкретно сейчас занимается А/201? Кто этот Геллер, он нам известен?

— Да, известен, они с А/201 ветераны в политической полиции и знают друг друга еще со времени ноябрьской революции. Геллер — эксперт по коммунистическому движению, активно сотрудничает с нацистами. Должность — начальник отделения.

— А сам, А/201?

— Заведует в третьем отделе финансами, дает заявки на

контроль телефонов интересующих полицию лиц, ведет переписку с учреждениями. Об оперативных делах отдела информацию собирает из разговоров, поэтому о событиях узнает с опозданием. Предупреждать нас об арестах пока возможности не имеет.

— А ты подскажи нашим, чтобы они попросили А/201 регулярно передавать нам копии финансовых отчетов отдела, а также других поручений. При анализе этих документов тоже можно много узнать интересного, — Артузов лукаво прищурился.

— Сделаю, Артур Христианович!

— Ну, а в целом, какая сейчас обстановка в гестапо?

— В гестапо, Артур Христианович, постепенно подбирают новых сотрудников. Некоторые, как например криминальсекретарь Николь, не успел приступить к работе, как на него донесли, что он скрытый социал-демократ. На доносы особенно не реагируют, зная, что «бывшие», из зависти, стараются очернить оставленных для работы в новой службе. Следят за каждым шагом друг друга!

— Политический климат в Германии создается обещаниями НСДАП и фюрера, — глядя в окно, задумчиво проговорил Артузов, — усиление патриотических настроений, возврат былого, государственного величия и экономическое процветание — вот высказывания, которые находят отклик в полиции. В провинциальных отделах политической полиции служили чиновники, занимавшие свои посты еще в период Веймарской республики. Нацистское руководство не может обойтись без специалистов. Они вносят свой вклад в укрепление власти партии Гитлера, а взамен открывают для честолюбивых возможность сделать личную карьеру.

Артузов вышел из-за стола и стал медленно прохаживаться по кабинету.

— Вообще, вы с Берманом очень своевременно подняли в 1932 году вопрос о необходимости перестройки работы с агентурой в Германии с нелегальных позиций, — задумчиво проговорил он. — Сегодня можно констатировать, что несмотря на резкое осложнение обстановки в Германии резидентура практически не понесла потерь.

Артузов уселся на свое место. — А как идут дела у А/70? Пристроили его куда-нибудь? — вспомнил он.

Его, Артур Христианович, мы передали на связь нелегалу Феликсу Гурскому, Монголу…[25]

— Это я помню, — прервал начальника отделения Артузов. — Меня интересует нашли ли ему работу по прикрытию?

— Нашли, Артур Христианович! Он теперь стал совладельцем

небольшого кафе. Партнер по делу — его старый знакомый. При необходимости кафе можно использовать в качестве почтового ящика или явочной квартиры.

— Напиши в резидентуру, чтобы пока с этим не торопились. Пусть выждут и посмотрят, как будет себя вести этот «свободный художник».

— Будет исполнено, Артур Христианович!

— Ну, теперь у тебя все, надеюсь! Давай, приглашай Зарубина!

Несколько минут спустя, в кабинет вошел среднего роста, плотный человек в очках, одетый в темный, модный костюм.

Артузов вышел из-за своего стола, крепко пожал ему руку и, справившись о его здоровье, а также здоровье жены Лизы, предложил ему сесть на стул у приставного столика напротив Отто Штейнбрюка.

— Ну, что у вас нового, Василий Михайлович! — мягко улыбаясь, с какой-то только ему присущей доверительностью, спросил Артузов. Он с большим уважением относился к сотрудникам нелегальных резидентур, прекрасно понимая всю сложность их работы.

— Особых новостей нет. Ювелир[26] и Нина работают надежно. Их дочь тоже выполняет отдельные поручения. Стенографистка немецкого посла в Париже проявляет необычную нервозность. Скоро ей предстоит возвращаться в Германию, а ей в фашистский рай не хочется…

Ее можно понять, — заметил Артузов и тут же повернулся к Штейнбрюку. — Как идут дела с получением американского паспорта?

— Дело решается положительно Паспорт на имя Кочека планируем подослать позже, — доложил Штейнбрюк.

— Так вот, Василий Михайлович, американское подданство может сослужить вам большую пользу уже в самое ближайшее время!

— Почему именно в ближайшее время? — удивился Зарубин.

— Потому, что вам с Лизой надо перебраться в Германию. Да, да, Василий Михайлович! В Германию! Там вас ждут дела посерьезнее, чем в Париже. Вы должны принять на связь особо ценного агента, довести до ума несколько разработок. Мы хотим назначить вас резидентом нелегальной резидентуры. Как, вы согласны?

Предложение было столь неожиданным, что Зарубин несколько растерялся и не мог сразу ответить.

— Сейчас по возвращению во Францию, — напористо продолжал развивать свою мысль Артузов, — вам надо съездить в

Америку и завязать там деловые отношения с фирмами, торгующими с Германией, потом стать их представителем в Германии…

— Но я ведь ездил туда в тридцать третьем, невольно вырвалось у Зарубина. — Не рискованно ли снова появляться там, да еще с американским паспортом? Мои документы ведь регистрировались…

— Василий Михайлович! — воскликнул Артузов. — Ну неужели вы думаете, что немецкая полиция только тем и занята, что следила за чешским коммерсантом Ярославом Кочеком? Ну, допустим даже, что это было так — ну и что из того? Почему богатый коммерсант Кочек не мог за прошедшее время принять американское гражданство? Так ведь? — повернулся он к Штейнбрюку за поддержкой. Тот согласно кивнул головой.

— Вы — богатый человек, опытный коммерсант, — продолжал развивать свою мысль Артузов. — Будет вполне логично, если вы, учитывая неустойчивое положение в Европе, ликвидируете свои дела во Франции и переведете весь свой капитал в какой-нибудь солидный нью-йоркский банк. В Америке сотня тысяч долларов на счету — лучший аттестат. Кстати, как у вас дела по прикрытию?

— В скором времени активы фирмы перевалят за миллион франков.

— Прекрасно! Нельзя не оценить, Василий Михайлович, положение человека, представляющего в Берлине известную кинокомпанию. Фашисты весьма заинтересованы в торговле с Америкой, будут нянчиться с вами, как с ребенком.

— А как же Лиза? У нее паспорта американского нет?

— С Лизой дело обстоит просто. Зарегистрируете брак и на этом основании ее либо впишут в ваш паспорт, либо выдадут ей новый.

— Понятно, — кивнул головой Зарубин.

— О деталях вы поговорите с товарищем Штейнбрюком. Сейчас хочу посоветовать — не теряйте связи со своими немцами. Они вам пригодятся. Главное для начала — создать надежное прикрытие. Скажите, Василий Михайлович, как быстро вы сможете ликвидировать свои дела во Франции?

— Хоть завтра!

— И какова будет ваша доля в рекламной фирме?

— В ближайшее время я смогу довести свой капитал до трехсот тысяч, а может быть и больше. Сумма может возрасти, если наладятся деловые отношения с Америкой.

— Отлично! Когда продадите свою долю, деньги обменяйте на доллары и поместите их в солидный банк Нью-Йорка. Эти

деньги вам пригодятся в дальнейшем. На нас особенно рассчитывать не следует. Ну, как ваше мнение, сложилось? Согласны? — закончил Артузов.

— Согласен. Но честно признаться, не хочется ехать в Германию! — вырвалось у Зарубина.

— Понимаю… — сказал Артузов. — К сожалению, нам с вами не дано жить так, как нам нравится. Моя воля, я бы занялся разведением цветов. Но есть еще партийный долг, правда?

Он вышел из-за стола и дружески положив Зарубину руку на плечо, проводил его до двери.

— Отдыхайте, перед отъездом загляните ко мне или к Слуцкому.[27] Вас нужно обязательно представить Ягоде. Ну, всего доброго! — и он крепко пожал Зарубину руку.

— Симпатичный парень, — сказал Артузов Штейнбрюку, собирая документы на столе, после ухода Зарубина. — Мне кажется, что мы не ошибемся. У него дела пойдут. Он сложил документы в сейф и повернулся к Штейнбрюку.

— Я должен сейчас выехать на совещание в генштаб. В отдел вернусь во второй половине дня. Если будет что-то срочное, позвони…

Этот пасмурный, декабрьский день отличался от обычного уже тем, что утром, часов в десять, Вилли позвонил домой Хиппе и передал поручение руководства: в связи с реорганизацией отдела, прервать отпуск и выйти на работу.

Едва Леман вошел в свой кабинет на Принц-Альбрехтштрассе, как верный себе Хиппе сразу же затараторил о предстоящей реорганизации отдела — количество отделений уменьшат, нас будет сорок пять человек… Он, наверное, говорил бы еще долго, но тут раздался телефонный звонок и Леман поднял трубку.

— Здесь инспектор Католинский, — услышал Вилли низкий, басовитый голос. — Я хочу переговорить с ассистентом Леманом.

— Я вас слушаю.

— Прошу зайти ко мне через тридцать минут, — не утруждая себя объяснениями, произнес Католинский и повесил трубку.

Сердце у Лемана на мгновение замерло, а потом стало биться редкими, сильными толчками, «Что это, провал?.. Моллис все-таки сообщил?… Не может быть!» Руки по инерции продолжали перекладывать документы на столе. «Инспектор Католинский — представитель НСДАП в гестапо, человек Геринга. Нет, это не его дело. Он занимается только чисткой! Если бы узнали, должны были бы допросить в отделе. Напрасно я волнуюсь!» — Вилли начал приходить в себя.

Видимо в его поведении что-то изменилось, потому что Хиппе вдруг замолчал, внимательно посмотрел на него и спросил:

— Кто звонил?

— Инспектор Католинский. Пригласил на беседу.

— Он занимается чисткой, — объяснил Хиппе и сочувственно взглянул на Вилли.

Обновление личного состава гестапо шло полным ходом. Чиновники держались настороженно и избегали откровенных разговоров. Чувство беспокойства особенно усилилось когда стало известно, что руководство тайной политической полицией взял на себя сам Геринг, а Дильс остался его заместителем. Абдта уже перевели в военную контрразведку. Собрался уходить в ведомство иностранных дел Шлаф.

Вилли привел все документы на столе в порядок, еще раз взглянул на часы, поднялся и, не спеша, направился на второй этаж. Он шел по коридору, внутренне собираясь и сосредотачиваясь, перебирая в памяти возможные варианты беседы и не замечая, что он аккуратно обходит кучи мусора, расставленную мебель и металлические шкафы. Гестапо обустраивалось и помещение имело неряшливый вид. Спросив на втором этаже у охранника номер нужного ему кабинета, в точно назначенное время, Леман постучал в дверь и не дожидаясь ответа, решительно вошел в кабинет.

Посреди большой, еще как следует не обставленной комнаты, без штор на окнах, за письменным столом сидел плотный с короткой стрижкой чиновник в светло коричневой рубашке, на рукаве которой выделялась красная повязка со свастикой. Когда Леман подошел и поздоровался, он молча встал, протянул для пожатия руку и жестом предложил сесть на стул, стоящий чуть сбоку от стола. Подождав пока Вилли сядет, он опустился в свое кресло, бегло пробежал лежащую перед ним раскрытый папку с документами и сказал:

— Господин Леман, я пригласил вас для беседы, чтобы выяснить некоторые интересующие меня моменты из жизни вашего бывшего начальника — криминальсекретаря Шлафа, — заговорил он низким голосом на берлинском диалекте. Задавая вопрос, он внимательно смотрел на собеседника.

— Я вас слушаю, — вежливо ответил Вилли, оставаясь настороже и полагая, что Католинский просто заходит издалека.

— Какие у вас отношения с криминальсекретарем Шлафом?

— Чисто служебные, он мой начальник, — Вилли решил отвечать лаконично по опыту зная, что многословие к добру не приводит.

— Ваше мнение о нем, как о чиновнике полиции?

— Видите ли, — Вилли на минуту замешкался — я могу сказать так, что из-за своего карьеризма, он часто был против

меня и мог сказать за глаза обо мне что-нибудь неприятное. И, тем не менее, я считаю, что он способный и преданный чиновник.

— Вы бывали с ним в командировках? — с невозмутимым видом спросил Католинский.

— Нет, господин инспектор, я всегда замещал его во время отъездов, поэтому в командировки с ним не ездил.

— Известно ли вам, господин Леман, как он тратил деньги во время пребывания в командировке, читали ли вы его финансовые отчеты?

— Я ничего по этому поводу не могу сказать, поскольку я никогда не интересовался, как он списывает командировочные.

— Шлаф считает, что вы написали на него донос по этому поводу. Что скажете?

Я? — искренне удивился Леман, — Впрочем, это легко проверить. Если донос написан от руки, его можно дать на экспертизу графологу. Если же он отпечатан, можно поискать в отделе машинку. Только зачем мне писать на него донос? Я не претендовал никогда на его место. Я вполне доволен своим положением.

Что ж, ваши ответы делают вам честь, — впервые улыбнулся Католинский, и Вилли подумал, что в этот момент инспектор производит впечатление простецкого парня.

В каких отношениях вы находитесь с криминальсекретарем Бертольдом? — спросил Католинский и лицо его опять приняло серьезное выражение.

«Вот оно главное, из-за чего он меня вызвал», — подумал Вилли и коротко ответил:

— У нас чисто служебные отношения. А Шлаф дружит с Бертольдом.

— Бертольд написал на вас донос. Чем вы можете это объяснить?

— Полагаю, что он сделал это по просьбе Шлафа.

— Бертольд пишет, что вы скрытый марксист! — Католинский настороженно смотрел прямо в глаза Леману.

Вилли улыбнулся и пожал плечами:

— Он, наверное, приводит какие-то конкретные факты. Хотелось бы их услышать. Сказать могу лишь одно: я никогда не был марксистом и пока еще не стал национал-социалистом. Я только готовлюсь вступить в партию, внимательно изучаю книгу фюрера «Майн кампф». До революции и некоторое время после нее, я был членом монархической организации «Союз африканцев», за что подвергался преследованиям со стороны социал-демократов.

Католинский перевернул несколько страниц в папке, видимо,

нашел нужное ему место и воскликнул:

— Вам нужны факты, пожалуйста! Что вы делали во время революции?

— Был в группе связи при военном министерстве. Обеспечивал связь между добровольческими отрядами и гвардейской дивизией рейхсвера, — спокойно ответил Вилли. Все моменты своей биографии он обсуждал с Клесметом и знал, что поймать его на мелочах никто не сможет.

— Кто это может подтвердить?

— Есть люди в военной контрразведке, которые знают меня по тем временам. Например, обер-лейтенант Протце, Новаковский.

— Хорошо! После переворота вас избирали председателем комитета чиновников первого отдела?

— Избирали. Я и сейчас член комитета чиновников.

— Ну, это старого, а сейчас будет новый комитет, — не удержался, чтобы не съязвить Католинский.

— Согласен, будет, — улыбнулся Вилли.

— Скажите, по вашей инициативе был снят начальник отдела Юлиус Кох?

— Он был снят решением общего собрания чиновников. Я на этом собрании был избран председателем. Так, что это не моя заслуга.

— Сообщают, что после революции вас часто посещал Отто Штройбель, который был в Киле председателем Совета солдатских и матросских депутатов. Это верно?

— С Отто Штройбелем мы вместе служили на флоте и он посещал меня, как старый приятель.

— Он был коммунистом?

— Я у него не спрашивал. Вам лучше задать этот вопрос господину Геббельсу. Ведь Отто Штройбель работает у него первым заместителем министра пропаганды.

Католинский замолчал, еще некоторое время перелистывал свою папку, потом поднял голову и сказал:

— Благодарю вас, господин Леман. Пока все. У меня к вам вопросов больше нет.

Вилли поднялся, аккуратно поправил свой стул и, попрощавшись, направился к двери. Он уже взялся за ручку, когда услышал:

— Минуту, Леман! А вы правильно тогда поступили, сняв Коха! До последнего времени он служил в полиции Мюнхена. По указанию фюрера его убрали оттуда, как человека, пользующегося дурной славой. Желаю удачи!

Инспектор, улыбнувшись, поднял руку в нацистском

приветствии.

Подымаясь к себе по лестнице, Вилли подумал, что после такой беседы неплохо бы расслабиться. По старым временам он закатился бы в кабак, но сейчас его держали на строгой диете. Пришлось довольствоваться беседой с Хиппе. Посовещавшись, они пришли к выводу, что этот вызов был связан с доносом, написанным Бертольдом.

Время шло, однако, после беседы с Католинским разговоры о повышении Лемана в должности прекратились. Выждав еще неделю и, убедившись, что дело против него развития не получило, Вилли решил во всем разобраться сам.

Взяв в административном отделе свое личное дело, Леман написал рапорт, и попросился на прием к своему начальнику отдела.

Начальник третьего отдела, правительственный советник Пацовски принял его сразу же, что само по себе было хороши признаком.

— Мне звонил Католинский и выразил удовлетворение результатами беседы с вами, — сообщил Пацовски, едва Леман сел на любезно предложений ему стул. — Какое у вас дело ко мне?

— Господин советник, — доложил Леман, — я обращайся к вам по поводу задержки с моим очередным повышением в ранге. Мне не понятно, почему это происходит. Может быть у вас есть ко мне какие-либо претензии? Я бы хотел внести ясность в это дело.

Вилли протянул ему свой рапорт вместе с личным делом. Пацовски внимательно его прочитал, молча взял ручку и принялся внизу, под рапортом, что-то писать. Закончив, он протянул Вилли рапорт, предлагая ознакомится с написанным. Тот прочитал: «Леман является верным, прилежным и надежным служащим, работой которого я полностью удовлетворен. Он — ценный работник и достоин повышения. Леман относится к когорте опытнейших работников тайной политической полиции».

Вилли не верил своим глазам. Можно было ожидать похвалы, но чтобы в такой форме…

— Вы удовлетворены, — улыбаясь, спросил Пацовски.

Лемана охватила волна теплой благодарности к этому невзрачному на вид чиновнику, способному вот так просто, без лишних слов и волокиты, решать весьма чувствительные для его подчиненных вопросы.

— Благодарю вас, господин советник, — Леман вложил в эти слова всю свою признательность. — Не согласитесь ли вы в таком случае подписать письмо в Управление СС о проверке моей родословной. Я решил подать заявление о вступление в ряды СС.

— Согласен, давайте письмо.

Вилли протянул заранее подготовленный документ. Поставив свою подпись, начальник отдела на минуту задумался, а потом, не сколько смущаясь, спросил:

— Господин Леман, я хотел бы, чтобы вы взяли под свой контроль кассу отдела по текущим расходам. Я на вас могу положиться. Если вы согласны, то я отдам необходимые распоряжения.

Леман потом не раз вспоминал добрым словом Пацовски. Так как у чиновников перед днем выдачи жалованья обычно ощущалась нехватка денег, они часто обращались к Вилли с просьбой дать взаймы несколько марок. С ведома начальника он выдавал каждому по 3–5 марок, делая вид, что оказывает большое личное одолжение. Сослуживцы чувствовали себя обязанными, и он использовал это обстоятельство, получая от них, как бы между делом, интересующую его информацию.

Между тем появились слухи о предстоящем уходе Дильса. Все говорили, что Дильсом хотят пожертвовать, чтобы успокоить престарелого президента Гинденбурга.

Геринг не долго колебался, и вскоре Дильс отправился лечиться в Чехословакию.

На пост начальника тайной политической полиции толстяк Герман назначил ветерана партии, старого алкоголика Поля Хинклера, лучшего друга лидера нацистской фракции в рейхстаге Вильгельма Кубе.

Хинклер совершенно не интересовался делами гестапо и не мешал Герингу самому руководить этой организацией. Возможно, он бы еще оставался бы некоторое время на этом посту, но тут начался судебный процесс в Лейпциге над участниками поджога рейхстага, и бестолковый Хинклер делал одну глупость за другой. Дело о поджоге начало разваливаться.

Ярости Геринга не было предела. «Убрать немедленно этого идиота» — орал он подчиненным. Как всегда полупьяный Хинклер ночевал в гестапо. Видимо, его предупредили, по тому что едва заслышав ночью приближающиеся шаги, он выпрыгнул из окна служебного кабинета и в ночной рубашке, ринулся в парк Тиргартен, где на скамейках еще сидели влюбленные парочки. Бывший шеф гестапо стал выпрашивать у них монеты, чтобы по автомату связаться с Кубе, но от него шарахались как от чумного. В конце концов Хинклер оказался в полицейском участке, откуда сумел связаться с Кубе. Тот забирал его из участка.

Еще не успели полицейские разобраться с Хинклером, как из Праги срочно доставили Дильса и поручили ему не мешкая заняться лейпцигским процессом. Одновременно Геринг вывел

гестапо из подчинения Министерства внутренних дел Германии и подчинил ее прямо себе. Трудно предположить, куда бы в конце концов честолюбивый Герман зашел в своей борьбе за свое детище, если бы его не отвлекли события, связанные с процессом в Лейпциге. В конце концов он его проиграл с треском. Чтобы как-то утешить своего любимца, Гитлер присвоил ему звание генерала рейхсвера и назначил министром авиации.

В конце января 1934 года, в день годовщины прихода нацистов к власти, полицейские службы всех земель специальным декретом были поставлены под юрисдикцию Берлина.

К этому времени на политическом небосклоне страны появилась новая, быстро восходящая звезда — Генрих Гиммлер. Через своих ставленников он ухитрился подчинить себе отделы политической полиции Гамбурга, Мекленбурга, Любека, Тюрингии, герцогства Гессен, Бадена, Вюртенбурга и Анхальта. Особого внимания заслуживают его действия в Мюнхене.

В начале марта 1933 года Гиммлер был утвержден начальником баварской политической полиции, которую он создал на базе городского отдела политполиции Мюнхена. Вместо себя начальником городского отдела он поставил Рейнхарда Гайдриха, который одновременно оставался начальником Службы безопасности (СД) национал-социалистической партии.

Подобно Герингу, Гиммлер тоже исподволь начал вести борьбу с Ремом и его штурмовиками. Используя свое положение руководителя охранных отрядов, он начал планомерно захватывать для своих людей должности префектов полиции в городах Германии. Конечно, СС пока уступали штурмовикам по численности, но они были лучше организованы и расставлены в нужных местах.

Между Ремом и Гиммлером давно возникла глухая антипатия, которая быстро переросла во вражду и яростное соперничество за близость к Гитлеру. Это соперничество привело Гиммлера к мысли о необходимости овладеть всеми полицейскими силами страны.

Взяв под свой контроль полицию фактически всей страны, за исключением Пруссии, Гиммлер обратился с просьбой к Гитлеру и Герингу передать ему полицейскую власть и там. Фюрер поддержал аргументы Генриха: было бы справедливо и своевременно бороться с врагами рейха едиными методами.

Геринг согласился. Наконец нашелся человек, который, как и он сам, был решительным противником Рема и действовал против него весьма ловко. Герману импонировала то стратегическое искусство, с которым Гиммлер осторожно, шаг за шагом, проводил операцию по окружению «банды Рема».

В начале апреля Гиммлер был назначен инспектором полиции Пруссии, а в конце апреля стал руководить и прусским гестапо, хотя юридическое право за контролем над этой организацией Геринг сохранял за собой до 1936 года.

Едва Гиммлер обосновался в Берлине, как отделы политической полиции в землях и отделы тайной политическом полиции в Пруссии были объединены в единую тайную политическую полицию рейха, начальником которой стал Рейнхард Гайдрих.

Молодой обер-лейтенант в апреле 1931 года уволенный с военно-морской службы за проступок, позорящий честь и достоинство офицера, за каких-то три года сделал головокружительную карьеру, сосредоточив в своих руках огромную власть. Высокого роста, с длинным узким лицом, острым носом и косоватыми глазами он производил странное впечатление. К тому же пронзительно тонкий голос казался необычным для его большого, сильного тела, а широкие бедра придавали его фигуре женственные вид. Одной из способностей Гайдриха было умение быстро распознавать слабости других людей, хранить их в своей феноменальной памяти и в нужный момент умело ими пользоваться. Привычка ставить всех окружающих, от секретарши до министра, в зависимость от себя благодаря знанию их слабостей и своему безжалостному характеру, способному на любую подлость — давала ему власть и силу.

Болезненно честолюбивый, он был всегда настороже, никому не доверял, полагаясь исключительно только на себя и свой инстинкт, который побуждал его к самым неожиданным решениям, весьма опасным для окружающих. Очень быстро Гайдриха стали побаиваться не только его подчиненные, но и вся нацистская верхушка и даже сам Гиммлер.

Возглавив центральный аппарат тайной политической полиции Гайдрих стал государственным чиновником высокого ранга, а сохраняя за собой должность начальника Главного управления безопасности (СД) национал-социалистической партии, он по-прежнему оставался крупным партийным функционером.

Вместе с собой в Берлин, Гайдрих взял четыре десятка наиболее квалифицированных криминалистов. В их числе был Генрих Мюллер, ставший позже начальником гестапо.

Позже Гиммлер скажет: «Я думаю, что только я и министр-президент Геринг знают, до какой степени 1933–1935 годах был недееспособен аппарат тайной политической полиции. В ней собрались чиновники, которые по крайней мере в филиалах были

отнюдь не из лучших. Ведь никакое учреждение не отдаст лучшие свои силы, к тому же в мировоззренческом смысле они были совершенно не подкованы. Чтобы придать им политическую зрелость, мы привлекли в полицию старых борцов из рядов СА и СС, у которых было неоспоримое преимущество — принадлежность к НСДАП. Но часть из них страдает одним недостатком — неумением приспособиться к упорядоченной жизни, к самой примитивной канцелярской работе.»

Прагматик Гайдрих быстро понял, что на голой теории политику не построишь, что для слаженной работы всех систем в стране нужны профессионалы и не важно, к какой партии они принадлежали. Он примечает и начинает поддерживать наиболее толковых, энергичных, знающих свое дело криминалистов. Сотрудничество Гиммлера и Гайдриха, крупных партийных руководителей НСДАП с беспартийными специалистами из политической полиции Веймарской республики было вызвано как политической необходимостью, так и методом национал-социалистического движения, пытающегося таким образом утвердить свою власть.

Этот союз представлял беспартийным чиновникам возможность доказать свою преданность новому режиму в борьбе с оппозицией, продемонстрировать свои знания, подавая руководству вовремя советы и исправно выполняя порученные указания.

Большинство полицейских чиновников было настроено консервативно и нисколько не сожалело о конституции Веймарской республики. Для них Веймар ассоциировался с Версальским договором, этим «ударом ножом в спину», как его называли военные, с частой сменой правительств, инфляцией и безработицей, тогда как новые власти олицетворяли порядок, представляли возможность проявить себя, сделать карьеру и получать высокую зарплату.

Безусловно, не все полицейские имели опыт работы в области «борьбы с коммунистами» и обладали такими качествами, как огромная работоспособность, стремление к власти и отсутствие угрызений совести. Многие из них были уже в солидном возрасте и казались Гайдриху старыми и слабыми, не способными энергично и много работать.

Вилли Леман, по меркам нацистов, тоже уже был старым. Однако его оставили в гестапо, поскольку он не занимал руководящей должности, много лет работал против советского представительства в Берлине, что приравнивалось к борьбе с коммунистами, никогда не преследовал нацистов, более того, считался им сочувствующим, и, наконец, он умел ладить с

начальством, в частности с Дильсом, и товарищами по работе. Его уважали за опыт и спокойную рассудительность.

По инициативе Гайдриха, ведущим подразделением в гестапо становится второй отдел — борьба с внутренними врагами, который он сам и возглавил. Заместителями у него были назначены мюнхенцы Флеш и Мюллер. Помимо второго, были: третий отдел — контрразведка, в котором работал Леман, четвертый — религиозные секты, масоны, евреи, эмигранты; пятый — аграрные и социально-политические вопросы; шестой — радиоперехват; и ряд других.

Наряду со структурными изменениями, с приходом Гайдриха в гестапо резко возросли требования к дисциплине. Стоило беспартийному чиновнику опоздать на службу минут на десять, как его сразу же переводили из гестапо в полицию. На опоздании попался начальник первого отдела Артур Небе, который впоследствии вернется из полиции и возглавит криминальную полицию Главного управления имперской безопасности, созданного в 1939 году.

Всю дорогу до места сбора, как им сказали, на вилле Геринга, Леман переживал, как неудачно для него сложился этот день. Все началось накануне. Вечером из-за аврала в отделе он не смог выйти на запланированную встречу с советским куратором, важную для него не только потому, что надо было передать добытую информацию, указывающую на резкое обострение обстановки в стране, но и потому, что он ожидал получить пятьсот марок, свою месячную плату, так нужную ему в этот важный для него день. Теперь расстроенный, он невесело рассуждал о своей жизни и службе в третьем отделе гестапо, где уже несколько лет он занимал довольно скромную должность, не позволяющую, как ему казалось, быть достаточно информированным и полезным своим московским друзьям, поминая недобрым словом свои болячки, медицину и отдел кадров.

Сегодня в восемь часов вечера у него было условленно свидание с его любовницей Флорентиной. Для этой жизнерадостной и неприступной для других женщины он был вовсе не грозным инспектором из всесильного гестапо, а просто Вилли, возможно несколько самолюбивым, но симпатичным, а главное, желанным и любимым мужчиной. Так, во всяком случае, она говорила в беседах со своей теткой, не зная, впрочем о нем самого главного, того сокровенного, что он тщательно скрывал от всех окружающих, его тайного сотрудничества с советской разведкой, как и его тайных симпатий к Советскому Союзу.

Еще неделю назад, при последней встрече с Флорентиной они

договорились, что Вилли обязательно придет к восьми часам к ней на квартиру, и больше она ничего не сказала. Но от ее тетки, строго по секрету, — он узнал, что Флорентина хочет отпраздновать свой день рождения и организовать небольшое торжественное застолье. Кроме него, были приглашены еще две подружки, а также любовник одной из них, вроде бы, армейский офицер, в компании весельчак и любитель выпить.

Узнав про день рождения, Вилли наутро поехал к портному, который шил ему новый костюм, и попросил ускорить работу хотя бы на сутки. Чтобы стимулировать срочность, он пообещал сверх обусловленной платы еще несколько марок.

С этим костюмом вообще было немало хлопот. Отрез он купил случайна по невысокой цене в магазине. Потом пришлось искать бортовку, подходящие пуговицы, а главное, не было хорошего, надежного мастера. И лишь неделю назад все наконец устроилось.

Сегодня рано утром по дороге на службу он заскочил к портному еще раз напомнить, что к вечеру костюм обязательно должен быть готов. К его удивлению и радости пошитый пиджак уже висел на манекене, а брюки отглаживались тяжелым утюгом.

— Я рад, — болтал словоохотливый портной, — что новый рейх умеет ценить своих людей. А вы господин Леман, один из таких людей, это даже мне, портному, понятно.

Этого лохматого старикашку, угодливо-старательного, как и все ремесленники, коллеги рекомендовали ему как хорошего мастера. Сшитый им костюм превзошел, однако, все ожидания. Он сидел на Леман без единой морщинки, эффектно облегая его статную фигуру. Это была работа, достойная столичного мастера.

Чтобы «обжить» костюм и чувствовать себя в нем к вечеру привычно и непринужденно, Леман не стал его снимать, а старый завернул в бумагу и завез к себе на квартиру.

По дороге на службу его перехватил новый советский куратор Александр.

В связи со срочным отъездом Клесмета, до прибытия ожидавшегося Зарубина, работать с агентом А/201 было поручено сотруднику легальной резидентуры Александру Израйловичу. По своему положению он был более уязвим для немецкой контрразведки, поэтому ему категорически запретили принимать от агента документальные материалы. Временно они обменивались лишь устной информацией.

Обеспокоенный невыходом агента на встречу накануне, Израйлович решил не откладывая выяснить, не случилось ли с ним что-нибудь.

Леман уже опаздывал на службу, поэтому они беседовали по

пути. Обрисовав коротко обстановку в отделе, Вилли сообщил, что сегодня его пригласили на прием в загородном доме Геринга, что приглашение это некстати, так как он собирался отмечать день рождения своей любовницы.

Все так удачно складывалось. Жена уехала в Швибут оформлять наследство после смерти матери, теперь будет легче легендировать получаемые от советской разведки деньги, Он повидался с Александром, получил свои пятьсот марок и планировал теперь провести вечер по своему усмотрению. И на тебе!

Из-за непредвиденной задержки, Леман опоздал на службу на несколько минут. Едва он появился на своем этаже, как понял, что все чиновники где-то собрались. Не мешкая, он поспешил в кабинет начальника отдела и тут же получил от Пацовски замечание за опоздание, а далее все пошло совсем наперекосяк.

Пацовски собрал у себя весь отдел и проводил инструктаж. Он сообщил, что руководством гестапо планируется какое-то ответственное мероприятие и все чиновники до специального распоряжения поступают в полное подчинение руководителя операцией. По окончанию этого совещания всем надлежит прибыть к месту общего сбора в загородной резиденции генерала Геринга.

Уже несколько дней в гестапо происходило нечто необычное. Второй отдел лихорадочно собирал со всех подразделений материалы на Рема и его шайку. Из-за этого Вилли вчера задержался на работе и не смог в назначенное время встретится с Александром.

Тщательному изучению подвергались даже незначительные заметки о деятельности начальника штаба штурмовиков и его подчиненных, все их визиты и встречи, их телефонные разговоры. Из документов выхватывались абзацы, фразы, словечки, имена.

Из множества разнородных материалов создавалась общая картина крупного заговора, неизбежного государственного переворота, который ставит под угрозу жизнь фюрера. Все это оформлялось в виде специальных сообщений.

Начальник отдела, предупредив всех о секретности операции, о личной ответственности всех присутствующих и необходимости быть предельно бдительными, поднялся из-за своего стола и сказал:

— Через десять минут выезжаем на место сбора. Там объяснят, что нужно конкретно делать. Всем иметь при себе личное оружие и служебное удостоверение. Автобус во дворе!

Вместе с другими чиновниками Леман вышел из кабинета. Коллеги тут же окружили его, стали щупать материал костюма,

хвалить и со смехом спрашивали: куда это Вилл с утра так вырядился? Уж, не на операцию ли? Он что-то отвечал, рассеянно улыбался, а сам усиленно соображал, как теперь лучше все устроить.

Зайдя в свой кабинет, Вилли торопливо набрал номер телефона. Он звонил на квартиру Флорентине, желая поздравить новорожденную и предупредить ее о возникших у него обстоятельствах.

Флорентина была занята приготовлениями на кухне, к телефону подошла ее подруга, одна из приглашенных на вечер, и Леман сказал ей, что должен срочно отлучиться по делам службы, но постарается вернуться вовремя, и просил передать виновнице торжества его поздравления.

За окном просигналила машина, но Вилли, разговаривая по телефону, сигнала не слышал. Дверь кабинета неожиданно распахнулась и на пороге вырос Хиппе, его сосед по кабинету, с перекошенным от злости лицом:

— Тебе что требуется особое приглашение?! Ты не слышишь — тебя все ждут! — выкрикнул он и захлопнул дверь.

— Если я задержусь и до восьми часов вечера, меня не будет, очень прошу вас купите от меня Флорентине цветы. Я вам все оплачу! Он повесил трубку и выбежал во двор.

А в большом здании на окраине города, куда они неслись, как по тревоге, пришлось болтаться почти весь день. Чиновники указали место, где они могли расположиться; они сидели, курили или прогуливались по залу.

Все складывалось до обидного нелепо. За время этого вынужденного безделья можно было не раз успеть переодеться, самому отобрать и купить цветы для букета — но как отлучиться? Когда начнется операция — никто толком не знал и не мог сказать; неизвестно было даже для чего их всех здесь собрали.

Генрих Мюллер, заместитель начальника второго отдела, которого как оказалось, еще с ночи прихватил приступ язвенной болезни, злой, с посеревшим лицом, сидел на стуле придерживая руками живот, тупо смотрел в пол. Боясь помять новый костюм, Леман не присел ни на минуту, все время прохаживался около чиновников своего отдела, не выдержал, подошел к Мюллеру и, наклонясь, тихо спросил, не может ли он чем-нибудь ему помочь.

— Оставьте меня в покое! — почти не разжимая губ прошипел Мюллер и его маленькие карие глаза недобро блеснули. Он явно не желал, чтобы на него обращали внимание.

Наконец, по команде все построились, и тут же, из боковой двери, появилась группа высокопоставленных лиц. Впереди важно шагал Геринг, одетый в светлый генеральский китель, за ним шли

Гиммлер и Гайдрих, оба в черной, эсэсовской форме и кто-то еще, вероятно из штаба или охраны.

— Я только что прибыл из Мюнхена, — заговорил Геринг, когда шеренга выровнялась и в зале воцарилась тишина. Рем, эта мерзкая свинья, хотел заставить фюрера создать новую армию, а во главе ее он видел самого себя. Чтобы добиться этого, он готов был употребить силу, развязать конфликт и силой заставить фюрера вернуться к старым друзьям…

«Вот в чем дело! — подумал Вилли и сразу почувствовал, как у него неприятно заныло под ложечкой. Теперь голос Геринга стал доноситься до него откуда-то издалека. «…Переворот должен был начаться в Мюнхене сегодня, в день банкета… Банкет — лишь предлог для сбора руководителей СА… Штурмовые отряды должны были захватить правительственные здания… Специальный отряд должен был убить фюрера… Рем получил оружие от генерала артиллерии фон Лееба для передачи СА…»

Геринг говорил громко, отрывисто, словно бросал слова в лица близко стоявших чиновников, подтверждая свои мысли резкими взмахами руки. Все слушали его безмолвно.

— Фюрер возлагает на вас почетную миссию — ликвидировать опасность! Полиции отдано указание не вмешиваться в действия отрядов СС. Вы все будете включены в спецгруппы, которые получат индивидуальные задания. Отряды СС уже получили со складов рейхсвера винтовки и карабины. Те, кто будет свободным, держаться подальше и не проявлять любопытства к тому, что будет происходить в отдельных местах! Помните, мы должны внезапно ударить первыми! — закончил Геринг.

В зале по-прежнему стояла мертвая тишина. После небольшой паузы, вперед вышел Гайдрих:

— Главное — внезапность! И никакой огласки! — начал выкрикивать он своим высоким, тонким голосом. — Группы привлекаются для выполнения специальных заданий, но о том, что операция проводится гестапо, должны знать только ее участники!

Гайдрих повернулся к стоявшему в стороне хауптурмфюреру Курту Гильдишу и кивнул ему. Тот подошел и четко повернулся лицом к строю, Гайдрих громко приказал:

— Проинструктируйте командиров групп, не упустите ни малейших деталей. Вами должны быть предусмотрены и разъяснены необходимые действия во всех возможных ситуациях!

После этого Гильдиш зачитал список старших групп и пригласил их собраться для более подробного инструктажа. После этого он стал зачитывать фамилии прикрепленных. Затем

он взял другую бумагу и огласил, в какие группы входят присутствовавшие в зале чиновники.

Леман попал под начало начальника внешней службы Бонаца, которого знал еще с 1918 года. Шефом этого подразделения тот стал недавно, в марте 1933 года, сразу после того, как используя связи сумел вступить в члены НСДАП.

Леман стоял в стороне, ожидая своего напарника. Минуту спустя, из-за столпившихся вокруг Гильдиша чиновников, выскочил Бонац с красным, вспотевшим лицом, махнул Вилли рукой и бросил на ходу:

— Идем со мной…

Они направились к площадке возле дома, где стояло десятка два автомашин, в основном черные «мерседесы» и «БМВ», вымытые и надраенные, как на парад.

Миновав эти нарядные машины, Бонац подошел к неказистому «опелю» серого цвета, видимо, из своей службы. Они сели в нее и сломя голову, понеслись.

Поглядывая на часы, Леман не без волнения, которое впрочем, тщательно скрывал, старался представить и сообразить, сколько времени займет эта операция по аресту штурмовиков и все больше склонялся к мысли, что к половине восьмого в любом случае он вряд ли освободиться.

Мысли о встрече с Флорентиной, о вечернем торжестве вновь всплыли в голове и оттого, что его включили в это идиотское, как ему тогда казалось, мероприятие, настроение портилось с каждым часом. В такой день — нарочно не продумаешь! — он вынужден то куда-то лететь сломя голову, то болтаться без дела, выслушивать речи Геринга, которого как и других нацистских руководителей вместе с их фюрером, он в душе глубоко презирал, теперь трястись в этом «опеле» и — пожалуй, самое оскорбительное! — чувствовать себя совершенной пешкой, находиться все время в полном неведении относительно своих дальнейших действий.

Машина прибыла к имперской канцелярии и остановилась недалеко от центрального входа.

— Выходим! — скомандовал Бонац и быстро вывалился наружу. Леман не торопясь выбрался из «опеля» на тротуар; за всю дорогу он не произнес ни слова. Склонившись к шоферу, Бонац велел ему проехать метров пятьдесят и там ждать. Пока он наставляя шофера, Вилли, разминая затекшие ноги, отошел на десяток шагов назад, осмотрел свой костюм, поправил складки на брюках и заложил руки за спину. Наконец Бонац освободился.

— Идем! — сказал он и устремился вверх по лестнице. — Проверь оружие! — бросил он на ходу, и они стремительно вошли

в здание имперской канцелярии. «Кого тут арестовывать, — недоуменно подумал Вилли. — В имперской канцелярии штурмовикам делать нечего».

Между тем, Бонац и едва поспевающий за ним Леман, не обращая внимания на швейцара, вошли в приемную вице-президента фон Палена и подошли к столу секретарши.

— Нам нужно срочно видеть старшего правительственного советника Бозе. — навис над ней Бонац.

Миловидная женщина в очках от неожиданности растерялась и продолжала сидеть.

— Господин Бозе занят. У него посетитель, — наконец выдавила она из себя.

— Немедленно, дело государственной важности! — потребовал Бонац тоном, не допускающим возражений.

Она, молча поднялась и направилась к кабинету. Через минуту из кабинета вышел Бозе, высокий, седой, хорошо одетый господин в очках. Он сделал лишь несколько шагов, как Бонац выхватил из заднего кармана брюк револьвер и дважды выстрелил в упор. Бозе обмяк и стал падать.

В первое мгновение Леман инстинктивно отпрянул назад и судорожно нащупал револьвер в кармане брюк: внезапность произошедшего ошеломила его.

— Стреляй! — зашипел над ухом Бонац и Леман тоже дважды выстрелил в уже лежавшего на полу Бозе. Потом Бонац схватил его за рукав пиджака и потащил из помещения. В растерянности Вилли несся за ним по ступеням. Сердце бешено колотилось, дыхание, прерывалось. Только внизу, справившись, наконец, с волнением. Леман крепко схватил Бонаца за плечо:

— Что ты сделал! Зачем ты его застрелил! — прохрипел он.

— Молчать! — неожиданно фальцетом закричал тот. — Это приказ ты почему не стрелял?! Чистеньким хочешь остаться?! — и он с силой отбросил руку Лемана.

Вилли молчал, лихорадочно собираясь с мыслями, не зная толком, что ему отвечать. Пока он соображал, шофер задним ходом подал «опель», и Бонац втолкнул его на заднее сиденье.

— В министерство путей сообщения! — приказал шеф внешней службы шоферу, усаживаясь рядом.

Пока они ехали, Леман успел, как говорится, прокрутить в голове ситуацию: «Все, назад пути нет! Если я откажусь идти с ними, меня тут же убьют! Убьют…убьют…» — стучало в висках.

Когда подъехали к министерству путей сообщения, Леман коротко спросил:

— Кого?

— Директора Клаузнера! — отрывисто бросил Бонац.

Они быстро нашли нужны кабинет. Не обращая никакого внимания на выскочившего из-за своего стола секретаря, Леман рванул на себя дверь.

Директор Клаузнер сидел за большим столом и что-то писал. Подняв на шум голову и увидев перед собой двух незнакомых людей, он стал медленно подыматься.

Вперед выдвинулся Бонац и громко объявил, что Клаузнер арестован, как враг «нации». Удивлению директора в имперском министерстве путей сообщения, в прошлом начальника отдела в министерстве внутренних дел, известного в консервативных кругах политического деятеля, не было границ. Тем не менее, взяв себя в руки, он направился к шкафу, чтобы одеть пиджак. В это мгновение Бонац вытащил из бокового кармана пиджака маленький маузер, быстро подошел к Клаузнеру и выстрелил в него сбоку, целясь в висок. Клаузнер осел и завалился на спину, Бонац проворно нагнулся и вложил в его холодеющую руку маленький маузер.

Они в молчании быстро покинули помещение и сели в свой «опель».

— В казармы Лихтенфельде! — скомандовал шоферу Бонац.

Ехали молча. Они еще не знали, чем все это может для них самих закончится и успокаивали себя лишь тем, что выполняли приказ свыше.

Шофер прибавил газу. Машина завиляла на улицах Вильмерсдорфа. Они проехали улицу Гинденбурга, оставив слева от себя бульвар, вылетели на простор Кайзераллее и скоро достигли цели — кадетский корпус на Теклаштрассе, превращенный в казарму для штурмовиков.

Трехэтажное здание окружено цепью эсэсовцев. Двор тоже забит молодчиками в черной униформе. И никого в коричневой рубашке, которые носят подчиненные Рема.

Перед тем, как выйти из автомобиля, Бонац взял с заднего сиденья портфель из желтой кожи, который он прихватил в кабинете Клаузнера.

Потом передумал и протянул портфель Вилли:

— Побереги!

Когда они входили под темный свод подъезда, издали, с той стороны, где в подвале был расположен корпусной тир, донесся глухой залп. Вилли было приостановился, но видя, что Бонац идет дальше, поспешил его догнать. Залп повторился, Вилли почудилось, что он слышал какие-то отдаленные крики…

Возле одной из открытых дверей на втором этаже, они остановились в ожидании вызова.

Тут уже находились начальник одного из отделений гестапо

Майзингер и приданный сегодня ему в напарники Хиппе.

В проеме двери хорошо было видно освещенное помещение, где за большим столом восседал Геринг и принимал доклады. В кабинете было душно, поэтому толстяк Герман распахнул мундир и расстегнул нижнюю сорочку.

Рядом находились Гайдрих, Гильдиш и еще кто-то из свиты министра внутренних дел.

Перед Герингом, робко согнувшись, стоял один из высокопоставленных штурмовиков, принц Август-Вильгельм.

— Где же вы последний раз разговаривали с Карлом Эрнстом? — строго вопрошал Геринг.

— Это был телефонный разговор.

— Что вы с ним обсуждали?

— Я просил разрешение на отпуск, прежде чем отправиться за границу, — робко ответил Август-Вильгельм.

— Сейчас мы это проверим, — мрачно заверил Геринг и включил магнитофон, стоявший тут же, на столе.

Некоторое время он слушал пленку, которую ему приготовили специалисты из службы по контролю за телефонными переговорами из «Института Геринга».

Вам повезло, что вы сказали мне правду, — торжественно объявил он после того, как прослушал запись. — Я рад, что вы решили отправиться в Швейцарию на несколько дней!

Принц молча смотрел на Геринга.

— Не говорил ли я вам, что у вас самое тупое лицо в мире? — спросил Геринг и громко рассмеялся, довольный остроумной, как ему казалось, шуткой. — Конечно, вы поедете в Швейцарию! Отпустите его!

Принца поспешно увели, а ему на смену притащили руководителя СА Герта, в прошлом как и Геринг, летчика, тоже кавалера ордена «За заслуги». Грузный Геринг не поленился выбраться из-за стола и подошел вплотную к Герту.

— Я специально попросил привести вас сюда, — сказал Геринг, потому что вы солдат и когда-то были моим боевым товарищем. Это делает вашу вину еще более тяжкой. Я хотел бы расправиться с вами сам!

Он сорвал с Герта орден «За заслуги» и бросил его в угол. Но старый летчик сохранял хладнокровие.

— Убрать его! — загремел раздосадованный Геринг.

— Теперь настала очередь докладывать Бонацу. Он встал, одернул пиджак, мельком взглянул на Лемана и, не говоря ни слова, вошел в кабинет. Какое-то время Вилли ожидал его у закрытой двери. Вдруг она с треском распахнулась, и Вилли увидел спину пятившегося Бонаца, а за ним Гайдриха, с лицом,

искаженным яростью.

— Быстро к Юнгу! И если вы его упустите, я сдеру с вас шкуру! — прокричал он своим тонким голосом, вырвал из рук Вилли портфель и быстро скрылся за дверью.

Бонац повернулся и побежал по лестнице вниз. Леман едва поспевал следом. По дороге Бонац захватил еще кого-то из охранной роты, и они втроем вскочили в автомобиль.

Только после того, как Бонац выкурил половину сигареты, он сказал Вилли:

— Едем к Юнгу.

«Юнг? Ах, да, Юнг! В некотором роде второе «я» фон Папена, творец его речей. Значит и Юнг?» — подумал Вилли.

Автомобиль остановился у небольшой виллы. У входной двери Бонац бросил:

— Найди Юнга и… живо! Только не дома! За городом!

— А ты? — невольно вырвалось у Вилли.

— Я займусь документами.

Бонац бесцеремонно оттолкнул отворившего дверь лакея.

Где хозяин? Быстро!

В сопровождении эсэсовца Вилли побежал вслед за лакеем, в испуге устремившемся во внутренние комнаты. Он остановился у двери, перед которой в нерешительности замер лакей. Вилли, не раздумывая, ударом ноги отворил ее. В большой, белой ванне колыхалось голубоватое зеркало воды. Из-за света лампы отражающейся от ее поверхности, из-за. Блеска белых кафельных стен, Вилли показалось вокруг необыкновенно светло. В этом ослепительном сиянии тело сидевшего в ванне человека казалось мертвенно бледным. Вилли посмотрел ему в лицо и убедился, что этого человека он не знает. Юнг это или нет? Время на раздумывания не было.

— Господин Юнг? Одевайтесь, живо! Вы арестованы! Полуодетого Юнга вывели и втолкнули в автомобиль. Вилли с эсэсовцем уселись по бокам.

— Прямо! — крикнул Бонац шоферу, прыгая на переднее сиденье с портфелем в правой руке.

Автомобиль помчался по пустынной улице. Потом Бонац крикнул шоферу: «Сигнал!» и кивнул головой эсэсовцу. Тишину улицы прорезал пронзительный вой сирены. Заглушенный ее воем, звук выстрела, раздавшийся рядом с Вилли, показался совсем негромким.

Спустя две недели тело Юнга обнаружили в придорожной канаве.

… Они вернулись, когда уже совсем рассвело. Бонац побежал с докладом на верх, а Вилли решил прогуляться во дворе, на

свежем воздухе. Вскоре он заметил, что к казарме подъезжают один за одним грузовики, набитые арестованными штурмовиками. Как пояснил ему один из его сослуживцев, сюда свозили всех, кто не был убит на месте или кому не удалось сбежать. Арестованных быстро перегоняли в подвал. Кое-кого допрашивали, но большинство избивалось, после чего всех по очереди выводили во двор и ставили к стенке. Расстрельная команда работала без перерыва.

Команда эсэсовцев располагалась в пяти метрах от приговоренных, а стена, у которой они стояли, была покрыта кровью. Залпы сопровождались криками: «Хайль Гитлер! Это нужно фюреру!», причем здравицы в честь фюрера иногда выкрикивали сами расстреливаемые.

Через некоторое время появился Бонац и сообщил новое указание: прибыть в гестапо и поступить в распоряжение Мюллера.

На Принц-Альбрехтштрассе, куда они приехали через полчаса, царила суматоха. Мюллер принял их в своем рабочем кабинете и лаконично поставил задачу: включиться в работу штаба по координации акций на территории всех земель. Выглядел он теперь гораздо лучше, чем тогда, в зале, перед совещанием; видимо, наглотался лекарств.

Леман быстро включился в работу: отдавать приказы о ликвидации согласно заранее подготовленным спискам, принять отчеты о казнях, сообщения об арестах и побегах, о расстреле на месте тех, кто пытался бежать или сопротивлялся, а также тех, кого было приказано уничтожить немедленно. В целях секретности все, кто фигурировал в списках, были помечены порядковыми номерами. В сообщениях по телефону, в телеграммах и распоряжениях значилось: № 8 — прибыл, № 35, 37 — арестованы, № 5 — по прежнему не обнаружен и так далее.

Вилли пробегал глазами списки: часто встречались люди, которых он хорошо знал. Капитан Эрхард, префект полиции Глейвица Рамсорн, префект полиции Магдебурга Шрагмюллер, журналист Вальтер Шотте, тоже сотрудник фон Папена, и многие, многие другие. Все эти люди не имели никакого отношения ни к Рему, ни к его штурмовикам.

В течение всей субботы и утра воскресенья первого июля в квартале Лихтерфельде слышался грохот залпов. Казни остановили лишь в два часа пополудни.

Освободился Леман только к утру второго июля. Неимоверно уставший он с трудом добрался до своей квартиры. Отпивая маленькими глотками чай, Вилли понуро сидел за кухонным столом и перед его глазами невольно вставали картины

происшедшего.

При мысли о случившемся остро, словно иголками, кололо сердце. Он пытался успокоиться, убеждая себя, что это, очевидно, объективная необходимость и ничего тут не поделаешь — такое часто происходит в борьбе за власть.

Василий Зарубин, оперативный псевдоним Бетти

Василий Зарубин с паспортом на имя американского гражданина Ярослава Кочека, с женой и сыном, прибыл в Берлин в начале осени 1934 года в качестве представителя американской кинокомпании «Парамаунт».

По тому, как были почтительны пограничники и таможенные чиновники при пересечении франко-германской границы, как отнеслись в берлинской гостинице, где американскую чету встречали с неизменной улыбкой стараясь мгновенно выполнить каждое их желание можно было судить, что отношение к американским гражданам в Германиии было более, чем предупредительным. Как тут было не вспомнить наставления Артузова.

Единственное, чего не мог сделать обслуживающий персонал отеля, так это прилично накормить заокеанских гостей. По всей территории Третьего рейха в ресторанах ощущалась нехватка мяса и рыбы, а овощи приправлялись маргарином.

Американцы сняли номер люкс на третьем этаже с ванной и телефоном. Через несколько дней Зарубин решил, что следует не откладывая арендовать квартиру, связаться с министерством Геббельса, коллегами из «Метро Голдвин-Майер» и зарегистрироваться в консульстве своей страны.

Из беседы с портье он узнал адреса и телефоны нескольких контор по аренде жилья. На его звонки отвечали вежливые секретари и спрашивали: в каком районе, на каком этаже, из скольких комнат господин хотел бы снять квартиру. При этом неизменно интересовались его национальностью и подданством, предупреждая при этом, что квартира евреям не сдается.

Аренда квартиры в Берлине оказалась дедом не сложным. После изгнания иудеев из Германии в городе пустовало много квартир, даже целые дома. Уже на следующий день Василию предложили прекрасный особняк из восьми комнат, обставленный новой мебелью, с большим садом и гаражом, в районе Потсдама. В сопровождении агента по найму Зарубин с женой поехали его осматривать.

Действительно, это был белый двухэтажный дом, с балконами, с садом. За домом — гараж на три автомашины с оборудованием для ремонта. Водопровод, канализация, собственная котельная, телефон. В цокольном этаже разместилась кухня с холодильными камерами и помещением для прислуги.

Разумеется, восемь комнат, обставленных дорогой мебелью. Василию были не нужны. Но особняк имел ряд преимуществ в оперативном плане по сравнению с городской квартирой, а это в его положении было главное.

Высокий каменный забор отделял дом от улицы. Отсутствие поблизости соседей исключало опасность подслушивания, осложняло для контрразведки негласное проникновение, и, наконец, тишина и чистый воздух тоже чего-то стоили.

Лиза, осмотрев особняк, невесело заметила:

— Здесь, конечно, шикарно, но чем я буду заниматься в этих хоромах целыми днями? А когда ты уедешь в командировку? Тут же страшно одной ночевать! А убирать все это?

— Ну, не пугайся! Убирать — наймем женщину. Будешь читать, заниматься хозяйством. Если захочешь, поедешь со мной в командировку. Наконец, можешь тоже ездить в город!

— А что я буду делать в городе?

— Ну, друг мой, мало ли чем можно заняться в таком большом городе, как Берлин? Тут музеев одних сколько. Есть еще кинотеатры, картинные галереи. Наконец, если пожелаешь, можно и для тебя найти работу. Ты знаешь языки, а здесь много американских учреждений.

— Ну, посмотрим, — неопределенно сказала она и добавила: — А ты прикидывал, в какую цену тебе обойдется этот дворец?

— Меня это не волнует, — платить будет компания. Если ей покажется дорого, добавлю из собственных средств…

Лиза молча пожала плечами. Это был ее излюбленный жест, когда она хотела сказать: «Делай как знаешь».

Она, как всегда, оказалась права. Цену за особняк заломили немалую — четыре тысячи марок в месяц. В городе за такие деньги можно было снять две трехкомнатные квартиры.

— Для меня это слишком высокая цена, — заявил Василий агенту. — Могу предложить две с половиной тысячи марок.

Естественно, агенту нужно было посоветоваться с владельцами. Должно быть, охотников арендовать особняк за такую цену не было, — предложение Зарубина было принято. Выплатив арендную плату за месяц вперед, он подписал контракт, и через несколько дней они переехали сюда.

Теперь нужно было арендовать помещение для конторы «Парамаунт» в Берлине, подыскать служащих и начинать нормальную работу. Да и для особняка требовались садовник, сторож, истопник и горничная. Для найма всех служащих Василий решил обратиться к объекту своего изучения во Франции «Вернеру», который должен был работать в министерстве иностранных дел Германии. Кроме того, следовало посетить

генерального консула США в Берлине, представиться ему и вручить рекомендательные письма, которыми он задайся во Франции и в США.

Дин Робертсон оказался весьма симпатичным американцем. Прочитав письмо, он сказал, улыбаясь:

— Покровительствовать гражданам Соединенных Штатов — моя прямая обязанность. Если могу вам помочь советом всегда к вашим услугам. Скажите, мистер Кочек, вы живете в гостинице или сняли квартиру?

— Снял особняк в Потсдаме и позавчера переехал туда с женой.

— Это безумно дорого! — воскликнул Робертсон.

— Очень дорого, вы правы, зато удобно — тишина, чистый воздух. Все это чего-то стоит… Потом, признаюсь вам, я надеюсь здесь прилично заработать и покрыть все расходы с лихвой. Если, конечно, вы поможете мне.

— Чем же? — с улыбкой спросил Дин.

— Прежде всего советом. Мне нужно открыть в Берлине контору, нанять служащих, завести связи… Как всегда в таких случаях…

Господин Кочек, это совсем не сложно. Помещение для конторы найти легко: в деловой части Берлина много пустующих помещений. А вот с наймом людей… Хотите, мы порекомендуем вам кое-кого…

— Буду вам очень признателен!

— Не стоит благодарности, это тоже моя обязанность… Кстати, как вы устроились с питанием?

— Очень плохо, господин Робертсон! В Париже мы с женой привыкли к хорошей еде, здесь же одни овощи, вместо хлеба — картошка.

— Я вас обрадую, вы можете пользоваться нашим магазином, там за доллары вам продадут все, что вашей душе угодно. — Консул ту же написал записку и протянул Василию. — Зайдите туда, это во дворе консульства, купите все необходимое и сделайте заказ на ближайшее будущее… В письме ваш друг просит меня кое в чем еще помочь вам… Об этом он говорил со мной по телефону. Когда возникнет у вас нужда приходите — я сделаю все, что смогу.

— Благодарю вас, господин Робертсон вы очень любезны. Я хотел спросить у вас, как по вашему мнению, пойдут у нас здесь дела? Признаюсь, мне нацисты не внушают особого доверия.

— Между нами говоря, наци во главе с Гитлером — дрянь!.. Они разбудили в немцах самые низменные чувства… Однако, нацисты все-таки лучше, чем коммунисты. С гитлеровцами можно

договориться, завязать с ними торговые отношения, как, к примеру, делает нефтяная компания «Стандарт-ойл», и неплохо заработать. А что коммунисты? Они ничего не признают, ни частной собственности, ни свободы предпринимательства!

— Абсолютно с вами согласен! — воскликнул Василий. — Без частной собственности нет свободы… Признаться, я не разбираюсь в политике, но боюсь, как бы Гитлер не обманул нас… У него волчий аппетит. Сперва он проглотит ближних, а потом примется за дальних, — тогда и нам станет неуютно в этом мире.

— Ну что вы! — Генеральный консул снисходительно усмехнулся. — Мы для Германии совершенно недосягаемы! Гитлер вынужден будет напасть на Советы! Он и его окружение хорошо понимают, что для них враг номер один — это большевики. Если до этого немцы немного потреплют зазнавшихся англичан, тоже будет неплохо. Образуется вакуум, а мы заполним его. Мы самая сильная нация и будущее принадлежит нам — американцам! — голос Робертсона звучал торжественно.

— Вы знаете, это для меня очень сложные вопросы, — сокрушенно вздохнул Василий и поднялся, чтобы откланяться.

В магазине он наполнил три объемистых бумажных пакета продуктами, купил несколько бутылок вина, виски, положил все это в багажник новенького «опель-капитана», на днях приобретенного для компании, и отбыл домой.

После обеда Зарубин позвонил в министерство пропаганды, назвал себя и попросил принять его кем-нибудь из руководящего состава.

— Одну минутку! — попросила секретарь и тут же соединила его с господином Штройбелем, одним из заместителей министра. —

О, мистер Кочек! Здравствуйте, здравствуйте, — пророкотал приветливо Штройбель.

— Когда бы вы могли принять меня, господин Штройбель? — вежливо спросил Василий.

— Да когда вам будет угодно! Хоть сейчас, если вы не возражаете.

Василий не торопясь собрался, взял портфель и, прощаясь с Лизой, весело сказал:

Ну, с богом, еду на переговоры с боссами по идеологии!

Он знал, что министерство пропаганды жестко контролирует кинорынок, что без его разрешения ни один иностранный кинофильм не мог быть пущен в прокат.

Штройбель, невысокий, полный немец в прошлом моряк и

человек, придерживавшийся социалистических взглядов, а теперь верный служака у нацистов, принял уполномоченного известной американской кинофирмы весьма учтиво, был вежлив и предупредителен.

— Вы не будете возражать, если при нашей беседе будут присутствовать мои заместители — начальники секторов Бломе и Цигель? — осведомился Штройбель.

— Разумеется, нет! — ответил Василий, а сам подумал: «Попробуй откажись! Небось, из гестапо представители, или из абвера».

В просторный кабинет, обставленный тяжелой дубовой мебелью, вошли два невзрачных господина. Представившись американскому гостю, они чинно уселись у стола и молча сидели до самого конца переговоров. Вошла секретарь с подносом, на котором были фарфоровые чашки, кофейник, бутылка коньяка и четыре малюсенькие рюмочки. Поставив поднос на стол, она молча вышла. Господин Штройбель сам разлил кофе по чашкам, и, спросил, не желает ли мистер Кочек рюмочку коньяка?

— Пожалуй, не откажусь! — Василий глотнул отдающий сивухой напиток. Кофе тоже оказался суррогатом. «Уж если в министерстве пропаганды пьют суррогат вместо кофе, — подумал Василий, — значит тут всегда можно найти покупателей на настоящий бразильский кофе!»

В ходе переговоров Штройбель отметил, что на немецком рынке американских фильмов сравнительно мало. Если господин Кочек ознакомиться с нашими требованиями и условиями, подберет соответствующие фильмы, министерство не будет возражать против их продажи владельцам кинотеатров. Василий, зная мнение руководства компании «Парамаунт», ответил, что компания считает необходимым начать с изучения местного рынка, а потом уже выходить с конкретными предложениями. Кое-какие мысли уже есть, но спешить не стоит.

— Я доложу о вас министру и в случае необходимости, мы с вами свяжемся, — сказал Штройбель.

— Заранее благодарен! Но не смогли бы вы оказать мне небольшую услугу: — помочь подыскать помещение для конторы не очень далеко от вас. И еще одно: оказать мне содействие в оформлении вида на жительство? — спросил Василий.

— Это не сложно, — сказал Штройбель. Господин Бломе поможет вам решить эти проблемы.

Бломе вежливо кивнул головой. Все встали и поклонились друг другу, прощаясь.

Между тем пора уже было восстанавливать оперативные связи. Начать Василий решил с Вернера, поскольку знал номер

его домашнего телефона. Но можно ли это делать? Василий опасался, что его телефон может стоять на контроле. Подумав, он решил что лучше всего, если Лиза пойдет на железнодорожную станцию Потсдам и оттуда по телефону-автомату позвонит Вернеру, как его знакомая, договорится с ним о свидании.

— Он парень толковый, — объяснял Василий Лизе, — и когда ты назовешь себя, он сразу поймет, о чем идет речь. Как мы условились, он будет ждать от нас звонка, поскольку знает, что мы должны приехать в Берлин.

— Если Вернер согласится встретиться, где назначать ему свидание? — спросила Лиза.

— Где-нибудь поблизости отсюда. Ну, скажем, на той же станции Потсдам. Погуляйте немного и, если ты убедишься, что слежки нет, приходите сюда. Сейчас рано темнеет, и вряд ли в сумерках вас кто-то узнает.

— Скажи, ты абсолютно в нем уверен? Представляешь, что будет, если мы ошибемся в нем? — беспокоилась Лиза.

— Абсолютно уверенным быть ни в ком нельзя! Но Вернер уже помогал нам во Франции, предварительно его уже изучали, так что думаю, все будет в порядке.

— А если все это игра? Продуманная во всех деталях игра?

— Лиза, дорогая, мы ведь не одни с тобой работаем. Еще до нашего приезда легальная резидентура получила указание его проверить. Не волнуйся.

Вернер оказался дома; судя по тону его голоса, обрадовался звонку и без колебаний согласился встретиться. Полчаса спустя, Лиза, еще издали узнав его высокую, худую фигуру и убедившись, что вокруг все спокойно, вышла из тени, взяла его под руку и повела в парк.

— Пройдемте тут недалеко. Муж ждет вас! — сказала она.

Василий и Вернер встретились сердечно и долго крепко жали друг другу руки.

Усадив гостя на диван, хозяин придвинул столик и наполнил стаканы шотландским виски.

— После такого холода не мешает немного согреться, — сказал он, — да и за встречу стоит выпить!

Лиза ушла на кухню готовить ужин.

— Рассказывайте, дружище, что нового у вас, как живете, как устроились? — спросил Василий, присаживаясь на диван рядом с Вернером.

— Рассказать нужно о многом, не знаю даже, с чего начать… — начал Вернер. — Прежде всего, я очень рад вашему приезду. Живу я неплохо, работаю теперь в министерстве иностранных дел, занимаю скромную должность референта. Но

через меня проходит очень много документов.

— Как вы нашли Германию?

— Что вам сказать?.. Даже не верится, что это моя родина: настолько все изменилось, в особенности — люди. Они боятся друг другу сказать лишнее слово, живут в постоянном страхе.

— Неужели все смирились с существующим строем и никто не делает попытки бороться?

— Бороться?!.. Трудно, очень трудно. — Вернер опустил голову и некоторое время молчал, потом взглянул на Зарубина. — Конечно, честные люди, ведущие посильную борьбу, есть, но все это капля в море…

— Но ведь реки начинаются с маленьких ручейков…

— Но случается, что ручейки высыхают, не сумев влиться в большой поток!

— Бывает и так, — согласился Зарубин. — Ну а ваша лично позиция какая? Такая же, как была в Париже?

— Я своим принципам никогда не изменял и не изменю!

— Могу ли я это понимать так, что вы согласны оказывать нам посильную помощь, как это имело место во Франции?

— Да, я согласен! Более того, — Вернер, взволнованно заторопился, — могу сказать, что я не один, мы организовали кружок — все верные, порядочные люди. Делаем мало, но это все, что мы можем пока… Нам нужна помощь! — закончил он, понизив голос.

— Давайте к этому вернемся позже, — сказал Зарубин. — Сейчас хочу поблагодарить вас за вашу верность слову, согласие мне помогать и сразу излагаю свою просьбу. Я приехал сюда как американец, представляю в Германии кинокомпанию «Парамаунт». Я намерен открыть в Берлине контору и мне потребуются сотрудники. Не можете ли вы порекомендовать мне квалифицированных специалистов: юрисконсульта, бухгалтера, секретаря, знающего английский и французский, а для работы в особняке, который я уже арендовал — сторожа-садовника и служанку? Поймите меня правильно: нужны не борцы-антифашисты, а просто порядочные люди, не связанные с гестапо, — вот и все!

— Думаю, что подыскать таких людей я смогу. Должны ли они знать, что мы с вами знакомы?

— Ни в коем случае! Если подберете человека, ссылайтесь на слухи: американскому дельцу нужны, мол, работники.

— А как вы узнаете, что человек пришел от меня? — спросил Вернер.

— Хотя бы потому, что никто еще не знает, что мне нужны работники, — следовательно, никто ко мне и не обратится, —

объяснил Василий.

— Я уже сейчас могу назвать вам одного юриста. Фамилия — Глауберг, Альберт Глауберг. Если вы не возражаете, он придет к вам скажем, часов в семь вечера.

— По вашему, ему можно доверять?

— Как вам сказать… До определенных пределов, но не больше…

— Понятно! Скажите ему — пусть приходит.

Лиза пригласила всех к столу, но Вернер 'отказался, сказав, что после восьми он ничего не ест. Они стали прощаться.

— Скажите, а как в случае необходимости мы сможем связаться? — спросил Зарубин.

— Мадам Марианна, — Вернер знал Лизу, как Марианну Кочекову, — мадам Марианна всегда может позвонить мне домой. На случай если вдруг подслушивают, лучше всего говорить в интимном плане… Вполне естественно, если я назначу даме свидание… Кстати, у меня в городе есть квартира, где мы могли бы изредка встречаться.

— В этой квартире вы можете встречаться с мадам Кочековой, но не со мной. Если нас увидят, сразу возникнет подозрение: почему муж встречается с мужчиной, который ухаживает за его женой. Я думаю, лучше всего, если будут знать, что мы с вами знакомы еще по Парижу… Тогда при необходимости я могу звонить вам на квартиру. А следующую встречу давайте проведем в городе.

— Это, конечно, можно, но…

— Что вас смущает?

— Как только в гестапо станет известно, что мы знакомы, меня немедленно туда вызовут на допрос…

— Ну и что?

— И потребуют, чтобы я докладывал обо всем, что узнаю. Не забывайте, вы — американец, следовательно, подозрительны…

— В таком случае скажете, что я человек аполитичный и ничем, кроме денег, не интересуюсь.

— Не хотелось бы иметь с ними дело. Но если это необходимо…

И они распрощались.

Вскоре на фасаде четырехэтажного дома на оживленной улице в самом центре Берлина появилась новая вывеска «Кинокомпания «Парамаунт». Берлинское отделение». Контора была небольшая, занимала всего четыре комнаты. Одна — кабинет директора, большая комната для бухгалтера и делопроизводителя, и одна для юристконсульта.

Люди тоже подобрались как будто неплохие. Несколько

флегматичный, но тем не менее, хорошо разбирающийся в запутанных статьях гражданского кодекса юрист Глауберг.

Ему Кочек поручил оформление в полицай-президиуме вида на жительство для супругов Кочековых.

Бухгалтер Шульце ранее работал в фирме, где хозяин был по национальности евреем, поэтому, несмотря на его большой опыт, власти отказали ему в доверии. Делопроизводитель Колвиц был тоже пожилым, седовласым человеком. Он владел несколькими иностранными языками и хорошо знал свое дело. И, наконец, Секретарша Лотта, молодая, голубоглазая девица, хорошо умеющая печатать на машинке и стенографировать.

Во всех комнатах установили телефоны, открыли текущий счет в Немецком национальном банке, заказали печати, штампы и бланки, и контора начала функционировать.

Во время посещения Генконсульства США, Зарубин познакомился с представителем другой крупной американской кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер», а также представителем нефтяной компании. «Стандарт ойл Компани» господином Тейлором, человеком очень общительным. В частности, Тейлор рассказал, что он через Робертсона отправил дипломатической почтой письмо руководству своей компании, в котором рекомендовал ему не соглашаться на предложения немцев о кредитах, так как занятые созданием собственного воздушного флота и постройкой подводных лодок, они будут сильно нуждаться в топливе и закупят его на условиях обычного коммерческого кредита. Что же касается строительства емкостей под бензин в Гамбурге, то он порекомендовал для начала построить несколько хранилищ при непременном условии, что они будут принадлежать компании.

Когда они все вместе были у Робертсона, тот, обращаясь к Тейлору, сказал:

— Я считаю, что ваши рекомендации правильны. Чего-чего, а уж горючее они должны закупать за наличные деньги. На днях военно-морское ведомство спустило на воду три подводные лодки и на верфях в Гамбурге начато строительство двух крейсеров. По нашим сведениям фирма «Мессершмидт» приступает к серийному производству новых истребителей. Гитлер взял курс на вооружение, а горючего у них нет. Почему же вашей компании не использовать это обстоятельство?

— Именно этим мы и занимаемся, — с улыбкой ответил Тейлор. Стоявший рядом Зарубин внимательно слушал, кивал в знак одобрения головой, но предпочитал помалкивать. «Этот Тейлор, — подумал он, может стать хорошим источником».

«…Флик-Штаггер, американец, музыкант…» так, что еще, —

шептал Вилли, просматривая досье на этого немца, которое он смог на ночь вынести из своего отдела по просьбе куратора и собирался сегодня ему показать.

Из материалов досье следовало, что Флик-Штаттгер, американизированный немец, уже продолжительное время разрабатывается гестапо. О развитии событий регулярно ставится в известность контрразведка генерального штаба, более того, делом заинтересовался сам Геринг. По мнению гестаповцев, объект работает на все стороны.

С Гитлером он знаком с 1929 года и неоднократно оказывал ему услуги частного характера. Например, организовал встречу фюрера с американским газетным магнатом Херстом и его секретарем Хафштенлем. С этого же времени он поддерживает знакомство с Герингом и часто бывает у него в гостях дома. Обращают на себя внимание его связи в научной среде: Карл Гофман — специалист по газам, Фламм — конструктор подводных лодок, Фриц Ланге и Арно Бреш физики, специализируются на расщеплении атомного ядра. Шленке — научный консультант рейхсвера. Хансен — конструктор летательных аппаратов.

«Интересный человек, удивительно широкое разнообразие интересов, — подумал Вилли, листая досье. — Стоп, а это что такое: «Поддерживает связь с полпредством СССР, неоднократно встречался с пресс-атташе полпредства Виноградовым, убеждал его в необходимости сближения США, Германии и России. Организовал встречу Виноградова с Альфредом Розенбергом в одном из ресторанов Берлина осенью 1933 года. Беседа записывалась «Исследовательским ведомством»[28] Геринга.

Действительно старается на все стороны! А вот еще: «Зафиксирована встреча Флик-Штаггера в ресторане «Триумф» на Кантштрассе с американским подданным Иоганом Ширмером и неизвестным. Личность неизвестного установить не удалось, однако зафиксировано, что он назвал себя «генералом».

Вилли захлопнул досье и стал собираться.

Сентябрь в этом году выдался как никогда дождливым. Было еще совсем тепло, но на протяжении всей недели не проходило дня, чтобы небо не изливало на Берлин потоков воды. Зелень бульваров потемнела от воды, пропитавшей, казалось, даже листву. Тиргартен сочился влагою, как не отжатая губка. Шпрее, с ее обычно темными, радужными от нефти ленивыми водами, подошла под самые края набережных.

Хотя Александр и советовал пользоваться подземкой, Вилли понял, что дойти до станции выше его сил. За те нескольких шагов, что ему пришлось пробежать до стоянки такси, вода

успела забраться за воротник, а начищенные башмаки оказались забрызганными грязью.

Александр был человеком аккуратным, очевидно, достаточно опытным и осторожным. Перед каждой встречей, по его словам, он подолгу проверялся, поскольку опасался, что за ним, как официальным сотрудником дипломатического представительства, может вестись квалифицированная слежка. В целях предосторожности он запретил Вилли выносить со службы секретные документы и задание добыть дело на Флик-Штаггера явилось исключением, которое требовало своего объяснения.

«Интересно, — думал Вилли, — знает ли Александр о моем участии в операции по уничтожению штурмовиков. Вряд ли, но он обязательно будет интересоваться».

Израйлович встретил Лемана, словно они расстались только вчера — такая у него была привычка. Во время разговора он несколько раз умолкал и сильно кашлял.

— Вы простудились? — с участием спросил Вилли.

— Да, — лицо Александра искривилось в болезненной улыбке.

Вилли с трудом заставил себя сосредоточиться. К счастью, Александр сегодня больше говорил сам, чем спрашивал. Вилли впервые услышал такое откровенное и ясное изложение программы действий гитлеровцев в Европе в ближайшем будущем. Потом они обменялись мнениями, как эта программа может осуществляться.

Это были рассуждения опытного практика к тем общим соображениям, которые высказывались ранее. Израйлович не называл конкретных имен, но в его предположениях слово «убрать» фигурировало так часто, что программа убийств показалась Вилли рассчитанной на целые десятилетия. Она распространялась на всю Европу. Речь шла об уничтожении многих немецких политических деятелей. По словам Израйловича, у нацистов для этих целей имелись опытные агенты во многих странах.

— Вы устали? — спросил вдруг Израйлович, заметив бледный вид Вилли.

— Нет, нет! Что вы! — поспешно ответил Вилли опасаясь, что Израйлович может счесть его слабым, неспособным энергично работать и откажется от его услуг.

Вилии стал подробно рассказывать о событиях в Берлине в ночь на 30 июня. Израйлович слушал молча, не перебивая, потом сказал:

— Как видите, все наши предположения находят свое подтверждение. Ну хорошо, не будем больше об убийствах. Я уже

говорил вам, что вы должны будете работать с другим человеком. Ну вот, время пришло. Сегодня я вас с ним познакомлю. Пойдемте вон к той автомашине.

Они подошли и сели на заднее сиденье «опель-капитана». Когда машина тронулась, Израйлович сказал:

— Познакомьтесь, это ваш новый куратор.

Сидевший за рулем человек, не оборачиваясь, через плечо, подал Вилли руку и сказал:

— Очень рад. Ярослав!

Судя по выговору, он был не немец, это Вилли почувствовал сразу.

— Подбрось меня до метро, — попросил Израйлович Ярослава. Некоторое время они ехали молча. Потом машина остановилась у подземки, Вилли с Израйловичем крепко пожали друг другу руки и расстались.

Ярослав тронул машину, и они некоторое время ехали молча Вилли присматривался к новому руководителю. Это был невысокий, плотный человек лет сорока, с умными проницательными глазами за стеклами очков. Две резко очерченные складки на щеках, крепкий подбородок и, неожиданно, широкая, добрая улыбка указывали на то, что этот сотрудник с характером и уже много чего повидал в жизни.

Ярослав хотел повернуть направо, но Вилли сказал:

— Давайте прямо!

— Я хотел проехать по Виландштрассе, — объяснил Ярослав.

— Нет, нет! — настоял Вилли. — Лучше прямо! Там меньше патрулей.

Переждав поперечный поток автомобилей, Ярослав, он же Василий Зарубин, послушно пересек Курфюрстендамм. Из осторожности, они сделали крюк. К тому же Зарубин еще раз хотел взглянуть на витрину магазина на углу Вильмерсдорф и Зибель штрассе, где для него мог быть поставлен условный сигнал. Останавливаться, чтобы не обнаружить своего интереса, он, конечно, не стал.

Автомобиль поравнялся с интересующим его магазином, и, к своему разочарованию, Зарубин в обусловленном месте сигнала не обнаружил. Это указывало на то, что у его товарища что-то не получилось.

Наконец, машина остановилась в безлюдном месте, где они могли спокойно побеседовать.

— Александр предупредил меня, что сегодня вы должны были принести материалы по Флик-Штаггеру. Так? — спросил Зарубин.

— Верно. Дело я смог взять только до утра, — сказал Леман и

извлек из под рубашки на груди досье. — Должен вас предупредить, что этого человека уже давно разрабатывает гестапо.

— Вот как, — невольно вырвалось у Зарубина.

Он был введен в существо дела, читал в Москве оперативные письма из резидентуры и знал, что в свое время нелегалы обратили внимание резидента легальной резидентуры Бориса Бермана на энергичного и общительного музыканта, американца немецкого происхождения Карла Флик-Штаггера. Это был известный в Берлине и Америке композитор.

Концерт из его произведений исполнялся в Белом доме, в Вашингтоне, вскоре после избрания Ф.Д. Рузвельта президентом США в 1932 году. Жена Флик-Штаггера пела в мюнхенской опере, брат был директором популярного театра во Фрайбурге.

Похоже, что артистическая карьера не удовлетворяла честолюбивого американца. С 1929 года он стал внештатным сотрудником солидного американского пресс-агенства в Берлине и тогда же начал публиковать свои статьи. Флик-Штаггер вращался в высших кругах берлинского общества, был вхож в аристократические салоны, нравился женщинам, располагал связями среди высокопоставленных чиновников Третьего рейха, включая окружение Гитлера, Папена и Геринга.

Такой человек, безусловно, представлял большой интерес для разведки. Поэтому Берман поручил одному из нелегалов Джиму который по паспорту значился как Иоган Ширмер, попытаться сблизиться с Флик-Штаггером и выяснить, можно ли его завербовать.

Знакомство состоялось и очень быстро переросло в дружбу. Джим не торопился, внимательно присматривался к музыканту и старался не выходить за пределы дружеских отношений. Разведчика настораживала самонадеянность и несобранность Флик-Штаггера.

В начале октября 1933 года, узнав, что его назначают на должность заместителя начальника Иностранного отдела, Борис Берман решил вернуться в Москву с триумфом. Завербовать такого ценного агента перед отъездом, что может быть почетнее! Желание это было столь велико, что Борис, опытный оперативник, решил провести вербовку сам, не дожидаясь результатов необходимых в таких случаях проверочных мероприятий.

В конце октября он докладывал в Центр: «Завербовал Флик-Штаггера. Он имеет доступ туда, куда мы попасть и мечтать не могли. Имеет своих людей в учреждениях, которые сугубо нас интересуют. В течение двух вечеров я с ним договорился до

последних мелочей. Говорил по-немецки, представлялся как наш генерал. Он берется делать все, что нам нужно».

И вот теперь приходится пожинать плоды этой торопливости. Некоторое время спустя после отъезда Бермана, один из чиновников третьего отдела гестапо пригласил на беседу Джима и прямо спросил: работает ли Флик-Штаггер против немцев? Проявлял ли интерес к германским секретам и не пытался ли их добыть через свои связи?

Джим пояснил, что они со Штаггером друзья, что политикой он не интересуется и, естественно, ответить на поставленные вопросы не может.

Через несколько дней Джима вызвали на повторную беседу в гестапо. На этот раз чиновник пытался выяснить, кто был третьим с ним и Флик-Штаггером в ресторане и не был ли этот третий «русским генералом». Джим пояснил, что насколько ему известно, это был кто-то из знакомых Штаггера американцев, имени которого он не знает.

После этой беседы Джим обнаружил за собой слежку.

— Скажите, Вилли, вам известно, как обстоят дела с Ширмером? — спросил Зарубин.

— В связи с делом Флик-Штаггера, Иоганна Ширмера тоже взяли в разработку. Специально, чтобы напугать Ширмера, его уже дважды вызывали в гестапо, беседовали с ним, а теперь ведут за ним слежку. Надеются установить его связи. По этому делу разыскивали какого-то «русского генерала», но установить его не смогли, — доложил Леман.

— Понятно, — сказал Зарубин. — Сделаем так, Вилли. Сейчас я вас высажу у метро, а через два часа встретимся у другой станции, я верну вам дело. Какие у вас планы на ближайшие недели?

— Меня посылают в командировку на остров Рюгер по просьбе абвера. Нужно установить саботажников на строительстве аэродрома. Шеф нашего отдела очень доволен, что моя марка так высоко котируется к абверовцев, — ухмыльнулся Вилли.

— Это действительно очень хорошо, — согласился Зарубин, но Леман видел, что он озабочен и думает о чем-то своем. — Сегодня больше разговаривать не будем. Подробнее побеседуем на следующей встрече.

Они назначили дату очередного свидания и Леман покинул машину.

Зарубин поспешил на конспиративную квартиру. «Да-а, дела! — размышлял он, склонившись над баранкой руля. — Джим пока держится спокойно, вроде бы не нервничает. Но так долго продолжаться не может. Ему, нужно не мешкая покинуть страну.

Надо же! Командировка только началась, а одного работника резидентура уже, теряет».

Едва Леман вернулся с командой из Нойдека, как его пригласил начальник отдела и предложил ознакомиться с только что поступившим в гестапо письмом.

Выяснилось, что министерство авиации, по рекомендации абвера, обращается в гестапо с просьбой направить на остров Рюген в Балтийском море инспектора Лемана с целью установления зачинщиков саботажа на строительстве военного аэродрома. В абвере знали, что наряду с борьбой с «коммунистическим шпионажем». Леман отвечает за контрразведывательное обеспечение объектов военной промышленности.

— Можете гордится Леман, — пошутил Пацовски, — эти зазнайки из рейхсвера настойчиво просят послать на остров именно вас. Надеюсь, вы не уроните нашу марку.

Леман связался с абверовцами, через них вышел на отдел строительства министерства авиации, изготовил необходимые документы прикрытия и выехал на Рюген. Последнюю часть пути он преодолел на пароме. На пристани его встречал Петер Штеле, молодой чиновник, присланный в третий отдел из криминальной полиции, а сейчас выделенный руководством отдела в помощь Вилли.

Они пробыли на острове, три дня, беседовали с руководством стройки, обстоятельно изучили обстановку. Аэродром строила частная фирма, в качестве рабочих использовались добровольцы из трудового фронта. Строительство еще только разворачивалось, но уже несколько раз были отмечены случаи умело организованного саботажа. То техника неожиданно выходила из строя, то графики строительства срывались по «объективным причинам». Леман был убежден, что на стройке тайно действуют коммунисты. Но как их обнаружить?

Леман и Штеле намеривались начать с пристани и к обеду все внимательно осмотрели. Строительные материалы и техника доставлялись на баржах. Работа проходила спокойно, размеренно и ничего подозрительного они обнаружить не смогли. Потом они погрузились в старенький «оппель», выделенный им руководством стройки, и не спеша двинулись обратно, к месту строительства. Едва они отъехали от пристани несколько километров, как с проселочной дороги, на трассу буквально перед самым их носом, выбрался огромный грузовик с каким-то пятном на заднем борту и быстро направился в сторону стройки. Поднятая пыль оказалась столь густой, что им пришлось остановится и несколько минут пережидать, пока ветер не снес ее в сторону.

— Что это за машина? — спросил Леман больше по привычке, чем из интереса. — Откуда она?

— Машина наша, со стройки, — пояснил шофер «опеля». — А вот почему она оказалась на ферме — непонятно. Может, там проживают знакомые водителя.

— Давай заедем, узнаем в чем дело, — предложил Леман, интуитивно почувствовавший, что за этим может что-то скрываться.

Они развернулись и уже минут через двадцать подъезжали к ферме. Машину оставили в сторонке, в кустах и договорились, что Штеле с шофером будут ждать его сигнала. Вилли направился к дому один.

Яростно залаяла и стала рваться на цепи собака. В мутном окне показалось женское лицо, и тут же на крыльцо вышел мужчина, видимо сам хозяин. Прикрикнув на собаку, он стал настороженно рассматривать подходившего Лемана. На нем были чистая рубаха и штаны, заправленные в сапоги, лицо небритое.

— Добрый день, — приветствовал его Вилли, — я из администрации стройки.

Чтобы у хозяина не возникло каких-либо подозрений. Леман вынул и, раскрыв, показал министерское удостоверение личности. Хозяин взглянул на документ мельком и молча, с какой-то удручающей покорностью посмотрел на гостя.

— Скажите, — приветливо начал Леман, утирая платком пот со лба, — если я не ошибаюсь, здесь проживает господин — он сделал паузу. —

— Бомлер — подсказал хозяин.

— Так, господин Бомлер, очень приятно… Я здесь в командировке. У меня к вам небольшой разговор. Но хотелось бы умыться и немного отдохнуть. Не возражаете?

— Пожалуйста, — как-то безразлично сказал Бомлер.

Леман почувствовал, что он действительно устал, проголодался и не прочь был подкрепиться.

Немного погодя они сидели у стола в бедном, но чистом доме. Направляясь сюда, Вилли предполагал, что хозяин предложит ему шнапса и заранее решил не отказываться. Он готов был попробовать любую гадость в надежде, что выпив, тот станет более разговорчивым. Однако, не то что выпить, но даже сесть за стол Бомлер не предложил, это сделала его жена, полная женщина с неприветливым лицом.

Она возилась на кухне, потом принесла и молча поставила на стол крынку молока и также молча скрылась на кухне.

Леман был уверен, что Бомлер сам расскажет о посетившем его шофере, но хозяин сидел на стуле по ту сторону стола,

подобрав под себя ноги, молча слушал и совершенно не желал поддерживать разговор. Леман сам налил стакан молока, сделав глоток и, похвалив, непринужденно продолжал:

— Вы, очевидно, нездешний? Откуда родом?

— Из под Киля, — ответил хозяин негромким, глуховатым голосом.

— А здесь живете давно?

— Да уж лет десять.

Леман обвел взглядом комнату. На стенах было развешено много фотографий.

Вилли рассказал хозяину о Киле, где в молодости служил на флоте и плавно перевел разговор на жизнь здесь, на острове. Хозяин слушал молча, даже на самые простые вопросы отвечал не сразу и односложно, беседа с ним явно не ладилась.

«Может, он мне не доверяет? — подумал Леман. — Он не прочел, не рассмотрел толком мое удостоверение, может, ему надо представится еще раз?» Из кармана пиджака Леман достал и развернул перед Бомлером другое, более подробное удостоверение.

В документе говорилось, что Леман является инспектором министерства авиации и предлагалось всем органам власти, а также отдельным гражданам, оказывать ему всяческое содействие в выполнении порученных заданий. На листке удостоверения имелась фотография Лемана, печать и подписи руководителей министерства авиации.

Медленно все прочитав, Бомлер возвратил документ и удрученно посмотрел на Лемана. Вилли решил, что пора уже непосредственно переходить к делу.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, пряча удостоверение. — Вы здесь на этих днях, сегодня или вчера, посторонних не видели? Никто к вам не заходил?

— Нет, — помедлив, сказал Бомлер, к немалому удивлению Вилли.

— Может здесь встречали кого?

— Нет.

— Припомните получше. Может, видели здесь в последние дни, — подчеркнул Вилли, — посторонних или заходил кто-нибудь?

— Нет, — повторил Бомлер.

«Как же так, — недоумевал Леман, — ферма первое строение от причала. Машину, выезжающую отсюда я видел сам, так что ошибиться не мог!».

Однако Бомлер продолжал утверждать, что в последние дни к нему никто не заходил.

Он производил какое-то странное, малоприятное впечатление своей бессловесной покорностью; Вилли ощущал его внутреннюю напряженность от беспокойства или страха. А собственно говоря, чего ему бояться?

И жена его, тихонько возившаяся на кухне, такая же молчаливая и неулыбчивая. Леману тоже не понравилась, возможно, своим недобрым хитроватым лицом. Он отчетливо ощущал, что им обоим тягостен его визит.

«Впрочем, это ни о чем еще не говорит, — думал Леман. — И мои симпатии и антипатии к делу не подошьешь. Нужны факты! А фактом являлось то обстоятельство, что сегодня Бомлера посещал грузовик из строительной фирмы и он, Бомлер, почему-то это посещение скрывает. Почему?»

Леман с огорчением сознавал, что разговор с хозяином больше ничего не даст. Наступила минута, когда надо было координально менять тактику своих действий. Лемана занимали и ряд второстепенных вопросов, но главными сейчас были: кто со строительства посещал Бомлера, что у них за отношения, зачем он приезжал и почему Бомлер скрывает факт его посещения посторонним человеком? Почему?.. С какой целью?.. ˆ Ожидаемый разговор с Бомлером ничего не дал и ничего не прояснил, а обстоятельства требовали немедленных решительных действий. Леман подошел к раскрытому окну и крикнул спрятавшимся Штеле и шоферу.

Спустя секунды, Штеле и шофер с «пистолетами» выскочили из кустов и побежали к дому. Собака, бешено лая, запрыгала на цепи. Леман взглянул на Бомлера — тот встал и, оцепенев от страха, глядел в окно.

Прежде всего Леман потребовал от Бомлера предъявить все имеющиеся у него документы. Став нетвердыми ногами на стул, тот достал из верхней части шкафа и протянул два запыленных паспорта — свой и жены.

— А другие документы?! Фотографии?..

Он посмотрел на Вилли, как кролик на удава, потом вяло переставляя ноги, опустился и откуда то снизу, из шкафа, вытащил большую жестяную коробку.

Леман открыл ее и разложил содержимое на столе. В коробке оказались деньги, небольшая пачка марок, стопка фотографий Бомлера, его жены и их родственников, в том числе двух его сыновей; несколько медицинских справок; тоненькая пачечка польских денег, ассигнациями по сто злотых каждая.

— Зачем вы это храните? — указывая на пачку польских злотых, строго спросил Леман. — Думаете поляки придут?

— Нет.

— А тогда зачем?.. Имейте ввиду, я не потерплю от вас и слова неправды! Если соврете мне хоть в мелочи — пеняйте на себя! Прежде всего расскажите о том человеке, который приезжал сюда час назад. Кто он? Откуда вы его знаете?

Он посмотрел на Вилли с мученической покорностью и начал говорить.

Этот шофер появился у него впервые месяца два назад, сказал, что хочет выменять кое-что на продукты и шнапс. Интересовали его также сигареты. В обмен он предложил цемент либо что-нибудь из строительных материалов.

Цемент всегда в хозяйстве был нужен, поэтому Бомлер, поговорив с шофером, решил запастись цементом. Сегодня утром шофер приехал на грузовике, сбросил у сарая четыре мешка с цементом и получил в обмен бутыль со шнапсом и все остальное.

Шофер торопился и сразу же уехал. Номер его машины Бомлер не помнил, обратил внимание на две последние цифры — 17. Звали его Герберт, фамилии не знает.

Леман спросил: такого рода обмен этот Герберт производил только с ним, или с кем-нибудь еще? Он ответил, что к соседям шофер не заезжал.

Без наводящих вопросов Бомлер сообщил, что Герберт спускался с ним в погреб и взял в мешок копченый окорок. Штеле с шофером остались в доме, а Леман решил осмотреть сам погреб. Вместе с Бомлером они вышли во двор и тут Леман увидел возле сарая человека, судя по внешнему виду, чернорабочего.

— Кто это? — строго спросил Леман.

— Ганс Пагель, нанялся на работу месяц назад. Приехал с материка, — объяснил Бомлер.

— Ваши документы! — потребовал у Погеля Леман. Он подошел к рабочему вплотную и стал внимательно его рассматривать.

Одет Пагель был аккуратно, в рабочую одежду, цвет лица от въевшейся пыли и развитые кисти рук говорили о многолетней работе с металлом. Пагель, сдерживая волнение, не спеша достал из верхнего кармана куртки паспорт и протянул Леману.

— Коммунист? — спросил Вилли, глядя прямо в черные, немигающие глаза рабочего. Тот от неожиданности смешался и ничего не отвечал.

— Нет, — наконец собрался он с духом. Леман знал, что во избежание арестов гестапо, многие коммунисты добровольно вызывались работать в деревне. Генрих Мюллер, заместитель начальника второго отдела, жаловался на отток подозреваемых в коммунистических взглядах элементов в сельскую местность, где

они пытаются продолжить свою подрывную работу.

Леман молча вернул Пагелю паспорт, повернулся и направился к сараю. Там в углу лежали аккуратно сложенные друг на друга четыре мешка с цементом. Неподалеку от сарая на земле виднелись свежие следы от протекторов грузовика, а также пыль на земле в том месте, где мешки сбрасывались с машины на землю.

Рассказ Бомлера подтверждался фактами и представлялся Вилли правдоподобным. Теперь стал понятен и его страх, и то почему он попытался скрыть от Лемана свои отношения с шофером Гербертом.

— Он сознавал незаконность совершенного акта обмена и не без оснований страшился ответственности. Рассуждал он, наверное, так: окорок, шнапс увезли, а теперь, если узнают, и цемент отберут, и самого его осудят за расхищение имущества. И потому, во избежание неприятностей, сделку с Гербертом, по его разумению, безусловно следовало утаить.

Жизнь на хуторах вынуждала людей всячески приспосабливаться, и Бомлер не представлял собой исключения.

Отобрав письменное объяснение и предупредив Бомлера и его жену, чтобы они о разговоре никому ничего не сболтнули, Леман с напарником забрались в «опель» и направились в расположение конторы по строительству аэродрома.

В невеселом раздумье они двигались по пыльной, разбитой грузовиками дороге. «Надо подстраховаться и поручить Штеле сделать запрос в отношении Пагеля, — подумал Леман. — Пока письмо дойдет до Берлина, пока придет ответ, — Пагель скроется. Он не дурак, все понимает».

Как только «опель» подъехал к конторе управления по строительству, расположившейся рядом со складом, Штеле вышел из машины и, пока Леман объяснялся у въезда с охранником, прошел на территорию склада.

А Вилли направился к одноэтажному бараку, где помещалась контора строительства, и разыскал начальника склада, пожилого толстого мужчину, весьма подвижного и сообразительного. Узнав, что Леман из центрального аппарата гестапо, он оставил все свои дела, провел его в свой просторный кабинет, попросил всех выйти и только тогда, усевшись сам и усадив Лемана, спросил, что его интересует.

— Меня интересует «бюсинг», последние цифры номера 17, шофера зовут Герберт.

— Это наша машина. А что случилось?

— Пока ничего, — успокоил его Леман. — Она недавно вернулась со стороны причала.

— К причалу у нас регулярно машины ездят за грузом, который доставляется на баржах. Была ли сегодня на пристани та машина, которая вас интересует, я точно не знаю: транспортом занимается мой заместитель… Сейчас выясню, — пообещал начальник и поднялся.

— А шофера вы знаете?

— Вы говорите номер заканчивается на цифру 17… Зовут Герберт…. Это наверное Герберт Янке… Откровенно говоря, знаю его мало. Он у нас недавно, месяца два. Но плохого ничего сказать не могу. Шофер как все, ничем не выделяется.

— Я хочу побеседовать с ним, а также, ознакомиться с журналом регистрации личного состава, — официальным тоном объявил Леман.

— Понятно. Выйдя из кабинета, начальник склада что-то сказал мелкому чиновнику. Тот подвел его к канцелярскому шкафу, который стоял в углу комнаты.

Шкаф открыли и начальник принялся в нем рыться. Он, как видно, был хорошо вышколен, лишних вопросов не задавал: во всех его действиях чувствовалась спокойная деловитость старого служаки.

В дверь постучали.

— Войдите!

— Шофер Янке! Вызывали? — доложил вошедший.

Леман увидел перед собой невысокого худого блондина с голубыми плутоватыми глазами на бледном немытом лице. На Янке были грязные шаровары и старый, помятый китель, а на ногах сапоги с короткими широкими голенищами. Он перевел взгляд с начальника на незнакомого чиновника, восседавшего за столом шефа и, не ожидая для себя ничего хорошего, сразу насторожился.

— Садись, — предложил начальник.

Янке сел на предложенный стул в шагах трех от стола и снова быстро взглянул на Лемана.

— Господин хочет с тобой побеседовать, — начальник склада кивнул в сторону Лемана.

— По какому вопросу? — прищурился Янке.

— Сейчас узнаешь, — сказал начальник склада и, наклонившись к уху Лемана, тихо спросил:

— Мне выйти?

— Да, пожалуйста.

Подождав, пока за начальником закроется дверь. Леман приступил к беседе. Вначале Вилли задал несколько общих вопросов: откуда родом, с какого времени здесь на стройке, доволен ли работой, много ли приходится ездить, куда и с каким

грузом.

Янке отвечал не спеша и довольно лаконично, обдумывая каждое слово и избегая при этом смотреть Леману в глаза.

— Сегодня куда-нибудь ездили? — Ездил… К причалу. Мешки с цементом возил… Вот маршрутный лист. — Янке с готовностью достал из кармана кителя сложенный вчетверо помятый листок бумаги и, развернув, положил на стол перед Леманом.

— Вы по дороге делали где-нибудь остановки?

— Нет не делал.

— Может, подвозили кого-нибудь?

— Нет. А кого здесь подвозить? Разве рабочих из склада на пристань…

— Какой номер вашей машины?

— 24-3817.

Он говорил так убедительно, что можно было ему поверить. Можно, если бы Леман своими собственными глазами не видел, как «бюсинг» Янке выезжал из двора фермы.

В этот момент дверь в кабинет открылась и на пороге показался начальник склада. В руках он держал журнал в картонной обложке. Не говоря ни слова, он подошел к столу и положил перед Леманом журнал, после чего опять вышел.

Продолжая разговаривать с Янке, Леман прочел: «Водитель Янке Герберт,1913 года рождения. В 1932 году задерживался за мелкие кражи имущества».

— Значит сегодня вы никуда не заезжали?

— Нет.

— Никуда за всю дорогу?.. Припомните получше.

— Нет, причал — база, ехал один.

Чего от него хотят, он, Янке сразу догадался. Уже несколько лет он старался быть чистым на руку, но сегодня утром, возвращаясь с причала, не удержался и завернул на хутор, где сбросил хозяину четыре мешка цемента. Сделал он это оттого, что его тянуло выпить, а выпивку и закуску в здешних условиях найти было очень трудно. К тому же, кладовщик на пристани был бестолковым, часто работал полупьяным, и договориться с грузчиками на левый груз труда не составило. Цемента же этого сгружали на причале столько, что потерю четырех мешков обнаружить никто не мог.

И вот стоило после стольких лет праведной жизни раз украсть, как его попутали! — так он решил, когда его вызвали к начальнику склада; он был уверен, что Леман из криминальной полиции. Попался! Как же это могло получиться?

Воровать материалы — по головке за это не погладят, — и

Янке все отрицал, сразу решив, что признаваться не следует. И, начав врать, он врал все дальше. А вежливость Лемана, та самая вежливость, с которой Янке в жизни встречался крайне редко, еще более настораживала его.

Леман же старался уяснить себе: почему Янке лжет, с какой целью? Он еще минут десять бился с шофером, но тот упрямо врал, пока не сообразил, что дело тут не в цементе, а в чем-то другом, а поскольку он себя ни в чем другом виновным не чувствовал, он постепенно успокоился и стал несколько откровеннее. Однако сознаться во лжи было не так-то легко.

— Послушайте, Янке. — Леман поднялся и подошел к шоферу. — Вот вы утверждаете, что сегодня никуда не заезжали. Так?.. — спросил он, наблюдая за выражением лица Янке. — Так!.. Однако, не более двух часов назад вы посетили хутор Бомлера. На столе, — Леман указал пальцем, — лежит объяснение хозяина хутора, и там говорится совсем другое.

Янке посмотрел на Лемана, словно припоминая, озабоченно сдвинул брови и закусил губу, затем уставился глазами в землю и, стараясь скрыть растерянность, проговорил:

— Обождите, обождите… Ах да! — вдруг радостно воскликнул он, поднимаясь, и облегченно заулыбался. — Точно! Совсем забыл!.. По дороге закипела вода в радиаторе, нужно было срочно долить воды холодной…

В это мгновение дверь кабинета открылась и через порог стремительно шагнул Штеле. Став спиной к Янке так, чтобы тот не мог видеть его манипуляции, Штеле положил перед Леманом сверток.

— Нашел у него под сиденьем, — прошептал Петер.

Пока Леман беседовал с Янке, Штеле прошел в автопарк, нашел нужный ему «бюсинг» с цифрой 17 на номере и быстро осмотрел кабину, не забыв заглянуть под сиденье и в ящик для инструментов. Под сиденьем он нашел сверток и бутылку шнапса.

Развернув сверток, тут же бросился на поиски Лемана. Встретившийся во дворе начальник склада показал кабинет, где расположился Вилли.

В свертке оказался небольшой кусок копченой ветчины и две пачки сигарет, а под свертком несколько листков бумаги с отпечатанных на них текстом. Бегло взглянув на текст, Леман сразу понял, что перед ним коммунистическая листовка с рекомендациями, как создавать затруднения на производстве.

— Подойдите сюда, Янке! — строго сказал Леман.

Янке встал и подошел к столу.

— Прочтите это! — Леман пододвинул к нему листовку.

По мере того, как Янке читал, по его лицу разливалась

смертельная бледность.

— Господа! Я понятия не имею, что это такое. Клянусь вам, я не виновен! У меня есть жена, ребенок! Клянусь, я не знаю! — залопотал он в истерике.

— Молчать! — рявкнул Леман и стукнул кулаком по столу. Янке сразу затих и смотрел на Вилли испуганными глазами. — Вы что, хотите обмануть власть! У вас это не получится! Это ваш сверток?

— Господин чиновник! Я все расскажу! Этот сверток мне дал рабочий хозяина хутора…

— Зачем?

— Он просил передать его своему родственнику, который работает на строительстве аэродрома…

— Кому? Его имя?

— Я точно не помню…

— Говори! — гаркнул опять Леман. — Ты что в концлагерь захотел?

— Я вспомнил! Его зовут Ганс Крамер!..

— Так, рассказывай сначала! Как ты познакомился с рабочим на ферме?

— Все было так, как я говорил. Месяц назад, когда я возвращался с грузом, у меня действительно закипела вода в радиаторе. Я решил свернуть на ферму, чтобы долить холодной воды. Пока я доливал воду, хозяин предложил мне обмен — я ему привезу цемент, он мне даст шнапс и окорок. Я согласился.

Сегодня я привез ему четыре мешка цемента. Разгружал его хозяин с рабочим. Когда хозяин пошел за шнапсом, рабочий предложил мне передать этот сверток его родственнику, который работает на укладке бетона. За это он дал мне бутылку шнапса. Я и согласился передать сверток, но я понятия не имел, что в нем находится. Думал, еда…

— Как ты собирался выйти на этого Крамера?

— Мне нужно его разыскать среди рабочих, которые работают на строительстве взлетной полосы. Крамера я не знаю.

— Хорошо, вот тебе бумага и ручка. Садись и напиши все, что ты рассказал. И запомни, если ты проболтаешься кому-нибудь о нашем разговоре, ты будешь осужден за кражу государственного имущества и пособничество врагам народа!

Янке сел за стол с противоположной стороны, а Вилли поднялся.

— Работать будешь вот с этим господином, — Вилли указал Янке глазами на Штеле.

Леман оставил помощника оформлять беседу с Янке, а сам отправился на встречу с руководителем стройки — «доверенным

лицом».

Оставаться на острове ему уже не было смысла. Дальнейшее расследование Штеле вполне мог провести и сам. Подробно проинструктировав его, Вилли отправился вечерним паромом на материк.

Подобных командировок в 1934 году у Лемана было много. Постепенно он определил свою линию поведения в гестапо. Он понимал, что для того, что бы успешно там работать и выполнять поручения советской разведки, он должен был играть роль абсолютно лояльного режиму и исполнительного чиновника. И он действительно исправно служил государству, правда, не проявляя при этом стремления к власти и повышенного тщеславия. Он не был опасным конкурентом для сослуживцев в борьбе за должности, они не обращали на него особого внимания, считая его старым и безобидным добряком.

Оставаясь безразличным к своему политическому окружению, Вилли показывал, что сознательно примирился с необходимостью ликвидации «врагов государства» и других преступных личностей. Он умел заставить арестованных говорить, но делал это не угрозами и пытками, а за счет трезвой логики, глубокого понимания душевного состояния арестованных и силой убеждения.

Присмотревшись к повадкам новых правителей Германии, он был потрясен: такой грязи наверху он даже не мог себе представить. От национал-социалистов он одно время ожидал возвращения к старым традициям и порядкам, однако быстро убедился, что всюду царит презрение к приличиям и морали.

Обесценивание нравственных принципов его окружения особенно проявилось в «ночь длинных ножей». Тогда Леман отчетливо осознал, что он служит террористическому государству и чтобы самому уцелеть, нужно было дать понять сослуживцам, что его шовинизм и лояльность к власти не оставляют места угрызениям совести и человеческому состраданию.

И в гестапо это оценили. После событий 30 июня его признали за своего, приняли в СС и стали выражать подчеркнутое уважение.

Но он оставался настороже, уклонялся от продвижения по должности, не пытался втереться в доверие руководителям путем демонстрации национал-социалистических взглядов.

Нацисты позволяли Леману использовать, свои профессиональные, знания и совершаемые при этом аресты, задержания других людей, он, как и другие чиновники, считал «делами управления». Он верил, что помощь русским спишет с него все прегрешения как необходимые издержки его положения

в гестапо.

Однако подобное раздвоение сознания отражалось на здоровье, и оно стало ухудшаться с каждым днем. Амбулаторное лечение уже не помогало и на службе начальство решило предоставить Леману пятинедельный отпуск для прохождения санаторного лечения.

Германские генералы не боялись войны, но они опасались быть в нее втянутыми с недостаточно подготовленной и малочисленной армией. Первые же меры по перевооружению Германией, предпринятые Гитлером в начале 1934 года, их успокоили. Они поняли, что Гитлер тоже стремится к сокрушительному военному реваншу. Это и обеспечило фюреру безоговорочную поддержку военных.

Помогая устранить Рема, военные надеялись, что двумя главными опорами третьего рейха будут партия и армия и что каждая из сторон будет неразрывно связана с успехами и неудачами другой.

Сразу после сообщения о смерти престарелого президента Гинденбурга, Гитлер организовал принесение армией новой присяги.

В августе на плебисците был решен вопрос о его новых полномочиях. Поддержка армии, ловко сфальсифицированное предсмертное благословение старого фельдмаршала, ликвидация оппозиции, террор, который затыкал рты последним из нонконформистов — все гарантировало успех. К тому же гестапо и СД организовали тайную проверку избирательных бюллетеней, что позволило получить высокие результаты и разоблачить скрытых оппозиционеров.

Под шум фанфар военные не придали значения распоряжению фюрера от 20 июля: «Учитывая выдающиеся заслуги сил СС, особенно во время событий 30 июня 1934 года, я возвожу СС в ранг самостоятельной организации в рамках НСДАП. Рейхсфюрер СС, как и начальник штаба СА будут впредь находиться в прямом подчинении верховного командующего СА». А верховным командующим СА был сам Гитлер. Этим распоряжением службы СС получали полную независимость и отныне напрямую подчинялись фюреру.

Оно имело и еще одно последствие: отныне Гиммлер мог создавать и вооружать войсковые подразделения СС, чем он тут же не замедлил воспользоваться. После 30 июня началось широкое формирование и развитие маршевых рот и специальных подразделений, которые очень быстро превратились в личную армию Гитлера.

Под эту компанию попал и Леман, которого в начале августа

зачислили в 44 роту войск СС берлинского округа с правом ношения значка СС или как его называли эсэсовцы — «угла».

Гиммлер также усилил проникновение СС во все звенья административного механизма. Получило широкое распространение совмещение должностей одним и тем же лицом. В результате по всей стране должности префекта полиции закреплялись за руководителем местной организации СС.

Значительные перемены стали происходить и в службе безопасности НСДАП — СД. Формально СД не являлась государственной организацией и ее компетенция ограничивалась внутренними делами партии. Но сама партия стала настолько многочисленна и охватывала столь большую долю населения, что поле деятельности СД стало поистине беспредельным.

Службе безопасности ранее насчитывалось около трех тысяч агентов, которых в маленьких городках страны все хорошо знали. После 30 июня возникла необходимость создания «параллельной секретной сети»: старая в глазах обывателя стала одиозной, поэтому Гайдрих приступил к подбору новых «добровольных членов».

Большая работа проводилась в СД по сбору и обработке документации. Используя научные и статистические методы, служба приступила к изучению деятельности ранее существовавших группировок марксистов, франкмассонов, евреев, либеральных республиканцев, верующих, людей свободных профессий, которые, по мнению нацистов, могли бы породить новую оппозицию.

Усилиями Герберта Мельхорна и Вернера Беста, СД превратилась в самую современную и наиболее оснащенную специальную службу в мире. Особенно знаменита она была своей картотекой. Карточки особо важных, с точки зрения политической полиции, деятелей были размещены в огромной циркулярной картотеке, управлял которой один оператор. Диск приводился в движение мотором и достаточно было лишь нажать кнопку, чтобы мгновенно получить нужную карточку.

Гестапо, опираясь на архивы и разработки СД, проводило аресты и обыски, заключало в концлагеря задержанных и арестованных, приговаривало к смерти и приводило приговоры в исполнение.

Наблюдение за политической деятельностью эмиграции, подготовительная работа к агрессии против других стран и создание «пятой колонны» в них, ведение идеологической войны, позволившей вербовать союзников и агентов в тылу противников, потребовали создания второй ветви СД, так называемой «СД — ауслaнд», или «секретной службы для заграницы».

Руководители рейхсвера очень скоро почувствовали на себе возрастающее влияние спецслужб. Так они неожиданно обнаружили, что их телефонные разговоры прослушиваются. Члены НСДАП из числа военнослужащих были обязаны передавать в партийные комитеты отчеты о всех действиях своих начальников и командиров. Между солдатами СС и рейхсвера стали возникать стычки. СД потребовало разрешение на проверку благонадежности офицеров вермахта. Фанатичные сторонники НСДАП стали распространять слухи, что армия «противопоставляет себя партии». Военные стали жаловаться на планомерную травлю вермахта. Руководители СС заговорили о том, что армия готовит путч.

Тревожные сообщения о серьезных раздорах между рейхсвером и партией легли на стол фюрера первого января 1935 года. Не мешкая, Гитлер собрал в здании оперного театра все руководство партии, государства и вермахта.

Леман принимал участие в охранных мероприятиях на этом совещании и спустя несколько дней рассказывал Зарубину:

— В Берлин съехалось руководство из всех уголков Германии. Все ложи и партер в театре были заполнены. Собрались все известные военные, чиновники и партийные функционеры.

Вскоре появился Гитлер, встреченный бурными аплодисментами и криками «Зиг хайль!». Собрание открыл Гесс, [29] несколько слов сказал Геринг. А томом речь держал Гитлер, которая длилась около полутора часов.

Вилли с трудом вспоминал, о чем говорил фюрер. После его эмоциональных эскапад в сознании осталось только одно: вождь желает примирить все политические силы страны. Опровергая слухи о раздорах между партией и рейхсвером, он заявил, что Германия будет опираться на два столпа: партию и вермахт. Это его непоколебимая воля. С нашей армией, которая в будущем усилиться, Германия добьется уважения во всем мире и обеспечит свою национальную безопасность. Сегодня, сказал фюрер, он счастлив, что в тридцать третьем году рейхсфер не переметнулся немедленно на его сторону, ведь суть армии — послушание и консерватизм. И если бы рейхсфер тогда так легко нарушил данную им клятву, то я бы и теперь опасался, что он в любой момент может изменить мне.

После собрания, в кулуарах, под впечатлением от выступления Гитлера, генералы говорили, что фюрер фактически реабилитировал расстрелянных Шлейхера и Бредова, поскольку убежден, что их убили по ошибке.

— Глупцы, они все еще продолжают верить фюреру, — саркастически ухмыльнулся Леман.

— Ну и чем закончилось совещание? — поинтересовался Зарубин.

— Все вместе слушали «Тангейзер» Вагнера.

— Вилли, хочу посоветоваться с вами, — сказал Зарубин, давая понять, что нужно переменить тему разговора. — Центр предлагает вам начать выносить с места работы секретные материалы. Как вы считаете, это возможно?

— Что я могу сказать, — Вилли на секунду задумался. — По своему нынешнему положению, я не имею доступа к оперативным делам. Чтобы с каким-то делом ознакомиться, я должен найти логичный предлог. Лишь после этого можно взять его на короткое время.

Он задумался, нервно теребя лежащую на столе салфетку.

— Если я смогу какое-то дело получить, его нужно будет быстро вернуть. Выносить дела из гестапо, а потом с ними возвращаться — сейчас крайне рискованно. Если класть их в портфель, так на службу никто с портфелем не ходит. Я могу узнавать новости из бесед. Ну вот например: адъютант графа Штеремберга рассказал, что в конце июля сто пятьдесят четыре эсэсовца из 89 австрийского батальона СС под командованием Гольцвебера, одетые в форму австрийской гражданской гвардии, внезапно захватили в Вене канцелярию президента.

При этом серьезно ранили президента Дольфуса. Положив его на диван, они потребовали от него подать в отставку. Дольфус отказался, и ему не оказывали до вечера помощи, пока он не умер.

Тем временем к парламенту были стянуты верные власти войска и полиция, и к семи часам вечера мятежники сдались. В Вене продолжаются аресты. Муссолини отправил пять дивизий в поддержку законного правительства. Такую информацию я добывать могу. Но выносить дела сейчас опасно. Хорошо, что с делом на Флик-Штаггера все закончилось благополучно.

— Нет, нет, рисковать конечно не следует, — согласился Зарубин. — Давайте еще подумаем, может позже появится какая-нибудь идея. А что нового у вас на службе?

— Пока я отдыхал в санатории, в отделе кто-то распространил слухи, что я безнадежно болен и якобы, помещен в больницу. Очень все удивились, когда я появился на работе, — Вилли улыбнулся, видимо вспомнил выражение лиц своих коллег. — Или такая новость: в одном из отделов арестовали чиновника Меллера за связь с частным детективом Граером. Так вот, пока я лечился, пошли разговоры, что я тоже связан с Меллером.

— Кто может распространять такие слухи? — спросил

Зарубин.

— Я думаю, что это делает из зависти кто-то из сослуживцев, кого не взяли в гестапо и он остался в полиции.

— Вилли, вот еще одна просьба Центра. — Зарубин вспомнил, что с последней почтой пришло письмо из спецотдела Бокия[30] с просьбой добыть подсобный материал для расшифровки шифртелеграмм, исходящих из гестапо. — Нельзя ли добыть открытые тексты нескольких шифртелеграмм, которые будут отправлены в провинцию из центрального аппарата гестапо.

— Я постараюсь это сделать, — сразу же согласился Леман.

Зарубин уже знал, что слов на ветер он не бросает: если что-то пообещал, обязательно выполнит.

Встречу пора уже было заканчивать. Как всегда в таких случаях делается, Зарубин спросил:

— У вас нет ко мне вопросов, Вилли?

— Есть, — ответил Леман. — Мне хотелось бы знать, что вы предпримете, если со мной что-то случится?..

Через два часа, работая над отчетом на конспиративной квартире, Зарубин, писал в Центр:

> «Брайтенбах /с января 1935 года Леману, по соображениям конспирации сменили псевдоним А/201. — Э.С./ вел со мной разговор о том, что мы предпримем, если с ним что-нибудь случиться.
>
> Я сказал, что в ближайшее время он получит возможность связываться со мной тогда, когда ему будет необходимо или когда он почувствует, что ему что-то угрожает. Более того, у него будет место, где он сможет находиться до тех пор, пока будет гарантирована его переброска в ту или иную страну.
>
> Главное, подчеркнул я ему, мы должны работать так, чтобы возможность провала вообще не возникала и ее никогда бы не было. Поскольку это зависит прежде всего от нас двоих, то это и является нашей главной задачей, с которой мы обязаны во чтобы-то ни стало справится. Эти объяснения источника удовлетворили и он ушел успокоенный, хотя на эту тему он говорил совершенно разумно, спокойно и по деловому.
>
> Я полагаю, что связь на меня ему нужно дать немедленно. В данный момент это не так просто, так как я имею только Друккера, а также Макса и Мориса. Из этих двух адресов я должен буду выбирать.
>
> Поскольку Макс и Морис совершенно ничего для нас

не делали, я думаю, что можно будет дать их телефон, куда в случае экстренной необходимости, Брайтенбах мог бы позвонить и разговаривать с использованием условностей. От Макса и Мориса, через третьих лиц, мне сообщат о его звонке, а место встречи и время мы оговорим заранее. Разумеется, что Брайтенбах адрес Макса и Морица посещать не будет, а будет только туда звонить по телефону.

Ничего другого пока по этому вопросу придумать невозможно, так как дать ему телефон Друккера я не могу, поскольку им пользуется курьерская связь.

Учитывая, что вызовы со стороны Брайтенбаха частыми не будут, Макс и Мориц совершенно не завязаны работой с нами, это единственная у меня возможность наладить с источником двухстороннюю связь. Все другое было бы равносильно тому, что я дал бы свое настоящее имя и телефон Брайтенбаху, а этого делать пока совершенно ни к чему.

Телефон Макса и Морица я передам ему на следующей встрече. Это устроит нас, так как в случае надобности, он всегда сможет нас найти, а это его тоже очень успокоит.

Разумеется, что сейчас адресом Макса и Морица для курьерской связи мы пользоваться не должны. Этой одной, очень важной нагрузки, для Макса и Морица будет вполне достаточно.

Если вы найдете нужным, то впоследствии я могу сообщить Брайтенбаху о вызове Морица в полицию, с тем, чтобы он сам выяснил причину вызова и состояние дела. Макс и Мориц, после этого вызова, ничего подозрительного за собой не замечали. Вокруг них все спокойно.

Привет Бетти»

Ракеты для Кремля

Пауля с нетерпением ждали в дирекции. Из Берлина, из министерства авиации, прибыл начальник отдела генерал Вальтер Дорнбергер и сопровождающие его эксперты.

По растерянному виду директора Пауль угадал неладное. Ему с трудом удалось вытянуть полупризнание: по мнению высшего командования выпуск нового летательного аппарата слишком затягивается. Дорнбергер требовал немедленной демонстрации ракеты. Доводы, что изделие еще не закончило цикла заводских испытаний, не возымели действия. Генерал настаивал на своем.

Пауль знал, что сам генерал мало понимает в ракетной технике, впрочем, как и все его окружение. Втолковывать ему что-либо было бесполезно. Пауль попробовал апеллировать к инженерам-экспертам, но те лишь пожимали плечами, боясь высказывать свое мнение.

Пауль решил не возражать. Он был уверен в своей ракете, несмотря на тяжесть выдвинутых обвинений. Он даже гордился своим новым произведением Но если комиссия захочет, то в несовершенстве опытного экземпляра она всегда найдет недостатки конструкции, даже злой умысел самого конструктора. При желании можно было придраться к чему угодно.

Пауль с тяжелым сердцем ехал на испытательный полигон.

Генерал Дорнбергер пригласил его к себе в «мерседес». Когда они остались вдвоем, отделенные от шофера стеклом. Дорнбергер стал расспрашивать его о работе, о личной жизни. Оказалось, он хорошо знал, что Пауль сын генерала фон Зандберга. Наконец, как бы невзначай, Дорнбергер задал вопрос, в котором Пауль сразу угадал главное: как он сам относится к новому изделию? Ведь он, насколько известно, не только прекрасный конструктор, но и опытный в прошлом летчик. Его мнение особенно ценно…

Пауль сердито возразил:

— Бюрократическая инерция вашего военного аппарата губит дело. Когда машина выходит на опытный аэродром — это самолет сегодняшнего дня Тем не менее, его долго проверяют, так как боятся каждой мелочи способной привести к отказу. Так и с ракетой: это опытный экземпляр, его еще нужно испытывать и испытывать, чтобы добиться безотказной работы и точности попадания.

— Значит, производители не видят недостатков в конструкции?

— Какой смысл промышленнику говорить об ее несовершенстве, когда у него запланирован ее выпуск в несколько

сот штук? — откровенно ответил Пауль. — Заводчик не враг своему карману!

Дорнбергер нахмурился:

— Я говорю об обороне, а вы — о коммерции.

— Для директоров это одно и то же.

Генерал ударил себя по колену снятой перчаткой.

— Вот что, доктор, — решительно сказал он. — Мы избрали вашу ракету объектом эксперимента. Технические условия, ей предъявляемые, на мой взгляд, соответствуют бомбардировщику. В ближайшем будущем нам предстоит ее испытать в Британии…

— Позвольте, — невольно воскликнул Пауль, — но это же за пределами империи!

Дорнбергер на его возглас не обратил никакого внимания.

— Исходной позицией могут стать территории по ту сторону Ла-Манша. Я говорю с вами откровенно, доктор Зандберг, потому что хочу, чтобы вы ясно представляли задачу вашего нового изделия.

Паулю пришлось взять себя в руки, чтобы казаться спокойным.

— Район операций не определяет их характера, генерал?

— Наступление. Бомбардировка.

— Объекты?

— В основном — узкие цели, узлы сопротивления — форты, батареи… Возможны и населенные пункты.

Пауль не верил своим ушам. То, что говорил Дорнбергер, означало войну. Ни больше, ни меньше. А война с Англией означала войну с ее союзниками. Генерал испытывающе смотрел на растерянного Пауля.

— Ваше мнение?

Пауль яснее, чем когда-либо до того, ощутил, что делает не елочные игрушки. С ним еще никогда так просто и ясно не говорили о намерении уничтожать с помощью его ракет города, убивать людей. Цель его работы обычно скрывалась за цифрами и сложной терминологией технических требований.

— Я как-то не задумывался о конечных целях моей практической деятельности, — неопределенно ответил он.

— Мне очень неприятно сообщить вам, но у правительственного инспектора дирекции в Пенемюнде создалось впечатление, что процесс сдачи вашего изделия искусственно затягивается. Слишком затягивается! Скажем так.

Дорнбергер видел, как щеки Пауля залились краской.

— Он так и сказал?

Генерал предостерегающе поднял руку:

— Я говорю с вами совершенно конфиденциально.

— Что же, он подозревает меня в умышленном затягивании? — сердито спросил Пауль.

— Недостаток рвения. Скажем так… Может быть виноваты кто-либо из ваших сотрудников, ну, хотя бы те, кто ведет испытания?

Пауль молчал.

— Вы никого не имеете в виду? — спросил Дорнбергер — Мне говорили о Риделе, Греттрупе.

Пауль уверенно заявил:

— Не нахожу в их работе ни одного пробела, который можно было бы считать хотя бы ошибкой. Если кого-нибудь нужно обвинить в недостатке энтузиазма, пусть это будет главный конструктор дирекции.

— Вы?

— Вот именно.

— Не будьте слишком самоуверенны, господин доктор!

— Я достаточно уверен в нашей ракете.

Автомобиль остановился. Увидев подходящих офицеров, генерал сказал:

— Разговор закончим в другой раз.

А несколько минут спустя, Пауль сам излагал экспертам недостатки, которые еще необходимо устранять.

Когда комиссия закончила работу, Пауль не знал, радоваться или огорчаться: эксперты признали направление работы перспективным и предложили продолжать наращивать усилия.

Перед отъездом Дорнбергер отозвал Пауля в сторонку и сказал:

— Мы намерены поручить вам ответственную задачу: нужно подумать над ракетой более мощной, большего радиуса действий. Для начала поговорим об «ФАУ».

— «ФАУ»? — переспросил Пауль.

— Да. Когда будете в Берлине, заезжайте ко мне. Я вам кое-что покажу. А пока — это сугубо между нами.

Они простились, и Пауль, взяв Вернера фон Брауна под руку и, дружески с ним беседуя, повел его в бюро.

Вернер фон Браун, молодой инженер-конструктор, появился в дирекции недавно и быстро завоевал симпатию фон Зандберга умением схватывать на лету его идеи. Он был исполнительным помощником и способным организатором. Мало-помалу к нему перешла часть работы, мешавшая Паулю: распределение заданий между инженерами бюро, наблюдение за их выполнением. Пауль и не заметил, как Браун стал его фактическим помощником.

Браун привлекал Пауля кажущейся непосредственностью. Он не стеснялся выражать свои мнения. Когда Браун критиковал

существующие порядки, Паулю нечего было добавить. Но зато очень часто вслед за этими суждениями следовали другие, резко противоположные взглядам Пауля.

Зандберг искренне удивлялся: в голове молодого инженера точные технические идеи уживались с очевидным абсурдом, преподносимым министерством пропаганды Геббельса. Когда Пауль рисовал Вернеру картины того, что было бы с Германией, если бы ее западные соседи взялись за оружие, Браун со смехом возражал:

— Но ведь не взялись же!

— При всем том Вернер знал свое место. Он был скромен, деятелен, не кичился происхождением, не лез на глаза, вносил в дело свою помощь незаметно.

— В скором поезде между Берлином и Любеком Пауля нагнала фотограмма Гофмана. Он сообщал о полученном им приказе сдать эскадрилью истребителей и отправиться в распоряжение Зандберга.

Уже через два дня подполковник передал фон Зандбергу предписание министерства отложить все работы и сосредоточиться на разработке новой ракеты.

Пауль думал, что ему придется неволить себя, когда он приступил к новому проекту. Он никак не мог заглушить в себе мысль, что эта работа ему навязана. Но с приездом Гофмана все изменилось. Пауль все настойчивей стал искать новые конструктивные решения. Будущая работа представлялась ему как прекрасное решение трудной инженерной задачи.

Гофман взял на себя организационное руководство работой. Твердый характер, опытность командира помогли ему подчинить себе фон Брауна. Молодой инженер стал верным помощником Гофмана в деле ограждения фон Зандберга от всяких помех. Фон Браун готов был день и ночь сидеть за расчетами.

Гофман рылся в справочниках, писал запросы своим бывшим товарищам-летчикам, составлял картотеки и таблицы.

Вскоре в воображении Пауля начала складываться схема летательного аппарата. Он уже знал, что ракета будет невиданным до сих пор сочетанием высоких скоростей, мощности заряда и дальностью доставки. Когда все будет выверено, он преподнесет приятелям приятный сюрприз. А пока — молчок!

Пауль не принимал никого, кроме Брауна и Гофмана. Но и у них он отбивал желание говорить о посторонних вещах и радовался, когда они уходили. Иногда он, потихоньку ото всех, садился в автобус и доезжал до конца Штранда. Дальше он шел пешком вдоль берега, минуя виллы и купальни.

Там было пустынно. До конца сезона оставались считанные

дни. Серо-голубые волны Балтики были уже холодны и не привлекали купальщиков.

Когда Паулю надоедал однообразный шум прибоя, он возвращался в сад и погружался в тишину аллей.

Однажды, сидя в саду и наблюдая за неторопливой работой садовника Пауль заметил на одной из скамей фигуру, показавшейся ему знакомой. Человек делал вид, будто читал газету, но Пауль уловил вороватые взгляды, которые тот изредка бросал в его сторону из-за раскрытого листа. Не тот ли взгляд он поймал на себя на днях в городке, когда садился в автобус.

Пауль решительно поднялся и подошел к незнакомцу.

— Напрасная трата времени — шляться за мной! — грубо сказал он. — Понятно?!

И пошел прочь.

Широко шагая по берегу, он не заметил, как далеко ушел от городка. Оглянулся и увидел: он совершенно один на берегу. Пауль отошел от воды и сел на сырую скамью. Неожиданно в голове появились мысли. Он вынул из бокового кармана пиджака свою любимую записную книжку и принялся набрасывать в нее формулы…

Пауль очнулся, когда уже начало темнеть. Он поднялся, подумав, что пора возвращаться домой, но потом передумал. А почему бы не побыть одному здесь, в этой тишине, не видеть надоевших ему лиц? Он не будет возвращаться! Пусть они там побеспокоятся, поищут!

Ему стало весело и жутко, как набедокурившему мальчишке. Он побежал вдоль берега, — просто так, потому что хотелось бежать, забыв о том, что ты доктор механики, руководитель огромного коллектива, что тебе уже за сорок. Колотилось сердце, стучало в висках.

Отдышавшись, он медленно побрел берегом. Тени стали длинными, когда он добрался до Бротена. Усталый, но в приподнятом настроении, он толкнул дверь под первой попавшейся вывеской деревенской гостиницы. В зале сидели несколько рыбаков и пили пиво. Они с любопытством уставились на Пауля: он пришел пешком, но за плечами не было рюкзака.

Пауль потребовал комнату и хороший ужин. Появившиеся жена и дочь хозяина предложили ему посмотреть номер.

В коридоре царила тишина. Воздух был пропитан тем смолистым запахом, который держится только в приморских деревенских гостиницах. Этот запах напоминал о корабле, особенно, когда в открытые окна врывался ветерок и был слышен прибой. Лакированные перила лестницы на точеных столбиках, легкий скрип ступеней, даже начищенная медная лампа — все

показалось Паулю очень милым.

Он выбрал комнату с окнами на море. Хозяин принес толстую книгу постояльцев и принялся записывать в нее данные. Вписав в графу «цель приезда» слово «отдых», он заискивающе попросил какой-нибудь документ. Никаких документов у Пауля с собой не было. Он испытывающе посмотрел на хозяина, раздумывая, можно ли ему предложить вместо паспорта десять марок. Внешность владельца не свидетельствовала о процветании его заведения. На хозяине был сильно поношенный, заплатанный во многих местах костюм. Десять марок могут для него иметь значение.

— Не сможет ли это заменить паспорт?

Пауль протянул купюру.

— А что ждет меня за постояльца, о котором не сообщено в полицию? — со вздохом сказал хозяин и взял деньги.

Когда Пауль закончил работу, на деревенской кирхе пробило одиннадцать.

Как будто все было готово! «За эту пачку листов, — подумал он, — дорого бы дал генеральный штаб любой страны».

В окно тянуло влажной прохладой взморья. Пауль потушил лампу и сел на подоконник. Море было освещено луной и по нему бежала и скрывалась за горизонтом лунная дорожка. Вдали то появлялся, то исчезал едва заметный огонек какого-то судна.

Из гостиницы вышло несколько подвыпивших рыбаков. Громко переговариваясь, они исчезли в темноте. Через несколько минут, вслед за ними, из гостиницы вышел хозяин с велосипедом в руках. Подойдя к скамейке, он неловко, с кряхтением, сел на велосипед, оттолкнулся ногой и не спеша покатил к деревне.

Посидев еще какое-то время, Пауль не торопясь разделся и лег в постель. Приятно было лежать и ни о чем не думать. Незаметно он задремал.

Шум мотора заставил его очнуться. Одним прыжком он очутился около окна: возле гостиницы остановился автомобиль. В свете отблесков света, падающего из двери, Зандберг увидел две темные фигуры, вылезающие из машины. Хозяин гостиницы не выдержал: о подозрительном незнакомце он сообщил в гестапо…

Утром Пауля разбудил охранник. Сунув в руки чашку с горячим пойлом, называвшимся кофе, и кусок хлеба, он предупредил, что скоро его поведут на допрос.

Вчера, ночью, его арестовали прямо в гостинице и привезли сюда, в здание городского гестапо, где в подвале размещались камеры предварительного заключения.

В камере было сыро и душно. Жесткий топчан с матрасом, набитым стружками, маленький стол и стул, привинченные к

полу. Окно заделано решеткой. Спал Пауль плохо. Снились какие-то кошмары. Они быстро исчезали в голове, как утренний туман при появлении солнца.

Робкий рассвет сочился в камеру. Проснувшись, он лежал не открывая глаз и снова и снова вспоминал вопросы, которые ему задавал полицейский чиновник. Перебрав в памяти все, что хоть как-то могло пролить свет на ситуацию, в которой он оказался, Пауль ждал нового допроса. Время текло мучительно медленно.

Наконец в коридоре послышался шум от сапог, подбитых железом, лязгнул засов и дверь открылась:

— Выходи!

Конвоир запер камеру и пошел следом. Они поднялись на второй этаж и прошли в один из кабинетов.

— Садитесь, господин Зандберг! — услышал он.

Пауль сел за столик у стены. Новый следователь из Берлина был в черной форме офицера СС. Позже Зандберг вспоминал только о паре небольших, цепких серо-голубых глаз, которые смотрели на него.

— Хотите сигарету?

Пауль не мог отказать себе в удовольствии сделать парочку глубоких затяжек.

— Итак, вы — господин Зандберг. Я много о вас слышал, а также читал. Вас задержали по Пенемюндскому делу, — начал допрос следователь, повернувшись спиной к окну.

— Да и я прошу побыстрее освободить меня от столь неожиданного ареста и опасных для меня действий господ из СД. Я хотел бы кое-что прояснить…

— Прощу прощения! — прервал Пауля следователь. — Во-первых, вы не арестованы, а просто находитесь в полиции для дачи показаний. Во-вторых, СД не имеет с этим ничего общего. Вам пора бы уже разбираться где СД и где гестапо.

— Господин следователь, до этого времени я еще ни разу не имел дела ни с одной из этих организаций. Я не в курсе тонких различий между этими структурами. Для меня гестапо и СД, криминальная полиция и полиция политическая в конечном итоге являются одним и тем же учреждением. Арест — или, как вы это называете, взятие для дачи показаний, абсолютно идентичны.

Зандер замолчал и вопросительно посмотрел на следователя.

— Продолжайте, продолжайте, — следователь нервно сглотнул.

— Мною и моими коллегами проделана большая работа по созданию нового, неизвестного в истории летательных аппаратов снаряда и задержка меня здесь может загубить выполнение всего

задания!

— Я не могу до окончания расследования положительно решить ваш вопрос, — спокойно сказал следователь, продолжая пристально смотреть Паулю в глаза. — Я могу лишь вам обещать, что проинформирую вышестоящее руководство и попрошу ускорить решение этого вопроса.

— Я прошу Вас поторопить местных чиновников в связи с моим делом.

Разговор как будто исчерпал себя, но следователь не прекращал допрос, продолжая внимательно наблюдать за Паулем.

— А вы знаете, господин Зандберг, вы интересный случай! — воскликнул он и изменил свою позу за столом. — Знаете ли Вы, что находящееся у нас ваше личное дело очень объемное?

Зандберг отрицательно покачал головой.

— Почему же вы тогда не арестуете меня? — спросил Пауль с иронией в голосе.

— Сейчас это было бы бесполезно, в данный момент вы лучший эксперт по ракетам и как эксперта вас нельзя же допрашивать против самого себя, — с самым серьезным видом объяснил следователь.

— Очень мило. Между прочим, в чем собственно говоря меня обвиняют. Это у вас можно узнать? — Пауля просто распирало от злости.

— Видите ли, в первую очередь, это задержка с разработкой аппарата А-1. Когда-нибудь очередь дойдет и до этого дела.

— Здесь господин следователь, простите, не знаю вашего имени…

— Криминальинспектор, оберштурмфюрер Леман, — любезно подсказал следователь.

— Так вот, господин Леман, здесь я могу с вами согласиться. Только я думаю, что многие удивятся, когда выяснится, против кого будет выдвинуто обвинение… Вы должны понять, наконец! Мы делаем абсолютно новые аппараты…

— Которые не летают, да еще убивают вокруг себя людей! — перебил Пауля Леман.

— Таковы издержки науки! Ничего не поделаешь! Новое всегда дается с трудом и с жертвами. Это сложные испытания!

— Ваша деятельность в дирекции Пенемюнде также должна быть расследована.

— Ах да, я уже знаю. Тормоз в развитии. И это все? Тогда это до смешного мало, — теперь Пауль иронизировал уже не скрываясь. Леман, однако, оставался сдержанным и холодным.

— Там еще было несколько пунктов. Может быть вас интересует случай в Пенемюнде? Обвинение в сознательном или

непроизвольном подстрекательстве к саботажу!

— О, это уже более серьезное обвинение. О каком случае идет речь?

Леман посмотрел в дело и стал цитировать: «Занберг сказал, что фюреру во сне приснилось, что он на аппарате А-1 никогда не полетит в Англию. Против сна фюрера мы бессильны…» — Это ваши слова? На заседании фракции в Пенемюнде? Что можете сказать по этому поводу?

Зандберг молчал, видимо, вспоминал, когда он мог высказываться подобным образом.

— Этим высказыванием вы оказали гибельное пессимистическое влияние на рабочий коллектив и тем самым саботировали скорейшее завершение работы, — Леман закрыл папку и холодно посмотрел прямо в глаза Зандбергу.

— Я не знаю, кто был вашим человеком на заседании, — медленно начал говорить Пауль, восстанавливая в памяти имевшие место события, — но он совершенно исказил смысл моих высказываний. Если вас интересует действительное положение дел, то я вам охотно расскажу.

— Я вас слушаю.

— Однажды, после доклада министра Шпеера, фюрер сказал: «Мне приснилось, что этот аппарат никогда не будет использован против Англии. Я могу положиться на свою интуицию. Не имеет смысла поддерживать этот проект».

Зандберг замолчал.

— Ну и что же дальше? — подтолкнул его Леман.

— После этого нас собрал генерал Дорнбергер и объяснил, что и до этого мы преодолевали огромные трудности, но последним препятствием для нас теперь является сон фюрера. Естественно, что мы обменивались мнениями друг с другом по поводу этого сна.

Потом генерал Дорнбергер приказал снять фильм о результатах нашей работы над изделием. Мы с энтузиазмом взялись за дело. Нужно было доказать, что наше изделие перспективно, что мы доведем его до конца. Если вы считаете, что наша работа и мое личное поведение в связи с этим являются саботажем, что ж, пожалуйста, я готов предстать перед судом!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Потом Пауль добавил:

— Я не знаю, как вы расцениваете нашу сегодняшнюю беседу, или допрос, как там у вас называется. Одно могу сказать, желание трудится больше у специалистов после такого обращения явно не прибавится!

Леман внимательно его слушал. Во взгляде его, серо-голубых

глаз, во всей его позе, по видимому, сквозило сочувствие, потому что Зандберг, после некоторого молчания стал откровенно ему рассказывать о всех проблемах, с которыми сталкиваются ученые, создавая новую технику. Так они довольно долго еще беседовали.

Наконец допрос был закончен. Отправив Зайберга в камеру и пообещав ему содействие по мере своих возможностей. Леман еще долго изучал изъятые у задержанного при обыске бумаги, приобщенные к делу чертежи, служебные записки, и делал из них выписки: Москва интересовалась техническими подробностями ракет, описанием схем, рецептурой топлива.

С обер-лейтенантом Кламротом, сотрудником Управления военной разведки, у Лемана были свои отношения.

Собственно, без официального в каждом случае письменного запроса, Кламрот не имел права сообщать гестапо какие-либо сведения. Однако, Леман не раз помогал ему, и не только информацией службы наружного наблюдения, с чем у военных были проблемы. В свою очередь, абвер старался всячески идти гестаповцам навстречу.

Леман намеревался при содействии обер-лейтенанта собрать сведения о некоторых интересующих его лицах, в том числе и о конструкторе Зандберге. И еще ему хотелось посмотреть дела на задержанных в последние недели в той части Германии, где был расположен объект в Пенемюнде.

Как назло в этот поздний час в кабинете, в особняке на набережной Тирпицуфер, где находилась штаб-квартира, кроме самом обер-лейтенанта, находилось его начальство, незнакомый Леману, невысокого роста, худощавый, с продолговатым, красным, обветренным лицом, капитан первого ранга. Леман представился и вынужден был в двух словах упомянуть, что интересуется материалами по Пенемюнде.

Услышав это, капитан первого ранга поднялся и расхаживая по кабинету, негромким голосом произнес целую речь. Смысл ее состоял в том, что Пенемюнде занозой сидит в военном министерстве и у них нет ни сил ни возможностей эффективно его обслуживать. Все, что там делается, напрямую касается армии, все крайне секретно, и это не может не беспокоить абвер, а что же касается жизни прилегающего района, безопасность местных жителей, то нам, мол, нет до них никакого дела.

Он говорил негромко, но с пафосом, словно читал лекцию. При этом он обращался к Леману так, словно тот был, по крайней мере шефом полиции безопасности и при желании ему ничего не стоило выделить потребные, силы для оперативного обслуживания района.

Леман многое мог бы ему объяснить, но по опыту он знал,

что противоречить в таких ситуациях — пустая трата времени.

К тому же он плохо себя чувствовал: боли в пояснице усиливались с каждым часом. Моряк рассуждал, а Леман сидел передним в кресле, делая вид, что внимательно его слушает, и даже согласно кивал головой; в одном месте, заметив улыбку на лице Кламрота, он тоже улыбнулся. Более всего он боялся, что забудется, хоть на мгновение, потеряет над собой контроль и свалится.

Наконец моряк умолк и, сопровождаемый обер-лейтенантом, отправился в свой кабинет. Леман тоже двинулся за ними, лихорадочно придумывая предлог, чтобы отозвать обер-лейтенанта в сторону и переговорить.

Внизу, извинившись перед начальством, Кламрот отлучился в помещение, где сидел дежурный по управлению.

Леман вошел следом и, прикрыв за собою дверь, без обиняков сказал, что ему нужно посмотреть материалы по Пенемюнде.

— Откройте ему кабинет, — приказал обер-лейтенант дежурному. — И передайте унтерофицеру Герке пусть покажет господину Леману необходимые ему материалы!.. Извини, Вилли — начальство, это наш новый руководитель Канарис.[31]

Немного погодя Леман сидел в чьем-то пустом прокуренном кабинете и при ярком свете настольной лампы просматривал наблюдательное дело на секретный объект Пенемюнде.

В протоколах значились весьма стереотипные вопросы по поводу различных мелких происшествий, акты испытаний новой техники, копии стенограмм различных совещаний в дирекции и заключения комиссий по поводу чрезвычайных происшествий во время испытаний.

Никаких серьезных сигналов на конструкторов, в том числе и на Зандберга, там не было.

Через час, он уже был у себя, в кабинете на Принц-Альбрехтштрассе, и ждал, пока его соединят с квартирой начальника отдела Пацовски.

Он звонил, чтобы доложить о результатах расследования по делу исчезновения Зандберга и его саботажа, в тайной надежде, что в отделе могли быть получены какие-то новые данные, о которых ему пока еще неизвестно.

В трубке послышался негромкий голос начальника отдела. Леман стал докладывать о результатах поездки и своем визите в абвер. Во всем этом не было ничего значительного, но Пацовски слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка уточнял детали, и Леман уже понял — ничего нового в отделе нет. В заключение Вилли высказал мнение, что Зандберг не виновен, все вокруг него — недоразумение, и что его нужно освободить.

— Подготовьте рапорт о результатах расследования на мое имя, — приказал начальник, когда Вилли закончил. — Отдельно подготовьте записку с предложением освободить Зандберга на три месяца, до окончания расследования. Все документы оставьте в канцелярии. Действуйте! — И он положил трубку. Рабочий день уже миновал, когда Леман, закончив отчет, зашел в канцелярию. В кабинете никого не было, Генрих Шумахер, сотрудник регистратуры, видимо, отлучился куда-то по своим делам, и Вилли решил его не дожидаться, а оставить документы в папке для входящей почты.

Подойдя к столу и отыскав эту папку. Леман открыл ее и тут же наткнулся глазами на сообщение контрразведывательной службы Геринга на имя начальника отдела о том, что в шпионаже подозревается некий Эрих Такке. Быстро пробежав глазами сообщение, Вилли понял, что за Такке ведется наблюдение и что его подозревают в принадлежности к советской разведке. Еще раз пробежав сообщение, он постарался запомнить адрес и другие приметы Такке.

«Оставлять мои документы в папке нельзя, — подумал Вилли. — Если начнется расследование, могут догадаться, что я читал это сообщение. Тогда он положил свои рапорта на рабочий стол Шумахера, чиркнул ему записку с просьбой провести их регистрацию и вышел из кабинета.

Минут тридцать спустя, Леман покинул управление. Неспешным шагом он направился в метро, обдумывая на ходу свои предстоящие действия. Прежде всего необходимо было осторожно провериться, нет ли слежки. Сделать это было несложно: в прошлом он сам работал в службе наружного наблюдения и хорошо знал все ее приемы.

Убедившись, что «хвоста» нет, он вошел в телефонную будку, набрал номер, который Ярослав дал ему для экстренной связи и условной фразой сообщил, что на следующий день он вызывает его на экстренную встречу.

Теперь можно было возвращаться домой.

Когда он наконец добрался к себе, Маргарет уже спала. Тем не менее она быстро поднялась и стала суетиться у плиты, подогревая ужин. Вилли снял верхнюю одежду, умылся и устало присел на стул за кухонным столом. Он чувствовал, что эти частые командировки ему уже просто не по силам.

— Направляют в командировки по пустяковый делам, — с раздражением сказал он, медленно пережевывая пищу, и вдруг замолчал на полуслове. По лицу пробежала болезненная гримаса.

— Тебе плохо? — встревожилась Маргарет.

— Прилечь бы — тихо прошептал он.

— Сюда, ложись пожалуйста, на диван… Может приготовить грелку?

— Не надо. Дай только мои лекарства, воды и чем-нибудь накрыться потеплее.

Маргарет быстро принесла подушку, плед, лекарства, помогла ему раздеться. Вилли взял в рот таблетки и стал запивать их водой. Зубы стучали о край стакана. Его сильно знобило.

— Я немного полежу. Приступ скоро пройдет, — тихо прошептал он. Под пледом ему стало тепло, и он забылся тревожным сном.

Очнулся Вилли в середине ночи. В комнате было душно. Во рту пересохло, все тело заламывало от боли. Он лежал, прислушиваясь к шорохам в квартире, отдаленным шумам на улице и мучительно думал: хватит ли у него завтра сил, чтобы добраться до места встречи.

Приняв очередную порцию лекарств Вилли опять заснул. Утром он пробудился с тяжелой головой. Маргарет уже вызвала лечащего врача, и Вилли тут же позвонил на работу, предупредив о том, что заболел. К десяти утра приехал врач, осмотрел больного и поставил диагноз: почечная недостаточность в связи с диабетом. Необходим покой, диета и новые лекарства, которые он тут же выписал.

Весь день Леман пролежал в постели. Во второй половине дня Маргарет тоже почувствовала себя неважно и прилегла отдохнуть.

Ближе к вечеру Вилли заявил, что пойдет в аптеку за лекарствами. Жена никак не реагировала — видимо крепко заснула. Он решительно поднялся с дивана и тут же схватился за поясницу. В голове зашумело, все закачалось и поплыло перед глазами.

Он немного переждал, потом медленно, стараясь сильно не нагибаться, оделся и попытался сделать несколько шагов. Идти было тяжело, боль из поясницы отдавала в ноги. Тогда Вилли взял старый шерстяной платок жены и сильно перетянул им поясницу. Теперь стало немного легче и он решил идти.

Впрочем идти — это не точно сказано: не идти, а двигаться, двигаться медленно, осторожно передвигая ноги и все время за что-то придерживаясь рукой. Сначала за перила лестницы, на улице — за стену дома. На счастье он не встретил никого из соседей и избежал тем самым необходимости им объяснять, что с ним случилось.

От боли и напряжения через несколько шагов закружилась голова и ему пришлось некоторое время стоять, прислонившись спиной к стене. Потом он отдыхал, осторожно присев на

скамейку, и ждал, пока успокоится зачастивший пульс.

Однако, надо было идти. Он сцепил зубы, поднялся и пошел вперед, думая только о том, что нужно выйти на улицу и остановить такси, потом все будет проще.

Действительно, в такси ему стало лучше. Из предосторожности, он вышел в сотне метров от обусловленного с Зарубиным места. Теперь оставалось пройти немного. Но как тяжело ему дались эти последние шаги. Он буквально волочил ноги, в голове все спуталось и он не мог уже ни о чем думать, кроме этой тупой, всеохватывающей боли в животе и пояснице, от которой хотелось согнуться и так стоять, не разгибаясь и не двигаясь. Он шел и все время шептал: «сейчас, сейчас, уже подхожу».

Совершенно измученный, Леман наконец добрался до нужной пивной. Кельнер с любопытством поглядывал на необычного посетителя: не снял плаща, заказал пиво, но сидит, уставившись в окно и не пьет. «Наверное у него что-то случилось» — подумал кельнер.

— Не надо расстраиваться, приятель! — нарочито громко кто-то заговорил рядом. Вилли поднял голову. Перед ним стоял Ярослав. — Все еще поправится! — он улыбался, но глаза были тревожными. — Пиво! — крикнул он кельнеру.

Кружка пива мгновенно появилась на столе. Кельнер успокоился. Теперь можно было не опасаться, что этот мрачный господин наделает здесь каких-нибудь глупостей.

— Выпей, это помогает! — Ярослав пододвинул к Вилли кружку. Леман был бледен, глаза его лихорадочно блестели, по лбу скатывались капли пота.

— Слушай меня внимательно, Ярослав, — с трудом выдавил из себя Вилли. — К нам в отдел поступило сообщение из Форшунгсамта Геринга: приехавший из Китая в отпуск Эрих Такке, поддерживающий связь с их сотрудником Альфредом Майснером, подозревается в шпионаже. Такке располагает счетом в банке Цюриха, там же встречался с немецкими коммунистами. За Майсснером тоже следят… Все! Срочно спасайте парня, пока не поздно!

Зарубин сразу понял, о ком идет речь. Разведчик-нелегал Бом — Альбрехт Эрих Такке вернулся в Германию со специальным заданием: вербовка агентуры в военной разведке и тайной полиции. В числе кандидатов значился и Майсснер. Теперь, ни о какой работе Такке в Германии не могло быть и речи. Его нужно было срочно выводить из страны.

«Вот повороты судьбы, — подумал Зарубин. — В 1930 году Бом был руководителем связки агентов А/70 и А/201, Клесмет

писал, что они не сработались, и Бома пришлось заменить, а сегодня агент, несмотря ни на что, приходит на встречу и спасает человека, которого побаивался и недолюбливал!»

Леман наконец собрался с силами и сказал:

— Извини! Приступ — почечные колики. Страшные боли. Боюсь, что могу помереть!..

— Спокойно, приятель! Сейчас доставим тебя домой и пусть жена срочно вызовет врача! Соберись! Выходим вместе!

Зарубин оставил на столе деньги за пиво и они медленно направились к выходу.

Через несколько минут Василий остановил такси, они погрузились и направились к дому Лемана. В машине все молчали. Шофер, полный, пожилой мужчина, оказался не любопытным, так что домой они добрались без приключений.

— Как ты ознакомился с этим сообщением? — спросил Зарубин, когда они выбрались из такси и медленно шли к подъезду.

— Вчера в канцелярии в папке с другими документами…

— Тебя кто-нибудь видел?

— Нет, младший чиновник куда-то вышел…

— Это уже неплохо. Ну, все Вилли! — Зарубин остановился. — Дальше ты пойдешь сам. Вызывай врача, лечись, о деньгах не думай. Я все оплачу!.. Встретимся, когда ты поправишься. Условия связи остаются прежними! И… спасибо тебе за все! — он крепко пожал Леману руку и слегка его подтолкнул. — Иди! Я посмотрю, как это у тебя получится…

В постели Вилли пролежал около десяти дней. Маргарет, хотя и сама недомогала, была внимательна, готовила ему диетические блюда, гладила его рубашки, помогала переодеться. Вилли дал ей денег и сказал, чтобы она не экономила, тратила сколько потребуется.

Очень часто по вечерам, закончив свои дела, она присаживалась около него в кресло, и они обсуждали дела своего наследства в Швибуте, она читала ему письма своей сестры, и просто говорили о жизни.

— Все будет хорошо! — часто подбадривала она Вилли. — У тебя организм крепкий, еще немного и ты пойдешь на поправку.

Была полночь. Он лежал у окна и перед его глазами в темном небе ярко мерцали бесчисленные звезды, дрожали, лучились, словно насмешничали над ним и дразнились. Только звезды да еще луна, должно быть, знают, сколько в мире складывалось разных судеб. А может, звезды вовсе и не насмешничали? Может, наоборот, подбадривали: «Не расстраивайся!.. В жизни все проходит, пройдет и это!».

Перед его глазами возникло лицо Флорентины. Потом он стал вспоминать как все это случилось.

От Маргарет не укрылось, что Вилли стал чаще, чем прежде уходить из дома, возвращаться поздно вечером — возбужденным и расстроенным. Она заподозрила, и не без оснований, что тут замешана женщина, и решила проверить — так ли это.

Уехав в очередной раз к родственникам в Швибут, она неожиданно вернулась раньше срока и конечно не застала Вилли дома. На службе, куда она сразу же позвонила, ей ответили, что он в Берлине.

Маргарет не поленилась и разыскала Эрнста Кура, придумала для него целую историю и, в результате, вытянула из него адрес Флорентины.

В тот вечер Флорентина никак не давала ему сосредоточиться, без конца напевая куплет из шлягера «Лили Марлен», по непонятной причине уже в который раз переставляла вазу с цветами на письменном столе, и, подходя сзади, обнимала его за шею, теребила рукой его короткие волосы, нашептывая на ухо разные сумасбродные слова.

Все это нервировало его, мешало сосредоточиться при составлении отчета об очередной командировке. Он сдерживался, ему не хотелось обижать Флорентину, поскольку раньше он частенько прощал ей подобные шалости.

В это время раздался звонок у входной двери и Флорентина, вздохнув, неохотно отошла от Вилли.

— Наверное это кто-то из соседей, — сказала она и, не снимая фартука, направилась к двери. Приотворив ее она увидела на лестничной площадке пожилую, незнакомую женщину в шляпке.

— Что вам угодно? — недоверчиво спросила Флорентина. Она уже стала догадываться кто это. Фотографии жены Вилли она часто рассматривала в свободные минуты во время пребывания в его квартире.

— Меня зовут Маргарет Леман, — с достоинством произнесла женщина и после небольшой паузы добавила: — Я… Я бы хотела переговорить с господином Леманом.

— Господин Леман здесь не проживает, — решительно заявила Флорентина.

Она не могла понять, почему она заговорили с супругой Вилли в таком тоне. Видимо, внутренняя неприязнь, вынашиваемая годами, непроизвольно вырвалась наружу и взяла власть над ней.

— Но мне сказали, что он находится именно здесь, — стала настаивать Маргарет.

Ее бросило в жар, когда вместо мужа она увидела эту молодую женщину, фартучек на которой говорил, что она находится в этой квартире отнюдь не случайно.

— Откуда вам это известно? — резко спросила Флорентина.

— Уж не от сторожа ли? — вырвалось у нее.

— Так, стало быть, он все же находиться здесь. Вы это только что сами подтвердили, — перешла в наступление Маргарит. — Пожалуйста, пропустите меня к нему, мне нужно с ним переговорить по личному вопросу… — Она не просила, нет, она требовала.

— По личному вопросу? — недоверчиво вскинула брови Флорентина. — Вы что же знаете господина Лемана? — она не могла отказать себе в удовольствии, чтобы не поиздеваться.

— Еще бы, ведь он мой муж! — с вызовом заявила Маргарет.

— Ах вот как! Ваш муж! Так вот, господин Леман в моей квартире сегодня никого не принимает! Прощайте, госпожа! — и Флорентина захлопнула дверь прямо перед носом Маргарет.

Едва она вернулась на кухню, как в прихожей снова раздался звонок. Флорентина твердо решила не открывать и невозмутимо продолжала звякать кастрюлями и тарелками.

На этот раз Вилли оторвался от своего отчета и вышел на кухню,

— Кто это звонил? — поинтересовался он.

— А… какая-то личность, желает знать, кто здесь живет, — небрежно ответила Флорентина. — Но она вела себя слишком нахально…

— Она? Это что была женщина?

— Да, если тебя так интересует: женщина! — Флорентина готова была рычать от злости. Она снова проговорилась. Просто наваждение какое-то сегодня…

Звонок раздался еще раз. Леман повернулся и направился к двери, но Флорентина быстро его обогнала и преградила ему дорогу.

— Вилли, пожалуйста, не ходи, я тебя умоляю… Не ходи… Не открывай дверь!

— Но почему, черт побери! — вспыхнул Вилли и отодвинул Флорентину в сторону, потом рывком открыл дверь и нос к носу столкнулся с женой.

— Маргарет! Ты?!.. Здесь?!.. Как ты сюда попала? — он растерялся и не зная что делать, беспомощно озирался вокруг.

— Заходи, пожалуйста, — наконец нашелся он и отступил в глубь прихожей.

— Я только что запретила этой даме входить в мою квартиру, — прозвучал резкий голос Флорентины за его

спиной. — Пока я здесь хозяйка, так оно и будет! — она сорвала с себя фартучек и с гневом бросила его в угол.

— Послушай Флорентина! — Вилли мучительно искал выход из положения и ничего путного не мог придумать. — Ну нельзя же так, в конце концов!

Флорентина молчала, не спуская глаз с Маргарет, а та по-прежнему оставалась у порога.

— Вилли, пойдем домой! — потребовала жена и сделала попытку взять его за руку.

— Ладно, нам с Маргарет надо поговорить в другом месте, — наконец решил он.

Быстро надев пиджак, плащ, шляпу, он не прощаясь вышел из квартиры и они в молчании стали опускаться по лестнице.

Как ни складывались их отношения, но он знал, что она по-своему любила его, провела с ним много лет и сейчас вести себя с ней грубо, хотя все происшедшее уже начало его злить, он все-таки не мог. Хотя бы из чувства уважения к ней.

Через несколько минут, заказав по чашке кофе, они сидели в кафе и молчали, не зная, как начать разговор.

— Извини, что так получилось, — наконец смущенно произнес он.

— Что ж, Вилли, вероятно это даже к лучшему. По крайней мере, я теперь знаю, где мое место, — сдавленным голосом произнесла Маргарет.

— Ерунда! Ты всегда меня не понимала! Попытаюсь еще раз объяснить тебе!

— Пожалуйста, не старайся, не надо. Мне и так все ясно. Хотя мы женаты, знаю, что ты давно уже не со мной. Просто я молчала, ждала, чем все это кончится, и вот не выдержала! — по щекам ее поползли слезы. — Я все понимаю, но не могу понять лишь одного: почему ты не рассказал мне обо всем сам? Ты избавил бы меня от этих поисков и унижения!

Вилли осторожно взял ее за руку.

— Успокойся и выслушай меня. Мне не просто объяснить тебе! Ты знаешь на какой службе я нахожусь и чем я там занимаюсь…

Маргарет резко выдернула свою руку.

— Может ты скажешь, что в твою задачу входит… иметь с нею определенные отношения. Может ты будешь отрицать, что у тебя с нею связь?

— Я это не отрицаю, — Вилли с трудом находил нужные слова. — Однако… Постараюсь…

— Не старайся, не надо, — перебила она его, — я думаю, что в твоем положении побывало много мужчин, но вряд ли кто-

нибудь из них мог сказать, что это связано с его работой. Ты ведешь себя так, словно тебе приказали совратить эту женщину, и ты, бедный, вынужден поступать так, страдая…

— Может быть это действительно так, — пытался возражать Вилли, мысленно ко всем чертям посылая Эрнста, потому что только он один знал и мог подсказать Маргарет адрес Флорентины. — Может быть, когда-нибудь ты поймешь, — сказал он после продолжительного молчания, — я бы уже давно уехал в командировку в другую страну на несколько лет, если бы не моя болезнь. Тогда, быть может, ситуация разрешилась сама собой.

— Как же разрешилась! Можно подумать, что ты там себе кого-нибудь не нашел бы! — съязвила Маргарет. — Твоя приятельница не производит впечатления девушки первой молодости. Наоборот, она, видимо, кое-что повидала на своем веку в свои сорок-то лет и…

— В тридцать пять, к твоему сведению, — не удержался Вилли.

— Да хоть и в тридцать два! Что же во всей полиции не нашлось здорового мужчины, способного тебя заменить?

— Она стала плакать.

— Да, ты всю жизнь обманывал меня, — шептала она сквозь слезы, — и почему я дура не послушалась родителей, которые говорили мне перед свадьбой, что все моряки — пьяницы и бабники! Теперь на старости лет приходится за это расплачиваться…

Они вместе вернулись домой. Вилли молчал, чувствуя свою вину. Да, она всегда любила его, может, не всегда уважала, особенно когда сердилась и часто сгоряча говорила много глупостей, но она любила его ради него самого и потому он чувствовал себя в долгу перед ней.

Пришло письмо из Швибута. Маргарет вскрыла конверт и стала его читать, а он рассматривал ее заплаканное, ставшее таким некрасивым, лицо.

Вдруг он заметил, что, оно залилось краской гнева. Видимо, в письме было что-то неприятное. Он не догадывался, что к ее гневу и стыду в связи с сегодняшним, добавились воспоминания, вызванные письмом, воспоминаниями о том времени, когда они вместе были в Швибуте, когда по вечерам Вилли рассказывал ей о своих мелких мужских переживаниях, особенно в молодости. Он был так мил, когда рассказывал, забавен и полон самоуверенности. Это был тот Вилли, которого она любила, со всеми его хорошими чертами и со всеми его слабостями… Да, она любила его тогда, очень любила таким, каким он был, отчетливо сознавая пределы его возможностей и его недостатки. А он! Он

злоупотребил ее доверчивостью!

Это подлость с его стороны — путаться с другой женщиной… Эгоист, ему так захотелось, он так и поступил.

Обычно, раньше Вилли спорил с Маргарет, разбивал ее рассуждения, изредка соглашался с ними или признавал их правильными. Это все его забавляло. Теперь он молчал, замкнулся в себе.

Для Маргарет, хотя она часто и злилась на мужа, совместное проживание все же было благом. Теперь, после всего, что произошло — совместная жизнь для нее стала пыткой. Между ними неотступно, почти осязаемо, стояло то, о чем они избегали говорить и что их больше всего волновало: отношения между Вилли и Флорентиной.

Его лицо, его манера держаться, все, что он говорил и делал — все ее раздражало. Уже не раз у нее появлялась мысль — бросить все и уехать в Швибут. Теперь, когда он обманул ее, она считала себя свободной от всяких обязательств.

В нем слишком много оказалось чужого. Все, что он унаследовал от своих родителей, теперь претило ей. Она была не в силах больше сдерживать свои чувства.

Через несколько дней она опять стала пилить Вилли. Упрекала за его поведение, называла его низким, подлым. Ее маленькие глазки, скрывающиеся за припухлыми веками, гневно блестели, на полном круглом лице отражалось сильное волнение. Все началось вечером.

Вилли в домашней куртке и комнатных туфлях, сидел за кухонным столом, просматривал газеты и держал себя невозмутимо. А Маргарет все говорила и говорила, а когда она закончила, он против своего обыкновения, долго молчал.

Он чувствовал, как в нем поднимается возмущение. Что, собственно говоря, он такого особенного сделал? Да у них на службе почти каждый чиновник имеет любовницу. Это сейчас стало обычным явлением.

Ему невольно вспомнилась сцена на квартире у Флорентины. До сих пор при воспоминании об этой сцене в нем подымается бессмысленная злость против Маргарет. И в то же время, он испытывал к ней сострадание, особенно после этого инцидента. То, что с ними случилось, вероятно, мучило и ее.

— Ты что же ожидал, что я буду церемониться с этой девкой, оттого, что она тебе приглянулась? — опять начала она. — Тоже мне герой. Ты обманул меня, поступил низко и это ничем не замазать!

— Да, мне жаль, что ты так поступила, повела себя как обычная лавочница, — зло ответил Вилли. — Называй меня

дураком, гордецом, эгоистом, как хочешь, но я считал так нужным поступить — так и поступил. Вот и все дела! Они сидели и смотрели друг на друга ненавидящими глазами.

— Значит ты хочешь очернить меня только из-за своего эгоизма, своих любовных похождений? — спросила она дрожащим голосом.

— И ты говоришь мне это прямо в лицо? И ты смеешь?

— Да, — ответил он, глядя ей прямо в глаза, и еще раз повторил. — Да! Мужчина может иметь личную жизнь и жена не в праве контролировать каждый его шаг. Главное, чтобы он во всем обеспечивал ее!

Она, полная яростного презрения, не уступала.

— До сих пор ты хоть не лгал, и это было в тебе самое лучшее. А теперь ты еще и лжешь! — и, взвинтив себя, решительно заявила: Не вижу больше смысла жить с тобой здесь. Раньше ты был близкий мне человек, а теперь — нет!

Она надеялась, что он тоже ответит запальчиво и несправедливо. Но он вдруг замолчал и медленно, слегка шаркая домашними туфлями, подошел к столу, машинально взял в руки стакан, понюхал его и сказал в раздумье:

— Что ж, теперь ты докатилась до конца, — и все еще рассматривая стакан, добавил: — ты сама себе хозяйка.

Маргарет усталым шагом направилась к дверям в другую комнату.

— Прощай, Вилли, — сказала она.

— Ты что, хочешь уйти сегодня же? — спросил он.

— Да, сейчас уложу вещи и уеду к себе.

…Оставшись один, он пытался сохранить спокойствие. «А, пустяки, минутная вспышка. Утром успокоится и как всегда позовет меня завтракать».

Из смежной комнаты доносился голос Маргарет, которая говорила с кем-то по телефону. Слов было не разобрать. «Неужели она заказывает такси? Вздор, не может этого быть!» Он задумался, но сделав над собой усилие, принялся за еду.

В прихожей раздался звонок. «Так и есть, это шофер такси, он пришел забрать чемодан. Надо ее удержать, ведь это ребячество, на ночь глядя уезжать!» И вдруг ему стало совершенно ясно, что это серьезно, что удержать ее он не сможет. Но он все еще надеялся: «Вздор. Не может она сделать такую глупость. Она же разумный, взрослый человек. Она останется. Вот сейчас войдет и сделает вид, что решительно ничего не случилось».

Но Вилли услышал лишь голоса водителя и Маргарет. Потом все стихло, хлопнула дверь и звякнул замок. Все, она действительно уехала.

От досады, он тоже решил уехать, тем более, что у него оставались неиспользованными около десяти дней от отпуска.

На следующий день Леман попросил у начальника отдела разрешение уйти в отпуск, предупредив, что поедет на курорт в районе Пенемюнде. Вечерним поездом он отбыл из Берлина.

Вилли остановился в маленькой гостинице, в деревне, кажется в той, где задержали Зандберга. Вечером вышел прогуляться. Деревня спала, все окна были темны. Он направился к морю. Волны нехотя лизали песок и с легким шипеньем сбегали обратно. Медленно плыли по небу облака. Они были длинные и тонкие, будто утомились от долгого странствия. Вилли стоял на мягком песке, широко расставив ноги и запрокинув голову. Он так долго смотрел на небо, что заболела шея и стало рябить в глазах. А в голове беспорядочно теснились мысли…

Уехать из Германии?.. Чепуха!… Он же не политик. Ему отлично и здесь. Но будет ли когда-нибудь долгожданный покой, которым можно было бы наслаждаться с утра до вечера, ежедневно, летом и зимой. Война?.. Ну что же, может быть и война: европейская, мировая — какая угодно. Германия со всеми немцами все равно останется на месте. А куда им деться? Никуда они не уйдут, кроме разве тех, кто окажется в армии, и тех, кого бросят в концлагерь, и тех, кто в тюрьмах, и тех, кто… Ого! Если так считать, то ведь на своем месте не останется ни одного немца, и меня тоже!

А что вы, собственно, господин, подразумеваете под «своим местом»? И кто имеет право определять это место для народа, как не сам народ?

И что же? Значит за теми, кто обещает ему благополучие в обмен на верную службу, он не признает права определять место народа в жизни? Значит то, что он сейчас делает, он делает не для народа, а против него? Он должен себе это прямо и честно сказать. Ну и что же, он не должен служить в гестапо, не должен брать из рук нацистов в награду деньги и покой?.. А если уйти уже нельзя? Тогда как? Выход один — найти там такое место, чтобы как меньше приносить вреда народу! В конце концов, всегда можно сослаться на болезнь…

Вилли медленно пошел к деревне. Таинственные шорохи, которые принято называть тишиной, слышались вокруг…

Он проснулся рано. Где-то под окнами щебетала птица. От берега, из светло-голубого простора доносился неустанный шепот моря. Ломая горизонт зубцами коричневых парусов, в море выходила флотилия рыбаков.

К завтраку Вилли спустился в зал. Он был единственным посетителем. Прислуживала дочка хозяина. На ногах ее

хлопотливо постукивали деревянные постукивали деревянные башмачки.

К концу завтрака появился хозяин. У него был хмурый вид, но, увидев Вилли, он заулыбался и еще по ту сторону двери резко выбросил руку:

— Хайль Гитлер!

Вилли не вставая, ответил:

— Здравствуйте!

— Как вы устроились? — спросил хозяин и не дожидаясь ответа, предложил. — Оставайтесь сколько угодно!

— Я всего на неделю!

— Как это грустно. Я думал вам понравится у нас… Такой воздух… И тишина…

Днем Вилли был весел, любезничал с хозяйкой и ее дочерью. Он тут же, в гостинице, купил плитку шоколада для фройлен. Пообещал хозяйке приехать на следующий год и обязательно выйти под парусами в море с рыбаками. Ведь он в прошлом тоже был моряком.

Как-то возвращаясь с прогулки, он увидел хозяина за конторкой. Старик стоял в жилете, зеленом переднике и шапке с галуном — настоящий портье. Дергая носом, чтобы удержать сползающее пенсне, он старательно скрипел пером. «Анонимку, наверное, пишет», — подумал Вилли.

Дни отдыха пролетели незаметно. Пора было возвращаться. Здесь, в деревне на берегу моря, он отвлекся и совсем не вспоминал ни о Маргарет, ни о Флорентине.

Время лечит раны. Гнев, захвативший Маргарет, постепенно прошел. После долгих раздумий во время пребывания в Швибуте, она все-таки решила, что вела себя глупо и ниже своего достоинства. Она пришла к выводу, что надо проявить снисходительность к похождениям Вилли, если, конечно, все это останется в прошлом. Она вернулась.

Вилли встретил ее спокойно и вел себя так, словно между ними ничего не произошло. Они помирились, в сложившейся ситуации, как они оба считали, это было самое разумное.

Тяжелый приступ болезни у Вилли как бы отбросил все в прошлое. Они избегали в разговорах касаться неприятных тем, и лишь изредка у Маргарет еще проскальзывали двусмысленные шутки и замечания, но Вилли делал вид, что их не замечает. Сознание собственной вины и совесть подсказывали ему, что виноватому лучше помалкивать.

«Письмо № 38. 29 марта 1935 г.
Москва, ***тов. Артуру.***

2 № 38 от 29.3.35 г. Брайтенбахе

Брайтенбах болен, у него странный процесс в почках, который на почве основной болезни принял серьезный характер. Сведения о Боме он принес будучи абсолютно больным и с трудом мог сделать сотню шагов. Он получил отпуск и десять дней провел в постели. Сейчас ему немного легче, но нужно серьезное лечение.

Первый раз после отпуска он вышел 26-го возможно, что опять уйдет дней на десять. Я рекомендовал ему обратиться к хорошим врачам, расходы мы оплатим.

Я считаю, что Брайтенбах заслуживает специального поощрения в связи с делом Бома, так как имея сведения по этому вопросу, он вызвал меня на срочную встречу 8-го и пришел совершенно больной!

Бетти».

В ответ на это письмо заместитель начальника пятого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД Борис Берман сообщил:

«Нам известно, что 'Брайтенбах страдает сахарной болезнью и само собой разумеется, что мы обязаны ему помочь, не ограничивая средства. Мы каждый год предлагали ему деньги и давали возможность провести курс лечения на курорте.

Брайтенбаху обязательно помогите. Его нужно спасти во чтобы это ни стало. Важно только, чтобы затрата больших средств для лечения была соответственно легализована. Организуйте так, чтобы при проверке не выявились большие деньги. Это учтите обязательно.

Артем».

Из Америки поступили очередные телеграммы. Руководство «Парамаунт» одобряло деятельность господина Кочека в Германии, а бухгалтерия извещала, что на его текущий счет в немецком национальном банке переведено десять тысяч долларов на покрытие организационных расходов. Отдельной телеграммой коммерческий отдел компании извещал, что с первым танкером, который прибудет в Гамбург в первой декаде апреля, доставят заказанные им кинофильмы. Кочеку предлагалось выехать в Гамбург, связаться с капитаном танкера и оформить получение фильмов.

Зарубин посетил генерального консула США Дина Робертсона, сообщил о своем предстоящем отъезде в Гамбург и взял у него рекомендательное письмо на имя мистера Меллона, американского консула в Гамбурге.

— Желаю успеха, мистер Кочек! По возвращению расскажите, как там в Гамбурге дела, — сказал Робертсон на прощание и добавил: — Кажется, наше мнение не представлять немецким фирмам долгосрочных кредитов не будет принято во внимание. Госдепартамент рекомендовал руководителям банков и компаний, имеющих деловые связи с Германией, представлять германским предпринимателям долгосрочные кредиты под гарантию федерального правительства.

— Что же, им с верху видней… Главное, что вы во время проинформировали о положении дел в Германии, а им решать, как быть!

— Да, мы всего лишь исполнители, — согласился Робертсон. — Но чтобы лучше исполнять поручения, необходимо быть в курсе большой политики и действовать со знанием дела.

— Вероятно вы правы, господин Робертсон, — согласился Зарубин, — хотя должен вам заметить, что никогда раньше я не интересовался большой политикой и сейчас узнаю много для себя полезного из бесед с вами. Василий слегка поклонился Робертсону в знак уважения.

— Раньше многое было по-другому! — воскликнул Робертсон.

— Возможно, возможно. И все-таки, хотелось бы понять, в чем суть этой большой политики. Если это конечно не секрет?

— Секрета тут никакого нет, — с удовольствием принялся объяснять Робертсон, — Просто наши государственные деятели считают, что Германия — единственная реальная сила в Европе, способная помешать распространению коммунизма. Следовательно, Америка заинтересована в укреплении позиций Гитлера. Разумеется, до каких-то пределов!

— Кто же их определит, эти пределы? — спросил Василий.

Робертсон молча развел руками.

За два дня до отъезда Зарубин отправил своего юрисконсульта в Гамбург для того, чтобы он забронировал в гостинице номер и попробовал выяснить, с кем из чиновников таможни порта можно найти общий язык. Василий полагал, что Глауберг успешно справится с этим деликатным поручением. Несмотря на кажущуюся медлительность, тот оказался проницательным и ловким работником.

И вот сегодня, ночным поездом, Зарубин с Лизой и сыном выехали в Гамбург. В купе они оказались одни и Василий наслаждался теми редкими минутами покоя, когда в спокойной

обстановке можно обо всем не спеша поразмыслить. Лиза с сыном быстро уснули.

«Ну что ж, подведем итоги проделанного, — стал рассуждать Зарубин. — Я руководитель нелегальной резидентуры в Берлине и это обязывает меня быть постоянно настороже со всеми людьми. Ведь только я и мой заместитель знаем всю агентуру нашей точки и все ее операции… Как резидент, я знаю в каждого агента, его биографию, место работы, подробности вербовки, результаты его работы на нас и, главное, степень надежности этих результатов. Лишь только у меня в руках есть ключ к каждому источнику информации в виде особого пароля, который резидент может использовать для предупреждения агентов в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств.

В резидентуре продумана система связи, мест встреч, конспиративных квартир и передаточных пунктов. Что может быть лучше формацептического магазина и его склада, которые мы используем для фотолаборатории, передаточного пункта и хранения материалов, или табачной лавки. Есть и другие. В качестве фотографа резидентуры я использую Клеменс, дочь Ювелира, которую уговорил переехать сюда из Франции.

Координацию нашей работы и связь с Москвой обеспечивает легальный — резидент Борис Гордон[32] оперативный псевдоним Рудольф, который в октябре 1933 года сменил Бориса Бермана и официально работал в полпредстве СССР в Берлине заведующим консульским отделом. Заместителем у него остается Карл Силли, мой старый московский приятель.

У меня самого разработок несколько. Во-первых, Вернер, сотрудник немецкого Министерства иностранных дел. Его разработка, началась во Франции и недавно завершилась вербовкой. От Вернера поступает ценная документальная информация.

Кроме того, после неоднократных попыток, мне удалось выйти на агента Сюрприз, майора Генерального штаба рейхсвера, завербованного в конце 1932 года агентом А/270 — бароном Куртом фон Поссанером, который выступал под «американским флагом».

Лиза также успешно завершила свою разработку, которую начала в Париже. К сотрудничеству была привлечена секретарь из Министерства иностранных дел. Кроме того, Лиза работает с агентом Винтерфельд.

Вскоре по приезду мне передали на связь агента Брайтенбах, чиновника третьего (контрразведывательного) отдела гестапо. Уже на протяжении нескольких лет он — щит для советской разведки в Германии оберегая ее от ударов вначале политической

полиции, а теперь гестапо. Брайтенбах неоднократно предупреждал нас о выходе контрразведчиков на след наших сотрудников и агентов, о ведущихся оперативных разработках, о готовящихся арестах и засадах, в том числе и немецких коммунистов.

Брайтенбах регулярно информирует нас об изменениях оперативной обстановки в стране, намеченных политических, полицейских и военных акциях, закулисной борьбе в гитлеровской верхушке — словом, обо всем, что держится правящим режимом в строгом секрете.

Он передал уже довольно большой объем информации о военной промышленности Германии и производимой ею продукции, о новейших военно-технических разработках.

Несмотря на строжайшие меры секретности в гестапо, — Брайтенбах иногда добывает документы такой государственной важности, за которые, даже если бы только узнали о его интересе к ним, ему бы грозила смертная казнь.

Помимо Лизы в резидентуре работают еще три оперативных работника. Связь с посольской резидентурой осуществляется через связника Эрвина. Официально он работает в полпредстве. Его непосредственная задача заключается в обеспечении связи между мною и Гордоном. Он доставляет почту раз в десять дней и раз в месяц передает зарплату. Отношения между нами сугубо служебные: краткие свидания в кафе, назначенные заранее по телефону. Отвлекаться на посторонние темы просто некогда. Чаще всего с Эрвином встречается Лиза, я же обеспечиваю безопасность этих встреч.

Хотя работа по прикрытию и отнимает у меня много времени и сил, это не мешает мне заниматься моим главным делом — проведением всевозможных встреч, в том числе и со связными Германской коммунистической партии, инструктажей, посещением мест, обустроенных под тайники, получении и обработкой информации, направлением ее в Центр. Работа нелегала требует непрерывной психической сосредоточенности. Апатия и ослабление внимания означают крайнюю опасность для меня и моих товарищей.

Как ни сложна и многогранна эта работа, постепенно А она входит в привычку и перестает отнимать слишком много времени. Все сотрудники резидентуры хорошо усвоили свои задачи, поэтому группа действует, как хорошо отлаженный механизм.

Гораздо большее беспокойство доставляют внеплановые, неожиданные поручения Центра. Выполняя их, часто приходится ломать голову, причем не только мне, но и легальному резиденту

Борису Гордону. Хотя мы действуй самостоятельно, он часто обращается ко мне за помощью.

Вот и последний раз текст письма Гордона, как всегда, был предельно лаконичен: «Просим поручить Брайтенбаху узнать причины ареста гестапо агента А/26. Я уже знал, что 21 января 1935 года полиция арестовала руководителя частного сыскного бюро Ковальчика — агента А/26 с десятилетним стажем сотрудничества с советской разведкой. Через его частное сыскное бюро резидентура получала информацию на интересующих ее лиц, при необходимости, вела за ними наблюдение, проверяла немцев, выезжающих в СССР.

Ковальчик просидел в гестапо около месяца, потом его освободили под подписку, как он объяснил, «что он не будет интересоваться сотрудниками Антикоминтерновского бюро и поможет полиции разыскать того клиента, который обратился к нему с таким заказом».

Все это было странно и подозрительно. Через Ковальчика проверялась практически вся агентура берлинской резидентуры и если Гестаповцы его завербовали, то это могло принести большой ущерб советской разведке. Борис Гордон, как всегда, был категоричен: «Я считаю, что Ковальчик и один из его сотрудников, тоже посидевший в полиции, завербованы. Мы не имеем права поддерживать с ними связь, поскольку можем поставить под удар работу всей резидентуры. Если получим от Брайтенбаха дело на Ковальчика, тогда можно будет решать — продолжать с ним работу или нет».

Да, было над чем поломать голову…

Резкий свисток локомотива вернул Зарубина к действительности. Вагон встряхнуло. Сын заворочался во сне, но утих.

«Видимо поезд вписался в крутой поворот, — мелькнуло в голове у Василия, и мысли его снова вернулись к делам. — Леман, Леман… С ним я встретился теплым мартовским вечером, когда Берлин оживает, открывая двери вечерним посетителям, заполняющим бары и кафе после трудового дня.

Я сам выбрал место и время встречи — в обычном немецком кабачке, который вечером заполняется самой разношерстной публикой. Но пока он был еще пуст.

Я не видел Вилли со времени его болезни, когда он пролежал десять дней в постели, а потом взял отпуск. Я шел на встречу и мысленно его себе представлял — его крепкую, грудастую фигуру, округлое лицо с тяжелым подбородком, его сдержанную улыбку и такую же манеру говорить — обо всем обстоятельно.

Уже около часа я находился в движении, чувствуя

напряженное ожидание этого первого момента встречи и обычное сомнение: придет или что-нибудь случилось? Поездив по городу, посетив кинотеатр, оставив возле него свою автомашину, я вышел на стоянку такси.

— Пожалуйста. Кантштрассе и побыстрей…

Вот и мое кафе. Я его специально проехал, чтобы потом вернуться пешком и осмотреть, все ли вокруг спокойно.

Толкаю дверь, вхожу, чуть задерживаюсь у входа и быстро оглядываю зал, вроде ищу себе место. В зале еще тихо и не накурено. Кельнеры, не спеша, разносят пиво.

Ага, вот и Леман. Он сидит слева от входа, лицом ко мне. Второй стул за его столиком слегка отставлен в сторону и на нем лежит его шляпа. Это значит, что все спокойно.

Леман неторопливо пьет пиво. Вид у него уставший, как у человека после трудового дня. К тому же он, видимо, еще полностью не оправился после болезни.

Я сделал вид, что ищу, и вот, наконец, увидел друга. Он тоже приветливо машет мне рукой. Два приятеля встретились за пивом после работы. Кто скажет сколько таких встреч происходит ежедневно в берлинских кафе. Тысячи? Десятки тысяч? Встречаются приятели, знакомые, деловые люди. И наша встреча абсолютно ничем не выделяется из великого множества подобных свиданий.

Конечно, никакой кельнер не мог предполагать, что каждая деталь этой встречи была заранее продумана и оговорена, и если бы, скажем, шляпы Лемана на ступе не оказалось, значит мне пришлось бы искать другой стол, а свидание было бы перенесено на другой день и другое место.

— Не возражаешь, если я присяду? — спросил я.

— О чем ты спрашиваешь, я уже заждался тебя. Садись дружище! — улыбается Вилли. Я машу кельнеру рукой, показывая пальцами — одно пиво. Он кивнул и через несколько минут кружка светлого с пеной вверху стояла передо мной.

— Как самочувствие, Вилли? — спрашиваю я.

— Понимаешь, ко всему прочему был приступ почек. Боли такие, что я просто терял сознание. Но сейчас уже все позади, — он улыбался. — Спасибо, что помог мне добраться домой тогда!

— Врача вызывали?

— Да, приглашали моего лечащего врача. Он настаивает на серьезном обследовании. Если договорюсь на службе, обязательно его пройду.

— Как жена себя чувствует?

Я внимательно слушал рассказ Вилли о его семейных делах, о здоровье жены, которая тоже часто болеет и в такт согласно

покачивал головой. За несколько минут мы успели обменяться условными фразами, подтверждающими, что в его положении все нормально и мы можем переходить ко второй части нашей беседы.

Прежде всего надо было выяснить, имеет ли он при себе материалы для меня. Выяснилось, что после болезни он еще не вошел в ритм жизни отдела, поэтому документальных материалов добыть не смог, но сообщил интересную новость. Оказывается, Геринг под видом охоты совершил неофициальный визит в Польшу и предложил полякам заключить антисоветский альянс. Цель совместный военный поход на Москву. Украина в этом случае станет сферой влияния Польши, а северо-запад России достанется Германии.

Пилсудский отказался, заявив, что у Польши слишком протяженная граница с Советским Союзом, поэтому ей нужен мир, не война.

Я передал Брайтенбаху несколько новых заданий Центра, в том числе постоянно собирать сведения о пребывании в тюрьме лидера компартии Тельмана. Кроме того, передал благодарность руководства за информацию о попытках нацистов совершить путч в Австрии, а также за сведения о конструкторе Зандберге и его ракетах.

Пиво было выпито, мы расплатились и вышли на улицу.

— Есть одно срочное дело, — сказал я, когда мы оказались на улице. — Полицией арестован некий Ковальчик, владелец частного сыскного бюро. Ты его знаешь?

— Ковальчика знаю. Высокий такой, возраст около 60 лет, одет всегда элегантно. Внешность и повадки, как у типичного поляка. Любит выпить и поволочиться за женщинами. Он был конкурентом Новаковского. Слышал, что его арестовали, но за что — не интересовался.

— Сейчас он свободен. Хотелось бы знать, что послужило причиной ареста и почему его выпустили.

— Понятно… Попробую узнать — Леман улыбнулся. Однако мне было не до улыбок, слишком серьезным было это дело.

— Прошу тебя, Вилли! Будь крайне осторожен! Не исключено, что его завербовали. Ваши сразу могут обратить внимание на того, кто будет интересоваться этим делом. Не спеши.

— Я все понимаю. Сделаю как надо!

Я немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Ты понимаешь, Вилли, мне неприятно об этом говорить, но я обязан это сделать! Так действовать нельзя! Ты совершил грубую ошибку. Я имею в виду прошлый случай, когда ты вызвал

меня на встречу и пришел совершенно больной! Ты понимаешь, что мы не спасательная команда!

Мне хотелось говорить с ним по-человечески, доверительно, а получались какие-то штампованные фразы. Возможно от усталости, от нехватки времени и, быть может, от непроизвольного стремления поскорее изложить существо дела выходило как-то не так.

— Я думал, что это очень важно, что нужно помочь… — Вилли явно был в растерянности.

— Тут и думать нечего! Ты не имел права сразу же звонить по телефону, тем более, что ты чувствовал себя уже больным. Я уж не говорю о том состоянии, в котором ты пришел на встречу! А если это была «наживка», чтобы выяснить клюнет ли на нее кто-нибудь? Ты об этом подумал? В таком состоянии ты даже провериться не мог! — Некоторое время мы шли молча.

— Это не твое дело! И не мое! — опять начал я. — Если бы я занимался «благотворительной» деятельностью, как это делаешь ты, я бы уже десять раз сгорел!

— Но, Ярослав…

— Я ничего не хочу слушать! Да! Жалко! Но у нас жестокая работа и мы не имеем права даже на жалость! Хотя на этот раз может быть все сойдет благополучно, но я не сомневаюсь, что в отделе у вас будет расследование… Как это так! Человека взяли в разработку, и он вдруг исчезает! Сейчас начнут все поднимать, будут цепляться за каждую мелочь. Помни об этом и будь предельно осторожен!

Мы остановились. Он стоял поникший, сразу утративший всю свою моложавость. Человек, терзаемый тревогой за жизнь и судьбу друга, из добрых побуждений мог сам принести большую беду.

Я тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Так случается нередко. Сталкиваешься с чужой жизнью, с чужими проблемами, хочется как-то утешить, подбодрить или помочь. А ты вынужден его отчитывать, требовать выполнения предписанных правил. Проклятое занятие — хуже не придумаешь.

Дав ему немного успокоиться, я продолжил:

— Вот так, Вилли! Дай мне слово, раз и навсегда, что впредь ты никогда не предпримешь никакого рискованного шага без согласования со мной!

— Хорошо, согласен! Но скажи мне, ты что всегда поступал абсолютно правильно?! — он смотрел мне прямо в глаза и одно веко у него, от волнения, слегка подрагивало.

— Да нет, тоже допускал, — сознался я, смягчившись. — Пойми, Вилли, у меня тоже есть сердце. И оно тоже бывает не в

ладу с разумом! Но если дать волю чувствам — все, это гибель! Наша работа должна быть кропотливой, повседневной и незаметной. Понимаешь — абсолютно незаметной! Ведь тебя окружают профессионалы! Отсюда осторожность, осторожность и еще раз осторожность! Никаких подвигов! Никаких героических поступков! Как можно меньше риска! Никакой торопливости! Только в этом случае можно надеяться на успех, возможность остаться в живых!

На этом мы расстались.

Что и говорить, мне нравилось в Лемане многое. Он был моим единомышленником верным товарищем, трезво оценивал свои возможности, был достаточно осторожным. Конечно с ним случалось иногда, когда имея возможность спасти наших от ареста, он забывал обо всем и действовал по старой морской заповеди: «Сам погибай, но товарища выручай!» Но это случалось редко и после «воспитательных» бесед он, безусловно, делал для себя правильные выводы.

Вилли не был стяжателем и пятьсот восемьдесят марок, которые мы выплачивали ему ежемесячно, он оправдывал многократно. Правда, если уж быть точным, то помимо ежемесячной суммы, я оплачивал ему лечение, выдавал премии перед праздниками, а также ежемесячно готовил пакет с продуктами из магазина при американском генконсульстве, что в условиях Берлина тоже стоило немало.

Мне нравилось в нем чувство юмора. Конечно, мы никогда не обменивались анекдотами и редко шутили: просто некогда было этим заниматься. Но он мог подметить забавное в разных ситуациях и событиях и сообщить об этом между делом. Болезнь здорово его подкосила. С годами он стал более мнительный и осторожными тем не менее, юмор поддерживал его в трудных ситуациях, позволял посмотреть на события и себя в них как бы со стороны.

Он нуждался в психологической разрядке и поддержке, как всякий живущий двойной жизнью и постоянно подвергающий себя опасности человек. Я помнил об этом и на каждой встрече проявлял к нему максимум внимания и любезности, стараясь, по возможности, не обидеть его неосторожным словом. Поэтому сегодняшний выговор для меня был вдвойне неприятен.

Да, о Ковальском. Едва я проинформировал Центр о последней встрече с Брайтенбахом, как получил неприятное послание от нашего непосредственного начальника — Бориса Бермана:

«Я очень беспокоюсь о Брайтенбахе в связи с делом

источника А/26,— писал он. — Я боюсь, что именно на этом деле Брайтенбах может провалиться. Я склонен считать, что именно А/26 и его сотрудник, за время пребывания в гестапо были завербованы для работы против нас. Это вытекает из сообщения А/26. Если Рудольф /это резидент Гордон/ об этом не ориентирован, то это его ошибка. Всякие неосторожные и необоснованные расспросы или интерес к делу А/26 может вызвать немедленное подозрение, так как дело А/26 в гестапо — одиозно и является подчеркнуто нашим делом.

Брайтенбаху надо прямо сказать, что А/26 и его сотрудник были арестованы и что он в этом деле должен проявить особую осторожность, хотя нам очень хотелось бы это дело получить: Брайтенбах уже наводил справки об А/26 и сообщил, что такого дела нет. Проверьте до мелочей, как и где Брайтенбах справлялся об А/26 и не навлек ли он уже на себя подозрения.

Артем».

Однако, как разволновался! После дела Флик-Штаггера Артем, обжегшись на молоке, дует на воду! Уж этот мне скрип начальства! Сидят там себе, в Москве, в кабинетах и нас учат! А мы — отдувайся! У меня в это время мысли были заняты более важным! Пришлось отрываться и популярно объяснять, что справки Брайтенбах наводил очень осторожно, что всю опасность предстоящих действий я ему разъяснял, да и он сам все прекрасно понимает, слава богу, в полиции работает уже двадцать лет и все приемчики их знает получше нас с тобой, дорогой Артем!

Вообще, мы с Вилли посоветовались и решили, что нужно выждать, дать этому делу «поостыть», а потом вновь приступить к его изучению. А/26 все равно сейчас использовать нельзя! Так, что подождем, когда все успокоится, а потом попытайся что-то придумать, чтобы получить легальную возможность для перевода этого дела в подразделение Брайтенбаха.

Действительно, по прошествию нескольких месяцев, как мы и предполагали Брайтенбах сумел аккуратно ознакомиться с делом А/26. Выяснилось, что Ковальчик заинтересовал гестапо в связи с материалами Дружиловского, который оставил в его бюро чемодан с фальшивыми документами. Ковальчик об этом факте проинформировал полицию, одновременно и нас.

Кроме того, у гестапо вызвал сомнение источник доходов Ковальчика, в связи с чем он некоторое время находился под

наблюдением. Однако ничего подозрительного обнаружено не было и разработку владельца сыскного бюро гестапо прекратило. Да, вот так закончилась эта история, — подвел черту Василий. Однако, пора уже спать, завтра в Гамбурге будет много дел…

Гамбург, морские ворота Германии, показался Зарубиным более оживленным и веселым, чем Берлин. Порт и все, что было связано с ним, накладывало своеобразный отпечаток на местный жизненный уклад. Здесь сосредоточилось множество увеселительных заведений, публичных домов, нравы были проще, чем в других немецких городах. В ресторанах лучше кормили. В магазинах было больше продовольственных товаров, чем в столице. В невиданных размерах процветала спекуляция. На черном рынке можно было купить все, что угодно, начиная от потребительских товаров и кончая иностранной валютой, золотом и драгоценными камнями.

Глауберг встретил патрона с семьей на вокзале и повез их в лучшую гостиницу «Гамбург», где был забронирован трехкомнатный люкс.

Было раннее утро, и, чтобы не терять драгоценное время, Зарубин быстро привел себя в порядок и отправился на прием к американскому консулу.

Мистер Меллон, моложавый американец с седеющими висками, оказался в высшей степени любезным человеком. Он объяснил, что обстановка здесь такая же, как и по всей стране — те же нацисты с их крикливой демагогией. Что касается постоянного представителя нефтяной компании «Стандарт ойл» в Гамбурге то это его знакомым немец и, если мистер Кочек пожелает, он может его посетить в любое удобное для мистера Кочека время, а мистер Меллон ему позвонит.

— Кто он такой, этот немец, — внушает ли он доверие? Я имею ввиду, не связан ли он с нацистами? — спросил Зарубин, разыгрывая из себя ограниченного дельца.

— Ах, дорогой мой! — воскликнул консул. — Разве сейчас можно разобраться, кто из немцев внушает доверие, а кто нет? Все они, в той или иной степени заражены шовинизмом и, как только выпьют кружку пива, тут же начинают горланить, что Германия — превыше всего! Человек, о котором идет речь, кажется вполне приличным, а там кто знает, что у него на душе.

Поговорите с ним поподробнее, выясните все, что вас интересует, — посоветовал консул. — В любом случае мистер Тейлор им очень доволен.

— Очень вам признателен! Мнение мистера Тейлора мне известно и оно совпадает с вашим… Мне хотелось бы вас спросить еще об одном деликатном деле. Не скажете ли вы мне,

что из себя представляют здешние таможенные чиновники?

— Сплошные жулики и взяточники.

— С ними можно иметь дело?

— Если хорошо платить, то можно. С недавних пор во главе таможни поставлен ярый национал-социалист, большой любитель выпить. Если дело у вас крупное, то лучше связаться с ним. Действуйте смело. Немцы не пойдут на провокацию против уполномоченного известной американской кинокомпании. Сегодня они в нас нуждаются. Что будет завтра, не знаю!

В номере гостиницы Зарубина уже ожидал Глауберг. Он сообщил, что познакомился с несколькими руководителями таможни и пришел к заключению, что люди они покладистые и с уважением относятся к американцам. О чем конкретно вести разговор он не знал, поэтому ограничился лишь общим обсуждением условий работы. У него сложилось впечатление, что с ними можно будет договориться, но при условии приличного вознаграждения.

— Ну, это понятно — не даром же они будут стараться! А нельзя ли, господин Глауберг, встретиться с ними? — поинтересовался Василий.

— Почему нет? По-моему, это лучше всего сделать в ресторане при вашей гостинице. Я буду с ними ужинать, а вы зайдете к нам и я вас со всеми познакомлю. Их будет трое.

— В принципе я согласен. О сроках я скажу позже.

Утром в назначенный час, в номер постучался крупный, краснощекий немец с хитроватыми глазками и отрекомендовался Карлом Бремером. В руках он держал записку от консула.

— О себе Бремер рассказал, что он потомственный моряк, служил на военном и торговом флоте, лоцманом в порту, занимался бизнесом, разорился, сейчас выполняет поручения американской компании «Стандарт ойл».

— Как вы относитесь к национал-социалистам, господин Бремер? — спросил Зарубин.

— Могу сказать так, — и, надеюсь, вы меня поймете, — отношусь вполне положительно, хотя и не все одобряю в их деятельности. Как истинный немец, считаю, что единственный человек, кто сумел вывести Германию…

— Благодарю вас за откровенность, — прервал его патетические рассуждения Зарубин. — Скажите пожалуйста, у вас есть связи среди работников таможни?

— Знаком почти со всеми.

— Отлично! Я хочу вам изложить свои предложения, — и Зарубин подробно, не жалея времени, рассказал Бремеру обо всем, что он мог бы делать в интересах компании «Парамаунт»,

помимо своей основной работы. После того, как Бремер дал согласие, Зарубин спросил:

— Скажите, господин Бремер, могли бы вы выполнять некоторые деликатные поручения, связанные с таможней?

— Смогу! Скажите, что нужно.

— Наш юрисконсульт, господин Глауберг, приглашает завтра несколько таможенных чиновников на ужин. Примите, пожалуйста, участие в этом товарищеском ужине и постарайтесь с ними договориться о деле.

— Вам известны фамилии приглашенных?

— Нет. Я познакомлю вас с Глаубергом и он расскажет вам обо всем. — Зарубин решил проявить осторожность и самому на контакты с таможенниками не выходить.

Надо признать, что юрисконсульт и бывший моряк хорошо знали свое дело. На следующий день после встречи в ресторане с таможенниками они вдвоем явились к Зарубину в гости, лицу и сообщили условия достигнутого соглашения: чиновникам таможни платить натурой в размере десяти процентов от всех товаров. Следовательно, из ста мешков кофе, которые будут доставлены в Гамбург танкером, десять необходимо оставлять в таможне и кроме того, тридцать процентов товара с оплатой пошлины официально оформлять на таможне.

— Зарубин согласился на эти условия.

— Точно в обозначенное время танкер с горючим прибыл в Гамбург. Зарубин вместе с представителем «Стандарт ойл» Бремером беспрепятственно поднялся на борт танкера — соответствующее разрешение от начальника порта было получено заранее.

Капитан танкера пригласил Зарубина к себе в каюту, запер дверь на ключ, после чего сказал, что располагает двумя пакетами, один для него, а второй для господина Тейлора. Если Зарубин сможет передать Тейлору информацию, то тогда он просил бы его вскрыть конверт и ознакомится с ней. Зарубин согласился.

Руководство компании ставило Тейлора в известность о том, что в случае военного конфликта между Италией и Абиссинией, Тейлору предлагалось продумать возможность обхода закона о нейтралитете, который может принять сенат США, при поставке горючего в Италию и срочно сообщить свои предложения. Кроме того, Тейлор ставился в известность, что компания приняла решение построить в Гамбурге несколько сборных бензохранилищ, общей емкостью сто тысяч тонн.

В письме для Зарубина, его любезно уведомили, что согласно договоренности, ему выслали сто мешков бразильского кофе и

сто ящиков сигарет высших сортов. Стоимость этого товара будет удерживаться из гонорара, причитающегося мистеру Кочеку.

Зарубин вернул письма и капитан тут же их сжег. Убедившись, что товар прибыл, Василий выпил с капитаном виски и покинул танкер. Пока бензин из танкера перекачивался в хранилища, помощники завершили оформление в таможне и перевезли на склад, арендованный Бремером, кофе и сигареты.

Зарубин не успел еще закончить оформление всех необходимых документов, как из Берлина позвонил бухгалтер Шульце и зачитал телефонограмму, из которой следовала, что Василию выслана очередная партия кофе, сигарет и сгущенного молока. Пришлось в Гамбурге задержаться еще на несколько дней.

Бремер не мешкая приступил к реализации части товара на месте, на черном рынке, а другая часть, официально оформленная, была отправлена в Берлин. Предварительные расчеты показывали, что каждый из компаньонов, в Германии и США, мог заработать около пятнадцати тысяч долларов.

В преддверии Второй мировой

Три батальона вермахта в пять часов утра 7 марта 1936 года вступили в Рейнскую область. Они не встретили ни одного французского солдата. Тогда за ними хлынули три корпуса моторизованной пехоты, а Имперское министерство иностранных дел вручило в Берлине послам Франции, Англии, Бельгии и Италии меморандум германского правительства. В нем провозглашалось, что Третья империя с сегодняшнего дня восстановило полный и неограниченный суверенитет над Рейнской демилитаризованной зоной.

В самом гестапо были предприняты невиданные ранее меры по обеспечению секретности. По ночам в кабинетах стали проверять столы, хорошо ли они закрыты и не хранится ли там что-нибудь лишнее. Все были предупреждены о возможности проведения внезапного личного обыска при выходе. На стенах повесили плакаты: «Ты должен знать только то, что имеет отношение к твоей службе; все, что ты узнаешь сверх того, ты должен хранить про себя». В этих чрезвычайных мерах секретности бесспорно проявлялась особенность личности Райнхарда Гайдриха, его болезненная подозрительность.

Леман решил, что в такой обстановке ему не мешало бы запастись иностранным паспортом. Зарубин, полагая что подобная мера успокоит агента и позволит ему действовать более уверенно, попросил Центр срочно изготовить для Брайтенбаха «книжку» или «сапоги», так на языке нелегалов называли паспорт.

Просьбу специалисты в Москве выполнили оперативно. Тогда же с агентом были оговорены условные сигналы, которые он подаст, если узнает, что готовится налет на советское полпредство, либо арест кого-либо из его сотрудников.

Вскоре от Лемана поступило сообщение, из которого следовало, что в гестапо начали составлять полный список «левых враждебных элементов» Получение информации о подозреваемом из списка в случае войны должно было послужить основанием для взятия «врага народа» под «охранный арест».

10 февраля 1936 года Геринг, как премьер-министр Пруссии, подписал закон, названный впоследствии основным законом гестапо. Отныне тайной государственной полиции поручалось расследование деятельности враждебных элементов на всей территории Германии и ее дела не могут быть рассмотрены административными судами.

Пол года спустя Гиммлер стал верховным руководителем всех полицейских служб страны и отныне подчинялся только

Гитлеру.

Сразу после своего назначения рейхсфюрер разделил полицию на две ветви: полицию безопасности — ЗИПО (Зигерхайтсполицай), и полицию порядка — ОРПО (Орднунгсполицай).

Полицию безопасности, полное название — Главное управление полиции безопасности — в свою очередь разделили на два управления: Управление тайной государственной полиции /гестапо/ и Управление криминальной полиции /крипо/. Начальник Главного управления полиции безопасности Гайдрих по прежнему оставался также начальником партийной службы безопасности — СД. Партийная служба безопасности, занимаясь общими вопросами идеологического характера, по существу стала своего рода генеральным штабом в системе СС и полиции.

Ведущим подразделением в гестапо считался второй отдел. В нем было два заместителя — Флеш и Мюллер. Однако с 1 декабря хауптштурмфюрер Флеш по состоянию здоровья, вернулся на родину, в Мюнхен, и руководить отделом стал один Мюллер. В июле 1936 года Гайдрих официально утвердил его на должности начальника отдела, присвоив ему звание штурмбанфюрера СС.

Управление криминальной полиции возглавил Артур Небе, профессиональный криминалист, член НСДАП и СС с 1931 года, единственный человек, с которым Мюллер в знак уважения, был на «ты».

Как удивительно сложатся судьбы этих двух людей. В июле 1944 года, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Артур Небе, будучи посвященным в планы покушения на Гитлера, скрыл это, а когда путч провалился и начались аресты, он инсценировал свою гибель на озере Ванзее и скрылся.

Его лучший друг Хайнрих Мюллер «быстро разобрался, что самоубийство фиктивное и дал указание искать этого «мелкого заговорщика». Несколько групп поиска, сменяя одна другую, вели расследование и все безрезультатно. И тогда за дело взялся криминальный советник Литценберг.

Он начал с того, что арестовал любовницу Небе комиссара криминальной полиции Найди Гоббин и стал ее интенсивно допрашивать. Быстро выяснилось, что Небе прячется у супругов Фрик в их загородном доме в Мотце. Некоторое время Найди Гоббин провела с ним в этом доме и к своему сожалению, быстро убедилась, что бывший группенфюрер СС к ней охладел и более того, интересуется другими женщинами, которые нашли убежище у Фриков. Больше ее уже ничего не сдерживало. В январе 1945 года Небе был арестовали и доставлен к группенфюреру СС Хайнриху Мюллеру в Берлин.

Шеф гестапо, наслаждаясь триумфом, в напыщенных выражениях, просил старого друга понять, что теперь они уже не могут быть на «ты».

Спустя месяц Артур Небе вместе с другими политическими заключенными был отправлен в концлагерь Бухенвальд.

После всех реорганизаций, проведенных Гиммлером, Райнхард Гайдрих, благодаря благосклонности фюрера и поддержке Гиммлера, быстро стал одним из самых влиятельных чинов Третьего рейха. Сосредоточив в своих руках невероятную власть, шеф полиции безопасности и СД, стал проявлять интерес к абверу. Этой пока небольшой спецслужбе при Генеральном штабе, руководил недавно назначенный его бывший начальник на флоте капитан первого ранга Вильгельм Канарис.

Между гестапо и абвером периодически возникали трения, которые отражались на эффективности борьбы со шпионажем. Назначение Канариса способствовало временному примирению двух тайных служб и подписанию между ними своего рода договора о сотрудничестве, который в шутку чиновники в гестапо назвали «Договором о десяти заповедях».

Бумажной работы в контрразведывательном отделе Управления тайной полиции, как всегда, было очень много. Работа в субботу заканчивалась в половине пятого и в этот день, по установившейся традиции, чиновники прикидывали, куда бы пойти выпить пива. Погода стояла безветренная, было тихо и тепло.

Несколько человек остановились у выхода, решая куда направиться. Позвали Лемана, но он отказался. Жена прибаливала и он торопился сделать необходимые закупки до закрытия лавок.

Если говорить по честному, то ему не очень хотелось с ними выпивать. По возрасту в отделе он числился «стариком» и общаться с молодыми чиновниками ему было просто неинтересно.

Махнув коллегам на прощание рукой, Вилли стал спускаться по ступенькам и тут услышал, что его кто-то зовет. Оглянувшись, он к немалому удивлению увидел приближающегося к нему Вильгельма Бонаца. После событий тридцатого июня они практически не общались, а если случайно встречались в коридорах Принц-Альбрехтштассе, то обменивались дежурными приветствиями и старались поскорее расстаться, ощущая холодок взаимного отчуждения. Бонац будил у Вилли неприятные воспоминания.

— Привет старина! — как ни в чем небывало воскликнул Бонац. — Давно тебя не видел! Как поживаешь?

Он улыбался и со стороны могло показаться, что случайно встретились два приятеля, которые давно не виделись, и теперь очень рады этой встрече.

— Здравствуй, Вильгельм! — учтиво поздоровался Леман. — Живу потихоньку. Часто приходится бывать в командировках. А ты?

— Заведую документацией во внешней службе. Хватит бегать, набегался, пора и отдохнуть, — ответил Бонац, стреляя глазами по сторонам и избегая взгляда Вилли.

Они еще несколько минут поговорили о всяких пустяках и расстались. Леман направился к метро, недоумевая по поводу столь необычного поведения Бонаца.

При посадке в поезд городской железной дороги Вилли по привычке осторожно проверился. К своему удивлению, он обнаружил за собой «хвост». «Наверное показалось, — подумал он, — или может случайное совпадение».

Осторожно, боковым зрением, он наблюдал за двумя невзрачными мужчинами, как будто незнакомыми между собой, но Вилли видел их быстрые, косые взгляды в его сторону и чувствовал, что они следят за ним. Он многих сотрудников из наружной службы знал в лицо, но эти были ему незнакомы. «Возможно это люди из полицай-президиума. Надо их вытянуть в «мертвую зону», тогда все выясниться» — решил он.

Леман вышел на Виттенбергплац, поднялся в верхний зал, прошел за загородку к газетному ларьку и остановился у прилавка с брошюрами. Место это для проверки было надежное. За загородкой он терялся из поля зрения! наблюдающих и для контроля наружная служба, если она действительно вела за ним наблюдение, обязана была направить туда своего сотрудника. Через минуту к прилавку подошел один из пассажиров поезда, на которых он обратил внимание. Теперь сомнений не было — за ним велась слежка.

«Так вот почему меня остановил Бонац, — подумал Вилли. — Его попросили показать меня сотрудникам наружной службы, чтобы они не ошиблись при приеме объекта под наблюдение… Понятно. Так, главное не дать им знать, что я их заметил, — стремительно понеслись в голове мысли. — Странно. Видимо оттого, что я этого постоянно ждал, я даже не волнуюсь. Отделываться сейчас от них бессмысленно. Тогда надо переходить на нелегальное положение. Но пока не было ничего угрожающего. С Ярославом я встречался на прошлой неделе. Перед встречей проверялся, все было спокойно. А может, ниточка тянется от Ярослава, в связи с чрезвычайными мерами сейчас внимательно следят за всеми иностранцами. Может, его взяли в

разработку. Нет, так я ничего не придумаю. Нужно пока строго придерживаться своего обычного распорядка дня, не брать на службе никаких материалов и ждать, ждать… Ждать буду до вторника.

Стоп! А нет ли тут связи с делами тайного общества? С тех пор, как его президентом стал Гиммлер все покрылось мраком секретности. Я сообщал Ярославу, что «Аненрбе» координирует закрытую деятельность по поискам превосходства арийской расы и аккумулирования специфических технологий воздействия на массы людей. На общество работает масса ученых. Возможно, я привлек их внимание, когда занимался делом Зандберга… Недавно я передал Ярославу повестку совещания руководителей управлений СС, которые возглавляют «Аненербе». Что-то у них там случилось, кто-то исчез при невыясненных обстоятельствах…

Все настолько секретно, что даже в гестапо ничего не знают. Нет нужно ждать.

Вилли купил газету и не спеша направился к выходу. По дороге зашел в лавку, купил продукты. На следующий день, в воскресение, он поехал за город и от зари до зари поработал на приусадебном участке. По пути туда и обратно он вел себя спокойно и не проверялся.

Понедельник начался как обычно. Хиппе был мрачен, что свидетельствовало об обильной выпивке накануне. Они поздоровались и молча занялись своими делами.

Спустя минут сорок раздался телефонный звонок и Вилли поднял трубку. Его пригласил к себе начальник советского отделения Артур Феннер. «Ну вот, сейчас все и выяснится мелькнула в голове у Вилли.

Он снял с предохранителя «Вальтер» в боковом кармане пиджака, бросил склонившемуся над бумагами Хиппе: «Я к Феннеру» и вышел в коридор.

В себе он был совершенно уверен. Все было уже давно продумано. «В случае необходимости, стреляю в упор, чтобы было меньше шума, быстро выхожу наружу по запасному выходу, а там пусть ищут… Главное — быстро покинуть здание. Место где можно отсидеться, есть. Ярослав все предусмотрел и за это я ему благодарен!»

Вилли не сомневался, что Феннер легко не дастся, что убивать его придется сразу, одним выстрелом, наповал…

Он постучал в дверь и не ожидая ответа, вошел в кабинет.

Артур Феннер, здоровый, мордатый, напоминающий кабана чиновник лет тридцати пяти, с гладко зачесанными назад светлыми волосами, сидел за столом и что-то писал. Не дожидаясь приглашения. Леман сел на стул, закинул ногу на ногу

и достал из кармана пачку сигарет.

— Не возражаешь, если я закурю? — всем видом Вилли показывал, что готов к обычной беседе на служебную тему. Не дожидаясь ответа, он прикурил и глубоко затянулся.

— Можете, — Феннер наконец оторвался от своих бумаг. Вилли сразу обратил внимание на это официальное «можете».

— У меня к вам, дружище Леман, есть несколько вопросов, — начал Феннер.

— С недавних пор молодые сотрудники, подражая начальнику второго отдела Мюллеру, взяли в моду обращаться друг к другу со словечком «дружище». Вилли молча ждал, что он скажет.

— Вам знакомы эти лица? — Феннер достал из конверта и положил на стол перед Леманом несколько фотографий.

Вилли, не спеша, взял их в руки и стал внимательно разглядывать одну за другой. На фотографиях были незнакомые ему лица, снятые на фоне здания советского торгового представительства на Литценбергштрассе.

— Нет, никого не знаю!

— Вот как! Действительно никого. Посмотрите повнимательней! — настаивал Феннер.

Вилли еще раз внимательно просмотрел снимки.

— Нет! Никого из них я не знаю!

— Как же так! Ведь вы раньше занимались представительствами советов, — разыгрывал недоумение Феннер.

«Из него, наверное, получился бы актер», — подумал Вилли.

— Действительно, занимался…

— Тогда вы должны знать сотрудников советского торгового представительства!

— Теперь я работаю в другом отделении…

— На кого вы работаете, это вопрос особый, — перебил его Феннер. — Особый! — подчеркнул он.

— Я не закончил свою мысль, — сдерживая себя, продолжил Леман. — Так вот, тогда я не занимался торговым представительством, а только полпредством. Дипломатов я знал всех, а сотрудников торгпредства не знал и, тем более, не могу знать сейчас, поскольку не работаю в вашем отделении.

— Ну ладно, Леман, не будем отвлекаться. Мне все известно, и лучше будет, если вы во всем признаетесь сами!

— В чем я должен признаваться?

— Послушайте, Леман! Вы ведь умный человек, опытней полицейский. Зачем вы впутались в это дело? Вы что не знали, чем все это грозит? Вам ли не знать, что у шпиона короткая жизнь?

— У шпиона? Не понимаю, что вы имеете ввиду!

— Вилли старался вести себя естественно и спокойно. Изредка он пытался смотреть на себя как бы со стороны, стараясь контролировать свои реплики, а с ними жесты и выражение лица, словно это был не он, а кто-то другой, кто сидел сейчас перед этим молодым, самоуверенным гестаповцем. Он интуитивно ощущал, что пока все идет нормально.

— Ну уж, конечно, не понимаете! — ухмыльнулся Феннер. — А кстати, кому вы помогали оформлять разрешение на выезд: евреям, русским? Я хочу знать, кому конкретно?

— А почему вас это интересует?

— Вопросы пока здесь задаю я! — повысил голос Феннер.

Он вышел из-за стола и остановился в двух шагах от Лемана, засунув руки в карманы галифе униформы и покачивался с пятки на носок.

— А если я откажусь отвечать на ваши вопросы?

— Откажитесь?! Вы что не знаете, как у нас развязывают языки? А-а! — взревел Феннер, угрожающе надвигаясь на Вилли. Леман, невольно ощутил, как по спине пробежала волна страха. Остро ощущалась нехватка времени для обдумывания ответов.

— Вот что, Феннер! Задавайте свои вопросы по существу и не морочьте мне голову! В чем вы меня подозреваете? — теперь Вилли решил сам контратаковать. — Я задай такие вопросы, которые нужны следствию! — с трудом сдерживая себя, прорычал Феннер.

— Следствию? Это что же допрос? Я что арестован?

— А вы думали, что я пригласил вас для светской беседы? Не валяйте дурака, Леман!

— Ну хорошо! Задавайте свои вопросы, — примирительным тоном предложил Вилли. Он решил, что сейчас не мешает немного отступить.

— В каком году вы прекратили заниматься советскими организациями в Берлине?

— Это не трудно проверить по делам. Кажется, в тридцать втором, или даже позже.

— Тем не менее, вы информировали торговое представительство Советов о наших операциях против них?

— Информировал? Вот как обстоит дело?! Ну тогда вы должны знать имя моего сообщника из тех, кого я информировал, — спросил Вилли не скрывая издевки. Он не мигая смотрел в маленькие, по кабаньи налитые яростью глаза Феннера прекрасно понимая, что у того ничего конкретного нет. Было непонятно только, чем вызвана эта беседа.

— Нет, это вы мне назовите! — хорохорился Феннер.

— Я его не назову, потому что его просто нет, и вы, Феннер, хорошо это знаете. Если он есть, то давайте устроим очную ставку!

— Будет и очная ставка, будет и другое! Все будет в свое время! Кстати, у вас есть любовница?

— А какое это имеет отношение к делу? У нас, по-моему не запрещено иметь любовниц! Их у нас имеют многие и вы это знаете, не хуже меня. Думаю, у вас она тоже есть.

— Хватит разговаривать, Леман! Ее имя?

— Ну хорошо, если вы так настаиваете, пожалуйста — Ливорски, Флорентина Ливорски!

— Ливорски?! — Феннер не смог скрыть своего удивления и растерянности. — Как Ливорски? А как же Дельтей? Елизавета Дельтей?

— Так вот оно что! — тут уж Вилли не выдержал и рассмеялся. Видимо, сказалось нервное напряжение. — Вы явно ошибаетесь, господин Феннер! — И с явной издевкой, пояснил: — Елизавета Дельтей действительно была любовницей Лемана, но не моя, а другого, моего однофамильца, который работал раньше в моем отделении. Дельтей нам была известна: 1898 года рождения, жена министериального директора Отто Дельтой. Одно время она занималась изобретением инженера Грайхена, связанного с рентгеноскопией, а также имела деловые, посредническо-комиссионные отношения с советским торгпредством.

Дельтей поддерживала интимные отношения с чиновником нашего отделения Леманом и была у него на связи, как агент. Три года назад она предложила нам свои услуги по разработке советских представительств, но мы от них отказались, а ее любовнику Леману сказали, чтобы он с нею не шился, если не хочет нажить неприятностей.

— Понятно, Вилли! Тысяча извинений, дружище! Досадное недоразумение! Мы арестовали Дельтей по подозрению в разведывательной деятельности и оскорблению партии! Совместно с доктором Эгоном Харбаком она доставала и устраивала евреям чужие загранпаспорта, в том числе и советские…

В этот момент дверь распахнулась и в кабинет стремительно вошел начальник второго отдела Хайнрих Мюллер, невысокий, крепко сбитый, одетый в светлый китель с рыцарским крестом, который он всегда носил, подражая Гитлеру.

Феннер вскочил и вытянул руку в приветствии:

— Хайль Гитлер!

— Садитесь, — махнул рукой Мюллер и подошел к столу. —

Ну, что у вас получается?

— Вышло недоразумение, штурмбанфюрер! Речь идет о другом Леманне, однофамильце нашего товарища! — бодро доложил Феннер.

Мюллер повернулся к Леману и на его тонких губах появилось подобие улыбки, тогда как небольшие карие глаза оставались настороженными.

— Ну что можно спросить с молодых. Верно, Леман? Им еще многому нужно поучиться!

Потом он повернулся к Феннеру:

— Вы хотя бы извинились перед одним из ветеранов управления?

— Недоразумение улажено, штурмбанфюрер! — поспешно заверил Феннер.

— Ну, прекрасно! Продолжайте работу! — и Мюллер также, как появился, быстро, с озабоченным видом, вышел из кабинета.

Вилли встал и ни слова не говоря, тоже покинул кабинет.

Едва он вернулся к себе, как опять позвонил телефон. На этот раз его приглашал к себе недавно назначенный новый начальник третьего отдела, вместо Пацовски, оберфюрер СС, доктор Вернер Бест, переведенный из СД в гестапо по инициативе Гайдриха. Наряду с контрразведывательным отделом Бест также курировал и первый — отдел кадров.

— Присаживайтесь, Леман, — любезно предложил Бест указывая глазами на стул. Некоторое время начальник отдела испытывающе смотрел на Вилли. Все уже знали, что Бест интеллектуал, человек живой, умный и что он недолюбливает Мюллера.

— Я только что узнал, что с вами беседовал Феннер…

— Скорее допрашивал, оберфюрер, — уточнил Леман.

— Я представляю! — губы Беста сложились в подобие улыбки. — Феннеру не терпелось первому доложить о результате, поэтому он проявил ненужную инициативу. А когда понял, что свалял дурака, тотчас бросился оправдываться! Он уже звонил и мне и начальнику вашего отделения Шееру.

— А в чем, собственно, говоря дело, — поинтересовался Вилли, — и причем здесь эта Дельтей?

— Дельтей была арестована и на допросе показала, что чиновник гестапо Леман сотрудничает с кем-то в советском торгпредстве и предупреждает его, если возникает опасность. Бест вышел из-за стола и стал не спеша прохаживаться по кабинету.

— Поймите правильно, Леман, и не расстраивайтесь, — продолжил он через минуту. — В гестапо пришли молодые

чиновники. У них нет опыта работы в полиции, старых дел они, естественно, не знают. Услышали фамилию Леман и сразу решили, что Дельтей имеет ввиду вас. Нет, чтобы вначале осторожно проверить информацию… — он опять замолчал. — За вами установили наблюдение в субботу и воскресение по моему указанию.

За вами следили двенадцать человек, но ваше поведение было столь безупречным, что я приказал вечером, в воскресение, снять наблюдение.

Сегодня я собирался сам с вами побеседовать, но этот глупец Феннер поторопился…

— А Мюллер что, тоже был в курсе расследования? — спросил Вилли. — По моему это дело чисто нашего, контрразведывательного отдела?

— Ну, Вилли, как вы не понимаете, — Бест опять улыбнулся.

— Мюллер сейчас делает карьеру, ему протежируют Гиммлер и Гайдрих. Постепенно он приберет в гестапо все к своим рукам.

— Интересно, чем это он мог так понравится. За четырнадцать лет предыдущей службы в полиции он дослужился только до ранга инспектора-криминалиста, в НСДАП не состоял, новой власти не помогал и вдруг такие милости после перевода из Мюнхена в Берлин? — недоумевал Леман.

— Дело в том, что Мюллер давно работает против коммунистов, — охотно стал пояснять Бест, — он хорошо знает их систему, а также методы работы советских органов безопасности. Многие их приемы он использует в своей деятельности и Гайдрих это ценит. Гиммлер в восторге от его административных способностей.

Я хорошо знаю Мюллера еще по Мюнхену. Он из семьи управляющего, в восемнадцать лет поступил в авиацию, в войну совершил в одиночку налет на Париж, за что был награжден рыцарским крестом. В полиции начинал с низов. Высшего образования не имеет. Недоверчиво относится к молодым, образованным, считая, что в полиции ценность имеют только профессионалы-практики. Кстати, он неплохо к вам относится, поэтому проявил к этому случаю такой интерес. Имейте это ввиду на будущее.

Бест помолчал, а потом продолжил:

— О Мюллере говорят, что он мужлан, грубый. Ничего подобного. Он довольно начитан, музицирует на пианино, очень любит играть в шахматы. С женой у него что-то не ладится, но они имеют двоих детей.

Из тридцати шести человек, взятых Гайдрихом из Баварской политической полиции с собой в Берлин, Мюллер — самый

способный и самый тщеславный чиновник. Парадокс, не правда ли: гестапо — главный инструмент, обеспечивающий господство режима, готовится возглавить человек, чья политическая ортодоксальность столь невысока, что его нельзя считать истинным национал-социалистом.

Бест вернулся на свое рабочее место.

— Ну, хорошо, Леман, хватит о Мюллере, — сказал он. — Я вызвал вас, чтобы официально вам сообщить, что имело место недоразумение. Прошу вас расценивать его как издержки нашей трудной работы, в дальнейшем продолжать спокойно служить и не обращать на Феннера внимания. Вы свободны! — и они пожали друг другу руки.

Вилли не удивился такой откровенности со стороны Беста. По коридорам гестапо уже носились слухи об охлаждении отношений между Гайдрихом и Бестом.

Не успел Леман прийти в себя, как Хиппе не удержался и проговорился, что он тоже принимал участие в слежке за Вилли.

— «Извини, старина, — развел он руками, — такая у нас служба».

Вилли потом рассказывал с юмором Зарубину об этом происшествии, но оба хорошо понимали, что тут было не до шуток: случайно Леман был поставлен на грань провала и спасли его только выдержка и многолетний опыт полицейского.

Вообще этот месяц выдался весьма необычным. Вилли представил много информации о развитии военной промышленности в Германии: о закладке на восемнадцати верфях сразу семи десятков подводных лодок различного класса, что свидетельствовало о намерении сделать ставку на широкомасштабные операции с участием субмарин в будущей войне; о создании засекреченного завода по производству боевых отравляющих веществ, что указывало на намерение Гитлера вести химическую войну.

Леман передал копию секретной инструкции вермахта, в которой перечислялись четырнадцать новейших видов вооружения, находящихся в стадии изготовления или проектирования. Наконец, от него поступил экземпляр доклада особо секретного характера «Об организации национальной обороны Германии».

Кроме качественных характеристик германской техники, как производимой, так и разрабатываемой, Вилли регулярно сообщая о количественных показателях военного производства. Ведь по долгу службы он отлично зная, какие именно заказы выполняют ведущие концерны, какими мощностями они располагают, что делается для расширения выпуска военной техники и что его

тормозит. Передававшиеся им материалы в сопоставлении с другими источниками позволяли советскому военному руководству объективно оценивать ударную мощь вермахта и то, какими темпами она наращивается.

Так что случай с Дельтой остался в его памяти как одна из зарубок, которая быстро забылась в силу ее, как ему казалось, незначительности.

На выборах в кортесы в Испании в феврале 1936 года правые потерпели серьезное поражение. За Пиренеями возникло республиканское правительство. Двумя месяцами позже в Национальном собрании Франции взяли верх левые и к власти пришло правительство Народного фронта.

«Если зараза коммунизма, распространяющаяся сейчас в Испании и во Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями для нас оказались бы два правительства — германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле. Эти строки из английской «Дейли мейл» стали сигналом для мировой реакции.

Очень быстро Василий Зарубин узнал, что его приятель Тейлор из «Стандарт ойл» получил из Нью-Йорка телеграфное распоряжение: срочно переадресовать прибывающие в гамбургский порт танкеры с авиационным бензином в Испанское Марокко и на Болеарские острова.

А еще через день Брайтенбах сообщил:

— Мы накануне величайших событий! Германия намерена поддержать силы, воюющие с республиканским режимом. Англия стоит на стороне Германии, а США объявят нейтралитет. Остаются французы, но что они смогут сделать одни?

— Откуда это тебе известно? Чем ты можешь подтвердить свои слова?

— Документами, Ярослав, документами! Вот копия стенограммы беседы английского представителя с Гитлером. В Берлин прибыл Томас Джонс доверенное лицо английского премьера Болдуина. Гость в начале беседовал с Риббентропом, а на следующий день его принимал фюрер. Прочитай, что написано в стенограмме.

Зарубин развернул вчетверо сложенный лист бумаги и стал читать:

«Джонс сказал фюреру, что по мнению английского правительства и, в частности, по личному мнению премьер-министра его величества, сэра Болдуина, победа Народного фронта во Франции и неизбежность гражданской войны в Испании сделали особо важным сближение позиций Англии и Германии»… Фюрер ответил собеседнику, что вполне согласен с ним, и заявил, что он,

в свою очередь, намерен содействовать осуществлению общего плана.»

— А что это значит — «содействовать осуществлению общего плана»? — спросил Зарубин.

— А это значит — общими силами бороться с коммунизмом. Для этого планируется поднять военный мятеж в Испании и покончить там с республикой, потом справиться с Народным фронтом во Франции. Мои знакомые из абвера выезжают на днях в командировку в Испанию. Они говорят: если услышишь сообщение диктора радио из Мелильи «Над всей Испанией безоблачное небо», так и знай, что там началось горячее дело.

Информация была столь важной, что они не мешкая закончили встречу и Зарубин вызвал связника из посольства.

Действительно, 17 июля африканские владения Испании и протектораты Ифни, Рио де Оро и Фернандо-По, Канарские и Болеарские острова оказались в руках испанских генералов, поднявших мятеж против республиканского правительства. Несколько позже мятежники вступили в Севильи, Сарагоссе, Саламанке и ряде других городов Испании.

Однако, не все гарнизоны откликнулись на призыв мятежников, как не стали на их сторону флот и авиация Республики. В крупных городах — Барселоне, Малаге, Картахене, Бильбао, Валенсии рабочие дружины разгромили мятежников и перебили их вожаков. Мятеж военных стал превращаться в затяжную войну со своим народом.

Между тем, Гитлер разработал комбинацию: если мятежники добиваются успеха в Испании, лидер Италии Муссолини начнет проводить решительную политику в Средиземноморье, естественно, рассорится с Францией, которая поддерживает испанских республиканцев, и поневоле станет верным союзником Германии. Раз так, значит нужно оказать помощь Франко.

«Все вы знаете, что испанцы под руководством генерала Франко поднялись на освобождение своей страны, — заявил на совещании в министерстве авиации генерал Эрхард Мильх. — Флот противника господствует на море и делает невозможным для Франко переброску его мавританских дивизий из Африки в Испанию. Франко попросил фюрера дать ему транспортные самолеты Ю-52 с экипажами для перевозки его сил из Тетуана в Севилью. Генерал Геринг поручил это сделать генералу Вильбергу».

И уже на следующий день из Темпельхофа стартовали два десятка «юнкерсов» курсом на Тетуан. Сотня немецких пилотов составили первый контингент «Особого штата В». К ноябрю их переименуют в легион «Кондор» с общей численностью в

шестьсот пятьдесят человек.

Одновременно с самолетами из Гамбурга вышел пароход «Узарма», на борту которого находились пилоты люфтваффе и боевая техника: шесть истребителей «хейнкель -51» и двадцать зенитных орудий. «Добровольцы» следовали одна партия за другой.

Начальник абвера адмирал Канарис, со своей стороны, стал активно подталкивать Муссолини к укреплению своей власти в Средиземном море. Дуче был не против поддержать франкистов, но отказывался это делать официально. В результате, в Испанию был отправлен лишь один пароход с боеприпасами и двенадцатью истребителями «капрони» на борту…

События развивались так, как и предсказывал Леман. Немцы бомбили испанские города, участвовали в наземных операциях совместно с итальянцами, а Англия, Франция и США, через Лигу наций заявляли о своей политике невмешательства. Американцам это не мешало поставлять мятежникам огнестрельное оружие и нефтепродукты.

Война принимал затяжной характер и шла с переменным успехом. С появлением в Испании интернациональных добровольцев, советской военной техники, усилился отпор республиканской армии под Мадридом. А двадцать девятого октября франкистские войска потерпели жестокое поражение к югу от Мадрида. Двести советских танков под командованием генерала Павлова внезапно ворвались на узкие улицы Эквивии и буквально в лепешку раздавили кавалеристов Франко. Теперь уже не было никаких сомнений, что Советский Союз тоже открыто вмешался в военные события.

В ответ немцы срочно увеличили присутствие своей авиации и казалось, что с ее помощью удалось склонить развитие событий в пользу повстанцев, однако, через месяц жестокое поражение под Гвадалахарой потерпели итальянские войска. Война затягивалась и шла с переменным успехом…

Леман регулярно сообщал Зарубину информацию о поставках немецкого вооружения в Испанию, а также о деятельности абвера против подставных фирм в Европе, через которые советская военная разведка осуществляла закупку вооружения для республиканцев…

— У тебя есть желание встретить со мной рождество? — спросил как-то Вилли Флорентину.

— Я согласна. Мы пойдем в ресторан?

— Почему в ресторан? Рождество — это семейный праздник и наша «большая семья» будет праздновать его на Принц-Альбрехтштрассе.

— Как, ты хочешь меня пригласить в свою организацию? Разве это возможно? Удобно ли это?

— Не беспокойся, все мои коллеги будут со своими женщинами.

— Хорошо. Пусть будет по твоему.

У Флорентины на этот вечер были свои планы, и хотя, ей приятнее было бы встретить этот праздник с Вилли наедине, выбирать не приходилось. К тому же, ей очень хотелось посмотреть поближе на этих всесильных людей из гестапо.

К Рождеству Флорентина сшила себе платье из черного бархата с глубоким декольте. Тонкая жемчужная нить, единственная память о матери, долгие годы лежавшая в шкатулке, как нельзя оказалась кстати и украсила ее изящную шею. Темно-рыжие волосы рассыпались по открытым белоснежным плечам.

Она оглядела себя в зеркало и осталась довольна: платье было сделано прекрасно и хорошо подчеркивало ее несколько полные формы. Никаких излишеств — все строго и красиво.

Около девяти раздался звонок, и она сама вышла открыть входную дверь. Перед ней в черной шинели и фуражке с высокой тульей, украшенной серебряными эсэсовскими знаками, стоял Вилли. Небольшие крупинки влаги от растаявших снежинок поблескивали на его погонах.

— Заходи же! Ты меня простудишь…

— Прости, Флора! Но я просто сражен… Ты выглядишь, как настоящая королева! Глазам своим не верю! — воскликнул Леман, входя в прихожую. Крепко поцеловав его в губы, Флорентина предложила:

— С праздником тебя, дорогой! Снимай шинель и посиди минутку, отогрейся. Может хочешь что-нибудь выпить?

— Это было бы неплохо. На улице действительно чертовски холодно.

— Водка или коньяк?

— Лучше немножко водки.

Флорентина вышла на кухню и через минуту вернулась с подносом, на котором стояли две маленькие рюмки с водкой и несколько бутербродов.

Поставив поднос на маленький столик, она взяла одну рюмку, ту, что была побольше, и выпила ее до дна. Вилли смотрел на нее с восхищением. Потом, вслед за ней, тоже сделал пару глотков.

— Такое ощущение, будто глотнул огня, — сказал он, с удовольствием причмокнув губами.

— Ты закуси бутербродами, думаю, что на торжественном

мероприятии есть особенно не придется.

— Ты права, — согласился Вилли и с удовольствием принялся за бутерброды. Его щеки чёрез несколько минут зарумянились. — Как у тебя блестят глаза, Флора! Так и хочется тебя поцеловать…

— Пьяную? — кокетничала она.

— Ну какая же ты пьяная, дорогая, о чем ты говоришь? — он нежно обнял ее за талию.

— Только не сейчас, Вилли, — она со смехом уперлась ему рукой в грудь. — Нам нужно собираться, иначе мы рискуем опоздать…

К центральному входу в управление на Принц-Альбрехтшрассе то и дело подъезжали машины: черные «мерседесы» и «БМВ», различные «опели». Машины притормаживали у входа и из них выходили офицеры с женщинами в сопровождении адъютантов или младших офицеров, которых осчастливили приглашением на бал.

Подкатили два черных «мерседеса», начальник караула подал команду «внимание» и все замерли, к машинам бросились два адъютанта и почти одновременно распахнули задние двери. Из теплого салона первой машины величественно выбрался рейхсфюрер СС Хайрих Гиммлер, из второй — его заместитель, группенфюрер СС Гайдрих.

— Кто это? — спросила Флорентина.

— Это наше самое высокое начальство, — объяснил Вилли.

— Ты знаком с кем-нибудь из них?

— Не имел чести, — улыбнулся он. Вилли не питал никакого пиетета к нацистским бонзам, поскольку всех их хорошо знал еще по тем временам, когда они лишь подавали надежды и боялись полиции как огня.

Между тем, Гиммлер и Гайдрих, оба в черных мундирах СС, украшенных знаками отличия и различными орденами вместе со значками, важно подымались по ступенькам. Как только они скрылись в проеме дверей, все присутствующие дружно потянулись к входу.

В большом, хорошо освещенном зале, украшенном гирляндами из елочных ветвей были расставлены столики, за которыми начали рассаживаться приглашенные. В основном, все были в черном, но изредка попадались мундиры голубые и серо-зеленые, в которых прибыли гости из абвера.

При входе каждый получал светильник — подсвечник на двенадцать свечей, которые тут же зажигали два офицера. Через некоторое время вперед вышли два молодых офицера и звучными голосами стали читать стихи.

Потом от руководящей группы чиновников отделился Гиммлер и объявил, что четверо самых заслуженных сотрудников управления удостоены высокой награды — портрета фюрера с его личной подписью и грамотой от него, Гиммлера. Раздались аплодисменты. Офицер вызывал награжденного и Гиммлер под аплодисменты присутствующих вручал ему награду.

Каково же было удивление Флорентины, когда четвертым по счету награжденным был назван Вильгельм Леман. Она растерялась, но Вилли, под аплодисменты, чеканным шагом, подошел к рейхсфюреру, принял поздравление и с невозмутимым видом вернулся на свое место. Его тут же окружили сослуживцы, стали поздравлять, смеяться, хлопать по плечам и требовать обмыть награду. Флорентину оттеснили и она, скромно стояла в сторонке, наблюдая за растерянным Вилли и не зная, как ему можно было сейчас помочь.

Однако официальная часть закончилась, раздалась громкая команда капельмейстера, все встали и хором запели, а еще через несколько минут деловито стали рассаживаться за столиками с указанными местами.

Они сидели вчетвером — Вилли с Флорентиной и Хиппе со своей подругой. Не успели выпить и закусить, как к их столику подошел Феннер, затянутый в новенький эсэсовский мундир.

— Госпожа Ливорски! Я много о вас слышал! Рад с вами познакомиться! — воскликнул он, расплывшись в улыбке.

Вилли недовольно на него покосился и что-то пробурчал.

— Очень любезно с вашей стороны! — улыбнулась Феннеру Флорентина. — Вас можно поздравить, господин…!

— Артур Феннер, к вашим услугам! Да, госпожа Ливорски, хотя я и не получил таких высоких наград, как ваш Леман, но у меня тоже есть свои успехи и свои радости. Так, что с удовольствием принимаю ваши поздравления!

— Ну что же вы стоите, присаживайтесь, — предложила Флорентина.

— Спасибо. Если позволите, на минутку. Я ведь с товарищами, — он кивнул в сторону столика, где сидело несколько офицеров, с любопытством поглядывающих на Феннера и его собеседницу.

— Все, как в рождественской сказке, — сияя довольством, проговорил Феннер. — Ужасно однообразная наша жизнь. И вдруг такой подарок — разукрашенный зал, елка, шикарные женщины! Сюда приглашены самые достойные из нашего управления, — с гордостью добавил он.

— О чем вы говорите, Феннер! Разве ваша работа, такая важная и почетная, разве она может быть скучной. Никогда этому

не поверю!

— Тем более, когда одних людей путают с другими, — ехидно вставил Вилли, а Флорентина добавила: — Да, господин Феннер, ваша работа не развлечение: разбираться с любовницами и прочее… — она улыбалась, лукаво поглядывая на него.

— Ах, госпожа Флорентина, не напоминайте мне об этом злополучном случае! — притворно оскорбился Феннер.

— Вилли, это тот случай, когда тебя чуть не упекли за решетку из-за какой-то Дельтей? — делая невинные глаза, спросила Флорентина.

— Для этого ума много не надо, — буркнул Леман.

Но Феннер пропустил мимо ушей эти нелестные для него замечания.

Что будем пить, друзья? — спросил он.

— Я бы выпила шампанского, — сказала Флорентина.

Феннер галантно вскочил и через несколько минут на столе появились бутерброды, шоколад, апельсины.

Время незаметно приблизилось к двенадцати. За столом, стоящим несколько поодаль от других, поднялся Гиммлер. В зале мгновенно стало тихо.

— Позвольте, господа, поздравить вас с нашим Рождеством! — негромко начал он. — Мы живем с вами в преддверии великих событий! Наша цель организовать Европу таким образом, чтобы были взорваны существующие национальные границы, чтобы европейские страны сплотились бы в экономическом и политическом отношении под сенью СС, под руководством нашего фюрера. Такие величественные цели можно достигнуть лишь большой кровью. Проклятие истинно великой личности состоит в том, что она должна шагать по трупам! Цель, которую ставит перед нами фюрер, не имеет себе равных. Будем же достойны этой великой цели, и мать — Германия впишет ваши имена в скрижали истории. Хайль Гитлер!

Все вскочили и дружно закричали:

— Хайль Гитлер! Зиг хайль! Хайль! Хайль!

Потом чокнулись и стали усаживаться.

После нескольких тостов Хиппе предложил выпить за женщин, но тут же встретил возражение со стороны Феннера.

— Послушай, Хиппе, нельзя же так! — чувствовалось, что Феннер уже был под хмельком. — Ты вырвал у меня этот тост прямо изо рта!

— Не ссорьтесь, господа, давайте лучше подымем наши бокалы, — пыталась отвлечь мужчин Флорентина.

Заиграла музыка и опять— первым поднялся Феннер. Он уже забыл про своих друзей и буквально прилепился к столу Лемана с

Хиппе.

— Чтобы сделать меня счастливым, позвольте ангажировать вас на первый вальс, — обратился он к Флорентине.

Флорентина взглянула на Вилли, и тот молча кивнул ей головой. Никому не хотелось ссоры. Она вышла из-за стола, взяла Феннера под руку, и они устремились на середину танцевальной площадки. Хиппе со своей подругой тоже встали в круг, а Леман подошел к группе более пожилых чиновников, окруживших Мюллера.

Через несколько минут к ним с бокалом в руке подошел Гайдрих и заговорил с Леманом. Остальные чиновники тактично отошли в сторонку.

— Поздравляю вас, Леман! Очень почетная награда! — начал в своей отрывистой манере группенфюрер. — В целом о вас все хорошо отзываются, но кое-кто из личного состава был против. Мюллер, Бест и Шеер поддержали вашу кандидатуру и я с их мнением согласился!

— Благодарю вас, группенфюрер! — почтительно склонил голову Леман. Но Гайдрих, не обращая внимания на подчиненного, продолжил:

— После тридцать третьего года к нам пришли молодые, идейные борцы, но у них мало профессиональных знаний. Необходимо, чтобы ветераны, такие как вы, Мюллер, Геллер передавали им свой опыт. Мы надеемся на вас, ветеранов! — Гайдрих поднял свой бокал и сделал небольшой глоток.

— Да, группенфюрер, все что я знаю, я стараюсь передавать молодым и буду это охотно делать в будущем, — почтительно сказал Вилли.

— Скоро произойдут серьезные события, — казалось, что Гайдрих рассуждает сам с собой и его совершенно не интересует мнение собеседника. — В преддверии этих событий необходимо провести важные перестройки в наших службах. Нужно создать единый организм с четким разделением сфер влияния. СД должна заняться обеспечением безопасности империи. Ее задача контролировать настроения общественную жизнь в райхе, а также экономику и культуру. Гестапо будет следить за врагами, подозрительными лицами и расправляться с ними. Как вы думаете? — неожиданно спросил он.

— Думаю, что да группенфюрер, — надо бить сжатым кулаком!

— Совершенно верно, бить крепким кулаком вместе с военными. Они пока не готовы к войне с Польшей и Россией. Но может так случиться, что Англия и Франция нападут на нас первыми. Фюрер не намерен ждать! Австрия, Чехословакия, потом

эти проклятые плутократы англичане, — все должны быть поставлены на колени! Так что, дорогой Леман, нужно много работать с молодыми! Помните об этом! Мне передавали, что к вам хорошо относятся в абвере. Это правда? — Гайдрих с подозрением уставился на Вилли.

— У меня там много знакомых еще со времен войны, с некоторыми я в молодости служил на флоте, — пояснил Вилли.

— Так вы в прошлом были моряком? — удивился Гайдрих.

— Отслужил на флоте двенадцать лет!

— Понятно! Приятно встретить бывшего моряка! А насчет абвера — знакомства там — это очень хорошо! Это нам может пригодиться! Но будьте с ними начеку. Канарис — это старый лис. Я думаю, что мы еще доберемся до них. Успехов вам! — Гайдрих кивнул головой и вернулся к своему столу.

Столь продолжительная беседа с Гайдрихом вызвала явное беспокойство и зависть среди коллег. К Вилли подошли его руководители Бест, Мюллер, начальники ряда направлений и тоже еще раз поздравили с наградой.

Веселье было в разгаре. Феннер уже дважды танцевал с Флорентиной, а теперь подхватил подружку Хиппе. И вдруг, когда оркестр заиграл вальс «Дунайские волны», к Флорентине подошел Хайнрих Мюллер. Его любовница Барбара Хенке уже во всю кружилась с кем-то из молодых.

Мюллер учтиво поклонился, и Флорентина, раскрасневшаяся от всеобщего внимания, легко поднялась, протянула партнеру руку, и они прошли в круг. Она не разбиралась в званиях СС, но судя по тому, как все обратили внимание на ее партнера, она догадалась, что это кто-то из начальства.

Мюллер легко вальсировал и Флорентина сказала ему по этому поводу комплимент.

— Мне сказали, что вы подруга нашего Вильгельма Лемана? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Да и уже много лет.

— Вот как! Никогда бы не подумал, что у нашего скромного Лемана подруга такая красавица!

— Да уж такая! — улыбнулась Флорентина.

— Как вы проводите свой отдых? Увлекаетесь ли вы туризмом?

— Нет, мы увлекаемся плаваньем на лодке под парусом. Вилли, как моряк в прошлом, прекрасно управляет парусом. А вы? — в свою очередь спросила она, изредка бросая быстрые, лукавые взгляды в его прищуренные глаза.

— Я… — он на секунду замешкался, видимо, раздумывая говорить правду или нет. — Раньше много занимался спортом,

даже был награжден олимпийским знаком почета первой степени и значком СА за достижения в легкой атлетике. Сейчас не хватает времени. Лишь в отпуск со своим другом хожу в горы, делаем небольшие восхождения…

— О-о! Вы должно быть очень смелый человек! Лазить по скалам — это ужасно! — кокетничала Флорентина.

Ответить Мюллер не успел, потому что музыка смолкла и пары стали возвращаться на свои места. Он учтиво поблагодарил Флорентину и подвел к ее столику.

Она собралась пригубить шампанского, но музыка заиграла вновь и Феннер попытался поймать ее руку.

— Вам не кажется, Артур, что мне надо передохнуть. Я люблю танцевать, но…

— Не упрямьтесь, Флорентина! — подвыпивший Феннер уже потерял весь свой лоск, стал развязным и грубоватым. — К тому же у меня есть разговор, — добавил он.

Музыканты играли танго. Свет в зале слегка притушили. Феннер попытался поплотнее прижать к себе Флорентину, но она отстранилась.

— Ну, не упрямьтесь же Флорентина! — шептал он ей на ухо.

— Это что, тот самый разговор? — холодно спросила она.

— Да нет же…

— Тогда ведите себя пристойно. На нас смотрят! И не забывайте, что я сюда пришла не с вами!

Феннер ослабил свои объятья.

— Ничего, скоро все изменится, — неожиданно сказал он.

— О чем это вы? — не поняла Флорентина.

— О будущем. Фюрер, наш вождь, совершил чудо. Он внушил нам, что немцам представляется великая честь жить в стране, где правит гениальный вождь на зависть всему миру!

«Что это на него нашло» — подумала Флорентина с удивлением посматривая на своего партнера. Но тот, казалось, уже ничего не видел вокруг.

— Немецкий народ устал от нищеты, — продолжал он разглагольствовать, — от неуверенности в завтрашнем дне, от безденежья, от экономических неурядиц. Страх перед будущим пробудил в немцах древние инстинкты, он заставил их сбиться вокруг великого, могущественного вождя, их единственного спасителя. И он оправдал ожидания. Посмотрите, как все изменилось в стране. Но это только начало. Мы пойдем вперед! Для этого нужды бесстрашные, молодые воины, не то, что ваш старый Леман!

— При чем здесь Леман? — насторожилась Флорентина.

— В данном случае он не причем! И что вы только нашли в

нем? Не могли выбрать кого-нибудь помоложе?

— И кого я должна была выбрать? Уж не вас ли?

— А почему бы и не меня? — Феннер снова попытался прижать к себе Флорентину.

— Держите себя в руках, господин Феннер, — строго сказала Флорентина отстраняясь и оглядываясь в поисках Вилли.

К счастью, оркестр закончил танец, и Феннер вынужден был проводить Флорентину к ее месту. Он продолжал топтаться возле их стола и не уходил.

— Послушай, Феннер, можно тебя на минутку, — Хиппе встал и слегка покачнулся.

— Хочешь поговорить со мной? — напрямик спросил Феннер.

Пойдем, поговорим!

И он нетвердой походкой двинулся вслед за Хиппе из зала. «Еще подерутся,» — подумала Флорентина.

Рождественский бал еще был в полном разгаре, когда она объявила подошедшему Вилли, что устала и хочет домой. Он не возражал.

Они не торопясь выбрались из зала и сели в дежурную машину. По дороге Флорентина рассказывала о повадках Феннера. Вилли слушал невнимательно, невпопад улыбался, пока Флорентина не заметила, что пора прекращать веселье и действительно отдыхать. Он вновь и вновь перебирал в памяти разговор с Гайдрихом, стараясь не упустить ни малейшей детали. Хотелось поскорее увидеть Ярослава, чтобы обдумать и обсудить все то, что удалось узнать сегодня.

Тов. Алексею. Москва. Совершенно секретно.

На ваш телеграфный запрос относительно углубления рождественской беседы Брайтенбаха на балу в гестапо в сторону того, кто начнет войну, они или мы, и конкретно где, могу сказать следующее: Брайтенбах передал лишь то, что ему было сказано. Он работает над тем, чтобы углубить тему, но в любом случае, ответы не будут исходить от таких авторитетных лиц, как заместитель рейхсфюрера. Они будут лишь относительным продолжением его рождественского общения.

Брайтенбах вышел на работу, но далеко еще не выздоровел. Выглядит и чувствует он себя неважно. Болезнь сказывается на его состоянии и он очень боится помереть. Я тоже боюсь, чтобы он не умер. Делаю все, чтобы он лечился и смотрел за собой.

Все увеличивающиеся строгости на работе также

нервируют его и каждый раз он просит нас быть осторожными.

На этом фоне невозможно наладить получение ежедневных сводок гестапо. Сводка приходит одна на отдел, выносить ее опасно и это можно делать лишь изредка. Договорились, что Брайтенбах будет делать из них выписки.

Месячные сводки гестапо также получить невозможно, так как они направляются начальнику отдела по списку и хранятся у него.

Отдельно к этому письму прилагаю список сотрудников гестапо по отделам со всеми изменениями.

Из беседы со своим коллегой, который ссылается на Вурма, Шнеемана, стало известно, что эти люди говорят о неизбежности войны с Польшей, Англией и Францией…

Годовой обзор гестапо Брайтенбах постарается достать. Нужно дождаться отъезда Шеера и тогда, имея ключи, можно будет взять его.

То, что он нервничает, это не значит, что он трусит. Последнее время он прихварывал, обстановка действительно ужасно серьезная и натянутая, так что неудивительно, что он нервничает.

В связи с предстоящим моим отъездом, Брайтенбах переходит на связь с квартирой Клеменс. Туда в конвертах он будет приносить материалы для дальнейшей пересылки Монголом.

Не расценивайте это так, что это может отразиться на его желании работать на нас. Он делает и сделает все, что сможет. Но сейчас он не может много записывать, как он делал это раньше. Стало строже все и все всего боятся. Он простой смертный и побаивается вместе со всеми. Это отрыжка, общей обстановки и она не отразится на качестве его работы.

Добывать документы сейчас сложно, но я уверен, раз он обещал годовой отчет, он его обязательно принесет.

Для вашего сведения сообщаю, что в служебном кабинете Брайтенбах работает не один. Он пробовал под разными предлогами выставить соседа, но пока это не получается.

Бетти.»

И еще одно письмо в центр от 21 февраля 1937 года:

«Тов. Алексею, Москва.

Завтра я уезжаю. Клеменс мною проинструктирована. Опыт у нее есть. Она нами использовалась, как фотограф нелегальной резидентуры. Она очень серьезный, осмотрительный, добросовестный человек, а если принять во внимание, что Брайтенбах также аккуратен и осторожен, то можно быть уверенным, что все пойдет хорошо.

Клеменс не будет знать ничего о Брайтенбахе, о содержании его конвертов. Однако существует одно «но»: Брайтенбах может принести документы, которые Клеменс должна будет сфотографировать и сразу вернуть. Конечно Клеменс будет видеть, что она фотографирует. Но я уверен, что она не будет специально интересоваться, так как она к этому приучена, и, потом, у нее просто не будет для этого времени.

Когда Брайтенбах спросил, может ли он туда приносить документы для фотографирования, я сказал «да», так как не хотел показать Брайтенбаху, что мы не вполне доверяем человеку, с которым его связываем, с одной стороны, а с другой — не желал расхолаживать Брайтенбаха по части документов, которыми он нас в последнее время не жалует.

Документы будут сниматься в присутствии Брайтенбаха без первой страницы, где обычно указывается название учреждения Клеменс хороший фотограф и доверять ей можно. Брайтенбах будет посещать Клеменс раз в десять-двенадцать дней, а также срочно, если это будет вызываться обстоятельствами. Писать ему сообщения на папиросной бумаге чернилами длинно и трудно.

Связь Брайтенбаха с Клеменс налажена, следует лишь предупредить об осторожности связника из легальной резидентуры Эрвина, который будет забирать у нее документы.

Бетти».

Положив перо, Зарубин задумался: все ли предусмотрено? Телеграмма из Цента, предлагающая ему свернуть работу резидентуры и прибыть в Москву, врасплох его не застала. В последнее время немцы стали усиленно интересоваться его личностью и Леман об этом своевременно его предупредил.

Действительно, присутствие гестапо стало ощущаться на каждом шагу. Контрразведчики завербовав Глаусберга и

секретаршу. Арестовали по подозрению в связи с коммунистами садовника. При организации встреч с источниками приходилось применять массу уловок, чтобы оторваться от наблюдения. Долго так продолжаться не могло. Поэтому взвесив все обстоятельства, Центр принял решение отозвать Зарубина.

Трудно было согласиться вот так, сразу, свести на нет многолетние усилия. Впрочем, не исключалось, что еще можно будет вернуться.

Огромным усилием воли Бетти заставил себя выполнить этот приказ, поскольку понимал: — без строжайшей дисциплины разведка существовать не может. Последние дни как никогда, приходилось много работать: необходимо было аккуратно подготовить «к переводу в Женеву» представительство фирмы и провести последнюю встречу с Брайтенбахом.

В назначенное время Зарубин прибыл к месту встречи. Задняя дверца бесшумно открылась, и Леман сел в машину, Зарубин начал набирать скорость. Покрутившись по городу минут двадцать и убедившись — «хвоста нет» — Бетти выбрал тихое место и остановился.

Леман достал из кармана шпаргалку.

— В вашу фирму по закупке оружия в Гааге внедрены агенты абвера, — бесстрастно начал он. «Это фирма Кривицкого[33]» — подумал Зарубин. — Абверовцы подсовывают покупателям оружие с дефектами. Кроме Гааги, абвер установил ряд подобных фирм в других городах Европы.

— Понятно, — кивнул головой Зарубин.

— Абвер нашел подходы к группе Вольвебера[34]» в Копенгагене, — продолжил Леман. — Кроме того, военная разведка приобретает агентов в среде белых эмигрантов в Париже и внедряет их в интернациональные бригады в Испании. Вот список части этих агентов, — он протянул Зарубину мелко исписанный лист бумаги.

— Нет, не все. Ярослав, ты чем-то взволнован? — улыбнулся Леман. Зарубин промолчал.

Гестапо арестовало Гизелу фон Пельниц, — продолжил Вилли. — Она неоднократно посещала советское торговое представительство. Ее подозревают в передаче русским секретной информации. На допросах Пельниц держится мужественно, все обвинения отвергает.

— Так, что еще?

— Теперь международные дела. В конце ноября прошлого года эксперт из ведомства Риббентропа Герман фон Раумер подал идею подписать Антикоминтерновский пакт Германии, Италии и Японии. Идею поддержали и в настоящее время готовятся к

подписанию этого пакта.

Далее. В Берлине очень активен японский военный атташе генерал Хироси Осима. В ближайшее время он должен привезти из Токио проект договора о сотрудничестве между армиями двух стран и их разведками. Японцы хотят координации подрывной работы против СССР, и адмиралу Канарису это нравится. Теперь, кажется, все.

Зарубин молчал, обдумывая, как лучше приступить к главному, что должно было быть обсуждено на этой встрече. Леман терпеливо ждал.

— Вилли! Мы уже говорили с тобой о моем возможном отъезде, — наконец заговорил он. — Так вот, сегодня я получил телеграмму… — он замолчал.

— И что там пишут? — не выдержал Леман, хотя уже прекрасно понял о чем пойдет речь.

— Меня отзывают!

Зарубин опять помолчал, давая агенту возможность осознать сказанное.

— Пока ты будешь работать с Люси. Этот вариант мы с тобой подробно обсуждали. Она человек абсолютно надежный, неоднократно проверена на практических делах. На нее можешь положиться, лишь бы ты сам не допустил ошибки. Очень надеюсь на тебя, на твой опыт и знания.

— Я все понимаю! — Вилли волновался и с трудом подбирал слова. — Но мне искренне жаль, что тебя не будет! Мы ведь неплохо с тобой сработались! Согласись — частые смены кураторов плохо отражаются на качестве работы.

— Я согласен, Вилли! Но это приказ и приказы, как ты знаешь, не обсуждают. Но я хочу, чтобы ты знал. Буду ли я в Москве, или в другом месте, я буду постоянно интересоваться твоими делами. Если у тебя возникнут проблемы пиши мне в Москву и я обязательно постараюсь помочь. Вот, кажется, и все. Сейчас я подброшу тебя до метро и мы простимся.

Через несколько минут они расстались. Расстались навсегда. Зарубин не предполагал тогда, что для него это будут последние часы пребывания на немецкой земле, что больше он уже никогда туда не вернется.

Не прошло и недели, как он оказался в Москве, в Кремле, где ему вручили орден Красного знамени за успешную разведывательную работу в Германии.

Вместе с Зарубиным такую же награду принимал Павел Судоплатов, тоже вернувшийся из заграничной командировки.

Вечером их пригласил к себе домой новый начальник пятого отдела Абрам Слуцкий, сменивший на этом посту Артузова,

окончательно перебравшегося в Разведывательное управление Красной Армии. Когда они вошли в подъезд указанного дома, привратник не задал Василию ни одного вопроса, поклонился Лизе и, открывая дверь, приветливо улыбнулся:

— К вашим услугам, мадам!

Лиза с Василием переглянулись и рассмеялись. Уж очень это было необычно для Советского Союза.

Их уже ждали. Едва они вошли, как женщины бросились к Лизе, начали ее обнимать и целовать. Все смеялись и говорили разом. Лиза не смогла сдержать слез.

Стали рассаживаться за столом уже заставленным закуской и выпивкой. Слуцкий, его новый заместитель Сергей Шпигельглас, Яков Серебрянский, Судоплатов, Ревзин, все с женами. Когда гости немного успокоились, Слуцкий поднял тост за награжденных, за их благополучное возвращение на Родину. Все поднялись, зазвенели бокалы и стали выпивать. Тут вдруг обнаружилось, что Павел Судоплатов не пьет водки. Все стали смеяться, подшучивать. Никто не мог поверить, что этот молодой, отчаянной храбрости сотрудник, только что вырвавшийся из оуновского вертепа в Германии, где провел около года, постоянно рискуя жизнью, не может выпить рюмку водки. Пришлось вмешаться Слуцкому и совместными усилиями награжденного все-таки уговорили выпить.

Василий с Лизой наслаждались общением с друзьями, предвкушая возможность повидаться с родственниками, пару недель отдохнуть в Крыму, пожить, пусть недолго, естественной жизнью обычного человека.

Теперь не нужно думать о делах, постоянно встречаться с людьми, вести обильную переписку, постоянно быть настороже, не позволяя себе ни на минуту расслабиться. Теперь они свободны! Какое это счастье быть свободным с ощущением выполненного долга перед страной, близкими людьми, наконец, перед самим собой!

Лиза воспользовалась моментом, чтобы на кухне наедине переговорить со Слуцким. На ее вопрос, как идут дела, он отвел в сторону взгляд, помедлил, потом тихо сказал:

— С ноября прошлого года Ежов начал репрессии против чекистов центрального аппарата. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) планируется заслушать его доклад о деятельности органов, в том числе Иностранного отдела. Считается, что он засорен троцкистскими кадрами. Думаю, ты понимаешь, что за этим последует? Считаю, что вам с Василием надо выехать немедленно в командировку. Так будет лучше…

— Как в командировку?! — вырвалось у нее.

— Да, лучше! — повысил голос Слуцкий. — Лучше, чем оставаться здесь. Это, несомненно, повлечет ряд неудобств. Я понимаю, вы устали, нуждаетесь в отдыхе. Но времени осталось мало. Сегодня я еще могу вас отправить, а что будет завтра — не знаю. Поезжайте в Америку, там отдохнете, или по дороге, на месяц остановитесь во Франции. В Соединенных Штатах надо вербовать агентов-связников для поездок в Германию на случай войны. Вы с этим справитесь! Так, что даю вам неделю и в путь. — Голос его прервался. Он прошептал: — Здесь невыносимо… — И отвернулся. Потом быстро вышел из кухни.

Веселье как-то быстро пошло на убыль. Все стали собираться домой, впереди была трудовая неделя.

На следующий день Василий с Лизой вышли из своего номера в «Национале», где их все принимали за иностранцев, и решили прогуляться по Москве. Красная площадь, как обычно, была заполнена людьми. Они прошлись по ней, полюбовались кремлевскими звездами, потом вернулись и вышли на Кузнецкий мост, торговую улицу, где на каждом шагу встречались книжные лавки. На витринах, рядом с портретами Маркса, Ленина, Сталина на видном месте стояли портреты немецкого прозаика Лиона Фейхтвангера.[35] Живого классика пригласили в Москву, надеясь, что он напишет книгу, способную сгладить отрицательное впечатление от произведения французского писателя Андрэ Жида[36] «Возвращение из СССР».

Обедали в «Метрополе». Огромное кафе было пусто, после Германии это было как-то непривычно.

В дороге была возможность спокойно все обдумать. Подолгу простаивая у окна в коридоре вагона. Зарубин мысленно возвращался к прошедшим событиям в Германии.

Да, предпринятое по инициативе Артузова сочетание работы разведки с легальных и нелегальных позиций принесло желаемые результаты. Была приобретена ценнейшая агентура, располагавшая доступом к секретным документам министерства иностранных дел Германии, немецких посольств за границей и иностранных посольств в Берлине.

В агентурной сети внешней разведки были лица, связанные с влиятельными кругами и руководством национал-социалистической партии Германии. Благодаря этому советское руководство располагало информацией о деятельности партийного аппарата и разведывательной службы нацистской партии /внешняя СД/.

Через возможности Брайтенбаха регулярно отслеживалась работа тайной государственной полиции /гестапо/ против Компартии Германии и иностранных коммунистов, что позволило

выявить ряд провокаторов в их радах. Регулярно освещалась работа контрразведывательных органов, собиралась информация по производству секретной военной техники… Да разве все упомнишь, что делалось…

Думая обо всем этом, Зарубин неоднократно возвращался к неутешительной мысли: для него, как разведчика, это был период наивысшего творческого подъема и что он уже, видимо, никогда не повторится. Наступало время, когда надо было думать лишь об одном — как выжить и не потерять свое человеческое достоинство. Все мыслящие люди в разведке это прекрасно понимали.

Шпионский тандем

Была середина марта, погода стояла сырая, промозглая. От этого еще тяжелее было на душе.

Люси сидела за машинкой и печатала письмо матери в Париж. Пальцы привычно ударяли по клавишам, а думала она, между тем, совершенно о другом. Мысли в голове были не из приятных и на ее красивом, худощавом лице отражалось глубокое недовольство.

Люси сидела перед машинкой, изящная, светловолосая, и ее тонкие ловкие пальцы быстро бегали по клавишам.

Резидент Ярослав Кочек, перед своим отъездом, сообщил ей, что из их группы подпольщиков она остается в Берлине одна и ей предстоит самостоятельно обрабатывать материалы от одного ценного источника. Кто этот человек и чем он занимается. Ярослав не сказал. В советское полпредство материалы будет доставлять связник, Эрвин, — так, кажется, его зовут. Приметы его и условия связи ей сообщили.

Резидента она знала несколько лет, очень его уважала, считая одним из немногих подпольщиков, на которого всегда можно положиться, и вот теперь, по непонятным ей причинам, он уехал из Германии.

От досады Люси поджимала тонкие, красиво изогнутые губы. Ведь это продолжается уже больше месяца, долгого месяца, когда все идет из рук вон плохо. Люди покидают страну один за другим. А как хорошо все начиналось!

Она, студентка Сорбонны, отдыхала на каникулах в Антибе, на юге Франции. Как то прогуливаясь, она познакомилась с Кочеком, чехом по национальности, который приехал в Антиб недавно из Швейцарии. Они разговорились, и Люси рассказала симпатичному чеху о себе, о своей учебе в Сорбонне, о своих родителях, выходцах из России, эмигрировавших во Францию после революции 1905 года. Люси уже собиралась домой, поэтому они обменялись адресами. Через некоторое время она получила от нового знакомого письмо и пригласила его посетить ее в Париже.

Позже Ярослав с женой Марианной переехали в Париж и стали часто бывать у Люси. Их отношения укреплялись и постепенно родители Люси стали помогать Кочекам в разведывательной работе. Потом к ним присоединилась и Люси.

Вот уже два года, как под псевдонимом Клеменс она работает в составе подпольной группы в Берлине, фотографирует и обрабатывает поступающие от источников материалы. Ей

прилично платят, так что задумываться над вопросами материального существования не приходится. Она арендовала эту небольшую квартиру, внизу, у входа ей повесили вывеску «Стенография и переписка на машинке». Правда, за исключением связников, эта вывеска не привлекла ни одного клиентами: в Германии безработица.

День заканчивался, письмо было отпечатано. Люси ощущала глубокое недовольство собой, главным образом неопределенностью своего положения. Собственно говоря, чего ей не хватает? Деньги оставлены, жди спокойно, когда к тебе придут!

Ее изводила неопределенность и невозможность делать какую-то полезную работу. Уж если невозможно заняться делом, то хотя бы познакомиться с кем-нибудь да влюбиться, что ли. Ведь она еще молодая женщина, ведь должна же она иметь какую-то свою личную жизнь…

В прошлом у нее было несколько романов, но они так и остались случайными эпизодами. Один раз могло выйти нечто более серьезное, но все рухнуло, потому что он уехал за океан с политическим поручением. Поехать с ним вместе ей, к сожалению, не разрешили.

Хоть бы скорее появился этот неизвестный, для связи с которым ее оставили. Что бы не случилось, все будет лучше, чем теперь. В Германии она иностранка, живет по американскому паспорту. Она следит за обстановкой и ее беспокоит деятельность нацистов, в которой много глупого, пустого, варварского. Они гонят жизнь вперед и в будущем должно что-то измениться. Они стали подозрительно относиться к иностранцам и ей приходится быть крайне осмотрительной. Раздался звонок у входной двери. Люси поднялась и не спеша пошла открывать. Интересно, кто это может быть? Может тот, которого она ждет?

Нет, это явно не клиент. У двери стоял человек с энергичным лицом, с чуть приплюснутым носом, одетый в приличное, свободного кроя пальто. Он уверенно вступил в ее маленькую прихожую, спросил ее имя, после чего назвал условную фразу пароля. Наконец-то! От неожиданности, она растерялась и какое-то мгновение смотрела на него молча. Он терпеливо ждал. Наконец, она спохватилась и торопливо произнесла ответ.

Без церемоний, посетитель осведомился, может ли она писать под диктовку. Она кивнула головой.

— Ну что ж, давайте попробуем, — улыбнулся он. — Если вы согласны, то начнем сейчас же.

— Хорошо, сударь, — вежливо ответила Люси своим чистым голосом с едва заметным оттенком иронии. — Если это срочно,

мы можем начать сейчас же.

Какое-то мгновение он пристально ее разглядывал, потом произнес:

— Да, это будет проба. Посмотрим, что у нас будет получаться. Я буду читать, так будет лучше, потому что мой почерк очень трудно разобрать.

Он снял пальто, повесив его на спинку стула, достал из кармана несколько исписанных мелким почерком листков и стал диктовать, а она принялась печатать:

«Летом 1936 года Австрия заключила с Германией договор, согласно которому Вена обязалась дружественно относиться к Берлину и считать себя составной частью германского государства. Со своей стороны Германия признавала суверенитет и независимость Австрии, обещая не оказывать никакого давления на ее внешнюю политику.

В настоящее время гестапо и СД активизировали свою работу. Используя прозрачность границ Австрии агенты немецких спецслужб развернули бурную деятельность, направленную на подготовку захвата власти нацистами.

Еще больше подрывная деятельность усилилась в результате создания Союза восточных форпостов под контролем министра внутренних дел Глайзе-Хорстенау. Нацисты сосредоточили все усилия на том, чтобы поставить во главе австрийской полиции своего человека.

Перспектива возможного захвата власти нацистами не позволяет австрийским властям принимать по отношению к ним решительные полицейские и судебные меры. Все министры опасаются репрессий со стороны будущего нацистского правительства…»

Диктуя, он расхаживал по комнате и оказывался то перед Люси, то за ее спиной. Поспевать за ним было не просто, поскольку он то говорил размеренно, подчеркивая каждое слово, то вдруг начинал торопиться. Смысл его слов не всегда доходил до сознания Люси, настолько она тоже торопилась.

Он диктовал своим мягким, приятным тенором и она ощущала, как рождалась каждая его фраза. Время от времени он останавливался и спрашивал:

— Вы поспеваете за мной? Может я говорю слишком быстро, может быть недостаточно отчетливо?

Временами он действительно говорил слишком быстро. Но Люси, опытная машинистка, старалась поспевать и не прерывать его.

Он диктовал довольно долго. Люси пользовалась каждой паузой, чтобы бросить взгляд на его лицо. Его волнение невольно

передавалось ей, вызывая внутренний подъем.

Незнакомец стал чаще делать паузы и наконец остановился.

— На сегодня, кажется, довольно, — сказал он и добавил, — У вас на лице, фройлен, видна усталость! Видимо, вам тяжело таким образом работать, но что поделаешь!

Он внимательно вглядывался в ее тонкое лицо, карие глаза и тонкие, красиво изогнутые губы, высокий, чуть выпуклый лоб, красиво зачесанные назад белокурые волосы.

— С вами приятно работать, — улыбнувшись, заметил он. — Как-то даже улучшается настроение.

Он продолжал улыбаться и от этого его суровое выражение лица показалось ей более мягким.

— Спасибо, — вежливо ответила она. По ее выговору он догадался, что она не немка, но интересоваться из какой она страны, он не стал.

— Вы поспеваете следить за ходом моей мысли — еще раз спросил он, — или техническая сторона поглощает все ваше внимание?

— Да, я не всегда успеваю следить, — призналась Люси. — То о чем вы говорите столь важно, что конечно, нельзя не прислушаться.

— Давайте проверим себя. Прочтите, пожалуйста, то, что вы записали.

Она начала читать, делая над собой усилие, чтобы правильно повторять его выражения. Несколько раз он вежливо поправлял ее.

— Получается как будто неплохо, — похвалил он ее. — Я думаю, что нам часто теперь придется вместе работать.

Одевая свое пальто, он с улыбкой сказал:

— А ведь мы даже не познакомились. Меня зовут Вилли.

— Люси, — весело ответила она.

— Я надеюсь, госпожа Люси, что эти материалы не будут у вас долго задерживаться. Сейчас нужно быть крайне осторожным…

— Можете быть спокойны, — прервала она его с улыбкой, — через пару часов они будут отправлены с надежным человеком.

Они простились, а через два часа, она передала материалы связнику Эрвину.

В этот вечер Леман сидел в столовой своей квартиры на Кармен-Сильваштрассе, 21, курил сигару и ждал ужина. Уютно устроившись в широком, старом кресле, он размышлял о недавней встрече с новым работником, точнее работницей, советской нелегальной разведки, сожалел об отъезде Ярослава, с которым они сработались и хорошо понимали друг друга.

Помимо всего, прочего, Ярослав регулярно снабжал его хорошими продуктами и с его отъездом эти поставки прекратились.

Маргарет возилась на кухне с ужином. Она задерживалась, очевидно, решила на этот раз приготовить что-то вкусное, о чем свидетельствовали приятные запахи, распространявшиеся из кухни по квартире. Всю прошлую неделю он задерживался на службе, кроме того, один вечер провел с Флорентиной, и сегодня ему даже приятно было побыть вечером в своей квартире, одеть халат и домашние туфли.

Его мысли вернулись к занимавшей его теме: почему немцы оказались столь восприимчивы к нацизму: в силу чисто внешних обстоятельств или может тут дело в их национальном характере?

Запах из кухни прервал его размышления и Вилли с удовольствием стал принюхиваться. Его отношения с Маргарет приняли ровный характер и это устраивало их обоих. Как ни странно, но после смерти родителей жены, отношения между супругами стали гораздо лучше. Отец Маргарет, чиновник местного суда, не выносил своего зятя. Старик и в отставку вышел раньше срока только для того, чтобы развести Маргарет с Вилли и забрать дочь к себе с тем, чтобы потихоньку втянуть ее в управление гостиницей и рестораном.

Однако эта затея провалилась. Маргарет отказалась менять Берлин на провинцию.

Наконец Маргарет показалась в проеме кухонной двери с тарелкой супа в вытянутых руках. Потом последовало второе, хлеб и приправы. Только теперь Вилли почувствовал, как он сильно проголодался. Он с аппетитом набросился на суп, откусывал большие куски хлеба и не переставая при этом весело разговаривать. Покончив с супом, он принялся за втрое: отварную рыбу с картофелем, заправленным топленым сливочным маслом.

Маргарет сидела рядом и, попивая чай, терпеливо дожидалась, когда можно будет рассказать о странном незнакомце, который сегодня посещал их соседей и, как потом призналась одна из них, осторожно интересовался Леманами и их знакомыми. Дождавшись такой возможности, она подробно стала обо всем рассказывать.

— Ты стала свидетелем обычной практики, которую ввели у нас на службе, — сказал он ухмыляясь, когда она закончила свой рассказ, — недоверие друг к другу и периодические проверки. Не обращай внимания. По крайней мере, одно достоинство у нового рейха есть — такие молодцы могут вытворять что угодно и никакой управы на них нет!

Для Маргарет, ограниченной пребыванием в четырех стенах

своей квартиры, этот визит стал событием и для нее было так огорчительно, что Вилли отнесся к этой новости с таким безразличием. Ей хотелось выговориться, но они перестали понимать друг друга, особенно, когда дело касалось политики.

Вилли продолжал с аппетитом есть не замечая, что у жены начало портится настроение.

— В конце концов от нас ничего не зависит, — примирительно сказал он.

— Зачем ты притворяешься? — сердито спросила Маргарет, и ее некрасивое лицо, стало еще более неприятным. — Всех ты осуждаешь, каждого, кто способен откликнуться на призывы власти, ты считаешь дураками! Ты просто не способен понять, что у людей могут быть свои симпатии и антипатии, наконец, просто убеждения!

Ей становилось все труднее с ним ладить, особенно, когда речь заходила о нацистах. Конечно, среди нацистских лозунгов много нелепых и возмутительных: она сама не всегда их принимала. Но когда Маргарет начинала, спорить с мужем, она назло ему старалась защищать нацистскую партию. Скрытое презрение, с которым Вилли оценивал политику нацистов, лишь усиливало ее раздражение и побуждало ему противоречить.

— Хорошо, — сегодня он явно не был настроен спорить, — если ты так хочешь, если тебе неприятно, я буду положительно относиться ко всему, что они вытворяют. А теперь давай займемся рыбой, — неторопливо размяв несколько оставшихся картофелин, он добавил, — я понимаю, Маргарет, что тебе многое не по сердцу и ты ищешь какой-нибудь выход. Я целые дни пропадаю на работе, постоянно общаюсь с людьми и хотя от этого ничего не меняется, все-таки какое-то утешение это дает. Ты же целые дни проводишь в этой квартире и никого, кроме соседей, да лавочников, ты не видишь. Тебе даже поговорить толком не с кем. Ну давай все же перейдем к картошке с рыбой, — и он наклонился над своей тарелкой.

Маргарет поняла, что эти слова — своего рода извинение, ласковая и неловкая попытка хоть как-то утешить ее. Критикуя нацистов, Вилли не думал ее обижать; многое из того, что он говорит, вероятно, соответствует истине. Но дух противоречия, сидящий в ней, не позволял уступить и открыто примириться.

Вилли посмотрел на жену и улыбнулся: в его лице появилось что-то задорное, мальчишеское.

Маргарет вышла на кухню и через минуту подала слоеный пирог с яблоками и взбитыми сливками.

— Вилли, тебе пора уже заказать новый костюм. Твой никуда не годится: локти блестят. Ведь ты бываешь в обществе.

— Если уж покупать, то наверное, лучше купить что-то для тебя.

— Глупости, — сказала Маргарит, — у меня есть все необходимое. А твой костюм просто неприличен. Завтра же зайди к тому портному, который шил тебе костюм летом тридцать четвертого, когда я уезжала.

— Ты так считаешь? И какой выбрать цвет?

— Мне нравится темно-серый, — сказала Маргарет. — Темно-серый? — задумчиво повторил Вилли. — Ну что ж, завтра пойду заказывать.

На следующий день, однако, он направился на квартиру Люси.

— Рада вас видеть, — приветливо встретила она его.

Вилли спокойно, по хозяйски уселся, точно старый знакомый, достал из кармана свои записки, и начал диктовать. Иногда ему не сразу удавалось находить точные и нужные слова. Тогда он останавливался, советовался с ней, как лучше сформулировать фразу.

«Гитлер созвал освещение, на котором присутствовали генералы фон Бломберг, фон Фрич, адмирал Эрих Редер и министр иностранных дел фон Нейрат, — диктовал Вилли. — Генералы сопоставляли простые, на первый взгляд вещи: на востоке Россия с ее огромной территорией и ста семидесятимиллионным населением, с огромным расстоянием от границы до Москвы; на западе — Франция — с 40 миллионами населения и с Парижем, уже видевшим пруссаков. Для немцев второй противник более заманчивый. Выбор казался несложным, особенно теперь, когда испанская история показала нежелание Франции сопротивляться…»

«А разве в «Майн кампф» рукою Гитлера не было написано, подумал Вилли, — что начинать нужно со слабейшего? Разве не об этом говорили Бломбергу Гитлер и Гесс, когда речь заходила об Австрии? То-то и оно!»

Он вернулся к диктовке продолжил: «Гитлер вкратце изложил им свои планы в отношении Австрии. «При необходимости, — сказал фюрер, — австрийская проблема должна быть решена силой в течение трех-четырех месяцев». Однако, Бломберг и Фрич стали резко возражать, ссылаясь на неготовность армии. «Армия будет делать то, что я ей скажу, — кричал фюрер после ухода генералов. Он убедился, что фон Фрича нельзя было «заговорить», как это произошло с балканскими лидерами, с доктором Гвидо Шмидтом или сэром Невиллом Гендерсоном. Фюрер просил Геринга взять дело в свои руки. «Я сломаю сопротивление, — заявил Геринг, — и, если потребуется, возьму на себя

командование рейхсвером».

Вилли поднялся и начал расхаживать по тесной комнате, заполняя ее собой. Люси понимала, что говорит он не с ней, а с самим собой; казалось, что ее присутствие ему было необходимо, чтобы точнее изложить свои мысли. А он, во время короткий пауз, ожидая, пока она закончит печатать очередной абзац, думал о другом. Последнее время его постоянно преследовала мысль: что происходит в Советской России?

— Новую информацию постараюсь принести на следующей неделе, — обещал Вилли, собираясь уходить. Уже в дверях он спросил: — Посещает ли вашу квартиру еще кто-нибудь, кроме меня? Дело в том, что блоклейтеры[37] внимательно наблюдают за поведением жителей своего квартала и о всех подозрительных информируют гестапо. У всех немцев сейчас воспитывается чувство подозрительности и недоверия особенно к иностранцам. Ведь они зарятся на покой и спокойствие арийской расы, — закончил он с иронией.

— Меня изредка посещает моя приятельница, пожилая женщина. Я сама из квартиры вечером выхожу только тогда, когда необходимо дальше передать ваши материалы. Днем я изредка посещаю библиотеку, — объяснила Люси.

— Видите ли, фройлен, — продолжил Леман, — обстановка сейчас в Берлине такова, что приходится быть внимательным и осторожным. С такими материалами, как у меня, хочется работать с людьми, которым полностью доверяешь.

— Я очень осторожна, — просто сказала она.

На следующий день, работая, общаясь с сослуживцами, Вилли заметил, что его мысли, помимо его воли, стали постоянно возвращаться к Люси. Он почувствовал, что она возбуждает его и вызывает у него желание, ему захотелось, что бы она принадлежала ему душой и телом. «Спрашивается, ну зачем она мне нужна? — уже не раз задавался он вопросом. — Обыкновенная молодая женщина, каких в Берлине тысячи. Хорошо, пусть ее лоб упрямее, чем у остальных, а глаза живее. В конце концов у меня есть Флорентина, которая со своими формами выглядит гораздо соблазнительней, чем эта барышня. Что за дурацкие мысли лезут мне в голову! Мне пятьдесят три года, а голова неотступно занята этой женщиной, словно я юнга! Нет, что-то в ней есть такое, что и словами не выразишь. Приятно, например, смотреть на изгиб ее шеи под узлом волос, на нежную линию ее затылка». Он вспомнил, что когда диктуя, ходил по комнате у нее за спиной, он едва удерживался, чтобы не погладить эту нежную, чуть покрытую пушком шею.

Не без внутреннего волнения он шел на очередную встречу.

Люси встретила его как обычно. Спокойная, скромно одетая, деловито поставила машинку на стол и приготовилась печатать.

Вилли начал диктовать, несколько раздраженным голосом, ощущая недовольство самим собою, и ею, тогда как Люси внимательно его слушала и невозмутимо стучала на своей машинке. И вдруг Вилли почувствовал, что туман стал рассеиваться, и у него возникла даже мысль: неужели это та самая женщина, о которой он так часто думал все эти дни?

Однако ее равнодушие все-таки его задевало и он не выдержав, прервал диктовку:

— Нет, сегодня что-то не получается, — сказал он с досадой. — Видимо, я так торопился, что сейчас и сам не могу разобрать свои каракули.

Люси остановилась и пока он говорил, с вежливым и безразличным видом смотрела перед собой, давая понять: она всего лишь исполнитель, ее задача помочь обработать материалы и передать их дальше. Остальное ее не касается.

Он опять начал ходить по комнате и вдруг, неожиданно для себя, заговорил совсем не о том, о чем должен был говорить.

— Как это печально, что вы так замкнуты — сказал он. — Сейчас так редко можно встретить человека, с которым можешь доверительно обо всем поговорить. Задача моя нелегкая, приходится работать в обстановке, когда на каждом шагу ощущаешь опасность. Вначале мне казалось, что вы понимаете меня и сочувствуете мне. Но сегодня вы другая… Я понимаю, наша работа предъявляет определенные требования, нужна строгая дисциплина, осторожность…

Сознание Люси не противилось этим доводам и ею медленно начало овладевать то сладостное, хмельное оцепенение, которое она испытывала первый раз, когда работала с ним. Видимо, в ней что-то изменилось, потому что он почувствовал, что нашел верный тон и между ними опять возникла та внутренняя связь, которая так воодушевляла его на первых встречах. Слова опять легко стали складываться в фразы, и они продолжили работу.

Люси догадывалась, что происходит с Вилли и ей самой тоже хотелось бы открыться ему, но в ее отношении примешивалось так много недоверия и горечи, что ей мучительно хотелось кому-нибудь поведать о своем смятении. Сабрина, ее старая подруга, когда дело коснется смутного соблазна, который, как она полагала, несет в себе Вилли, наверняка не найдет ничего лучшего, чем начать неуместно шутить или, в лучшем случае, резко критиковать. А сейчас так хочется поддержки и утешения.

Между тем Вилли даже не пытался проникнуть в противоречия ее души. Все, что он говорил, было связано с

политикой, с обстановкой в стране. Он не хвастал ни своими успехами, ни своим положением. Они были товарищами по работе и он давал ей то, что она была обязана принимать — добытые им секретные материалы.

Пока он находился в ее комнате, двигался, говорил, ей казалось, что от него исходит особая жизненная сила. Ее подтверждением служила поступающая от него действительно важная, секретная информация.

— Послушайте, Люси, — как-то заговорил он, а как вы намерены жить дальше? Вы в чужой стране остались совершенно одна, условия для иностранцев постоянно ухудшаются. Что вы будете делать, если возникнет реальная опасность, связанная с арестом?

Она давно предчувствовала, что этот разговор рано или поздно возникнет. Ее тонкое лицо покрылось румянцем, резкая складка обозначилась над переносицей.

— Мне не нужна ничья помощь, тем более ваша, — ответила она дрогнувшим голосом.

— Что за нелепые предрассудки, — заявил он с непривычной резкостью. — Этим вы не отговоритесь. Вы слишком хороши, чтобы пропадать здесь из-за неосторожности. У вас есть запасной паспорт, у вас есть место, где можно спрятаться и какое-то время переждать опасность?

— К сожалению, ничего этого нет, — ответила она.

— Вот видите, — со злой усмешкой ответил Вилли. — Сейчас такое время, что нашим друзьям не до нас. Все они, один за другим исчезают из страны. Вы знаете, что в советском представительстве остался только один сотрудник, с которым вы встречаетесь, да еще один-два в торговом представительстве. Надо быть готовым к тому, что скоро мы вообще останемся здесь одни и все наши усилия станут никому не нужны. Мне проще, я как служил, так и буду служить. А что будете делать вы? Вы думали над этим?

Люси молчала.

— Сейчас я ухожу в отпуск, — продолжил он. — Отложить его не могу, потому что осенью в отпуск хочет уйти мой шеф. Я буду поддерживать связь со своим отделом. Если случиться что-то чрезвычайное, я буду знать и тогда разыщу вас. В сентябре ожидаются большие маневры, и я планирую к этому времени вернуться. Передайте товарищам привет и мою благодарность за материальной пособие. До встречи, — и он крепко пожал ей руку.

Расставаясь, они не знали, что в резидентуре в советском полномочном представительстве положение действительно сложилось критическое. Почти все оперативные сотрудники были

отозваны в Москву. На хозяйстве остался один связник Эрвин, но и тот не знал немецкого языка. Для связи с Брайтенбахом Центр принял решение привлечь жену оперативного сотрудника Александра Короткова, работающего под прикрытием торгового представительства, Марию Вильковысскую. Маруся, таков был ее оперативный псевдоним, ранее работала переводчицей в Иностранном отделе, свободно владела немецким языком.

«Тов. Эрвину, Берлин. Совершенно секретно.

Свяжите «Марусю с Клеменс. Тщательно проинструктируйте Марусю и Крита (оперативный псевдоним А. Короткова) по технике встреч с Клеменс. Обеспечьте неуклонное выполнение нашего указания насчет того, чтобы Маруся шла на каждую встречу с Клеменс в сопровождении Крита, чтобы Крит ожидал Марусю неподалеку от места встречи и принимал от нее пакет, полученный от Клеменс. Инструктируйте Марусю и Крита насчет того, каким способом в случае надобности пакет уничтожить. Связывая Марусю с Клеменс — обусловьте с Клеменс, чтобы размеры пакета были самыми минимальными, чтобы была полная возможность уничтожения пакета в нужном случае. Чьи сообщения находятся в пакете, откуда они идут, словом ничего решительно об авторе и содержании сообщений ни Крит, ни Маруся знать не должны.

Вам вместе с Критом и Марусей надо также подумать, какую легенду Маруся и Клеменс должны привести в том случае, если их вместе случайно возьмут для проверки документов или они попадут в облаву. Принятую легенду вы нам потом сообщите. Учтите, что фамилию, гражданство и адрес Клеменс ни Маруся, ни Крит знать не должны.

Алексей».

Все поручения Центра Эрвин выполнял неукоснительно. Ввиду отсутствия у него оперативного опыта, в августе 1937 года его заменили на оперативного работника Александра Агаянца, которого в Берлин перевели из Парижа.

В это же время Александр Коротков со специальным заданием отбыл из Берлина в Париж, а его жена Маруся продолжала еще некоторое время работать с Клеменс.

Тов. Рубену, Берлин. Совершенно секретно.

Обстановка складывается таким образом, что вам в

течение одного-двух месяцев придется одному обеспечивать связь с Брайтенбахом.

Связь Маруси с Клеменс должна быть обставлена со всей тщательностью, исключающей возможность провала. Напоминаем вам, что вы лично должны каждый раз сопровождать Марусю на встречу с Клеменс. Перед встречей надо, по крайней мере, полтора — два часа разъезжать по городу и осторожно себя проверять. Встреча Маруси с Клеменс может состояться только при полной уверенности, что «хвоста» за собой Маруся не привела. На встречу Маруся должна прибывать минута в минуту. Вы должны ожидать Марусю невдалеке от места ее встречи с Клеменс и после этой встречи сразу же принять от Маруси полученный ею от Клеменс материал. Тщательно инструктируйте Марусю насчет того, каким способом в случае надобности можно уничтожить материалы — уничтожить обязательно! Размер материала должен быть таков, что его можно было бы разжевать во рту. Лучше всего материал печатать на папиросной бумаге. Это надо оговорить. С Клеменс также надо обусловить, как ряд контрольных встреч, так и способ восстановления связи в случае ее потери. Разработайте с Марусей и обусловьте с Клеменс правдоподобную легенду, оправдывающую ее встречу с Клеменс в случае облавы, проверки документов. Легенду также между Брайтенбахом и Клеменс на тот же случай.

Алексей».

«Тов. Алексею, Москва. Совершенно секретно.

Направляем отчет Брайтенбаха. Марусю сопровождаю и принимаю от нее материалы в городе. Наблюдение за нашим посольством, о котором сообщает Брайтенбах действительно заметно усилилось. Нас смущает, что Клеменс назначила Марусе свидание у самого своего дома. Я посоветовал Марусе незаметно стараться держать инициативу в своих руках в отношении назначения мест встреч.

В связи с предстоящими маневрами, затрагивающими город, постараемся сделать перерыв во встречах. Маруся относится к делу со всей серьезностью. Она считает, что сопровождать ее — это лишнее. Я же считаю, что это необходимо.

Рубен, сентябрь 1937года.»

«Тов. Алексею, Москва. Совершенно секретно.

В связи с отъездом Маруси, связь с Клеменс поддерживаю я сам.

Материалы, получаемые от Брайтейбаха становятся все менее интересными, тогда, как обстановка предполагает обратное. На это надо обратить его внимание и ставить ему конкретные задания.

Рубен, октябрь 1937года.»

«Тов. Алексею, Москва. Совершенно секретно.

Материалы от Брайтейбаха сняты Клеменс на пленку, которую отсылаем в не проявленном виде. Все разъехались, переводить больше некому.

Рубен, ноябрь 1937 года.

В октябре тридцать шестого года НКВД по инициативе Сталина возглавил Ежов. Вместе с ним на Лубянку пришла команда новых сотрудников, которые назначались на должности помощников начальников отделов НКВД в Москве и в провинциальных управлениях. Изменения мотивировались необходимостью выполнять требования ЦК ВКП(б) о повышении уровня работы НКВД, признанной вождем не эффективной после убийства в Ленинграде Кирова.

Выдвиженцы представляли партийный аппарат, созданный Сталиным после прихода к власти. Они не обладали профессиональными знаниями и опытом, но на них Сталин мог полагаться.

Претворяя в жизнь решения мартовского пленума ЦК, Ежов начал активно продвигать по службе новых людей. Начальники отделов и их заместители, назначенные при прежнем руководителе НКВД Ягоде, были срочно отправлены в командировки с целью лично проверить политическую благонадежность региональных и местных партийных комитетов по всему Советскому Союзу, но ни один из них так и не добрался до места назначения. На первой же станции, где останавливался поезд, их арестовывали и на машинах доставляли в Москву.

Этой участи избежали только четыре руководителя московских отделов, в том числе начальник пятого, Иностранного отдела ГУГБ НКВД Абрам Слуцкий. Его пощадили, поскольку до заграничных кадров еще не дошли руки.

Затем началась планомерная чистка рядов сотрудников в Центральном аппарате. Аресты проводились по ночам.

Репрессии коснулись и Иностранного отдела. Около сорока

оперативных работников были отозваны из заграничных резидентур в Центр. Часть из них оставили в Москве, другие сразу же бесследно исчезли.

…Звонок у двери раздался около четырех часов ночи, и Павел Корнель, мгновенно проснувшись, словно и не спал, вскочил с постели. «Наконец-то, они пришли» — мелькнула в голове мысль.

Набросив халат, он быстро прошел к двери и ничего не спрашивая, открыл ее. В коридоре стояли два человека, оба в кепках и казенных плащах без петлиц, чуть поодаль, сзади с ноги на ногу переминался управдом, а за ним, сонный дворник.

— Где оружие? — негромко спросил, входя в прихожую, судя по возрасту, старший.

— Оружия у меня нет, еще не получил.

Старший кивнул сопровождающему. Тот быстро вошел в комнату и бегло ее осмотрел.

— Одевайтесь!

Павел не спеша начал одеваться. Сотрудники молча стояли у стола, понятые остались у двери.

— Вот ордер на обыск и арест, — объявил старший, когда Павел оделся. — Павел Иванович Корнель? Так, читайте и распишитесь!

Не глядя, Корнель расписался и сел на стул. Люба, жена, в наспех наброшенном халате, зябко поеживаясь, стала за ним и положила руки на его плечи.

— Не волнуйся! Это какое-то недоразумение! Разберутся и отпустят! — как мог пытался он ее успокоить.

Начался обыск. Сотрудники быстро разбирали бумаги в шкафу, перебирали книги на полках. Документы складывали в кучу на столе, вещи небрежно бросали в угол комнаты.

Обыск произвели быстро. Потом младший вышел с Любой в переднюю, отобрал с вешалки зимние вещи Павла, бросил их в общую кучу в углу комнаты и спросил у старшего:

— В соседней комнате пожилая женщина. Ее подымать?

— Не надо, — буркнул старший. — А вы, — обратился он к Любе, — побыстрее вынесите отсюда свои вещи, сейчас мы опечатаем комнату.

Присев к столу он быстро написал что-то на бумаге и протянул листок Павлу. Тот бегло прочитал: это была расписка на часы, портсигар, кольца и запонки. Понятые по прежнему стояли у двери.

Люба быстро собрала свои вещи, впопыхах, растерянно стала набивать наволочку вещами для Павла, сунув вместе с бельем и что-то из еды. Потом тихо опустилась на стул рядом с ним и крепко взяла его за руку. Некоторое время все молчали.

Наконец обыск закончился. Все стали выходить в прихожую. В коридоре Павел приоткрыл дверь к матери: она уже одетая сидела на кровати и вопрошающе смотрела на сына. Он приветливо махнул ей рукой и закрыл дверь.

— Шевелитесь. Уже утро, — дернули сопровождающие его за руку.

Все спустились с крыльца и подошли к черной «эмке», за рулем которой в темноте, смутно угадывался шофер. Павел повернулся к жене и тут не выдержал. Ее огромные глаза были полны слез. Тихо застонав, она бросилась к нему на грудь…

— Шевелись! — он почувствовал толчок в спину, сел на сиденье — и все. Машина тихо урча остывшим мотором, неспешно двинулась со двора.

Потом, сидя в машине, сжатый по бокам двумя чекистами, Павел, как ни странно, почувствовал облегчение. Наконец-то все прояснится.

Они жили в новом доме, построенном для сотрудников, находившихся в длительной загранкомандировке. Вот уже месяц, как каждую ночь к их дому стали подъезжать машины и, спустя некоторое время, из подъезда выводили арестованных. Спать было невозможно: шум моторов и яркий свет от фар будили его с женой, а потом они стояли босые у окна и в щели между занавесями наблюдали, как выводят его товарищей по работе. Наутро управдом, став на табурет, черной краской вычеркивал из списка, висевшего у входа в подъезд, фамилии очередных арестантов.

Сначала из его, пятого отдела, исчезали малоизвестные ему люди и, вечером, разговаривая с Любой, он только сокрушенно разводил руками. Из Лондона Павла отозвали в феврале. На перроне вокзала их с Любой встретил Гурский, которого Павел знал еще по Берлину, где он работал в составе нелегальной резидентуры.

Павел сразу же заметил, что Гурский сильно постарел. Они обнялись.

— Квартира Павла была занята одним из сотрудников их отдела. Пока он переберется в другой место, Корнелю предложили несколько дней пожить у Гурского.

Они все погрузились в встречавшую их машину и без приключений добрались к дому Гурского. Быстро устроились и сели все за стол. Павел наблюдал за Феликсом и не переставал удивляться: куда делась его жизнерадостная приветливость, живость, искрящаяся всегда в его голубых глазах, где быстрые, порывистые жесты — Гурский стал каким-то напряженным, медлительным. И только прежней осталась лишь рыжая

шевелюра, густая и жесткая.

Обед проходил в молчании. Павел ожидал, что Феликс начнет расспрашивать об общих знакомых. Но он молчал. Желая вызвать его на откровенный разговор, Павел сам начал расспрашивать о друзьях, но Феликс уклонялся от подробных ответов.

Речь зашла об Ильке, бывшем руководителе агентурной нелегальной сети в Германии. Тут Феликс неожиданно оживился:

— Я его видел на работе дня два назад, — начал рассказывать он. — Стоим в коридоре, разговариваем, пожали друг другу руки и разошлись. И представляешь! Не успел я зайти в свой кабинет, как вдруг заходит Слуцкий и говорит мне: «Я видел, что вы беседовали с Ильком. Запомните: это должно быть в последний раз!» Ты можешь себе представить Абрама Слуцкого разговаривающего таким тоном! Я, конечно, возмутился: «На каком основании такой тон? Я все-таки начальник отделения!» Он быстро взглянул на меня и процедил сквозь зубы: «Я бы не дорого дал за такого начальника, как вы, и за ваше отделение, которое завтра может быть уничтожено. Я просто разговариваю с вами и, надеюсь, вы меня правильно поняли!» Сверкнул глазами и ушел. Что ты об этом думаешь?

Павел уже начал догадываться, что об этом надо думать и что это значит для Илька. Оба они знали цену предупреждениям начальника Иностранного отдела.

— Может у Слуцкого личная неприязнь к Ильку. Ты же знаешь какой он не сдержанный, резкий, — Павел все еще пытался найти какую-то зацепку, позволяющую надеяться.

Гурский саркастически рассмеялся, потом сказал:

— У Слуцкого было много времени и тысяча возможностей отомстить Ильку, если бы он этого захотел. Например, в его власти было перевести Илька на другую должность или загнать в какую-нибудь дыру, — Феликс опять усмехнулся. — Нет, сейчас у него другие причины так разговаривать об Ильке, и ты сам скоро это узнаешь, или увидишь. И все поймешь!

Он откинулся в кресле и неожиданно мгновенно заснул. Через несколько минут в комнату вошла его жена, взглянула на спящего мужа и сказала буднично:

— Я уже привыкла, что он засыпает на полуслове. Болезнь такая, что ли?

Зазвонил телефон, Феликс тот час же проснулся и, чертыхаясь, подбежал к телефону, снял трубку, потом обернулся к жене:

— Это тебя.

Пока молодая женщина разговаривала, прикрыв ладонью

телефонную трубку, Феликс, поглядывая в ее сторону, сообщил:

— Я ожидал услышать: «Товарищ Гурский, немедленно выезжайте на работу». Каждый день так. — Он резко потер виски. — Голова какая-то… Тяжелая. Да! Чуть не забыл. К тебе приедет гость, Графпен. Он готовится выехать в Лондон резидентом… Очень любит поговорить.

После чая жена Феликса стала собираться на какие-то курсы, и он решил ее проводить.

Встреча с Графпеном состоялась на следующий день. Одетый в форму сотрудника НКВД, он держался важно и был немногословен. Расспросив об обстановке в Лондоне, о сотрудниках резидентуры, он закончил разговор и перед уходом сообщил, что на следующий день Павла собирается принять заместитель Слуцкого Сергей Шпигельглас.

Действительно, на следующий день Корнеля пригласил к себе Шпигельглас, толстый, светловолосый, маленький человек. Ничего толком не объяснив о причинах отзыва из страны, он предложил Павлу взять месячный отпуск, а после того, как он отдохнет, будет решен вопрос, где ему работать дальше.

Расстроенный, Павел вернулся домой и занялся переездом на свою квартиру, благо она освободилась. Вечером они с Любой пошли в театр. За ужином он непривычно много пил водки, но Люба молчала.

В театре собралась вся высокопоставленная московская публика: известные артисты, писатели и художники, много военных, дипломатический корпус. Все дамы были в вечерних платьях.

В антракте, в залитом огнями холле, они отошли в угол и занялись своим мороженным. Павел рассматривал прогуливающуюся публику, узнавал лица видных государственных деятелей, потом неожиданно увидел Бориса Бермана, своего бывшего резидента в Берлине, а позже — заместителя начальника Иностранного отдела. В настоящее время он занимал должность заместителя начальника секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, но все уже знали о его предстоящем переводе в Белоруссию на должность наркома внутренних дел. Берман сделал вид, что не заметил Павла. Оно и понятно, теперь он был высокопоставленный чиновник.

Спектакль Павел не помнил. Осталось лишь впечатление от изобилия цвета, помпезности и фальши.

Месяц тянулся медленно, но как и всему, и ему пришел конец. В первый же день после выхода на работу Корнеля пригласил к себе Слуцкий. Павел знал его очень хорошо, в том числе и по работе в Германии, хотя он работал под прикрытием

торгового представительства. Слуцкий, больше, чем любой руководитель Центра, имел опыт работы с агентурой за границей, поскольку сам был оперативным работником. Это был умный, всесторонне развитый человек, лояльный к своим сотрудникам. В его поведении ощущалась раздвоенность: он был дисциплинированным функционером НКВД, но одновременно, как искренний коммунист и революционер, был сентиментально привязан к прошлому. Только этим обстоятельством можно объяснить случаи, когда Слуцкий не производил уже санкционированные аресты. Так он позволил уехать из Советского Союза дочери Сташевского, спасал других сотрудников, в том числе супругов Зарубиных, которых специально командировал в США. Вполне понятно, что он не испытывал никаких иллюзий ни в отношении себя, ни в отношении судьбы своих близких друзей. Он наверняка знал, что все арестованные «вражеские агенты», с которыми он работал лично, не виновны в тех преступлениях, в которых их обвиняют. Помешать происходящему он не мог, оставалось лишь стоически идти на заклание.

— Садитесь, Корнель, — заговорил Слуцкий. Он избегал взгляда Корнеля и делал вид, что они незнакомы. — Мы вызвали вас в Москву, поскольку располагаем сведеньями о том, что вы с врагами народа Путной и Никольским принимали участие в троцкистской организации. Идите! Вас вызовут для беседы. Свободны!

— Ошарашенный, Павел вышел из кабинета. О каком троцкистском заговоре он говорит?! Путна проходил по делу Тухачевского, Никольский в настоящее время в качестве резидента работает в Испании. Этих товарищей Павел знал, но он никогда с ними близко не общался! Какой-то вздор!

Корнель по инерции продолжал ходить на работу, но его стали избегать как заразного, он ничего не делал и ему ничего не поручали.

И вот арест. Павел надеялся, что может теперь наконец, все прояснится и жизнь наладится…

Машина приближалась к площади Дзержинского. Начинался слякотный, хмурый весенний день. Появились первые автомашины и озабоченные люди все куда-то спешили по своим делам.

По прибытию на Лубянку, Павла заперли в каком-то тесном помещении. Только теперь он ощутил страх, страх перед неопределенностью, невозможностью проснуться и вернуться к прежней жизни.

Потом его повели по узким коридорам, сунули в небольшую камеру, где уже сидел один заключенный, одетый в рабочую

одежду. Он его просветил: раз вы работали за границей, вас отсюда уже не выпустят, потому что много, мол, знаете.

На следующий день, после завтрака, его повели в отдел приема арестантов: тщательно там обыскали, сфотографировали, заполнили анкеты, сняли отпечатки пальцев, провели медицинский осмотр и наголо обрили. Все эти процедуры Павел воспринимал совершенно равнодушно. Чего волноваться? Проверят и отпустят. Тогда можно будет жить спокойно, без этих ночных ожиданий.

Корнель себя успокаивал, но внутри нет, нет да начинало грызть сомнение. Он не забыл свои беседы с Гурским и поэтому был осторожен, избегая разговоров с сокамерниками.

Ночью Павла неожиданно подняли, погрузили в «черный воронок» и под охраной двух стрелков куда-то повезли. Через некоторое время машина остановилась, двери «воронка» открылись и арестантов стали по одному вытаскивать из тесных «конвертов». Потом всех построили, пересчитали, заполнили какие-то новые бланки и под окрики охранников, стали разводить по камерам тюрьмы, как потом оказалось, Бутырской.

Корнеля втолкнули в длинную камеру, с двумя зарешеченными окнами в противоположном конце. На нарах, расположенных вдоль стен, плотно прижавшись друг к другу, спали люди. Обе руки у всех были положены поверх одеяла или одежды.

В проходе стоял длинный, чисто выскобленный стол, на нем чайник и кружки. Возле входа параши — две бочки с крышками.

Павел осторожно присел на краешек ближайшей скамьи и положил свой узелок рядом. Уже светало, стекла на окнах побелели.

Неожиданно в коридоре загремел резкий звонок, в дверях со скрипом открылась форточка и раздался крик дежурного:

— Подъем! Подъем!

И разом около сотни неподвижных тел ожили: одни стали одеваться, другие вытаскивали полотенце, мыло. Раздался голос:

— Дежурные! К парашам! Приготовиться! Вылить воду из чайников и кружек! Живо!

— Староста! Принимай новорожденного!

«Это, видимо, меня» — подумал Корнель. Он встал, растерянно оглядываясь. Мимо проталкивались к дверям желтолицые люди, всюду ощущался запах карболки, пота, мочи. Двери распахнулись и вслед за дежурными, тащившими параши, заключенные повалили в прохладный коридор.

Павел стоял в растерянности, не зная, выходить ему или нет, как тут над ухом раздался окрик надзирателя:

— А ты что торчишь тут? Ждешь особого приглашения? Так это мы сейчас организуем!

Он толкнул Павла в спину и тот бегом понесся догонять уходящую колонну, которая, как оказалось, направлялась в туалетный блок. Арестанты все разом сгрудились у умывальников. Поскольку все одновременно не поспевали, заключенные разбились на группы: одни умывались, другие сели на стульчаки, но большая часть стала в очередь. В ожидании, некоторые стали делать утреннюю гимнастику — насколько позволяла теснота, быстро сгибаться и делать движение руками.

Здесь Павел встретил бывшего своего шефа, начальника немецкого направления Отто Штейнбрюка.

— Разговаривать некогда! — кричал Штейнбрюк сидя на корточках. — Торопитесь, у нас всего минут десять. Скорее мойся, возьми мое мыло! Делай движения — надо разминаться, расправить легкие.

Павел дрожал, в голове все путалось и под крики «Скорей! Скорей!» он бессознательно повторял все то, что делали другие.

Потом заключенные выстроившись по четыре в ряд, наклонив головы и заложив руки за спину двинулись к своей камере. У ее открытой двери их ждали два надзирателя. Едва дверь камеры захлопнулась и открылась форточка, как в четыре руки надзиратели стали передавать в камеру завтрак: хлеб, сахар, четыре жестяные чайника.

Штейнбрюк помог Павлу обустроиться на нарах, разложить рядом необходимые для туалета принадлежности. Потом они выпили чаю с хлебом и тихо стали беседовать. Штейнбрюк рассказал об их положении, о том, что все уже решено заранее, что из него будут выбивать показания на других, признание собственной вины и только в подсказанном объеме.

В камере нет уголовников: здесь сидят культурные люди, цвет советского общества. Перед следователями бесполезно хитрить: нужно вовремя расколоться, то есть сознаться в преступлении по определенной статье, предусматривающей определенное наказание. Когда арестованный поймет, чего от него хотят, он объявляет о согласии давать показания. С него берут подписку и дают полную волю выдумывать совершенные преступления. Он должен сам себя оговорить в установленных рамках.

Павел возмутился:

— Зачем выдумывать?! Как это я могу признать то, чего не было, да еще во вред самому себе?!

Штейнбрюк вялым движением руки усадил его на место.

— Сиди и слушай! Я уже все прошел, меня раскололи, и я дал нужные им показания! У тебя все еще только начинается!

— Но почему я должен себя оговаривать?! Нет, на это я не пойду!

— Тогда они тебя убьют, замучают! И чего ты этим добьешься? Ты лучше сядь и слушай. Следователь объяснит тебе, что настоящий советский человек должен помогать следствию. Понял? Вот посидишь, поговоришь с людьми и узнаешь, что многие умерли во время допросов, а другие пошли под суд так и ничего не подписав. И то и другое вздор: суд оформил выдуманные преступления и тем и другим со всеми последствиями для них, так и для их родственников. Следователи любят осудить на основании признания самого заключенного, а если не удастся, найдут ложных свидетелей. На тебя наверняка уже выбили показания от других наших сотрудников. Смотри на это, как на неизбежное зло.

Павел скрипел зубами, сжимал кулаки. Штейнбрюк еще что-то говорил, но он его уже не слушал. В сознании не укладывалось: как это он, преданный чекист, верный заветам партии, совершил преступление, караемое расстрелом… Он, казалось, впал в прострацию, безмолвно лежал, тупо уставившись в потолок.

В середине дня всех вывели на прогулку. По бесконечным коридорам, лестницам и переходам, заключенные вышли в небольшой мощеный двор, окруженный высокой стеной. Посреди дворика стояла скамья, на которую сразу же сели несколько ослабленных заключенных. Остальные построившись, стали ходить по кругу, громко отбивая шаг.

— Выводят на пятнадцать-двадцать минут в сутки, — рассказывал Павлу сосед по шеренге. — Днем и ночью по очереди камер. Часто лишают прогулки из-за придуманных ими же самими нарушениями порядка. Лишение прогулки — тяжелое наказание, лишний удар по нашему здоровью.

— А отказаться от прогулки можно?

— Что вы? Кто будет лишать себя возможности глотнуть свежего воздуха! Дышите глубже и часто!

— Эй, кто там разговаривает! В карцер захотелось! — послышался голос охранника откуда-то сверху. Все сразу смолкли и в наступившей тишине слышался лишь дружно отбиваемый шаг да глубокие вздохи заключенных.

По возвращению на столе уже ждал обед: миски с супом и кашей. Их быстро разобрали и с аппетитом принялись за еду. К немалому своему удивлению, Павел обнаружил, что он тоже с аппетитом все съел и даже выскреб миску. После обеда все занимались своими делами — читали, курили, беседовали.

Отужинали с тем же аппетитом, коллективно доели

принесенную из дома Павлом еду, выпили с хлебом сладкого чаю и закурили. Все были оживлены: еще один день кончился благополучно.

Ночью, ворочаясь на жестких нарах, Павел размышлял. Очевидно, все дело в проверке. Поговорят, соберут все данные, имена людей, даты, адреса, проверят и отпустят. В стране никого не арестовывают напрасно. Ошибки бывают. Он не виноват, это ясно.

Дни тянулись один за одним, однообразные, нудные, тяжелые, но все оставалось по-прежнему без каких либо перемен. Очень скоро он обратил внимание на людей, которые целые дни сидели за столом и о чем-то шептались со своими соседями. Штейнбрюк объяснил, что это свои адвокаты. За несколько паек хлеба они помогают заключенному развить и обосновать обвинение. Тот, кто согласился сделать признание, должен был его продумать, чтобы оно было логичным и последовательным. Следователь потом его оформит в протоколах.

Павел старался держать себя в руках в тайной надежде, что все откроется в должный момент и во всем разберутся.

Его опять внезапно подняли ночью и куда-то повезли. Впопыхах он даже не успел проститься со Штейнбрюком. Вновь длинные коридоры, окрашенные в бледно-зеленый цвет, лестницы и, наконец, длинная, узкая камера на трех человек. На двух топчанах уже лежали люди.

Не успел Павел расположиться, как открылась форточка и надзиратель закричал:

— Подъем!

С одного топчана вскочил пожилой человек и поспешно стал натягивать на себя одежду. Его сосед лежал неподвижно.

— Он что, больной? — спросил Павел.

— Тише! Ради бога! Это — товарищ Ильк, бывший заместитель начальника отдела НКВД. Ему, в порядке исключения, разрешают после допроса спать. Характер у него крутой, его лучше не трогать!

Вот уж с кем Павел не ожидал встретиться, так это с Ильком. А что характер у него крутой, так это Павел знал еще с Германии. В двадцать седьмом Ильк прибыл в Берлин, чтобы создать первую нелегальную резидентуру. Подчинялся он Слуцкому, который в то время работал под «крышей» торгового представительства.

Эти два столь разных человека конечно не могли сработаться. Слуцкий, до выезда, занимал в НКВД более высокую должность, зато Ильк хорошо знал Германию, свободно говорил по-немецки и легко заводил связи. Он быстро сколотил несколько нелегальных групп, в том числе и в соседних с Германией странах, и начал от

них получать обширную информацию. Но Слуцкий считал, что большинство завербованных Ильком агентов не нужны, поскольку они недисциплинированные, дорого стоят и даже опасные. Личная несовместимость дополнила тактические разногласия двух профессионалов.

Слуцкий был вежливым и тактичным человеком, тогда как Ильк — циничным, грубым и вспыльчивым.

Естественно, от трений двух резидентов страдала работа. Во время пребывания в Берлине Ильк женился на Александре Плесснер, украинке немецкого происхождения, из семьи белоэмигрантов. У нее было три сестры, старшая работала в советском торговом представительстве в Берлине. Ее муж, Павло Ладан был расстрелян в СССР в 1932 году. У Александры Плесснер был также брат, который являлся членом национал-социалистической партии Германии.

В двадцать девятом подпольные группы Илька, после имевших место провалов агентуры, были ликвидированы, а сам он с двумя сестрами-эмигрантками возвратился в Москву. Его назначили на должность заместителя начальника контрразведывательного отдела ОГПУ.

К обеду Ильк оделся, умылся и только тогда узнал Корнеля. Они обнялись и начались воспоминания. Несколько раз надзиратель делал им замечания, но они не обращали на него никакого внимания.

— Э-э, не успел я уехать из Москвы! — захлебывался Ильк. — Все хлопотал об этом. Там было бы лучше.

— Лучше? — вырвалось у Павла.

— Да, лучше! — повысил голос Ильк. — Лучше, чем оставаться в Москве. Это несомненно, вызвало бы ряд неудобств, но я предпочел бы жить в моем крохотном домике в родном Подволочиске, под Тернополем, чем оставаться в Москве…

Он замолчал и две скупые слезы появились на его щеках.

— Представляешь, я вел до своего ареста дело Кипенбергера, — опять заговорил он. — Как я уже выходил из своего служебного кабинета, как раздался звонок из внутренней тюрьмы: «Кипенбергер хочет говорить с вами,» — сообщили мне. — Ты должен знать Ганса Кипенбергера. Член КПГ с 1920 года, один из руководителей Гамбургского восстания, руководитель нелегального военного аппарата компартии Германии, член ЦК, депутат рейхстага. Я мог отложить этот разговор до завтра, но я не видел его уже неделю и подумал, что лучше было бы закончить с ним и сказать ему, что мы еще раз увидимся. Я знал почему Кипенбергер вызвал меня.

Он хотел «признаться», но я не особенно торопил его с

признанием. Я знал, что он сознается, я над этим давно работал. Но пока он не сознавался, понимаешь, это означало, что я работал и что я обязан был закончить дело… А потом… — он замолчал, опустив голову.

— Слуцкий действительно хорошо знал, что делал, когда поручил мне дела Киппенбергера и Вернера Гирша, — через минуту продолжил он. — Ты помнишь Вернера Гирша? — и не дожидаясь ответа Корнеля, продолжил. — Гирш был журналистом, членом КПГ. Его мать происходила из аристократической семьи. Отец — высокопоставленный офицер. После ареста гестапо Гирша, связи его матери и личное вмешательство жены Геринга позволили ему освободиться из концлагеря. Вернер Гирш, этот наивный идеалист, решил найти надежное убежище в СССР. Чудак, не успел он пересечь границу, как его тут же арестовали как «немецкого шпиона».

Он опять замолчал. Павел не мешал его раздумьям.

— Что Кедровы могут сделать с европейцами, немецкими коммунистами? — опять начал он. — Угрожать им? Третировать их? Ты понимаешь, подпольная деятельность — это все, что они умеют. Но Слуцкому нужны «признания», и ему хорошо известно, что их можно получить только путем длительных, изнурительных допросов. Ему нужны эти признания, и нужны скоро, если не сказать — сейчас, немедленно! Он их ожидал, а я должен был их получить и Кедровы могли бы закончить свою работу! Впрочем, что это изменило бы? Процесс над немецкими коммунистами никогда бы не состоялся, потому что он Сталину не нужен! Может быть, получив их признания, этих немецких коммунистов будут как-то использовать… Во всяком случае, это не может им никак повредить. Им надо было лишь тянуть как можно дольше. Вот почему я десять дней не допрашивал Киппенбергера.

И знаешь, что он мне сказал, когда охранник вышел? Он сказал: «Ильк, я вызвал вас, чтобы узнать, что с вами случилось. Поскольку я вас уже десять дней не видел, я подумал, что вас, как и многих других следователей, уже арестовали. Я пытался вас увидеть во время ежедневной прогулки по тюремному двору, но — безрезультатно. Ладно, оставим это. Вы можете «заставить» меня признаться, если хотите. Вы, конечно, же знаете, что в контакт с генералом фон Бредовым, бывшим руководителем абвера, а последние годы ближайшим другом и помощником канцлера фон Шлейхера, убитых эсэсовцами тридцатого июня тридцать четвертого, я вступил по приказанию Четвертого управления РККА и с согласия Эрнста Тельмана. Мне известно, что вы не имели к этому никакого отношения. Но, как я понимаю, правда никому не нужна. В вашей воле добиться моих

«признаний», если они хоть как-нибудь могут пригодиться вам» — закончил Ильк, потом засмеялся и в глазах его сверкнула ярость:

— Нет, ни Киппенбергер, никто другой, ничто уже не может мне пригодиться!

Потом он быстро успокоился и продолжил:

— Я ему говорю: «Хорошо. Я вас ненадолго оставлю в покое. Оставим эту историю до завтра. Сейчас у меня нет времени!»

Я вызвал охранника и его увели. Знаешь, у меня было такое чувство, что мне пора идти вслед за ним. Оба мы уже выглядели одинаково: заросшие, в небрежно наброшенных плащах. Для него все уже было позади, а для меня только начиналось!

После обеда Ильк сказал:

— А наших уже многих взяли. Альберта Такке помнишь, работал под псевдонимом Бом. Он когда смотался из Берлина, был направлен в группу Никольского в Испанию, они там троцкистов ликвидировали. Арестован Миша Горб, лучший друг Артузова, Томчин, Штейнбрюк, Карин…

Они сидели на топчанах друг против друга: Павел, прижавшись спиной к стене, и Ильк, равнодушный, безвольно опустивший голову и руки.

— Корнель! Выходи! — раздался крик надзирателя.

«Наконец-то!» — подумал Павел и устремился к выходу.

Два здоровенных надзирателя заломили ему руки назад так, что голова наклонились к низу, бегом потащили его по коридорам и узкой винтовой лестнице в подвал, там втащили его в кабинет и бросили на стул.

Отдышавшись, Павел поднял голову и увидел за столом следователя, а рядом с ним молодого человека в гимнастерке без знаков отличия на петлицах — практиканта.

— Так, дай этому гаду лист бумаги и перо, — начал следователь — Дал? Хорошо. Ты, фашистская морда, обвинение знаешь? Ты заговорщик, шпион, диверсант. Писать в означенном плане будешь?

— Нет!

— Я так и думал… Ты, видно еще не понимаешь где находишься! Ты находишься в Лефортовской военной тюрьме! Про Ежова слышал? Нет? Выражение — ежовы рукавицы слышал? Нет? Сейчас услышишь! Знай — я и есть самый настоящий ежовец! Мы — сами себе закон и выше нас только Сталин! Смотри…

Он подошел вплотную и когда охранники крепко скрутили Павлу руки, стал бить его по костям голеней. Боль была такой, что Павел уже ничего не замечал вокруг. А практикант, между тем, быстро расшнуровал и снял с него ботинки.

— Смотри еще, фашистская гадина! Следователь начал топтать каблуками пальцы на его ногах.

— Думаешь все! Нет! Ну-ка, ребята, дайте ему как следует!

Надзиратели зашли сбоку с двух сторон и принялись методично избивать Павла кулаками и ногами. Сначала было больно, потом боль куда-то ушла, и Павел лишь чувствовал, что его как мешок туда и сюда швыряет какая-то сила.

Наконец они устали и отошли. Павел лежал на полу и медленно приходил в себя: боль заметно усиливалась.

— Будешь писать?

Ему казалось, что он сказал «нет», но на самом деле разбитые, опухшие губы не шевелились, глаза заплыли и ничего не видели.

— Ладно. На сегодня с него хватит, — объявил следователь.

Надзиратели накинули его руки себе на плечи и поволокли по коридорам.

— Здорово они тебя обработали, — со знанием дела оценил Ильк, когда его надзиратели бросили на топчан.

Павел медленно приходил в себя. Потрясение начинало сменяться острой болью.

Избиения стали регулярными, периоды отдыха все удлинялись. Павел чувствовал, что он сдает, что еще немного и сердце не выдержит. «Все — дальше смерть, бороться бессмысленно, — подумал он после очередного избиения и прошептал: «Буду писать».

Его тотчас посадили к столу, следователь вложил в пальцы ручку и совместными усилиями они стали выводить заявление наркому внутренних дел о добровольном признании. Через неделю следствие сдвинулось с мертвой точки.

— Так, так! Отдохнул! Прекрасно! — закричал следователь, едва Павла втащили в кабинет. — Теперь будем работать вместе: ты будешь диктовать, а я записывать!

Он позвонил и вошла женщина в белом фартуке.

— Чаю хочешь! С бутербродами!

— Хочу.

— Так, принесите два стакана крепкого чая с лимоном и пять бутербродов. Живо!

Женщина обернулась очень быстро. Пока Павел пил чай с бутербродами, следователь начал заполнять первую страницу формуляра написал фамилию имя, отчество, год и место рождения и все обычные в таких случаях сведенья.

Когда Павел закончил пить чай и они выкурили по папиросе, следователь скомандовал:

— Ну, начинай. Ты говори, а я послушаю. Потом

сформулируем вопросы и ответы, чтобы протокол получился по всей форме. Начинай!

Справа и слева в кабинетах шли допросы: слышались стоны и крики арестованных, рычание следователей. Павел собрался с силами и на вопрос следователя, объяснить, как он был завербован немецкой разведкой, стал диктовать:

— Я был завербован немецкой разведкой летом 1930 года закордонным источником, с которым я был связан по работе в ИНО. Фамилия источника…

— Ты что дурак. Не понимаешь! Фамилия и имя — это секреты органов. Не надо! — закричал следователь. — Укажи только приметы.

— … Ни фамилии, ни клички этого источника я не помню. В памяти я сохранил только следующие его приметы: он бывший моряк, спортсмен, первый закордонный источник ИНО, состоящий на действительной полицейской службе в Берлине…

Следователь вскочил, подбежал к Павлу и зашипел ему в ухо: «Произошло это через месяц после того, как Путна и Никольский привлекли тебя к участию в троцкистской контрразведывательной организации. Понял? Все понял? Так и диктуй!».

— Произошло это примерно через месяц, полтора, — монотонным голосом продолжил Павел, — как Путна и Никольский привлекли меня к участию в контрразведывательной троцкистской организации…

— Так, диктую вопрос, — прервал его следователь. — При каких обстоятельствах вы были завербованы?

Павел подождал, пока он записал в протокол вопрос и начал отвечать.

— Завербован я был при следующих обстоятельствах: во время очередной явки с этим источником, в тридцати километрах от Берлина, в ресторане, у какого-то озера, я начал разговор с того, что источник плохо работает, хотя и имеет все возможности для того, чтобы работать лучше. Он это подтвердил и тут же заявил, что для этого надо, чтобы я платил тем же, что и он. Будет правильно, если я буду работать в пользу немецкой разведки, так же, как он работает на Советский Союз.

— Какое задание он вам поставил?

— Он мне сказал, что сейчас он от меня работы не требует, что хочет только получить мое согласие, работать же надо будет не скоро, так как войны еще не видно, работу от меня потребуют в Советском Союзе в военное время. При этом он всячески доказывал возможность и выгоды этой работы для меня. Я на это не соглашался.

— Кто из ваших сотрудников также был завербован немецкой

разведкой?

— Поскольку я не соглашался, он мне сказал: «Что вы вообще рыпаетесь, ваши начальники уже у нас работают». На мой ответ, что это чепуха, что моим начальником является Ягода, он мне назвал Самсонова и Смирнова Дмитрия, как агентов немецкой разведки, работающих на него.

— Стой! — остановил допрос следователь. — Нужны какие-то конкретные детали того, что они сотрудничают. Ты понял? Есть такие детали? Есть. Ну давай!

— Так как я не поверил, он вынул из кармана лист бумаги размером с четвертушку листа, и спросив меня, знаю ли я почерки подписи Самсонова и Смирнова, на что я дал удовлетворительный ответ, предложил мне прочесть расписку Самсонова, а затем расписку Смирнова. Я не помню точно текста расписок, но смысл был такой: «За работу в пользу германской разведки получил 250 долларов. Самсонов». Аналогичная расписка была и от Смирнова. Расписки были написаны от руки по-немецки Самсоновым и Смирновым, их почерка я узнал и подписи были совершенно точны.

Продолжая меня уговаривать согласиться на его предложение, он снова подчеркнул, что хочет от меня только согласия на работу в пользу германской разведки, а в дальнейшем я получу указания, что мне нужно будет делать. Далее он мне заявил, что по Берлину его ничего не интересует, по Москве я первое время не смогу быть полезными повторил, что я буду нужен в военное время. Заметив мои колебания, он заявил, что если я не дам согласие на его предложение, он меня задержит и заберет с собой в полицию и все равно я от него не уйду. После двенадцатичасового разговора я согласился работать в пользу немецкой разведки, заявив дословно: «Хорошо, поскольку работают мои начальники, я согласен». Получив мое согласие источник предложил мне написать расписку в получении вознаграждения в сумме ста двадцати долларов за то, что я обязуюсь честно работать для немецкой разведки. Расписку я написал по-немецки и подписал ее выбранной мною кличкой Шмидт.

Должен указать на то, что отправляясь на свидание с источником я получил от резидента Самсонова сто двадцать долларов для оплаты ему вознаграждения за его работу. Эти деньги я ему вручил вначале нашего свидания, получив от него соответствующую расписку.

После того, как я был завербован и дал подписку работать в пользу немецкой разведки, источник вернул мне эти 120 долларов, заявив: «Получите обратно ваши деньги». Расписка

источника в получении им денег осталась у меня и была передана мною Самсонову. Когда я дал немцу свою расписку, он сказал, чтобы я указал, кто из чекистов здесь работает. Я ему назвал Самсонова, Смирнова и еще двух человек, не имевших никакого отношения к ОГПУ, на что он мне сказал, что последние не являются чекистами. «Вы не думайте никого обманывать, потому что нам все равно все известно». Затем он спросил меня, кого я знаю из агентов. Я перечислил около десяти человек с которыми я был связан — А/70, А/207, А/56 и других, которых сейчас не помню, за исключением А/26 и А/144.

Он меня спросил, почему я не назвал двух последних и не указал их фамилии. Тут же он меня предупредил, что при выполнении заданий, я должен быть абсолютно честным, так как если я не буду честным, то мне будет хуже и они могут в любое время меня провалить и жалеть меня не будут.

С этим источником я встречался несколько раз, потом после распоряжения Смирнова и Самсонова, я передал его другому сотруднику, фамилии которого не помню. Во время этих встреч никаких заданий он мне не давал, а все время вел разговоры о том, что я буду хорошо законспирирован и что мне никакая опасность не угрожает. При этих беседах я выяснил, что этот источник хорошо информирован о делах резидентуры, он приводил ряд фактов из работы резидентуры, был в курсе ряда заданий, полученных из ИНО ОГПУ.

Дважды или трижды я получал от него те деньги /каждый раз по сто двадцать, которые должны были пойти на вознаграждение этого источника.

Во время последней встречи с ним, после того, как я его предупредил, что он будет передан другому сотруднику резидентуры, он мне заметил, что когда я ему буду нужен, он меня вызовет, а если меня откомандируют в Москву, то я должен его вызвать. В августе 1931 года, перед отъездом в Москву, я ему позвонил и он мне назначил свидание в Берлине в ресторане «Ашингер» на Фридрихштрассе

— Эта встреча состоялась?

— Да, состоялась.

— Какие задания вы получили от германской разведки перед вашим отъездом из Берлина в Москву.

— Источник, который меня завербовал, сказал, что он очень доволен моим отъездом в Москву и что в Москве со мной свяжутся. На мой вопрос о явке и заявлении, что в Москве устанавливать связь довольно опасно, он мне сказал, что получать явки не надо, опасности никакой нет, так как со мной свяжется знакомый мне человек, в распоряжение которого я

должен буду поступить. После этого свидания, через несколько дней я уехал в Москву.

Под утро протокол наконец был закончен. Оба были довольны, картина получилась складная. Следователь уже складывал в стопку документы на своем столе, когда дверь в кабинет растворилась и кто-то вошел. Следователь мгновенно вскочил, щелкнул каблуками и стал докладывать:

— Товарищ народный комиссар, допрос арестованного шпиона Корнеля ведет следователь капитан…

— Признается? — прервал следователя Ежов, подходя к столу.

— У меня все они признаются, товарищ народный комиссар!

— Правильно. В пользу какой державы?

— Германии и троцкистской организации!

Ежов быстро взглянул на Павла, бросил короткое «хорошо» и засеменил из кабинета. Был главный чекист неказист, маленького роста, седоватый, с желтым лицом.

Следователь молча закончил оформление дела, вызвал конвоира и Павла увели.

Неделю его никто не беспокоил. Однажды ночью дверь камеры открылась и раздался окрик:

— Корнель! На выход!

Забыв спросонья о своих вещах, Павел устремился к выходу. Он еще не дошел до дверей, как четыре сильные руки потянулись ему навстречу, подхватили его и выволокли вон. Дверь захлопнулась.

Его потащили куда-то наверх, втолкнули в «черный ворон» и повезли. Везли долго. Наконец машина въехала в какие-то ворота, раздались негромкие голоса, и вдруг резкий окрик:

— Выходи!

Согнувшись, Павел выполз наружу. Брезжил серый рассвет. Вокруг стояли человек десять бойцов с винтовками в руках. Подбежали четверо, торопливо скрутили ему руки назад, пятый стал сзади с наганом в руке, шестой впереди, заложив пальцы в рот, коротко свистнул и все побежали.

По пути попадались рытвины, комья земли. Скоро появился большой выкопанный ров с отвалами по сторонам. За два шага до него конвоиры остановились и выпустили Павла. Он начал медленно распрямляться и в это мгновение задний нажал на курок нагана. Раздался выстрел и судорожно дергающееся тело Павла Корнеля полетело в ров, в братскую могилу…

Вместе с Корнелем из-за границы Ежовым было отозвано около сорока сотрудников иностранного отдела. Все, за исключением пятерых, подчинились приказу Центра и вернулись,

несмотря на то, что предчувствовали, какая их ждет участь. Одни, вроде Малли, отозванного из Англии, хладнокровно ее ожидали; другие полагали, что смогут доказать свою невиновность, какие бы обвинения не выдвигались. Большинство, конечно, могли бы не вернуться. Но они опасались за жизнь родственников, которые согласно чрезвычайного закона, подписанного Сталиным, становились заложниками и могли подвергнуться репрессиям.

В НКВД царило смятение: продолжала литься кровь в подвальных камерах, где десятки оперативников, арестованных и обвиненных в шпионаже, троцкизме и прочих грехах, расстреливались без всякого суда. Уцелеть удалось буквально единицам. Живы остались Зарубины Василий и Лиза, которых спас Слуцкий, отправив в Америку. Отсутствовал в Москве Александр Коротков, выполнявший в Париже боевое задание, плавал радистом на судне торгового флота Павел Судоплатов…

В феврале 1938 года, по завершению Ежовым ликвидации большинства сотрудников НКВД из старой гвардии, народный комиссар перестал нуждаться в символической фигуре Слуцкого. Начальника Иностранного отдела вызвали в кабинет Фриновского, недавно назначенного заместителем главы НКВД. Заместитель Слуцкого, Сергей Шпигельглас, вызванный полчаса спустя, обнаружил своего начальника неуклюже лежащим поперек кресла, а рядом стоял пустой чайный стакан. Фриновский объяснил, ссылаясь на врача, что Слуцкий умер от сердечного приступа.

Сотрудники прибывшие спустя два дня на прощание с умершим в клуб НКВД, обратили внимание на синие пятна на его лице, выступающие обычно при отравлении цианистым калием…

Связка Брайтенбах — Клеменс продолжала успешно работать. Информация… информация… Она была столь обширной в это время. Один раз в неделю Леман приходил после работы, доставал из кармана краткие, наспех составленные записки и начинал диктовать текст очередного сообщения в Москву.

Несмотря на рутинность подобной работы, его присутствие каждый раз волновало Люси, а когда он устремлял на нее свои серые глаза под нависшими бровями, когда она ощущала прикосновение его больших, крепких ладоней, у нее начинали дрожать колени и все ее существо рвалось к нему.

Люси хотелось поговорить с Вилли о своих надеждах, опасениях и сомнениях. Она чувствовала, что он желал близости с ней: стоило ей сказать слово, и он пошел бы на это. Но все, что в ней сохранилось разумного, восставало против такого шага. Не желала она еще теснее связывать себя с ним, боялась и не хотела слишком близких отношений.

В самый разгар своих сомнений, она неожиданно получила письмо от матери, которая болела и давала понять, что им бы не мешало повидаться. Еще не дочитав до конца, Люси уже решила, что поедет к матери. Поездка, считала она, позволит ей хоть немного отвлечься, тем более, что Вилли тоже готовился уйти в отпуск и естественно, поступление от него материалов не ожидалось.

Люси связалась со своим новым куратором Александром из дипломатического представительства и попросила его согласия на поездку. Она рассчитывала провести у матери две-три недели, так что ее отсутствие не отразилось бы на работе агентом.

Она понимала, что это было не лучшее время для отпуска, но выбор от нее не зависел, приходилось приспосабливаться к обстоятельствам.

О своем намерении она решила поговорить с Вилли.

Как обычно она сидела за своим облезлым письменным столом, все с тем же задумчивым выражением лица, положив свои тонкие, красивые пальцы на клавиатуру машинки. Узнав о ее намерении, он заговорил об обычных вещах: каким поездом она собирается ехать, где намерена жить в Париже: в гостинице или у матери. Люси слушала, машинально отвечала на вопросы, но на лице у нее оставалось напряженное ожидание.

Он сказал, что сегодня принес материал, который нужно срочно сфотографировать. Люси поднялась и прошла в угол комнаты, где за ширмой у нее была оборудована фотолаборатория. Слушая Вилли, она спокойными, размеренными движениями приготовила аппаратуру, документы, затем сосредоточилась, отчего ее лицо сразу стало напряженным, и начала снимать.

Через несколько минут она закончила, быстро привела все в порядок и убрала аппаратуру, потом пробежала глазами текст сообщения. Как будто все в порядке.

— Теперь давайте отпечатаем еще одно сообщение, — предложил Вилли. Люси опять села за машинку.

«Источник Рихард Протце: Канарис предпринимает попытку урезать права гестапо, — начал диктовать Леман. — Канарис считает, что необходимо существенно изменить состав руководства тайной государственной полиции. В первую очередь речь идет о таких лицах, как Гиммлер, Гайдрих, Бест и ряд других. Дальнейшее плодотворное сотрудничество вермахта с руководителями гестапо представляется невозможным.

Этот демарш не направлен против института тайной полиции как такового… Можно найти достаточное количество честных и порядочных национал-социалистов, которые выполнят эту

ответственную задачу. Это демарш, но ни в коем случае не мятеж, не военный путч или действие, направленное против партии.

Демарш развития не получил. Ни один из генералов — Браухич, Бек, Рундштедт, Бок, Лист, Кейтель, повторяю, ни один из генералов не решился воевать с такой организацией, как гестапо.»

— А теперь все, — закончил Вилли.

— Уже поздно, — заговорила Люси — Мне пора собираться, документы надо передать, а потом упаковать вещи.

Люси вежливо провела его до дверей, и они пожали друг другу руки.

В автобусе, по дороге домой, он сидел и размышлял: «Мне уже пятьдесят четыре, за свою жизнь я желал многих женщин. И они были у меня, интересные, привлекательные. Есть одна и сейчас, Флорентина. А я лишь только расстался с этой девчонкой, как уже чувствую, что тоскую по ней, словно мальчишка. И что за характер дурацкий у меня!»

Он всегда считал, что самоотверженная любовь — это бессмысленная болтовня, что ее не существует, что это лишь изобретение глупых поэтов, на самом же деле нельзя никого любить, кроме самого себя. В его теорию, правда, не вписывалась Флорентина, уж она то любила беззаветно. Но это женщина, а он мужчина! И вот на тебе, тоскует по этой девчонке и не в состоянии вычеркнуть ее из своей жизни.

То, что она хочет уехать куда-то в Париж, еще ничего не значит. Она просто не хочет сдаваться, очень горда, хотя и не немка. Может этим она так и привлекает? С этими мыслями Вилли добрался до дома. Маргарет заметила, что в этот вечер он был необычно задумчив и рассеян. Расспрашивать она не стала, полагая, что по всей вероятности, это сказывается усталость от работы.

Уже было довольно поздно, когда Люси, передав материалы Агаянцу, наконец добралась до своей квартиры. Чувствовала она себя смертельно усталой и совершенно разбитой.

Она вошла в спальню, медленно разделась, потом налила чашку чая, однако пить его не стала. Просидев в пижаме бесцельно около часа, она наконец легла в постель. Но сон не приходил.

Как долго все это будет продолжаться, она не знала, а говорить ни с кем не решалась. Ей безумно хотелось все бросить и бежать из Берлина хоть на край света. Но она понимала, что стоит ей только поднять этот вопрос перед Агаянцем, как он начнет настаивать, чтобы она осталась, приводить различные доводы, и она даст себя уговорить, и все пойдет по-прежнему.

Нет, она, видимо, всю жизнь будет связана с этим подпольем и ей уже никогда из него не вырваться!

Перед глазами опять встал Леман. Этот раз он как обычно, сухо, буднично, стал рассказывать об обстановке в стране, но вдруг сорвался, заговорил о многочисленных арестах гестапо, об исчезновении многих и многих, о том, что законность в Германии уничтожена, а право попрано.

Люси взволнованно слушала. Все это было ей неизвестно. Немногие в Германии знали о таких событиях, хотя они подчас происходили тут же, рядом, в соседней квартире. Лишь только пострадавшие, только противники нацистов знали о них, а миллионы немцев ничего не подозревали и не хотели верить, когда им говорили об этом.

Она понимала, что Леман варился в этом котле, постоянно рисковал и единственным человеком, с которым он мог выговориться и хоть как-то разрядиться, была она, Люси. Он не скрывал и прямо ей говорил, что она, женщина необыкновенно духовно чистая и внешне привлекательная, по его мнению, отличается удивительной стойкостью. Сохранять самообладание, неуклонно следовать требованиям конспирации, ни разу не дрогнуть перед лицом постоянной угрозы ареста, когда гестапо могло прийти в любое мгновение — это был подвиг особого свойства. Он ей верил и знал, что она пойдет до конца.

Люди, не испытавшие ужасов гестапо, не могли их себе представить, а Вилли видел их постоянно. Он знал, что во втором отделе Мюллер создал специализированное подразделение по «форсированным допросам», укомплектованное садистами по призванию, вооруженное наборами инструментов для изощренных пыток своих жертв.

Вилли не говорил об этом Люси, поскольку берег ее и считал, что сделает все мыслимое и не мыслимое, чтобы не допустить ее ареста.

Нет, ей определенно нужно на время сменить обстановку. С этими мыслями она уснула…

Люси застала мать уже оправившейся после болезни, но еще слабой. Она очень постарела, стала ворчливой и постоянно жаловалась на жизнь. Недовольство своим положением сделало ее враждебной к нацистам. Целые дни она ворчала по поводу жизни в Германии и все донимала Люси вопросами, почему она там сидит.

Во Франции Люси тоже не нашла покоя, хотя очень на это надеялась. Она утратила наивную уверенность ранней молодости и здесь свою беспомощность ощущала еще острее, чем в Берлине. Она ходила по знакомым улицам, но они уже не радовали ее.

Собор Парижской богоматери, кавалерийская академия, здания, возведенные иезуитами, дома ее знакомых — все потеряло прежний облик, казалось безвозвратно ушедшим в прошлое.

Однажды она проходила мимо Центрального рынка. Это был час, когда торговля уже заканчивалась. Люси шла мимо цветочного ряда. Последние цветочницы складывали свои опустевшие корзины. Подметальщицы собирали в кучи остатки раздавленных и поломанных стеблей и опавших лепестков, смешанных с пылью, забрызганных грязной водой. Кисло-горький запах увядшей зелени смешивался с витающим под стеклянными сводами ароматом цветов, целый день отдававших свои испарения этим стенам, этим камням и этим корзинам. Ведь с раннего утра нагруженные цветами тележки подъезжали сюда со всех улиц, примыкающих к рынку. Прямое дыхание роз, едва уловимый запах резеды, аромат левкоев и душистого горошка — все это сладким туманом висело над цветочным рынком. Отсюда эти ароматы растекались вместе с возками торговцев, с корзинами цветочниц по всем бульварам, площадям и улицам Парижа. Где бы парижанин не захотел купить цветы — у входа в кафе или на паперти храма, под навесом газетчицы или у Палаты депутатов — их источником был Центральный рынок.

С детства Люси сохранила нежную любовь к цветам. Она любила смотреть как женщины деятельно сортируют только что привезенные цветы, как их про верные руки с нежностью, неожиданной для торговок, разбирают тонкие стебли, с какой ловкостью опрыскивают водой огромные разноцветные пучки.

Она остановилась внезапно, словно кто-то схватил ее за руку. Несколько мгновений Люси стояла в растерянности, глядя на торговок, словно не могла понять, где она находится. Потом вошла под стеклянный свод и, шагая через струйки грязной воды, двинулась вдоль ряда. В самом конце она остановилась. С недоумением и даже как будто со страхом она глядела, как торговка, еще утром с такой нежностью разбиравшая ароматные пучки, теперь безжалостно кидала остатки непроданного и увядшего товара в корзину.

Так Люси стояла несколько мгновений, потом подошла к женщине и, протянув ей пять су, сказала:

— Прошу вас, мадам, несколько цветов.

— Мадмуазель, они совсем завяли…

— Ничего… право, это ничего не значит… Прошу вас.

Это было сказано так мило, с такой нежностью, что торговка посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

— Господи, да берите сколько хотите! — воскликнула она. — Нет, нет, деньги мне не нужны… Берите. — И она с безжалостной

деловитостью профессиональной торговки опрокинула к ногам Люси корзину. — Все пойдет на помойку.

Люси аккуратно выбрала небольшой букет любимых цветов.

Дни тянулись на удивление медленно. Люси чувствовала себя в Париже совсем одиноко, но выехать в Берлин все не решалась. Ей было страшно вновь возвращаться в эту атмосферу, постоянно ощущать опасность, держаться настороже, бояться людей. Однако ее влекло к Леману сильнее, чем когда-либо, но она боялась самой себя.

Но наступил момент, когда ей стало стыдно за свою трусость. Она не забывала слова Кочека, сказанные им перед отъездом, что он очень надеется на нее, что она будет верна своему слову и не подведет.

И она решила вернуться. В Берлин она приехала серьезной, немного усталой и сразу же позвонила Агаянцу. Разговор был краток — она сказала лишь условную фразу. Люси вышла из будки удовлетворенная и оглядела улицу. Не было видно даже шупо.[38] В этих кварталах жизнь затихала на несколько часов, немногие из обитателей фешенебельных квартир сидели сейчас дома: все разъезжались по клубам и ресторанам. Только под утро они начнут возвращаться. А сейчас, в эти вечерние часы, улицы Вестенда[39] были пустынны. В арках ворот шупо флиртовали с горничными. Изредка слышались неторопливые шаги ночного сторожа в сапогах, специально подбитых каучуком, чтобы не беспокоить хозяев особняков, когда те спят. Быстрым движением луч карманного фонаря проходил по замкам чугунных калиток. Едва слышно звякали ключи в руке, проверяющей запоры.

Люси взглянула на часы и забеспокоилась. Времени до назначенной встречи оставалось в обрез, а путь был не близкий…

Деревья проплывали в свете фар ажурными золотыми башнями. Ввиду холодной весны, листва еще не успела полностью распустится. Агаянцу казалось, что густой аромат цветения проникает даже к нему в кабину автомобиля. Александр любил весну, любил ее запах, любил эти глухие уголки Грюневальда, Но сейчас его внимание было сосредоточено на том, чтобы не проскочить условленное место встречи. Он напряженно следил за поворотами, в которых мог разобраться лишь человек, хорошо знающий эти места.

Перекрестки были донельзя похожи один на другой, и у Агаянца уже несколько раз закрадывалось сомнение: не пропустил ли он тот перекресток, где следовало повернуть, чтобы выбраться в нужную часть леса?

Нет, он не ошибался! Рука уверенно повернула рулевое колесо, и машина углубилась в узкую, темную просеку. Агаянц

выключил дальний свет, оставив только одну, противотуманную фару, дававшую короткий, широкий пучок света. Александру нужно было фиксировать обочину дороги.

Наконец-то! Наконец вот она. Люси! Он сразу заметил ее тонкую фигурку, прильнувшую к стволу огромного дерева.

Первым желанием Агаянца было нажать педаль тормоза, выскочить из машины и приветствовать Люси. Ему показалось, что он не видел ее так много времени.

Но он тут же взял себя в руки: молодец Люси! Она даже не пошевелилась когда он проезжал мимо. Только он, знавший, что она его тут ждет, и мог различить ее, прильнувшую к дереву фигурку в мгновенно промелькнувшем луче фары. Никто другой и не заметил бы. Молодец, молодец Люси — ни одного движения. Железная выдержка!

Агаянц погасил свет и проехал еще метров тридцать, потом остановился. Когда его глаза привыкли к темноте, он еще некоторое время приглядывался к дороге, стоял и прислушивался. Наблюдение могло быть и за ним и за нею. Ни один из них не должен был подвести другого. За ним можно было вести слежку только на автомобиле, он тщательно проверился и за себя был спокоен. А у нее? Смешно! Разве Люси находилась бы тут, разве она стала бы его ждать, если бы допустила хотя бы малейшее подозрение, что за нею ведется слежка?

Агаянц решительно зашагал в сторону, где заметил спрятавшуюся Люси. И вот она перед ним, в темном костюме, из под косынки выбились темно-русые, густые волосы. Они взяли друг друга за руки и мгновение оба молчали. Она заговорила первой, сразу же заявив: готова продолжать работу. Потом рассказала о своем пребывании в Париже, о местах, которые посетила и которые он тоже хорошо знал, поскольку в Берлин был переведен из Парижа, города, который очень полюбил.

Люси дала понять, что нуждается в деньгах, необходимых ей на лечение матери. Он обещал помочь, и они перешли к обсуждению деловых вопросов.

— Обрати внимание Вилли на Чехословакию, — сказал Агаянц. — Германская пропаганда в последнее время рьяно разжигает ненависть к этой стране и призывает к войне.

— Неужели и теперь западные страны будут молчать? — спросила Люси.

— Французы как будто собираются Праге помочь если, конечно, Англия будет солидарна. В Лондоне полагают, что в действиях судетских немцев есть своя логика и Праге надо пойти на уступки.

— А как же нацисты?

— Нацисты намерены поддержать массовые выступления судетских немцев 22 мая, в день муниципальных выборов. Попроси Вилли срочно проверить эту информацию.

Люси подставила циферблат ручных часиков слабому освещению месяца, прорвавшемуся сквозь облака и вершины деревьев.

— Ого!.. Пора двигаться! Пока доберусь!

— Садись в машину, я подвезу…

Она в испуге отпрянула:

— Что ты!

— Я хочу подвезти тебя…

— В своем автомобиле с дипломатическим номером?!

— Тем в большей безопасности ты будешь эти десять минут. Кому придет в голову…

Она не слушая, перебила:

— А если придет, если уже пришло? Если кто-нибудь узнает меня на первом же световом перекрестке? — Люси заметно волновалась. — Позволить им поймать меня в твоей машине? Допустить провал из-за нескольких минут моего страха?! Ты подумал, чем это грозит?

Агаянц улыбнулся, взял руку Люси и прижался к ней своими губами.

— Извини, ты не поняла. Я хочу высадить тебя на выезде из леса. Тут ничего опасного не будет…

Она нехотя позволила усадить себя на заднее сиденье.

Люси благополучно выбралась из леса и села в первый же трамвай. В центре города она сделала пересадку и спустя несколько минут, стоя на задней площадке, заметила, что за трамваем, как тень сворачивая и останавливаясь, следовала небольшая черная автомашина, не отставая больше, чем на двадцать-тридцать метров, но и не приближаясь вплотную.

Люси так устала за этот день, что не было сил даже разволноваться. Она отстранение наблюдала за этой автомашиной и не пыталась ничего предпринимать. Кровь пульсировала в висках, и она чувствовала себя так, будто огромная тяжесть свалилась ей на плечи. Не было ни сил, ни желания размышлять, что будет дальше. Вот почему, когда произошло чудо, она его даже не заметила.

Первым, что постепенно проникло в ее оцепеневшее сознание, была мысль об отсутствии черной автомашины. Она тупо продолжала смотреть в заднее стекло трамвая, потом спохватилась и оглянулась, желая проверить, что делается вокруг нее. В полупустом вагоне несколько пассажиров мирно дремали. Все было спокойно.

Трамвай уже отъехал метров сто от места происшествия. Вылетевший из Соковой улицы на большой скорости грузовик, пересекая улицу, зацепил задним колесом за передок черной легковой автомашины. Из кабины сразу же повыскакивали люди, но все они быстро уменьшались в размерах.

На первой же остановке Люси вышла и сразу нырнула в темный переулок. Оглянулась. Вокруг было тихо, из трамвая вместе с нею никто не выходил.

Спустя еще час она вошла в свою квартиру. Закрыв за собой дверь на защелку, она медленно опустилась на кровать и несколько минут сидела совершенно неподвижно. Потом встала, налила из графина в стакан воды и взахлеб выпила. Потом Люси медленно разделась, лениво вымылась теплой водой, насухо вытерлась большим полотенцем, надела свежую ночную рубашку, расчесала волосы и легла в кровать. День начал отступать, тускнеть, расплываться…

Когда Люси проснулась, было около восьми часов утра, и, выплывая из теплого забытья, она сначала не могла понять, где находится.

Люси еще немного полежала, наслаждаясь мягкой постелью, потом встала и не спеша стала одеваться. Она проголодалась и решила сначала купить какой-нибудь еды и спокойно поесть у себя на кухне, но потом передумала. Все равно придется отлучаться за покупками, а раз так, то с таким же успехом можно пойти в кафе. Берлин большой город, и она всегда найдет маленький ресторан, где ее никто не увидит, и там пообедать. Потом под вечер она позвонит Леману и даст знать, что приехала.

Она вежливо поздоровалась с соседкой, встретившейся ей на лестнице, потрепала ее рыжего кота и вышла на улицу. Было все еще тепло, на тротуарах лежали длинные тени. Чувство крайней усталости прошло, оставив после глубокого сна ощущение полной нереальности, как будто она двигалась без всякого усилия, не чувствуя веса собственного тела. Мимо шли люди, с грохотом проносились автобусы, автомашины, но это не имело никакого отношения к миру, в котором она находилась.

Она зашла в первое попавшееся кафе и заказала кофе с булочкой. Потом пошла в кинотеатр и посмотрела легкую комедию с Марикой Рокк в главной роли.

Когда Люси вышла из кинотеатра, уже начинало темнеть. На улицах зажгли фонари, город начинал готовиться к ночной жизни. Она зашла в магазин, купила необходимые ей продукты и выходя, увидела Лемана.

Вилли стоял на тротуаре и было такое ощущение, что он ожидает ее уже длительное время. От неожиданности, она

растерялась.

Он молча подал ей руку и они пошли рядом. Мимо проходили люди, изредка задевали их, даже иногда толкали, но Люси их не видела. Она смотрела на все словно через темное стекло, их голоса доносились откуда-то издалека, казалось, что она была одурманена. Единственными звуками, которые она воспринимала, были их шаги по булыжной мостовой и дыхание Лемана рядом с нею.

Нам надо где-нибудь поговорить, — мягко сказал он. Ее глаза наполнились слезами от пережитого страха и усталости. Она чувствовала, как слезинки медленно текут по щекам.

— Боже милостивый, — сказал наконец Вилли. Он увидел ее слезы.

— Ты испортил мне отдых, о котором я так давно мечтала, — неожиданно вырвалось у нее.

После этой глупости она окончательно сломалась и беспомощно заплакала, закрыв лицо руками, а слезы просачивались между ее тонкими пальцами. Ничего не видя, она отвернулась от Лемана, споткнулась о рельсы трамвая и, наверное, упала бы, но он подхватил ее под руку и удержал.

Голос его дрогнул, когда он стал говорить:

— Тебе станет лучше, когда ты подкрепишься. Пойдем!

Они зашли в маленький приятный ресторанчик со столиками в глубине ниш, освещенных мягким светом ламп. Люси растерянно смотрела на скатерть, бокалы, цветы в вазочке, потом он усадил ее в удобное кресло у стены и протянул бокал. Ее рука еще дрожала, и он поддерживал бокал, пока она не пришла в себя настолько, что могла сама поднести его ко рту.

Она слышала такой знакомый ей ласковый голос, звучащий, словно откуда-то издалека:

— Выпей это. Тебе станет легче.

Люси сделала несколько больших глотков. Это было что-то крепкое, оно немедленно превратилось в ароматное тепло. Она стала ловить ртом воздух, но скоро дыхание восстановилось, и Люси обнаружила, что перестала дрожать и всхлипывать.

— Все до конца, — настоял Билли.

Она повиновалась и откинулась на спинку кресла с закрытыми глазами, позволив своему телу полностью расслабиться, ощущая, как медленно растекается тепло от выпитого, чувствуя запах еды, коньяка и цветов. Все ее тело как будто размякло, и ее охватило чувство блаженства от этого полулежания на мягком бархате, от рассеянного света на ее веках, от полной бездеятельности и бездумности.

Все из того же далека Люси услышала, как он что-то говорил,

наверно, заказывал еду. Утолив голод, Люси взглянула на Лемана, сидящего напротив. Опустив голову, он разглядывал вино на дне своего бокала. Свет от лампы падал на его скулу и подбородок, на красивую линию виска, бросая косую тень от опущенных ресниц Вилли на твердый абрис щеки. И первое, что поразило ее, была глубокая грусть на этом лице, именно она, а не суровость черт, образовала эти глубокие морщины на его щеках и придала его глазам такой мрачный вид. Пока он сидел с опущенной головой, рассеянно играя пустым бокалом, выражение лица было бы суровым и неприятным, если бы не его рот. Это был рот человека, которого постигло несчастье.

Неожиданно он поднял голову и посмотрел на Люси. Она почувствовала, как беспокойно забилось ее сердце, но она сумела выдержать его взгляд.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

— Намного лучше, спасибо. Очень благородно с твоей стороны спасти потерпевшего крушение. Я, должно быть выгляжу, как…

Он неожиданно рассмеялся.

— Ты действительно чувствуешь себя лучше, раз начала беспокоиться о своей внешности. Пусть это тебя не тревожит. Ты выглядишь прекрасно, уверяю тебя, особенно после отпуска.

Он зажег сигару, и внезапно глаза его стали серьезными, когда он сказал:

— Меня приняли в члены НСДАП и повысили в звании. Теперь я стопроцентный нацист. Уклоняться от вступления, тем более, когда партия сама настаивает — невозможно, если не сказать больше — опасно!

Он опять замолчал и стал рассматривать свой бокал. Она не могла видеть его глаз, но под его внешним спокойствием чувствовалась такая решимость, что ей стало страшно.

— А за мной вчера, кажется, была слежка, — неожиданно для нее самой вырвалось у нее.

— Когда это случилось? — насторожился Вилли.

— Вчера вечером, когда я возвращалась домой после встречи с Александром. Мне кажется, что это случайность. Чем-то я им не понравилась, — улыбнулась Люси. — Признаюсь, я здорово испугалась.

— Испугалась? — он резко поставил бокал на стол и сжал ладони в кулаки. — А что было потом?

— Они меня потеряли, — беззаботно заявила Люси. — Случилось дорожное происшествие. Пока они разбирались с грузовиком, который наскочил на них, мой трамвай ушел.

— Тебе здорово повезло, — сумрачно заметил он. — Впредь

надо быть более внимательной.

Леман взял в рот свою сигару, сделал пару затяжек, потом заговорил о том, что ситуация осложняется и им предстоит много работать.

Недавно Гитлер выступил в рейхстаге с речью, из которой следует что Германия в ближайшее время займется проблемами судетских немцев в Чехословакии. СД там активно работает уже с лета. Нацисты проникли в спортивные клубы, ассоциации музыкантов и хористов, общества ветеранов войны. Они выявляют противников германской аннексии и собирают документацию о политическом и военном положении страны. Дело идет к захвату Чехословакии

Появился кельнер с улыбкой на лице.

— Госпоже понравился обед? Господин хорошо поел?

Леман заверил его, что все было превосходно, и, расточая улыбки, кельнер подал счет. Вилли мельком взглянул на него, достал несколько банкнот и сунул ему не глядя. Потом он нерешительно посмотрел на Люси.

— Я понимаю, не имеет смысла говорить, что я прошу прощения за свое поведение, — сказал он. — Но, хотя эти слова не могут передать мои чувства, я все-таки прошу у тебя прощения. Я вел себя как последний идиот. Я должен был сразу понять, что такая женщина, как ты, имеет особые взгляды на жизнь. Я обещаю больше не беспокоить тебя.

В неярком свете его лицо казалось бледным и напряженным.

— Что касается того, что имело место, — сказала Люси, — давай забудем об этом. Видимо, не ты один совершаешь ошибки, и я, возможно ошибалась еще больше.

— У тебя больше и оправданий.

Он улыбнулся своей теплой улыбкой, и Люси, к своему удивлению, улыбнулась в ответ.

Они вышли на темную улицу, и он помог ей сесть в такси, на следующей неделе они договорились начать обычную работу…

Связка Брайтенбах — Клеменс возобновила свою деятельность в прежнем ритме. Вот и сейчас в точно обусловленное время раздался стук в дверь, и Люси пошла открывать. Пришел Леман. Люси видела непритворную радость от встречи на его мужественном, энергичном лице, чувствовала ее в его крепком рукопожатии.

Она сдержанно поздоровалась, и заговорила обычным, дружеским тоном.

— Вилли, тебе письмо из Москвы. Из отпуска вернулся Александр, он его привез.

Люси протянула ему конверт. Он молча распечатал письмо,

быстро его прочитал, улыбнулся и сказал:

— Послушай, что мне пишут.

«Дорогой друг! — начал он негромко читать. — Шлем вам сердечный привет, наилучшие пожелания и просим вас быть спокойным и твердым. В нашей связи с вами могут быть, разумеется, трудности и неточности, но вы никогда не должны огорчаться из-за этого. Мы постоянно о вас думаем и с нашей стороны сделаем все, чтобы ваша работа была по возможности плодотворнее и регулярнее.

Ваши материалы ценные, и мы уверены, что вы ничего не упускаете, чтобы давать нам еще больше. Продолжайте работать смелее и с большей уверенностью. Берегите свое здоровье. Еще раз желаем вам счастья. С сердечным приветом. Ваши друзья».

— Вот видишь, это писал Ярослав, я уверен! Все это в полной мере касается и тебя!

Он, видимо, ожидал, что она тоже обрадуется этому письму, подумал, что она вскинет на него глаза, сияющие восторгом, и они вместе порадуются.

Однако этого не случилось. Более того, Люси стала вести себя сдержанно, даже замкнуто. «Ничего не скажешь, она мастерски умеет отравить любую радость», — подумал он, но вслух ничего не сказал.

А для него это письмо было очень важным: по существу Центр благодарил его за стойкость и самоотверженность, проявленную им, да и Люси тоже, когда Александр, их не предупредив, внезапно выехал в Москву, да еще там задержался.

И вот лишь теперь, в ноябре 1938 года, все участники разведывательной группы опять заняли свои боевые посты.

Но Люси все таже. Она с ним мила, мирилась с его настроениями, даже бывала предупредительной, не высказывала при этом никаких упреков. Ее поведение порой просто бесило Вилли. При всей своей смелости и многоопытности в отношениях с женщинами, на этот раз он испытывал неуверенность. Ему хотелось, чтобы она сама сделала первый шаг, или хотя бы как-то намекнула ему, но ничего подобного она не совершала. «Очевидно ее удовлетворяют наши теперешние отношения, — размышлял он. — Я ведь чувствую, что она тоже ко мне не равнодушна, но пойти на близость, принадлежать мне — не решается. За всей ее ласковостью и дружелюбием скрывается недоверие и осторожность. Возможно, это от того, что она не немка, а может это связано с работой, которая нас связывает».

Между тем, их сотрудничество шло свои чередом. Однажды, не удержавшись, он спросил ее напрямик:

— Ты веришь мне? — голос его звучал вызывающе, — ты

веришь, что как бы не сложились обстоятельства, я никогда тебя не подведу. «Что я люблю тебя,» — чуть не сорвалось у него с языка.

Но лишь чуть печальная улыбка озарила ее лицо.

— Не знаю, — неуверенно проговорила она своим мелодичным голосом, который так его всегда волновал, и тон, которым она произнесла эти два слова, усталый, уклончивый, остудил его пыл сразу и бесповоротно.

— Но ты же сама видишь, — больше по инерции настаивал он. — Я рискую так же, как и ты. В этой обстановке мы можем полагаться только на себя, значит должны быть едины во всем!

— Не в этом дело, — отмахнулась она. — Суть не в том. — Сделав небольшую паузу, она решительно заключила. — Там, где начинается близость между мужчиной и женщиной, там кончается серьезная работа. Обстановка не позволяет нарушать правила.

А еще через мгновение добавила:

— Не смотри так на меня. Довольствуйся тем, что я принимаю тебя таким, какой ты есть. — И не без горечи добавила: — Я тоже вынуждена этим довольствоваться. Так сложилась наша жизнь…

Весна выдалась необыкновенно теплая, распустилась сирень, в цветочных магазинах появились первые цветы.

В воскресенье Вилли встал пораньше, позавтракал и собрался за город, намереваясь заняться мелкими хозяйственными делами на участке своего загородного домика. Маргарет уже вышла: надо было купить продукты, чтобы успеть к его отъезду приготовить ему чай и бутерброды.

В прихожей раздался звонок. Вилли подумал, что это звонит жена, поскольку забыла дома ключи, и не спеша направился к двери.

— Ты?! — удивленно вырвалось у него, когда открыв дверь, он увидел на лестничной площадке Эрнста Кура. — Откуда ты здесь появился?

Они не виделись уже несколько лет и внезапное появление Эрнста ничего хорошего не сулило.

— Можно войти? — неуверенно спросил Эрнст.

Вилли молча отступил в глубь прихожей. Он сразу же заметил, как сильно изменился Эрнст: постарел, держался неуверенно и как-то робко.

Они вошли в комнату и едва присели за стол, как Эрнст спросил:

— Как поживают твои друзья? Ты с ними видишься? Вилли внимательно посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

— Друзья?.. — он помедлил и тяжело вздохнул: — друзья… Кого же ты имеешь ввиду?

Тон, которым он произнес слово «друзья», и его выражение лица заставили Эрнста подавить желание задавать множество вопросов. После некоторого колебания, он все-таки решился:

— Ну хотя бы Карла, с которым мы оба работали. Ты с ним встречаешься?

Вилли не ответил, потом он поднялся и направился в кухню, чтобы приготовить Эрнсту что-нибудь перекусить. «Тоже мне друг, — подумал он нарезая хлеб для бутербродов. — Хотя бы поинтересовался моим здоровьем или здоровьем Маргарет».

Поведение Вилли показалось Эрнсту странным. Ведь они были в прошлом больше чем друзья, а если учесть их многолетнее совместное сотрудничество с советской разведкой, то они представляли собой нечто вроде семьи, члены которой были близки друг другу. Он помнил, как раньше, после разлуки, они всегда радовались встречи друг с другом, охотно обменивались новостями, весело проводили время. Отчего же сейчас такая холодность и отчужденность?

Вилли вернулся из кухни с подносом, на котором на тарелке были аккуратно разложены бутерброды, потом достал из буфета бутылку водки и одну рюмку. Придвинув ее поближе к Эрнсту, он наполнил ее до краев.

— Выпей, — сказал он, — я сейчас уже совсем не пью, болезнь.

Эрнст молча выпил и нехотя стал жевать бутерброд. Его тоже поразили перемены в Вилли: исчезли характерная для него жизнерадостность, приветливость, погасли искрящиеся раньше живостью серые глаза, исчезла энергичная жестикуляция — он стал вялым и медлительным. Эрнст невольно вспомнил, как любили они раньше выпить и поговорить о женщинах.

Теперь различия во внешнем виде друзей стали особенно поразительными. Эрнст, живой и подвижный, похудел, глаза запали, длинный нос навис над губами, волосы, коротко стриженные, стали неопределенного цвета.

Вилли по-прежнему оставался плотным, крепким мужчиной, но густые брови, две глубокие складки на щеках, тяжелый подбородок делали его лицо суровым и неприветливым.

Они сидели уже около получаса, но Вилли упорно молчал и не желал проявлять никакого интереса к жизни Эрнста. Тогда он начал рассказывать о себе сам.

— После того, как мы с тобой расстались, — говорил он монотонно, — они помогли мне наладить дело. Я «вошел в долю» и стал совладельцем небольшого кафе. Но вот незадача! На жену

поступил в гестапо донос о том, что она распространяет журнал МОПРа. У нас на квартире был обыск, правда, ничего не нашли…

— Об этом я слышал, — перебил его Вилли. — Что было потом?

— Потом жену уволили из больницы. Она спохватилась, пыталась поступить в ячейку НСДАП при больнице, но это не помогло. На работе ее не восстановили…

— Чем же она занялась?

— Русские друзья приобрели ей мелкооптовую лавку электротоваров. Но у нее не было коммерческой жилки, она прогорела, залезла в долги и пыталась с собой покончить.

— Да, тебе не позавидуешь, — посочувствовал Вилли.

— В июне 1937 года русские друзья неожиданно предложили мне перебраться в Швейцарию. Ничего толком не объяснили. Торговую точку в Берлине пришлось ликвидировать.

Эрнст замолчал, ожидая, что скажет Вилли, но тот внешне оставался безучастным.

— Мне было категорически запрещено появляться в Берлине, — продолжил Эрнст, — мне дали адрес в Москве, по которому я мог написать в случае крайней необходимости. С работой в Швейцарии у меня не ладилось.

— И как же ты жил?

— Деньги регулярно мне переводили через Лондон. Я освоился и начал выполнять поручения в Швейцарии. Однако связь со мной неожиданно прервали и вот, с января, этого года я сижу в Берлине и не знаю, что мне делать! Вилли, прошу тебя, помоги, ты ведь с ними связан!

— Эрнст, я же тебе еще в тридцать седьмом пояснял, что у меня с русскими связи нет, понимаешь, нет! Меня бросили так же, как тебя! Искать с ними связь сейчас крайне опасно. За мной периодически выставляют наблюдение, нас постоянно проверяют, за малейшую провинность могут отправить в концлагерь без суда и следствия!

Вилли заметно забеспокоился, встал и начал ходить по комнате. Потом выдвинул ящик письменного стола, вынул оттуда «вальтер» и повернулся к Эрнсту:

— Они живым меня не возьмут!

Потом опять опустил «вальтер» в ящик и уже спокойно продолжил:

— Почему я так сказал? Ну что ж, приятель, мы вместе пережили трудные времена. Но согласись, это были и прекрасные времена! Помнишь, как мы защищали революцию в восемнадцатом! А сколько вынесли документов, сколько спасли людей в тридцатом, тридцать третьем! Я надеюсь, что ты этого не

забыл?

Кто, кто, а Эрнст конечно не забыл… Это были времена, когда они были еще молоды, беспечны и не задумывались о завтрашнем дне. Они считали, что могут достойно выйти из любого положения.

— Обо мне, приятель, не волнуйся, — продолжил Вилли, и глаза его лихорадочно блестели. — Я не буду ни в чем сознаваться, у меня будет время подумать о себе!

— Я буду себя вести, как ты скажешь, — смиренно напомнил о себе Эрнст — Что мне посоветуешь?

— Поскорее убраться из Берлина, пока тебя не арестовали. Твои старые друзья сделают это с большим удовольствием. Не думай, Заломона они не забыли и твою жену тоже. Террор разбил в стране дружеские привязанности и вынуждает немцев жить в пустом пространстве. Сейчас все друг друга бояться и с удовольствием пишут друг на друга доносы. Мы буквально ими завалены.

Вилли закурил свою любимую сигару.

— Убраться, но куда? И как я буду существовать без денег? С женой мы расстались, по существу в городе кроме тебя у меня никого нет.

Вилли сделал две глубокие затяжки, подумал и сказал:

— Я полагаю, что тебе нужно вернуться в Швейцарию и написать оттуда письмо в Москву. Денег, марок триста, я тебе дам, на первых порах этого достаточно, а там, возможно, и русские с тобой свяжутся. Ты поступил опрометчиво, уехав из Швейцарии и не выяснив, почему русские перестали переводить тебе деньги.

В это время из прихожей донесся шум отворяемой двери. В квартиру вошла Маргарет, с сумкой и пакетами в руках. Увидев Эрнста, она совершенно не удивилась, молча кивнула ему головой и направилась на кухню.

— Извини, Эрнст, — сказал Билли, — но тебе лучше уйти. За мной могут следить, и я не хочу, чтобы у нас обоих были неприятности.

— Это, серьезно? — забеспокоился Эрнст.

— Да нет, просто плановые проверки. Но тебе попадать в поле зрения гестапо ни к чему.

— Может встретимся вечером, выпьем пива? — робко спросил Эрнст.

— Нет, приятель, сейчас не то время. Лучше послушай меня и побыстрее уезжай из Берлина.

Вилли вышел в прихожую проводить Эрнста и там, быстро, чтобы не видела Маргарет, сунул ему в руки деньги.

«19.04.1939. Берлин, тов. Рубену. Совершенно секретно.

Если Брайтенбах не фиксирует за собой наружного наблюдения, связь с ним можете возобновить со всеми предосторожностями.

Хорошо, что А/70 уехал из Берлина. Деньги в Швейцарию ему переведены.

Брайтенбаху дайте задание представить схему организации новой структуры РСХА с описанием функций отделов и характеристиками руководящего состава.

Если он имеет возможность, пусть сообщит нам характеристики подсобных организаций немецкой военной разведки, работающей под прикрытием различных торговых организаций и союзов.

Систематически информируйте нас о подготовке Германии к нападению на Польшу и других агрессивных мероприятиях, в первую очередь на Востоке.

Павел.[40]

Это было последнее указание Центра, которое Александр Агаянц передал через Клеменс источнику Брайтенбаху.

Люси, одетая в темный, дорожный костюм, открыла дверь своей квартиры на Нюренбергштрассе. Она устала и чувствовала себя совершенно разбитой. На всякий случай она посетила место обычной встречи с Александром, надеясь, что может что-то перепутала и он все-таки придет. Битый час она ожидала его в кафе, но он так и не пришел.

— На прошлой встрече они договорились, что в случае опасности они встречаться не будут, а он направит ей письмо, в котором укажет, как ей действовать в дальнейшем. На самый крайний случай он дал ей адрес Артура, к которому она может обратиться и он передаст ей все необходимые инструкции.

— Обстановка в Берлине сложилась напряженная. Леман предупредил, что гестапо интересуется всеми иностранцами и периодически ведет за ними слежку. Видимо, ею тоже уже интересовались, потому что поведение соседей стало настороженным и они явно избегали с нею общения.

В почтовом ящике Люси нашла несколько писем, но от Александра ничего не было. Вероятно, подумала она, он из осторожности решил послать ей весточку окольным путем, а может письмо просто задержалось на почте. Придется, видимо, еще подождать день-другой, пока придет от него какое-нибудь известие.

Люси быстро разделась и легла в постель, должно быть, она

спала три или четыре часа, потому что, когда проснулась и повернула голову к окну, то увидала еще не рассвет, а рассеивающую темноту. Она зажгла свет и посмотрела на часы. Они стояли. Люси забыла их вчера завести.

Она опять выключила свет, встала и подошла к окну. Ее комната выходила на юго-восток и слева появились признаки того, что ночь уже подходит к концу — мягкие полосы света на облаках.

Воздух был холодным, чистым и неподвижным. Она отошла от окна и стала быстро одеваться. Сполоснув лицо и руки холодной водой, чтобы окончательно проснуться, она надела легкий плащ, тихо вышла из квартиры и спустилась по лестнице вниз.

Она не могла двигаться совсем бесшумно, но ей казалось, что никто ничего не слышит или, по крайней мере, никому до нее нет никакого дела.

Наружная дверь была не заперта. Она вышла прогуляться и все обдумать на свежую голову. Люси тихо шла по тротуару и наслаждалась утренней тишиной. Улицы были пустынны, ночные сторожа в этот час уже разбрелись по своим квартирам.

Как ни крути, а придется, видимо, идти к Артуру. Подождет до следующего утра, вдруг будет письмо или звонок.

На следующий день она ждала до четырех часов дня, а в пять уже была по известному ей адресу.

Люси не решилась звонить швейцару, чтобы вызвать лифт, и решила подняться на пятый этаж пешком. Она поднялась, и через минуту, после того, как отдышалась, нажала кнопку звонка.

Ей открыл худощавый высокий человек. Она назвала пароль, но он молчал, окидывая ее с ног до головы настороженным взглядом.

— Не понимаю вас, — наконец сказал он вместо ответа на ее условную фразу.

Люси на мгновение растерялась. «Неужели я ошиблась адресом» — мелькнула у нее мысль.

— Но ведь вы господин Артур? — неуверенно спросила она.

— У любого жильца в этом доме можно узнать, что здесь живет Артур Хаген, — холодно ответил он.

Люси физически ощутила стену недоверия, которая стояла между ними. «Может его не предупредит обо мне» — подумала она.

— Речь идет об Александре, — сказала она, сделав ударение на слове Александр.

— Не знаю такого.

«Он мне не верит, это ясно» — подумала она. — Не натворить

бы каких-нибудь глупостей, иначе все пропало».

— Да нет же, вы должны его знать, — произнесла она в отчаянии, — я его невеста, — торопливо добавила она, вспомнив ранее оговоренную с Александром легенду, — он должен был вам рассказать обо мне. Меня зовут Люси, я не лгу вам, клянусь богом, посмотрите вот это. — Она показала ему свой заграничный паспорт, но он по прежнему продолжал смотреть на нее с недоверием. Наконец он предложил ей войти.

— Еще раз повторяю вам, что я не знаю никакого Александра или кого вы там называли. Я впустил вас только потому, что вижу, как вы расстроены.

Люси принялась сбивчиво объяснять подробности. Она на несколько дней уезжала из Берлина, и Александр знал об этом. Они условились с Александром, что при необходимости, лишь в крайнем случае, если от него не будет известий, она может прийти по этому адресу и спросить господина Артура. Но это и есть крайний случай; ведь если бы с ним ничего не случилось, она непременно получила бы от него известие.

Рассказывала она, видимо, убедительно, потому что Артур неожиданно вспомнил, что Александр действительно рассказывал ему о невесте. Чудак он этот Александр, надо было выражаться яснее. Артур никак не мог преодолеть свое недоверие, оставаясь скупым на слова и подозрительно наблюдая за каждым ее движением.

— Никакого Александра тут не было, — стоял он на своем. — Давным-давно не было, поверьте мне, барышня, от кого бы вы не пришли — от полиции или от кого другого. — Увидев ее глаза, беспомощные, полные слез и отчаянья, он несколько смягчился.

— Если он не послал вам письма, ваш Александр, — осторожно пояснил Артур, — то, вероятно, у него что-то случилось: очевидно, у него были причины избегать вас.

Люси села на стул, оцепенев от страха и бессилия.

— Посидите-ка еще минутку, барышня, — предложил Артур, — отдохните, успокойтесь. Полиция, — размышлял он как бы в слух, — может быть, и смогла бы разыскать вашего Александра или как там его зовут. Но не думаю, что имеет смысл к ней обращаться: у нее в эти дни и так хлопот по горло.

Люси понимала, что этот Артур, из которого клещами приходится вытягивать каждое слово, — подпольщик, коммунист, и в силу строжайших законов конспирации, видимо, не решается, не может перед нею раскрыться. Осторожно, косвенно, он дает ей понять, что у него ничего для нее нет, что никаких указаний он не получал.

Он производил впечатление разумного и надежного человека.

Вероятно, он прав, может Александра действительно арестовали и заявлять по этому поводу в полицию было бы просто глупо.

Поблагодарив Артура, она вышла на улицу и медленно двинулась домой. Было пасмурно, шел мелкий дождь.

Что же все-таки произошло с куратором? Неужели его впрямь арестовали? О том, что творится в нацистских застенках и тюрьмах она уже знала из рассказов Лемана. От одной мысли о такой возможности у нее перехватывало дыхание.

Нет, с ним такого быть не могло, ведь он работал в официальном дипломатическом представительстве и пользовался иммунитетом. Тут что-то другое. Но что?

Она не спала почти всю ночь и после долгих размышлений, пришла к выводу, что у нее остался единственный выход — позвонить в консульский отдел полномочного представительства. Она не знала фамилии Александра, но потом вспомнила, что однажды Вилли сказал: с таким именем он остался в представительстве один.

На следующее утро, около десяти часов, она взяла сумки и направилась в магазин. Сделав необходимые покупки, она некоторое время, прогуливалась, проверяясь, и убедившись, что слежки за ней нет, зашла в первую попавшуюся телефонную будку и набрала номер советского консульства.

Трубку долго не подымали, потом глухой мужской голос ответил:

— Алло, советское консульство.

— Пожалуйста, пригласите к аппарату господина Александра, — любезно попросила она.

— А кто его спрашивает, — чувствовалось, что человек очень плохо говорит по-немецки.

— Это его знакомая, — ответила она, не желая называть себя. На другом конце провода мужчина по-русски о чем-то спрашивал своего соседа. Наконец послышался шум, мужчина взял трубку и объяснил:

— Извините, госпожа! Александр не сможет подойти к телефону. Он болен и находится в госпитале «Шарите».

Потом он продиктовал нужный ей адрес.

На следующий день Люси навестила Александра. Врач разрешил ему небольшую прогулку с невестой и они вышли в парк, на территории которого располагался госпиталь.

— Врачи предлагают операцию. Рентген ничего хорошего не показал, — сказал Агаянц. С виду он был очень плох, лицо землистого цвета, глаза запали.

— Значит, надо делать, — прошептала Люси.

— Наверное, придется, но я предпочитал бы, чтобы ее делали

в Москве.

— Там лучше врачи?

— Нет, дело не во врачах. И даже не столько во врачах, — добавил Агаянц. — Немецкие хирурги знают свое дело. Тут присутствуют другие соображения, связанные с вопросами безопасности…

— Сейчас надо думать о своем здоровье, а не о безопасности.

— Возможно, возможно… Как тебе работается с Вилли? — переменил он тему.

— У нас дела идут нормально, но кому теперь передавать информацию?

Люси рассказала по каким вопросам собрана информация, что посещать ее квартиру сейчас стало опасно, поэтому они встречаются накоротке, чаще всего в метро. Вилли передает ей свои записки, а она разбирает их сама дома.

— Пока я буду в госпитале, вам придется вести записи и где-то их надежно прятать. Записи делай шифром и жди меня. Боюсь, что скоро меня уже не будут спрашивать, согласен я на операцию или нет.

— Вы полагаете, что вас могут оперировать в ближайшие дни? — спросила Люси.

— Думаю, что да. Мне действительно очень тяжело: вот и сейчас, по правде говоря, я еле стою.

— Почему же вы мне раньше об этом не сказали? Я вас, наверное, замучила своими разговорами, — забеспокоилась она.

— Да нет, Люси! Я рад тебя видеть и поговорить. Увидимся ли еще когда-нибудь? — вырвалось у Агаянца.

— Ну что вы! Уверена, что все закончится благополучно! — она, как могла, пыталась его приободрить.

— Дай-то бог! Запомни, Люси, если со мной что-то случиться, уезжай в Париж. Оттуда сообщи свой адрес в Швейцарию. До свидания! — и он нетвердой походкой, не оборачиваясь, направился к входу в госпиталь.

Через несколько дней она встретилась с Вилли, и они решили на время встречи прекратить, пока положение не прояснится.

А еще через неделю она получила письмо. Вскрыв конверт, она прочла записку: «Уважаемая госпожа! Господин Агаянц попросил меня написать вам в случае неблагоприятного исхода операции. К сожалению, случилось худшее: господин Агаянц умер на операционном столе от потери крови. У него случилось прободение язвы. Врачи удивлялись: как он терпел? От него никто не слышал ни одного стона. А боли в таких случаях бывают невыносимыми. Прискорбно, что так случилось, очень сожалеем об утрате. Медсестра Марта Любек. 25 апреля 1939 года».

Потрясенная, Люси читала и перечитывала записку, и строки расплывались в ее затуманенных слезами глазах. «Вот и еще один верный друг ушел из моей жизни — думала она. Перед глазами, как живой стоял Александр, невысокий, черненький, с усиками — типичный француз. Очень сдержанный, он никогда не жаловался, и она даже не догадывалась, что он так серьезно болен.

Вечером, Люси связалась по телефону с Леманом, а еще через несколько дней они встретились, чтобы проститься. Она уезжала в Париж.

— Он умер на операционном столе от потери крови. Мы виделись с ним незадолго до его смерти. Не представляю, как я буду без тебя? — Люси была растеряна и не пыталась этого скрывать. Она привыкла, что Вилли где-то рядом и с ним чувствовала себя уверенной и сильной.

— Но могло ведь так случиться, что ты работала бы без меня с самого начала. Собственно говоря, так оно и было, ты работала с другими товарищами.

— Я так расстроена, — чуть слышно прошептала Люси.

— Все будет хорошо! Ты же умница и сильная женщина. Все будет хорошо.

— Я выезжаю в Париж и там, возможно, меня разыщет связник…

— Надо полагать…

— А если он не появится? Что делать тогда?

— Видимо, тебе для начала надо попытаться устроиться куда-нибудь на работу. Смелее смотри в будущее, будь решительней! В Германии ведь тоже все начиналось на пустом месте, не было связи. Постепенно жизнь наладится и там.

— Буду стараться, господин! — но возможности бодро отрапортовала она.

— Ну, вот так-то лучше. Не знаю, Люси, увидимся ли мы еще. Поэтому я должен тебе сказать: ты замечательная женщина! Береги себя!

Люси растрогалась, в глазах предательски заблестели слезы. Они много общались, но ни разу не позволили себе произнести ласковые слова.

— Позволь, я тебя поцелую, Вилли! — сказала Люси и обняв его за плечи, крепко поцеловала.

— Хоть на прощанье поцеловались! — усмехнулся он.

— Да, мой дорогой, только на прощанье! Такая, у нас с тобой судьба!

Она повернулась, взяла свой чемодан и стала подыматься в вагон.

Вилли не оборачиваясь медленно пошел по перрону к выходу

из вокзала. Нескладно все получилось, размышлял он. В такое тревожное, полное событий время, он лишился связи с русскими, причем по совершенно непонятным причинам. Он был так удручен этим обстоятельством, что его настроение заметил даже бестолковый Хиппе.

— Ты не должен унывать, Вилли. Я понимаю шеф был порядочным человеком, но его ведь не вернешь!

Хиппе решил, что причиной подавленного настроения Лемана был внезапный перевод на другую работу начальника их отделения.

Недавно шеф третьего отдела Бест предложил Леману возглавить советское отделение. Но Вилли отказался. Связь с советской разведкой прервалась, перспективы были туманными и ему не хотелось уходить со спокойного места, где все было хорошо знакомо.

Настроение его было плохое, он тосковал и, не зная куда себя деть, решил наведаться к Флорентине. Может там он избавится от тревоги, которая так его изматывала, что он впрямь боялся, что может сойти с ума.

Он тотчас поехал к ней. Ходил по ее уютной квартире, толковал о предстоящей войне с Польшей и выражал надежду, что может теперь Гитлер наконец угомонится. Вдруг он умолк и после короткой паузы, даже не сознавая, что говорит вслух, сказал:

— Доживу ли я до этого?

Флорентина взглянула на него с изумлением:

— Что с тобой?

— Что будет через две недели? Кто знает? И что будет с нами?

Она видела, что он расстроен и никак не могла понять, в чем дело.

— Да что с тобой, Вилли? — опять спросила она.

— Ничего, ничего, — пробормотал он, — просто глупая шутка. Не обращай внимание, просто я, наверное, переутомился!

А сам подумал: «Так продолжаться не может. Если я сошел с ума, то по крайней мере, другие не должны этого замечать. Выдуманные страхи. Это пройдет. Надо взять себя в руки и сдерживаться, пока все не пройдет!»

Он не даром беспокоился. Еще двадцать первого марта Гитлер приказал Риббентропу еще раз повторить польскому послу Липскому предложения, которые тот уже слышал. Более того, райх гарантирует целостность Польского государства; Германия и Польша будут совместно владеть территорией нынешней Советской Украины. От Варшавы же требуется согласие на

проведение по северным территориям экстерриториальной дороги, которая соединит райх с вольным городом Данцигом.

Однако польский министр иностранных дел Юзеф Бек был достаточно умен, чтобы поверить обещаниям фюрера. Пока Польша окружена двумя равно враждебными ей государствами — Германией и СССР, которые терпеть не могут друг друга, вступать ей с кем то из них в союз все равно, что брататься с удавом. Польша не войдет ни в какие коалиции, где присутствуют немцы или русские. Напрасно английский лорд Галифакс предлагает Беку создать коалицию из Англии, Франции, СССР и Польши. Напрасно Гитлер предлагает Польше союз.

Просьба фюрера была отвергнута.

Но вот получить от Англии гарантии безопасности, полагал Бек, было бы здорово. Но как этого добиться? Гитлер вроде бы не угрожает Варшаве. Остается один выход: инсценировать кризис.

23 марта в Польше была объявлена частичная мобилизация. Часть призванных в армию резервистов была направлена на границу с Восточной Пруссией и Померанией.

Агентура абвера своевременно сообщила о призыве в армию около трехсот тридцати тысяч человек, о начавшихся в стране антинемецких митингах.

Польская агентура в Европе стала распространять слухи, что Германия готовиться напасть на Польшу. Как и ожидалось, начала беспокоиться Англия. Чемберлен, подвергавшийся нападкам после событий вокруг Чехословакии, обнародовал воззвание в защиту Польши, принятое на следующий день палатой общин. К воззванию не замедлила присоединиться и Франция.

Полковник Бек добился своего. Гарантии обеих держав были получены, разговаривать с Гитлером и договариваться о Данциге теперь было незачем.

Когда эта новость пришла в Берлин, Гитлер пришел в бешенство. Он носился по кабинету и в ярости выкрикивал ругательства по адресу западных стран. А третьего апреля была издана директива:

«Сегодняшняя позиция Польши вынуждает нас готовиться к войне, чтобы в случае необходимости навсегда исключить угрозу с ее стороны».

Игра в войну, которую затеял Юзеф Бек, обманула не только друзей, но и врагов. Германия начала готовиться к нападению. Уже известна была и дата наступления: первое сентября 1939 года.

Между тем сообщения, стекавшиеся в абвер из-за границы, свидетельствовали, что политические тучи начали сгущаться на горизонте. Подписали временный пакт о взаимопомощи Англия и

Польша, Англия и Франция гарантировали безопасность Греции и Румынии, начались переговоры между западными странами и Советским Союзом.

Гитлер решил сжечь все мосты. Выступив в рейхстаге, он заявил, что Германия аннулирует свой договор с Польшей. Он вошел во вкус и ему уже мало было триумфа в Судетах, молниеносной капитуляции Праги. Он мечтал о настоящей войне.

С начала мая абвер начал планомерную разведку Польши. Лихорадочно работали СД и гестапо. Необходимо было составить точную картину военных приготовлений Польши, задействовать все имеющиеся разведывательные возможности.

Абвер направил людей в Польшу с целью обезвредить заряды взрывчатки, заложенные поляками на своих важнейших объектах: на мосту через Вислу в Диршау, близ Данцига, перевале Яблунка в Бескидах, к югу от Кракова. Отдельная, группа была готова к проведению диверсий на железных дорогах. Спешно собрали украинских националистов во главе с тельником и потребовали от них организовать восстание на окраине Польши.

Двенадцатого августа фюрер заявил Кремлю, что согласен решить все накопившиеся проблемы между Германией и СССР. Спустя четыре дня, Гитлер принял предложение Молотова заключить пакт о ненападении. Радости в райхсканцелярии не было предела. Фюрер считал, что германо-советский договор сломит всякую волю к сопротивлению у западных стран, и они не осмелятся перечить ему.

Теперь Гайдрих мог беспрепятственно приступать к выполнению своего плана. Оберштурмбанфюрер Рад получил с армейского склада в Бреслау[41] польское обмундирование и оружие. Полковник фон Франкенберг выделил из абвера триста пятьдесят человек в распоряжение гестапо.

Вермахт приступил к очистке района Хохлиндена, где планировалось провести провокацию против радиостанции в Гляйвице, диверсанты СС под командованием оберфюрера СС Мельхорна стали обучаться ночному бою и зубрить польские строевые команды. Им раздали по комплекту польского обмундирования, кабины, патроны и поставили задачу в предстоящем «пограничном бою».

Все это было очень важно. Леман располагал уникальной информацией, но ее некому было передавать. Оставалось ждать и надеяться.

Первого сентября 1939 года, в десять часов утра Гитлер выступил в рейхстаге с речью, обращенной к немецкому народу, «Многочисленные нападения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на

радиостанцию в Гляйвице…» — раздавалось в репродукторах и приемниках по всей стране.

Наступательные операции немецких войск развернулись за пять часов до этой речи Гитлера, после того, как шеф гестапо Мюллер «успешно отразил нападение на радиостанцию в Гляйвице». Началась Вторая мировая война…

Александр Коротков, оперативный псевдоним Степанов

Поезд на Берлин вырвался наконец на просторы Германии и теперь наверстывал задержки, имевшие место на границе. Возле одного из окон вагона-ресторана, в одиночестве, сидел за столиком тридцатилетний сотрудник Иностранного отдела НКВД Александр Коротков. Он уже бывал в этих краях и теперь наслаждался тем опьяняющим чувством — узнавания, которое немецкая земля неизменно дарит своим поклонникам.

Непринужденная атмосфера вагона-ресторана с ее разноязычной болтовней, с ароматом вин и закусок, с привлекательным видом из окон разительно отличалась от привычной московской обстановки.

Официантка, симпатичная черноволосая женщина, принесла телятину с картофелем и зеленым горошком. Александр подумал, что возможность вкусно поесть — одна из невиннейших радостей жизни. Запивая телятину глотком красного вина, он невольно пожалел, что это изысканное изобилие и праздная атмосфера скоро сменятся напряженной, нервной работой. Но прочь заботы: Коротков запретил себе во время двухдневного путешествия из Москвы в Берлин думать об этом.

Черный кофе сменил на столе телятину. Медленно отхлебывая прекрасно приготовленный напиток, Александр помимо своей воли начал вспоминать события, которые привели его нынче вновь в Германию.

Коротков вырос в Москве без отца и прошел суровую школу уличных университетов в районе Сухаревки. Отношения между родителями не сложились и отец вскоре оставил семью, забрав с собой старшего сына. Мать была образованной, культурной женщиной из купеческой семьи, окончившей до революции полный курс гимназии. В годы советской власти она работала машинисткой и сама воспитывала Александра с его младшей сестрой.

Жилось им трудно, поэтому после девятого класса Саша поступил на работу электромонтером. Свободное от работы время он проводил на стадионе «Динамо», благо семья жила неподалеку, где увлекся спортивными играми, в особенности, теннисом. Как-то во время футбольного матча, в ходе которого парень продемонстрировал незаурядные физические данные и прекрасную технику владения мячом, на него обратил внимание невысокий, разговорчивый мужчина. Он подробно расспросил

молодого человека о его жизни и о спортивных увлечениях. Это был Вениамин Герсон, бывший секретарь Феликса Дзержинского, а в тот период — Ягоды. Потом они неоднократно встречались на теннисном корте. Узнав юношу поближе, Герсон устроил его электромонтером в хозяйственный отдел ОГПУ. Там к Саше присматривались и, убедившись, что парень очень способный, перевели в Иностранный отдел на должность делопроизводителя. Александр окунулся в новую, необычную для него жизнь. Зарекомендовал он себя положительно, и руководство решило готовить его к оперативной деятельности в подполье за границей.

Подготовка велась в нерабочее время, а также в воскресные и праздничные дни. Особенно трудно давались иностранные языки — немецкий и французский. Среди его преподавателей иностранных языков оказалась Мария Вилковиская, миловидная, приятная девушка, работающая переводчицей в Иностранном отделе. Она жила со своими родителями несколько лет за границей и овладела там французским и немецким языками.

Он появился среди ее учеников несколько позже других, потому что проходил дополнительную спецпроверку. В двадцать один год он уже был полон горького чувства потерянного времени.

Высокого роста, худощавый, уверенный в себе молодой человек.

С самого начала Александр завладел вниманием Марии. Но даже отдаленно их отношения не походили на любовное увлечение — душа Марии была спокойна. Александр явно не намеревался тратить на любовь ни время, ни энергию, да и Марии эта идея еще не приходила в голову. Никто из них не сознавал, что безмятежность обстановки в ее семье и естественная, спокойная чистота, лежащая в основе характера Марии, действовали на Александра подобно наркотику. Сам он, поглощенный своей затмевающей все остальное целью — освоить французский и немецкий языки, лишь иногда мысленно тянулся к Марии. Благодаря спокойствию дочери и полнейшей занятости Александра страх ее матери, Анны Семеновны таял, она мечтала о более достойной партии для дочери и перестала тревожится, как сложатся их отношения.

Так было вплоть до праздничного вечера в клубе на Лубянке. Тогда к дому подъехало такси, и Анна Семеновна, которая, конечно, и не подумала дать Марии ключ, поспешила к двери на звук звонка. Дверь открылась в самый драматический момент.

Мария, уже стояла одной ногой на пороге, повернувшись к Александру, который удерживал ее за плечи, не пуская в квартиру. Выражения ее лица Анна Семеновна не видела, зато

отлично разглядела лицо Александра, и то, что она увидела, заставило ее широко распахнуть двери и церемонно пригласить обоих в безопасную освещенность прихожей. Александр чуть менее церемонно отклонил ее приглашение выпить чашечку чая, резко развернулся и быстро начал спускаться вниз по лестнице.

На следующий день он отбыл в свою первую заграничную командировку в Париж, а Мария погрузилась в мир спокойной и привычной жизни. В Париже она прожила с родителями несколько лет и хотя ей там нравилось, уют и спокойствие домашнего очага для нее были предпочтительнее заграницы.

Александр был высокий, худой, но обладал завидной выносливостью, как физической, так и духовной. Какой-то острослов из отдельских придумал для него прозвище «Длинный». Оно прижилось и стало в первой командировке его оперативным псевдонимом.

Резидентом у него был Александр Орлов, больше известный под фамилией Никольский, опытный чекист, но в качестве нелегала тоже выехавший впервые.

В Париже Коротков поступил в Сорбонну с целью прослушать курс антропологии, выдав себя за чехословака по фамилии Районецкий. Там он подружился с одним французским студентом, социалистом, который из-за недостатка средств вынужден был бросить учебу в университете. Месяца три Коротков ничего о нем не слышал. Однажды, он совершенно случайно встретил своего университетского друга на авеню Опера. Оба очень обрадовались встрече. Молодой француз рассказал, что с помощью отца своей невесты он получил работу фотографа во Втором бюро[42] французского Генерального штаба, занимается там снятием копий с карт и документов, но зарабатывает еще слишком мало, чтобы жениться.

Когда окрыленный Коротков доложил Орлову об этой встрече, им подумалось, что это необыкновенная удача, поскольку вербовка студента открывала долгожданный доступ к секретам Второго бюро, собственно главной, цели, ради которой они с Орловым и прибыли в Париж. Случайный характер этой встречи как будто исключал возможность организации подставы Французами своего агента, тем более, что инициатива знакомства исходила от Короткова. Было решено, что эту дружбу надо продолжать.

Проверка отца невесты показала, что он действительно бывший армейский сержант, работавший делопроизводителем в военном министерстве.

Орлов запросил у Центра разрешение приступить к вербовочной разработке студента, а чтобы не терять времени,

поручил Короткову оплатить покупку обручального кольца для невесты француза и пообещать ссудить его деньгами в долг, что дало бы возможность молодой паре вступить в брак.

Орлов был абсолютно уверен, что Москва утвердит его план. Однако, каково же было его удивление, когда Центр, ссылаясь на информацию от легального резидента, сообщил, что французская контрразведка Сюртэ женераль от своего агента в компартии, получила сведения о том, что некий чехословак, проживающий в Париже и изучающий в Сорбонне антропологию, является советским гражданином и агентом НКВД. Сюртэ поручила своему молодому сотруднику записаться на тот же курс антропологии и познакомиться с этим чехословаком.

Орлов сразу же понял, что Сюртэ проводит контрразведывательную операцию. Поэтому разработку француза сразу же прекратили, а Короткова решили временно из страны вывести.

В марте тридцать четвертого Александр выехал в Германию, где занялся совершенствованием немецкого языка. В апреле он вернулся обратно.

В Париже Александра ожидала очередная неприятность. Резидент Орлов случайно встретился с перебежчиком, бывшим сотрудником советского торгпредства Верником, который его опознал. Резиденту пришлось срочно покинуть Францию, а Короткова оставили в Париже одного работать с двумя агентами. Тогда он попросил предоставить ему отпуск…

Мария шла домой с пляжа, шла быстро, как всегда, не глядя по сторонам.

Вы позволите составить вам компанию? — раздался чей-то голос, показавшийся ей знакомым.

Она удивленно подняла голову. Перед ней стоял очень высокий, худощавый, элегантно одетый мужчина с красивыми чертами лица, каштановыми, чуть вьющимися волосами и хорошо очерченным ртом. Он был очень привлекательным и выглядел человеком, способным многого добиться в жизни. В его лице не было и следа удачливой самоуверености, присущей покорителю дамских сердец, и это впечатление подчеркивалось выражением сияющих серо-голубых глаз и жесткой линией волевого подбородка.

Глаза Марии расширились, она вспыхнула, но быстро овладела собой, румянец на ее лице сменился мраморной бледностью.

— Саша! — воскликнула она с ноткой неуверенности.

Он улыбнулся и осторожно взял ее под руку.

— Маша… Можно? — Он вытащил папиросы, руки его слегка

дрожали, но она была не в состоянии этого заметить.

— Но… Саша! Не может быть… каким ветром тебя сюда занесло?

— Приехал в отпуск… Был в Москве, а теперь здесь.

— Но как ты здесь оказался?

Он сделал вид, будто не понимает.

— А, ну конечно, я оказался здесь случайно, решил вот отдохнуть.

— Странно… Какое совпадение… В Крыму, в этом поселке и вдруг случайно встретиться!

— Что правда, то правда. — Он так равнодушно произнес это, что она настороженно взглянула на него и обнаружила, что он задумчиво наблюдает за ней с каким-то странные выражением в глазах.

Она нерешительно спросила.

— Или нет?

— Конечно нет. Я решил, что настала нора нам увидеться вновь.

— А мама… она знает, что ты приехал?

Улыбка скользнула по его губам.

— Мне кажется, что было предельно все ясно.

Вдруг она заговорила о другом:

— А ты изменился.

— Ты хочешь сказать, что меня теперь не так легко спугнуть? Краска вновь залила ее щеки.

— Нет, конечно нет! Как глупо! Но…

— Но? — вопросительно повторил он.

— По-моему, ты мог бы и попрощаться со мной тогда, — сказала она, не глядя на него.

— Я пытался.

Она вскинула глаза:

— Пытался? Когда?

— Рано утром, после бала. Твоя мама сказала мне, что ты еще спишь, вот и пришлось уехать не повидавшись с тобой. Я просил передать тебе привет. Разве тебе не сказали?

Она молча покачала головой, и, глядя на ее опечаленное лицо, Александр почувствовал приступ такой же бессильной ярости, что испытал год назад, в то раннее утро, когда он, побуждаемый безотчетным чувством, вернулся к ее квартире, надеюсь сам не зная на что. Возможно, на короткое свидание с Машей, перед тем, как отправится его поезд…

Но Анна Семеновна встретила его в гостиной и постаралась с предельной ясностью объяснить, почему ему не стоит видеться с Марией сегодня, а лучше бы и в дальнейшем. С любезные видом

она толковала об отсутствии средств, неопределенности его жизненных планов и всякое другое. Александр был слишком несчастен и зол, чтобы оценить всю тактичность утверждений супруги советника наркомата внешней торговли.

Возражений не последовало. В ее словах было слишком много правды, и, кроме того, Александр сам еще толком не осознал своих желаний, лишь днем раньше он понял, что может несколько лет не увидеть Марию, и тогда его вдруг захлестнула волна горечи и смутного беспокойства. Работа в Париже, которая представлялась ему прекрасным сном, обернулась месяцами неустроенности, постоянного прерывания в состоянии неизвестности и внутренней напряженности от ожидания опасности, вдали от спокойного и тихого средоточения его жизненных надежд.

Мария… Но если бы он не разобрался только в себе, — к несчастью, у него не было никакой уверенности в ее чувствах. Откровение вчерашнего дня должно было стать только началом, а вместо этого стало концом…

И раз уж так суждено — раз уж поезд набирал ход, — он понял, благоразумнее пока что забыть их первое свидание и все, что Мария успела ему сказать…

После года пребывания во Франции у Александра не осталось сомнений относительно своих желаний и намерений, он понял, что должен сделать, чтобы обрести покой. Теперь понадобилась бы дюжина дуэний, вооруженных гораздо лучше, чем Анна Семеновна, чтобы помешать ему встретиться, с Марией. Но неожиданно крепость сдалась без боя. Вернее, без боя сдался отец, к которому Анна Семеновна обратилась за помощью, взволнованная известием о возвращении Александра. Борис Михайлович встретил Александра в той же гостиной и привел его в полное замешательство разговором о будущем, который резко отличался от произошедшего здесь год назад…

В итоге, все еще в полном замешательстве, Александр оказался на улице с адресом ее местонахождение в руках. А в его ушах все еще звучали отцовские наставления:

— Ведь тебе нужно отдохнуть, правда? Надеюсь, ты ничего не имеешь против поездки в Крым? Как у тебя с деньгами? Отлично, ну счастливого пути. Она сейчас у тетки в Судаке, но, будь я на твоем месте, я бы поехал сейчас прямо туда и встретился бы с ней там. Подальше от этой квартиры с ее правилами, — впрочем, ты с ними уже знаком. В Крыму у вас будет гораздо больше шансов… Но будь поделикатнее, мой друг. Не думаю, конечно, что она такой уж хрупкий цветочек, как считает ее мать, но не спеши, не торопи ее.

И вот он идет с ней рядом, молча посматривает на ее тонкий профиль, мучительно ощущая годовую пропасть, через которую придется перекидывать мостик; ему столько надо сказать ей, но сейчас еще не время, он скажет все после. Мария сосредоточенно изучала кончики пальцев и прислушивалась к напряженной тишине, возникшей между ними, — это было не прежнее дружеское молчание, и у нее сделалось неспокойно на душе. Что произошло? Почему он так озабочен? И… зачем он приехал? Ее сердце учащенно билось, но выражение лица оставалось неизменным и не выдавало нахлынувших на нее мыслей и чувств, не могла же она начать первой, ведь он не сказал пока ничего определенного. А Александр, видя ее смущение, чувствовал себя все более неуверенно…

Из состояния глубокой задумчивости Короткова вывел шум. Компания за соседним столом поднялась и в добром подпитии двинулись по проходу к выходу из вагона-ресторана.

Коротков попытался вновь вернуться к прежним воспоминаниям, но состояние сладкого полузабытья прошло, мысли понеслись скачками, вырывая из глубин памяти лишь отдельные фрагменты прошлой жизни…

В Крыму они провели необыкновенно счастливый месяц, а по возвращению, собрались и, как это принято у нелегалов, выехали порознь, чтобы потом встретиться и объявить о своей женитьбе в Париже. Они поселились в аристократическом районе на улице Жорж Санд, а спустя год, в тридцать пятом, у них родилась дочь София.

Более года Короткову пришлось работать в Париже одному, а затем он был переведен в Берлин, на работу в торговое представительство, на должность представителя наркомата тяжелого машиностроения, и с этого времени стал оперативным работником легальной резидентуры. Проживали они с Марией и дочерью в двухкомнатной квартире на Гайзенбергштрассе.

Перед отъездом в Берлин, он встречался с начальником Иностранного отдела Слуцким, от которого узнал, что он зачислен в группу особо секретных, проверенных сотрудников, которые могут привлекаться для выполнения так называемых «литерных дел», или, попросту говоря ликвидации врагов народа. Инструктируя его перед отъездом, Слуцкий предупредил, чтобы в Германии он держался осторожно, в торгпредстве вел себя конспиративно, избегал общения с другими сотрудниками ИНО и всегда был готов к срочному вызову «на дело».

Действительно, в декабре 1937 года, Крита, таков был его новый оперативный псевдоним, отправили в Париж. Мария было забеспокоилась, но он оставался невозмутимым. Обычная

служебная командировка.

По прибытию на место ему объяснили, что предстоит операция по ликвидации предателя, бывшего сотрудника ОГПУ Агабекова. Общей организацией «литера» в Москве занимался Сергей Шпигельглас, заместитель начальника ИНО. На Короткова возлагалась ответственность за общее проведение «литера» на месте. Действовать предстояло совместно с бывшим турецким офицером.

Потянулись бесконечные дни ожидания и отчаянной тоски от безделья. Никак не могли заманить Агабекова на конспиративную квартиру. Наконец сигнал был получен. Вечером Коротков оплатил гостиницу, встретился в обусловленном месте с боевиком-турком.

Дверь им открыл агент, впустил их и сразу же покинул квартиру. Агабеков оказался маленьким, невзрачным армянином с огромными глазами на изможденном лице. Увидев появившихся в комнате незнакомых людей, он стал медленно подыматься, но дальнейшее все произошло столь быстро, что он не успел ничего осознать. Турок сделал по направлению к нему большой шаг и снизу вверх нанес неуловимый, сильный удар ножом…

Потом они уложили труп в чемодан, убрали квартиру, смыли все свои следы и глубокой ночью выбросили чемодан в Сену.

На следующий день Коротков вернулся в Берлин, где продолжил работу с талантливым немецким ученым Хансом Хайнрихом Кумеровым, получая от него важную научно-техническую информацию. Мария полагала резидентуре в организации связи с Брайтенбахом. Одно время Александр сопровождал жену во время приема материалов от посредника, но оп не знал тогда, что головным в этой цепочке является агент Брайтенбах.

В конце июня 1938 года Короткову пришлось свернуть всю работу в Берлине и вновь выехать в Париж. На этот раз с тем же бывшим турецким офицером им предстояло ликвидировать секретаря создаваемого Троцким Четвертого интернационала Рудольфа Клемента. Деятельное участие в операции принял агент советской разведки Александр Таубман. Именно он смог уговорить Клемента. поужинать с друзьями на своей квартире на бульваре Сен-Мишель, где уже находились турок и Коротков.

… Тело Клемента было обнаружено и опознано полицией спустя некоторое время, но Короткова к тому моменту в Париже уже не было.

В конце тридцать восьмого бразды правления в НКВД официально взял в свои руки Лаврентий Берия. Его выдвиженец Деканозов возглавил Иностранный отдел.

На следующей день Берия собрал весь отдел, представил Деканозова и, зловеще поблескивая стеклами пенсне, объявил суровым тоном о создании специальной комиссии по проверке всех оперативных работников. Комиссии предстояло выяснить, как в Иностранном отделе разоблачаются изменники и авантюристы, обманывающие Центральный комитет партии. Все начальники отделений снимались со своих должностей, на их место назначались молодые, проверенные выдвиженцы из партийных рядов — Фитин, Гаранин, Леоненко, Лягин.

Не откладывая дело в долгий ящик, Берия тут же начал проверку.

— Зарубин! — слова его раздавались в тишине, словно щелчки бича.

Василий Михайлович недавно вернулись с Лизой из Америки и еще не получил назначения.

— Расскажи, — потребовал Берия, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Зарубин побледнел, ладони непроизвольно сжались в кулаки, но он сумел взять себя в руки.

— Я никого никогда не предавал, а всегда честно выполнял поручения партии и руководства! — голос от волнения дрожал, но внешне он держался с достоинством и говорил не громко, но достаточно отчетливо, не мигая глядя прямо в зрачки Берии. Тот не выдержал и отвел взгляд.

— Садись! Разберемся в твоем деле, — бросил парком.

Аналогичным образом Берия начал «беседовать» с другими сотрудниками. «Только не сорваться и не наговорить лишнего» — думал Александр и волнение его усиливалось по мере приближения его очереди. Словно издалека донеслась до него фамилия «Коротков» и подымаясь, он про себя решил: «Буду отвечать, как Зарубин».

— Ну, теперь ты расскажи, как тебя вербовала французская и германская разведка, — спросил Берия, но уже без прежнего энтузиазма.

— Никто меня не вербовал, я всегда честно выполнял указания руководства, — четко проговорил Александр и замолчал.

— Садись! Будем еще с тобой разбираться, — последовал ответ.

Все собранные «английские, французские, немецкие и другие шпионы» вели себя с достоинством и уверенно отводили от себя клевету. Убедившись, что его экзекуция никаких результатов не дает, Берия прекратил собрание и удалился. Его ближайшие подчиненные тоже молча последовали за ним.

Через пару дней Зарубина, Ахмерова, Григорьева понизили в должности до стажеров и назначили подчиненными к молодым сотрудникам. Так начался у них «испытательный срок».

Александра, единственного из названных на совещании, пригласил кадровик и объявил, что он увольняется из органов государственной безопасности. Несколько позже так же поступили с Фишером.

Потом Александру намекнули, что его увольняют за связь с Орловым, который из Испании бежал в Америку, а также за то, что отец и брат Александра репрессированы.

В сознании это не укладывалось. Ему, неоднократно рисковавшему жизнью при выполнении заданий самого вождя, отказывают в политическом доверии! Несколько дней он не мог прийти в себя, замкнулся, ни с кем не разговаривал. Потом сел и написал личное письмо Берии, в которое указал наиболее важные вехи своей жизни, по пунктам отвел все обвинения против себя и попросил пересмотреть решение об его увольнении. «Я считал, что шел на полезное для партии дело, — писал он. — И потому ни минуты не колебался подвергнуть себя риску, поплатиться за это каторгой или виселицей. А, что в случае провала было бы именно так, у меня есть все основания думать, так как хотя я вероятно и продавался разоблаченными ныне врагами народа, сам, однако, не продавался, и у меня не было намерений, ни желаний, ни причин для этого».

Отправив письмо, он стал ждать. Наверное, это были самые тяжелые дни в его жизни. Сейчас в его памяти они встают одной черной полосой. Неопределенность положения, неизвестность, беспокойство за будущее свое и родственников, не давали покоя ни днем, ни ночью. Наконец, в декабре, ему позвонил все тот же кадровик, пригласил на Лубянку и ничего толком не объяснив, объявил, что вновь зачислен в кадры. Утряслись дела и у других опальных чекистов.

Кажется, в середине июня, после обеда, поднявшись к себе на четвертый этаж. Коротков узнал от дежурного, что его разыскивает заместитель начальника отдела Судоплатов. Александр набрал номер его телефона:

— Павел Анатольевич! Коротков. Вы меня спрашивали?

— Да, зайдите минут через пятнадцать.

Ровно через пятнадцать минут Коротков открыл дверь хорошо знакового ему кабинета. Павел Судоплатов, среднего роста, широкоплечий, красивый мужчина, в возрасте чуть больше тридцати, имел уже за плечами большой опыт оперативной работы, в том числе, в подполье за границей. С подчиненными он держался сдержанно и официально. Стремительные перемены в

его положении, когда из жертвы, исключенной из партии за связь с врагами народа и уже готовой к закланию, он в течение суток превратился в фигуру первой величины в отделе, выполняющей личные указания наркома внутренних дел Берия, вызывали тайные пересуды, особенно у тех, кто ретиво нападал на него во время чистки.

— Садитесь! — предложил Судоплатов. — Прочтите это письмо. Написал его наш агент Брайтенбах, с которым в свое время работал Зарубин. Связь с ним была прервана.

Судоплатов протянул Александру два листа бумаги, исписанных мелким почерком на немецком языке. Отдельно уже был сделан перевод на русский язык. Коротков взял подлинники стал читать.

«Многоуважаемый господин!

После длительного и напрасного ожидания я, подумав и взвесив все обстоятельства и не найдя других возможностей, решился сам написать вам письмо с просьбой вновь восстановить нашу совместную работу и связь, которая существовала между нами около десяти лет.

Я знаю, что за это время сменилось много начальства и что вы сами непосредственно не занимались такого рода вопросами, тем не менее, я прошу вас учитывать, что моя работа всегда очень высоко ценилась в Центре и очень часто особые уполномоченные, посылаемые ко мне из центра, высказывали мне это, а также и то, что на мою работу возлагались большие надежды, не оставить мою просьбу без внимания.

Вы легко можете понять, почему я не пишу здесь своей фамилии и адреса, так как я еще не знаю, как будет воспринято мое письмо.

Пожалуйста, не рассматривайте меня как какого-либо шпиона, обманщика или вымогателя, Мое отношение к вам не изменится, если вы даже не сможете больше использовать меня на работе или по понятным политическим причинам, пока не включите меня в работу.

Итак, ближе к делу: начиная с 1928 года я работал, со многими начальниками, которые в своем большинстве выполняли специальные задания и очень часто менялись. За это время между нами не произошло никаких разногласий, или размолвок, которые по тем или иным причинам, привели, бы к разрыву. Я не хочу называть имена, укажу лишь на то, что в Центре многие тот час же узнают, кто я есть. После того, как во время войны моя последняя связь с миссис Люция как с американкой была нарушена и она не дождалась окончательного ответа теперь же уехала на родину, а я остался без контакта.

Я предположил, что мои товарищи в Москве думают, что я взят в армию, но это было не так. Я уверен, что связь со мной была прервана не намеренно, а лишь исключительно из-за недостаточной организованности Центра и по причинам вспыхнувшей войны. Я пытался уже однажды через одного моего старого товарища, с которым я когда-то вместе работал и который в настоящее время находится в Швейцарии, установить связь с Центром, но безуспешно. Если вы решите использовать меня на работе, дайте мне знать через вышеупомянутого товарища. Если он по каким-либо причинам не захочет, либо не сможет взять на себя это поручение, то спросите в Центре мой телефон и адрес…

Я надеюсь, что вы воспримете мое письмо и мои предложения так, как надо, а именно, поверите в возможность восстановления со мной связи. Я нахожусь все на той же должности, которая хорошо известна в Центре и думаю, что опять в состоянии работать так, что мои шефы будут довольны мною. Я твердо уверен, что в Центре будут рады слышать обо мне и опять работать со мной. Если до 15 июля 1940 года я не получу никакого ответа, то, буду считать, что не представляю теперь никакой ценности и меня не будут использовать на работе. Моя дальнейшая работа в гестапо также потеряет тогда всякий смысл, я думаю, что вы также в этом не заинтересованы. Буду рад получить скорый ответ.

Ваш В.

Так как за последнее время опять распространились интересные слухи о вас и в связи с событиями последних дней, о торговом представительстве и о наших договорах, то я с нетерпением ожидаю возможности сообщить вам о обо всем этом и прошу ускорить возобновление наших старых связей. Я считаю настоящий отрезок времени настолько важным и полным событий, что нельзя оставаться в бездействии».

— Прочитали? — спросил Судоплатов, увидев, что Коротков поднял голову и задумчиво смотрит в окно. — Тогда вот еще прочтите, справку по делу на Брайтенбаха, подготовленную Журавлевым.

Он протянул Короткову документ с грифом «сов. секретно».

Александр быстро пробежал справку глазами:

*«**Леман Вилли,***

кличка Брайтенбах, немец, около 55 лет, юношей добровольно поступил во флот, где прослужил 12 лет. Еще до войны поступил на работу в полицию, где сначала был полицейским, а затем перешел в политическую полицию в отдел контрразведки.

Завербован был в 1929 году Корнелем через агента А/70,

бывшего работника политической полиции, другом которого он являлся. Работал с нашей резидентурой без перерыва до весны 1939 года.

За время работы дал чрезвычайно обильное количество материалов, освещающих личный состав и структуру политической полиции, а затем гестапо, а также военной разведки, предупреждал о готовящихся арестах нелегальных и легальных работников нашей резидентуры в Берлине, сообщал сведения о лицах, разрабатываемых гестапо, последнее время давал главным образом материалы о военном строительстве в Германии. Наводил также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали, освещал общую политическую обстановку в стране.

Судя по материалам дела в отношении агента никогда не возникало каких-либо сомнений.

Сотрудник 5 отдела ГУГБ. тов. Зарубин характеризует Брайтенбаха как верного агента, честно работающего с нами из-за денег.

В отношении того провален ли Брайтенбах или выдан немецкой разведке врагами народа /не считая, временных подозрений, слежки за ним со стороны немцев, не могущих играть решающей роли/, данных ни в его личном деле, ни в следственных делах Корнеля. Силли, Штейнбрюка, Гордона, Каяка и Кедрова не имеется.

С Брайтенбахом работали или знали о нем следующие осужденные ныне лица: Корнель, Карин, Гурский, Гордон, Силли, Штейнбрюк, Каяк и некоторые другие.

В 5 отделе имеется большое количество подлинных документов и личных докладов источника /до 28 томов/, полученных от него за время работы с нами.

В настоящее время Брайтенбах через источника А/70 и письменно Просил о возобновлении связи с ним.

Начальник I отделения 5 отд. ГУГБ лейтенант госбе-ти Журавлев».

— Агент сумел бросить это письмо в почтовый ящик посольства, — сказал Судоплатов. — Письмо попало к военному атташе, его переслали в Москву, а теперь начальник разведуправления РККА Голиков передал его Фитину.

Судоплатов некоторое время молчал, потом продолжил:

— Руководство приняло решение направить вас в Берлин, к Кобулову.[43] Главная. задача для вас восстановление связи с Корсиканцем, Фильтром, а теперь вот еще добавляется Брайтенбах. Если все пойдет благополучно, дадим вам в помощь еще одного, двух человек. Сейчас заедите к Журавлеву и возьмите

у него дело на Брайтенбаха. Изучите его, завтра пойдем на доклад к наркому. Вопросы ко мне есть?

— Все ясно!

Коротков подлялся и вышел из кабинета.

В Берлине с сентября 1939 года резидентом работал протеже наркома Амаяк Кобулов, малообразованный, амбициозный человек. Он начинал со скромных хозяйственных должностей на предприятиях Закавказья, поступил в органы по инициативе старшего брата Богдана, ставшего правой рукой Берия и скоро сделал стремительную карьеру. Резидентом согласился поехать не зная немецкого языка и не имея ни какого опыта разведывательной работы. После беседы с ним перед отъездом Павел Матвеевич Журавлев только сокрушенно разводил руками. Слов просто не было.

Предчувствия не обманули опытного разведчика Журавлева. Едва оглядевшись на месте, Кобулов энергично взялся за дела. Все попытки Журавлева призвать резидента к осторожности, конспирации, оказывались безуспешными. Общепринятые, обязательные в разведке правила Кобулов воспринимал как личные ограничения и при первой же возможности пожаловался начальнику разведки Фитину на Судоплатова и Журавлева. Так, что Коротков прекрасно понимал, с кем ему предстоит работать.

Вечером следующего дня Судоплатов с Коротковым отправились на беседу с Берией. Они вошли в большой, просторный кабинет на втором этаже. Нарком сидел за столом, освещенным лампой с зеленым абажуром. Бросались в глаза пенсне с поблескивающими стеклами на хищном носу, зачесанные назад темные с проседью волосы, большой лоб с глубокими залысинами.

Берия встал, вышел из-за стола и пожал им руки. Его полноватая, крепкая фигура в штатском костюме выглядела мешковатой.

— Садитесь, — прозвучал его спокойный голос с небольшим грузинским акцентом. — Докладывайте, товарищ Судоплатов! — приказал он, усаживаясь на свое место.

— Лаврентий Павлович! — начал Судоплатов. — Мы решили в помощь товарищу Кобулову направить опытного работника Короткова, хорошо знающего условия работы в Германии. Товарищ Коротков…

— Я знаю Короткова! — прервал его Берия. — С каким заданием вы его посылаете?

— Оказать помощь в организации работы резидентуры, восстановить связь с законсервированными агентами…

— С кем конкретно?

— Пока с Корсиканцем, Фильтром, а также с Брайтенбахом, — ответил Судоплатов и протянул справки на указанных агентов.

Берия принялся внимательно читать документы. В кабинете воцарилась тишина, приглашенные сидели молча, настороженно поглядывая на грозного наркома. Вдруг трелью залился отдельно стоявший в стороне телефонный аппарат. Берия вскочил и взял трубку.

— Слушаю, товарищ Сталин! — Берия. Мгновенно подобрался. — Так, так! Понял! Через два часа! Понял! Будет сделано, товарищ Сталин!

Очевидно, Сталин дал ему какие-то указания, которые поменяли его личные планы, потому что положив трубку, он какое-то мгновение стоял в задумчивости, потом сел, быстро дочитал справки и сказал:

— Значит так! С кандидатурой Короткова я согласен. — Повернувшись к Короткову, продолжил: — Корсиканец особого беспокойства не вызывает. Главное — наладить получение от него материалов и быструю их обработку. Что касается Брайтенбаха, то я не исключаю игры со стороны немцев. В любом случае никаких заданий агенту на первых норах не давать. Предложите представлять то, что находится непосредственно в его руках. Наша помощь будет зависеть от того, насколько успешно вы справитесь с заданием. И помните, — Берия сделал многозначительную паузу, — вся ответственность за успех операции возлагается на вас!

Потом, помолчав, он пристально взглянул на Короткова и спросил:

— Как вы себя чувствуете? Нуждаетесь ли в отдыхе?

— Спасибо, Лаврентий Павлович! Чувствую себя хорошо.

В это время в дверях появился адъютант Саркисов и напомнил:

— Лаврентий Павлович! Пора ехать!

Берия недовольно блеснул стеклами пенсне в сторону адъютанта, вышел из-за стола, быстро подошел к вскочившему Короткову, протянул руку и поглядывая снизу вверх на высокого Александра, сказал:

— Желаю успеха! Ждем от вас сообщений!

Когда спустя несколько минут они зашли в кабинет Судоплатова, Павел Анатольевич, впервые за время их общения, позволил себе некоторую вольность.

— Садись, Саша! — проговорил он, устало присаживаясь за свой стол. — Дел навалилось, а людей совсем нет. Я что хотел тебе сказать. Я согласен с Павлом Матвеевичем, нас очень

беспокоит Кобулов. Ты понимаешь, что послан он не нами. Поэтому будь осторожен, с ним не конфликтуй, почаще пиши нам. А мы чем сможем, будем тебе помогать. Ну все, давай прощаться!

Судоплатов вышел из-за стола, подошел к Александру, и они, неожиданно для обоих, крепко обнялись…

… Время летело незаметно. Пора было собираться, через час поезд прибудет в Берлин. Александр рассчитался и не спеша направился к своему купе.

Берлин встретил Короткова изнуряющей августовской духотой, роскошными, со вкусом убранными витринами магазинов, потоками автомашин, двухэтажных автобусов, трамваев, многочисленными прохожими на улицах. Правда, как он потом убедился, все это разительно менялось к вечеру: гасили свет после десяти, закрывали ставнями окна магазинов. Боялись налетов английской авиации.

В городе появилось много маленьких скверико в на месте разрушенных британскими бомбардировками зданий.

Александра встретили на вокзале и разместили в одной из гостевых квартир полпредства на Унтер-ден-Линден. Через пару часов он открыл дверь так хорошо известного ему кабинета резидента на втором этаже в левом крыле полпредства.

Амаяк Кобулов принял его очень любезно. Наконец-то он дождался человека, на которого можно опереться и за спиной которого можно уверенно командовать. Было отчего радоваться.

Для Александра начались оперативные будни.

Это произошло в начале сентября 1940 года. Леман только вернулся из очередной командировки со своим новым шефом Вальтером Шелленбергом, еще не успел раздеться, как раздался телефонный звонок.

— Вас слушают, — по служебной привычке сказал он, взяв трубку.

— Говорит коллега Прайс из Кенигсберга. Я в Берлине проездом и хотел бы вас увидеть, — человек свободно говорил на немецком с едва уловимым венским акцентом.

— Пожалуйста, завтра жду вас в бюро.

«Наконец-то — подумал Вилли и облегченно вздохнул. Связной из Москвы дал о себе знать, когда он потерял уже всякую надежду. — Значит, мое письмо они все-таки получили». Вилли сел в кресло и задумался.

Еще летом прошлого года у него на службе начались перестройки. Гиммлер принял решение объединить СД с гестапо и назвал новообразование — Главным управлением имперской безопасности — ГУИБ, немецкая аббревиатура РСХА. С этой идеей

он носился еще с тридцать шестого года и вот теперь, наконец, смог ее реализовать.

Первым результатом стало усиление контроля со стороны штаба войск СС над всеми полицейскими службами. РСХА, состоящее из семи управлений, рассматривалось как главное управление в составе Министерства внутренних дел и одновременно как одно из двенадцати управлений войск СС. Возглавил РСХА группенфюрер СС Райнхард Гайдрих.

Теперь новые сотрудники при поступлении были обязаны стажироваться четыре месяца в криминальной полиции, три месяца в СД и три месяца в гестапо. Считалось, что только таким образом они смогут получить общее представление о функционировании всех служб. Все сотрудники главка носили на рукаве шеврон, указывающий на принадлежность к СД, как специальному эсэсовскому подразделению.

Гестапо значились в РСХА управлением под номером четыре и состояло из шести отделов. Возглавлял управление оберфюрер СС Генрих Мюллер. Отдел контрразведки, в котором работал Леман, входил в гестапо под номером четыре — Е. Возглавить его должен был оберфюрер СС Вальтер Шелленберг, об этом в отделе, пошли разговоры сразу после подписания декрета об образовании РСХА в сентябре тридцать девятого года.

Гестапо осталось единым исполнительным инструментом, самым грозным организмом, осью машины, которая приводила в движение все остальные механизмы. В нем получала завершение информация, обобщения сведений разного рода, статистика, исследования, проводившиеся другими управлениями РСХА. Статистические данные и списки, подготовленные в других организациях, превращались в гестапо в конкретных людей, за которыми охотились, которых мучили, вешали, расстреливали или превращали в рабов.

Тогда, в сентябре, Вилли пригласил к себе на беседу начальник гестапо Мюллер.

— Присаживайтесь, Леман, — любезно предложил начальник управления. — Курите. Бразильские сигары. Зная мою слабость, мне доставляют их из внешней СД.

Как всегда, Мюллер был одет в светлый френч с рыцарским крестом на груди. Он заметно изменился за последний год: пополнел, на лице разгладились морщины. Только маленькие, карие глазки по прежнему зорко всматривались в собеседника из-под слегка припухших век. Короткая стрижка, все черты лица делали его похожим на итальянца, но уж никак не на чистокровного арийца. На этот раз Мюллер был, по-видимому, в хорошем настроении.

Вилли сел в кресло напротив, но от предложенной сигары вежливо отказался.

— У нас идут перестройки, — начал Мюллер. — Ваш отдел объединяется с другим и войдет в четвертое управление. Начальником у вас будет Вальтер Шелленберг. Он еще молодой, опыта работы в контрразведке не имеет, и мы решили, что у него должно быть два опытных заместителя: один по военной промышленности, другой — чистая контрразведка. Заместителем по промышленности я предложил вашу кандидатуру. Что скажете?

— Не знаю даже, что сказать, оберфюрер. Предложение так неожиданно, что я просто в растерянности…

— Я давно за вами наблюдаю, — продолжил Мюллер. — Вы профессионал и прекрасно понимаете, что прежде чем сделать вам предложение, я обязан был вас хорошенько проверить. Я просмотрел ваше личное дело и признаюсь, у меня возникло несколько вопросов, на которые я не нашел там ответов.

Мюллер замолчал и смотрел на Лемана, ожидая, что он скажет. Но тот тоже молчал.

— Первый вопрос касается вашей дружбы с Отто Штройбелем, — продолжил Мюллер. — Я знаю, что сейчас он правая рука у Геббельса. Но тогда, в девятнадцатом году, у вас были одинаковые, прокоммунистические взгляды, не так ли?

— Нет, не так, господин оберфюрер. Я тогда политикой вообще не интересовался. Со Штройбелем иногда встречался только потому, что мы вместе служили на флоте, об этом всегда можно спросить у него самого, — спокойно парировал доводы Мюллера Вилли.

— Допустим, такое тоже бывает, — согласился Мюллер. — Ну, а как вы объясните такое положение вещей. Вы довольно долго занимались оперативным обслуживанием советского дипломатического представительства. Почему же вы не поймали ни одного шпиона?

О, господин оберфюрер! Вы не работали в Берлине в те годы и вам трудно представить, какая была тут обстановка! — живо воскликнул Леман. — Мы обнаруживали и шпионов и агентов, но нам запрещали их арестовывать. Тогда все было подчинено интересам рейхсвера. Военные подписали с русскими соглашения и ради их выполнения на все проделки дипломатов требовали закрывать глаза.

— Понятно. А скажите, Леман, почему вы так часто отказывались от повышений по службе, от заграничных командировок? Вам что, не хотелось уезжать из Берлина? У вас что, совершенно нет честолюбия?

— Нет оберфюрер, — улыбнулся Леман, — Молодым я тоже был честолюбивым. Но возраст и болезнь сделали свое дело.

Поэтому от ряда предложений пришлось отказаться.

— Как дела со здоровьем сейчас? — поинтересовался Мюллер.

— Стараюсь держаться. Соблюдаю строгий режим, диету…

— Мне все не верилось, что у вас нет тайных слабостей, — прервал его Мюллер. — Я неоднократно поручал внешней службе проследить за вами. Они ничего не обнаружили. Вы, видимо, такой человек, каким и должен быть настоящий полицейский, а? — Мюллер улыбался, но глаза его по-прежнему внимательно вглядывались в Лемана.

— Не знаю, оберфюрер, я над этим не задумывался, — с улыбкой ответил Вилли.

Мюллер некоторое время молчал, задумчиво попыхивая сигарой.

— Ну так что Леман, вы принимаете мое предложение. Вашу кандидатуру поддержало и управление кадров, Бест особенно…

— Я думаю, можно попробовать, оберфюрер.

— Ну вот и хорошо. Начните с разработки предложений по усовершенствованию оперативного обслуживания промышленности. Ваши предложения представите Шелленбергу. Успехов вам! Держите со мной связь, не стесняйтесь обратиться, если посчитаете нужным. — Мюллер крепко пожал ему руку.

В октябре Вилли вместе с Шелленбергом выехал в Дортмунд, в центр германской сталелитейной и металлургической промышленности, который наряду с Дюссельдорфом и Эссеном, был важнейшим арсеналом, гигантской оружейной мастерской Рура. Леман знал, что в Дортмунде, пять чиновников гестапо, опираясь на небольшой штат помощников и канцелярских служащих, осуществляли контрразведывательное обслуживание более четырехсот военных заводов. Более двух недель делегация из Берлина изучала дела, беседовала с директорами заводов, после чего родился, план по усовершенствованию контрразведки в Руре. В этот план Вилли заложил все идеи, которые он выстрадал за годы обслуживания военной промышленности.

Шелленберг, еще совершенно молодой и неопытный руководитель, умел прислушиваться к мнению старших и использовать себе на благо их полезные советы. Потом в Берлине, он представит Гиммлеру с Гайдрихом этот план, как исключительно свое достижение.

Они уже собирались возвращаться в Берлин, когда отдел в Доргмунде получил донос на одного из старых мастеров военного завода, поляка по национальности, но имеющего немецкое

гражданство. Этот мастер специализировался на производстве орудийных стволов противотанковых орудий и, естественно, имел доступ к секретной информации, которая хранилась в заводском сейфе. В этом сейфе находилась также документация и по другим видам военного производства.

Однажды ночью двум инженерам понадобились чертежи противотанковой пушки. В сейфе их не оказалось. На утро, после тщательного расследования, выяснилось, что чертежи вечером взял к себе домой этот мастер. О происшествии сразу же сообщили в гестапо.

Посоветовавшись, Шелленберг с Леманом решили организовать за мастером наблюдение, чтобы выяснить его связи, образ жизни, короче, решили взять его в разработку. Непосредственно руководил ею Леман.

Выяснилось, что в сейфе на заводе не хватает семи светокопий документов. Внешняя служба доложила, что в квартире мастера находятся двое неизвестных мужчин. Шелленберг колебался, не зная, что делать, а Леман не торопился подсказывать. Наконец Шелленберг решил, что у поляка нужно произвести внезапный обыск. Что ж, обыск, так обыск.

Дом скрыто окружили, поставили у всех дверей и окон по сотруднику гестапо с оружием наизготовку. Потом одно из задних окон дома тихо выдавили и ввалились в комнату мастера столь неожиданно, что трое мужчин, сидевших за столом, не успели даже привстать. На столе находились светокопии документов, исчезнувших из сейфа.

Уже после первых допросов в гестапо, проведенных в ту же ночь, было арестовано еще шестнадцать человек. Мастер работал на польскую разведку, когда Варшава пала, к нему стали приходить связники от движения Сопротивления.

По возвращению в Берлин Вилли ожидала приятная новость. Ему присвоили ранг криминаль-старшего инспектора и звание хауптштурмфюрера СС, что соответствует воинскому званию капитана. Его начальник Мюллер получил первое генеральское звание бригаденфюрера СС и в дополнение к рыцарскому кресту — пряжку к поясу. Все это за участие в операции по «захвату» радиостанции в Гляйвице.

В этот период Вилли довольно часто встречался с Мюллером. Каждую неделю начальник четвертого управления проводил одно или два совещания с участием начальников отделов и отделений. В этом кругу, по инициативе Мюллера, обсуждались наиболее важные и интересные вопросы. Часто начальники отделений выступали с сообщениями, которые они не могли обсудить с шефом наедине. Кроме того, начальники отделений, по

четвергам, собирались вечером на квартире Мюллера и откровенно обсуждали за рюмкой коньяка личные и служебные вопросы.

В этой компании начальник гестапо держался доброжелательно, корректно, хотя и предпочитал больше молчать, обычно, поглощенный игрой в шахматы. Все знали, что он стоит за своих, что с уважением относится к пожилым чиновникам и держит их до тех пор, пока они могут работать. Он всегда считал, что чем дольше чиновник находится на службе, тем лучшим специалистом в своей области он становится.

Один из начальников отделений, Хорст Копков, был ответственным за радиоигры. В своем распоряжении он всегда имел данные о прослушивании телефонных разговоров службой Геринга, как называли их в узком кругу, которые вели лица занесенные в «черный список». Папкой с этими данными мог пользоваться любой начальник отделения, выбирая там информацию по своей линии работы. Папка переходила из одного отделения в другое. Пользовался ею и Леман.

Вилли активно занялся перестройкой контрразведывательной работы в военной промышленности. Они с Шелленбергом пришли к выводу, что необходимо было получить информацию о главных направлениях вражеского шпионажа и постараться внедрить агентуру в разведывательные службы противника. Начинать нужно с того, решили они, что следует создать мощную контрразведывательную сеть в пограничных с Россией странах — Румынии, Венгрии, Польше и Финляндии. Особое внимание следует обратить на русских эмигрантов, живущих в Германии, поскольку среди них советская разведка может вербовать свою агентуру. Кроме того, среди эмигрантов необходимо подбирать людей, которых в будущем можно будет забрасывать в тыл к русским.

Они понимали, что ничего нельзя будет сделать без контроля над почтово-телеграфной связью с заграницей, без подготовки специальных групп по радиоперехвату. Обо всем этом Шелленберг обещал переговорить с Гиммлером и Гайдрихом.

Кроме того, предстояло реорганизовать систему охраны военных предприятий. Для этого было решено использовать связи Лемана среди директоров заводов, чтобы они взяли на себя подготовку и содержание военизированных отрядов для охраны объектов.

Параллельно создавалась система промышленной и экономической контрразведки. Первая должна была охватить сферу производства, вторая — широкую сферу рынка. Быстро выяснилось, что криминалистической подготовки у сотрудников

гестапо для такой работы недостаточно. Необходимо было привлечь людей, которые хорошо разбираются в производстве и экономике — прежде всего самих хозяйственных руководителей, шефов промышленных и торговых объединений. Всех их стали оформлять в качестве доверенных лиц.

В центре Берлина под экономический клуб было арендовано помещение. Через клуб, при содействии министерства экономики, удалось привлечь более сотни руководителей германской экономики к решению контрразведывательных задач. Этому вопросу придавалось большое значение.

Кроме того, еще существовала область советского шпионажа, которой, как считал Шелленберг, не уделялось должного внимания. Правда, активно использовался персонал отелей, но в дни воины этого будет мало. Необходимо было проникнуть во всевозможные привлекающие русских международные организации…

Для Вилли открылись широкие возможности получения информации, поэтому, когда он узнал, что в посольство СССР прибыл резидент Кобулов, он рискуя, опустил в почтовый ящик представительства письмо для своих московских друзей.

И вот они откликнулись. Звонил связник и назвал условную фразу. Завтра вечером они должны будут встретиться в обусловленном месте…

Вот что записал Степанов о Брайтенбахе в своем оперативном дневнике: «Мы видимся на этой неделе уже второй раз. Тогда, на первой встрече, которую провели накоротке, прогуливаясь по улице Брайтенбах сообщил о своем служебном положении, согласился выносить материалы для фотографирования и запросил триста марок в месяц. Это не деньги!

Держится он довольно уверенно, не суетится, я бы сказал, с достоинством. Типичный старый служака: седоватый крепыш, уверенный в себе, с неторопливой в развалку походкой. Такие нравятся женщинам. Я на первый раз больше помалкивал.

Центр понятно забеспокоился, когда я телеграфировал о результатах встречи: никаких специальных заданий, пусть приносит то, к чему имеет непосредственный доступ, как думаете организовать связь с источником, подготовьте немедленно фотолабораторию. Узнаю почерк Павла Судоплатова! Осторожность — прежде всего!

Подождите с фотолабораторией, тут с самим Брайтенбахом разобраться надо, не играет ли он с нами. Кстати, а что делать с А/70 и с Вилли? Ведь они же знали Брайтенбаха? Может их убрать? Я так и запросил Центр. Тут реакция Судоплатова была мгновенной: не трогать Вилли, он Брайтенбаха в лицо не знает.

Ради бога, не трогать, так не трогать. Мне ведь меньше мороки.

Но сегодня этого крепыша нужно встряхнуть, он уже поди отвык от настоящей работы.

— Материал, который вы представляли в прошлом, страдал неточностью и дефектами. В будущем этого быть не должно! — взял я сразу быка за рога Брайтенбах сначала растерялся и какое-то время молчал. Видно было, как досада буквально растекалась по его лицу, а его небольшие серые глаза сразу потеряли свою цепкость.

— Не знаю, раньше из Москвы ко мне приезжали ответственные люди, всегда меня хвалили! — начал он.

«Нет, вы только подумайте! К нему персонально приезжали ответственные люди. Высокого же он мнения о себе,» — подумал я.

— Вообще я к вам не набиваюсь, — продолжил он. — Если моя информация вас не устраивает, давайте разойдемся.

— Я не сказал, что она нас не устраивает, — уточнил я. — Я говорю о том, что в ней нет ничего ценного для нас. Вот вы сообщаете:

Абвер прислал в гестапо письмо, в котором указывается, что советская разведка активно использует технический персонал своих представительств для изучения следующих вопросов: а/ расположение аэродромов; б/военная промышленность; в/ наблюдение за внутренним положением в стране. За советскими представительствами ведется тщательное наблюдение».

Или вот другое: «Гестапо обнаружила на таможне в ящиках, адресованных советскому полпредству, пропагандистскую литературу на немецком языке. За использованием этой литературы ведется тщательное наблюдение».

Ну что здесь важного для нас? Ничего! Все общие слова! Мы об этом и сами догадывались.

Брайтенбах молчал.

Я был раздосадован, и это помимо моей воли сказывалась на моем поведении. Мало того, что я две недели утром и вечером названивал Брайтенбаху и все никак не мог с ним связаться, так и с Корсиканцем все оказалось гораздо сложнее, чем виделось из Москвы. Контакт, правда, был установлен сразу, но Корсиканец держался настороженно и уклонялся от общения. Он не доверял мне! Пришлось везти его на машине в полпредство СССР, чтобы он убедился, что я тот человек, за которого себя выдаю.

Потом, правда, выяснилось, что шесть месяцев тому назад гестапо вело в отношении Корсиканца тайное расследование, поскольку получило анонимное письмо, из которого следовало, что в министерстве экономики работает советник, который

раньше сочувствовал коммунистам. Только благодаря «железному» прикрытию, заблаговременно созданному Корсиканцем, ему удалось убедить гестапо, что он образцовый нацистский чиновник. Но сколько пришлось пережить!

Теперь необходимо срочно решать, как организовать работу с Корсиканцем тем более, что за его плечами была обнаружена антинацистская организация, насчитывающая около шестидесяти человек. От нее сразу же стала поступать важная и большая по объему информация, которую нужно переводить на русский язык и кроме меня, этим в резидентуре никто не мог заниматься.

На возню с Брайтенбахом у меня просто не было времени, да и желания тоже, если честно признаться. Отдачи мало, а неприятностей, учитывая, что он гестаповец и что за делом следит сам Берия, нажить можно было запросто.

— Между прочим, в конце мая мне дважды звонили и назначали встречу на двенадцать часов ночи, — сказал он. — Звонил мальчик, но чувствовалось, что рядом стоит взрослый. Я на вызовы не откликнулся, поскольку мне все это показалось подозрительным, но подумал, может у вас что-нибудь напутали, поэтому написал письмо.

— Вот как! Интересно, кто же это был?

«Что Брайтенбах врет, нет сомнений, но вот зачем он это делает, — подумал я. — То ли набивает себе цену, показывая, что особо в наших деньгах не нуждается, то ли таким образом хочет оправдать свои рискованные действия, связанные с использованием почтового ящика нашего представительства?»

— Конечно, — продолжал Брайтенбах, — вполне возможно, что это кто-то просто пошутил. Такое часто бывает…

«Эти рассуждения очень смахивают на лазейку на тот случай, если мы проверим и уличим его во лжи, — продолжал я рассуждать про себя. — Кстати, названная им сумма в триста марок говорит не в его пользу. Рисковать своей шкурой за такие гроши и в такое время — это, извините меня, нужно быть или дураком или же очень благожелательным к нам человеком! И Центр еще предлагает выдать ему денежную компенсацию за время перерыва в связи. Нет уж дудки, я против того, чтобы бросать деньги на ветер.

— Так что подумайте и постарайтесь к следующей встрече принести что-нибудь важное. От этого будет зависеть размер вашего вознаграждения, — подвел я итог встречи.

На этом мы и расстались.

В последующем, до 19 сентября, мы провели еще две встречи. Как и в прежние времена Брайтенбах пытался подсовывать мне малозначительные материалы. Не знаю, является ли это

результатом того, что раньше от него брали все без разбора и еще пели дифирамбы, или он по старинке дает нам то, что легче достать, или это, возможно, его политика, как впрочем и его хозяев — что-то определенное сказать я затруднялся. В любой случае я проявлял требовательность и постоянно подчеркивал, что такие сведенья нам ничего не дают. Брайтенбах призывал меня к терпению, заявляя, что «не может же он сразу принести нам все гестапо».

Мне представляется, что для того, что бы мы в нем наконец разобрались, надо поставить перед ним конкретные задачи. Ждать и смотреть, что он нам принесет — так будет продолжаться до бесконечности. Это не в моих правилах. Я и так его постоянно стараюсь направить на выяснение тех вопросов, которые нас больше всего интересуют. И не смотря на то, что прижимаю его довольно крепко и говорю, хотя и в дружеском тоне, но довольно резко, каких-либо сдвигов я не замечаю. Обычно, как только он касается какой-то интересной для нас темы, я тут же начинаю требовать обстоятельной информации. Я, например, потребовал от него достать данные о польской агентуре, ведь немцы захватили в Варшаве все архивы.

Я направил в Центр такой вариант: Брайтенбах сообщил, что в большинстве немецких посольств, в том числе и в Москве, на должностях полицей-атташе работают представители гестапо. На следующей встрече, он правда поправился, сказав, что в Москве эта должность еще не занята, хотя, в ближайшее время туда кого-то должны направить. Так вот, можно было бы подобрать в Москве специального человека, на которого Брайтенбах дал бы задание на установку. Мы, со своей стороны, могли бы посмотреть, кто в Москве этим делом будет заниматься.

В общем, определенного мнения о Брайтенбахе у меня не сложилось. Хотя его материалы не важные, указать на какие-то моменты в его поведении, прямо и окончательно его изобличающие, я тоже не могу. Конечно, если Брайтенбах честный агент, он представляет для нас большую ценность. Но во всем этом нужно еще разбираться.

С Корсиканцем у меня тоже возникли проблемы. Потеряв с нами связь в 1938 году, он возобновил свою работу среди интеллигенции, объединив вокруг себя своих старых, надежных знакомых, осторожно выискивая и привлекая новых. В настоящее время в круге образовались небольшие «центры», каждый из которых работает над воспитанием и подготовкой своей небольшой группы людей. Так что Корсиканец сам уже не знает всех лиц, входящих в этот круг и цифру в шестьдесят человек он определил приблизительно.

Организационно взаимоотношения всей этой группы состоят исключительно в поддержании хороших отношений знакомых между собой людей. Не все лица, входящие в этот круг, знают друг друга, а существует как бы цепочка. Сам Корсиканец старается держаться в тени, хотя он и является душой организации. Цель организации состоит в подготовке кадров, которые могли бы после переворота занять командные должности.

Мои доклады в Центр вызвали у руководства большое беспокойство. Особенно это касалось Корсиканца, поскольку он нарушил принцип разделения агентурной сети на изолированные друг от друга части, общепринятые в разведке. Это обстоятельство увеличивало уязвимость всей организации, сделало ее беззащитной перед гестапо.

Вызвало также сильное беспокойство намерение Корсиканца построить свою сеть как тайную антинацистскую организацию и лишь во-вторых использовать ее как источник информации для советской разведки.

Мои попытки повлиять на Корсиканца результатов не принесли. Он заявил, что никогда не откажется от «крестового похода» против Гитлера только лишь для того, чтобы стать каналом для переправки секретной информации Третьего рейха в СССР.

Помимо этой «головной боли» с организацией, меня еще постоянно донимал Амаяк Кобулов, желающий сам работать с Корсиканцем. Хорошо, что Центр охладил его пыл. Зная его «армянские штучки», я старался вести себя с ним предельно корректно, хотя порой так хотелось рубануть этой бездари правду в глаза, но я себя каждый раз сдерживал, помня наказы Судоплатова с Журавлевым.

В довершение ко всем проблемам, как гром среди ясного неба, явилось для нас сообщение об аресте Червоной.

Червоная с мужем и его братом, как прибалтийские немцы, выехали по нашему заданию в Берлин. Мы планировали их использовать для организации связи с источниками информации в Берлине, с которыми я должен был восстановить связь.

По прибытию в Берлин, они сменили документы и поселились в одном из доходных домов Восточного Берлина. Непосредственно с Червоной встречал я сам, в качестве связника с нею использовался молодой сотрудник резидентуры Богдан Аистов, который немецким языком владел еще слабо и в работу вводился постепенно.

По новым документам Червоная проходила, как Мария Шульце. Она производила на меня очень хорошее впечатление —

ловкая, смелая, сообразительная, прекрасно владела немецким языком. Ее муж — Эгон Альтман и его брат — Вильгельм Оберрайтер выступали как коммерсанты средней руки, обслуживающие гостиницы и рестораны. Они часто разъезжали по стране.

По нашему заданию Эгон Альтман связался с одним из берлинских маклеров и выразил желание выгодно поместить капитал — приобрести гостиницу. Они договорились, что Альтман заплатит наличными двести тысяч рейхсмарок, а оставшуюся часть стоимости в размере трехсот тысяч марок маклер должен был получить в ипотечном банке под залог недвижимости. Ремонт и переоборудование гостиницы будет произведен за счет покупателя. Гостиница должна, была служить местом явки курьеров и в то же время пунктом предварительной проверки сообщений, которые должны были поступать от информаторов. Позже в состав персонала гостиницы планировалось ввести ряд наших нелегальных сотрудников.

Для начала Червоная должна была контролировать связников.

Очередную встречу я назначил Червоной на вокзале Бельвю. Связной Журавлев должен был передать ей условия встречи сам, однако, он перестраховался и, не желая рисковать, направил ей записку с первый попавшимся мальчишкой. Об этом, между прочим, он мне не доложил.

Было довольно темно, поскольку освещение в городе, опасаясь бомбежек, стали выключать рано. Я прибыл на посольском автомобиле к вокзалу и медленно двигался вдоль стоянки такси. Ага, вот и Червоная. Она появилась из-за одного таксомотора. Я притормозил, и она быстро юркнула на заднее сидение. Я услышал, как щелкнул замок задней двери.

Мы тихо тронулись дальше вдоль машин и не успели проехать и нескольких десятков метров, как со стоянки такси отделились две машины и потянулись за нами. Я чуть прибавил скорость и сделал правый поворот: они не отставали. Слежка!

Сам я был «чист» и в этом уверен, поскольку перед встречей тщательно проверился. Значит они пришли за Червоной! Выяснять уже было некогда, надо было срочно от них отрываться.

— Мария, — сказал я. — За нами слежка. Сделаем так: сейчас я попытаюсь от них оторваться… Потом ты возвращаешься домой и никуда не выходишь… Братья как обычно пусть занимаются коммерческими делами. Через три дня, в следующую пятницу ты им скажи, что вечером тебе необходимо прибыть на платформу вокзала Тиргартен, от которой отходят поезда на Запад. Запомнила? — Я еще раз повторил условия следующей встречи и

продолжил:

— Ты пробудешь на платформе тридцать минут и если никто к тебе не подойдет: ни я, ни связник, ты возвращаешься домой и живешь обычной жизнью, пока не получить от меня специального послания. Время прибытия на вокзал тоже. Поняла?

— Поняла, — тихо ответила она.

— Не волнуйся, все будет нормально, — я как мог пытался ее приободрить.

Ну а затем уже было не до разговоров. Я развернулся в сторону Ванзее и утопил педаль акселератора. Мощный мотор взревел и по инерции нас прижало к спинке сиденья. Мы обошли несколько машин, словно они стояли на месте. Стрелка спидометра стремительно поползла вверх. Семьдесят пять, восемьдесят, девяносто, сто, и тут впереди в свете тусклого освещения фонаря я увидел огромный «бюсинг», перегораживающий мою, правую сторону. Резкий поворот руля влево… Я убрал ногу с акселератора и приготовился к экстренному торможению. К счастью, на противоположной стороне никого не было.

Проскочив грузовик, я резко взял вправо, колеса протестующе взвизгнули, машину слегка повело. Я тут же ее выровнял, затем опять вправо, в темный переулок, и тут же выключил дальний свет. Я не думал ни о чем, кроме езды. Мир сузился для меня до прямой ленты проспекта, и пятна теней вокруг сливались в одну, дрожащую тень.

Все, мы от них оторвались. Произошло это так быстро, что Червоная не успела испугаться. У немцев оказались слабые моторы на наше счастье. Я высадил агентессу и пожелал ей удачи.

В представительство я вернулся злой как черт. Мне хотелось ругаться последними словами, когда я увидел Богдана Аистова.

— Что смотришь! — еле сдерживаясь, процедил я. — Кому сказал — пять раз сказал! — внимательно изучить обстановку, только после этого вручать записку, лично, в руки. Не сможешь — возвращайся домой. Говорил? Говорил… А ты что сделал?.. Мальчишку послал!

— Я думал… так будет надежнее… — морщась, как от боли проговорил Аистов.

— Ты, оказывается, можешь думать! Он думал! Детский сад! Он думал!.. Помощник называется!.. Век бы таких помощников не видать!

Я нисколько не сомневался, что если бы он тщательно проверился, внимательно изучил все вокруг и сам пошел бы на квартиру Червоной, он наверняка заметил бы наблюдение, если

оно там было выставлено. Мне хотелось выругать его так, чтобы уши у 'него распухли, но теперь надо было действовать и не терять понапрасну времени. До контрольной встречи, которую я назначил Червоной, оставалось меньше двух дней и нужно было изучить обстановку и подобрать места, откуда мы могли бы вести контрнаблюдение.

На следующий день, прямо с утра, мы выехали в город, чтобы подготовиться к встрече. Без особых приключений, слежки за нами не было — это точно, мы прибыли на вокзал, смешались с толпой и приступили к делу. Аистова я взял с собой, чтобы он учился по ходу дела.

— Почему сразу не доложил, что записку передал через пацана? — спросил я, когда мы вышли из автобуса на привокзальной площади.

— Не доложил? — переспросил он. — А потому, что вас не было… Вас вообще сейчас невозможно застать на месте… И Кобулов тоже куда-то уехал…

«Не было! Детский сад да и только! Ему уже скоро двадцать пять, а он все «не было»! Морока с этими молодыми! Уж лучше бы все делал сам!» — думал я.

Аистов шел рядом и внимательно слушал мои замечания. Было около двенадцати часов дня. Я держался настороже, каждое мгновение ожидая от немцев какой-нибудь неприятности, а самое главное, опасался, что мы не заметим и попадем под наблюдение наружной службы. Но вокруг было спокойно и я не фиксировал абсолютно ничего подозрительного. Даже привычных шупо не было заметно. Окружающие были заняты своими делами и на нас не обращали никакого внимания. Я уже давно заметил, что в Германии главное, это вести себя так, чтобы не вызывать у окружающих никаких чувств. Лучше, чтобы они тебя вовсе не замечали. Возвращайся! Свое место ты, надеюсь, запомнил, — сказал я Богдану после того, как показал ему место, откуда он будет вести наблюдение. — Я еще поброжу и посмотрю.

Я ушел с перрона и стал высматривать место, которое позволило бы наблюдать издалека. На ходу я обдумывал ситуацию и вынужден был ее оценить как весьма неважную. Если из тройки — Червоная и братья — кто-то «прокололся», вся наша задумка с гостиницей пойдет псу под хвост!

Не спеша я перешел на соседнюю платформу, ознакомился с расписанием отправления поездов. Вокруг все было по-прежнему спокойно.

Я провел на вокзале около часа, зато теперь мог сказать, что наблюдение лучше всего начинать на подходе и вести его лучше в движении. Так меньше шансов обратить на себя внимание. Теперь

можно было ехать в представительство.

Мне хотелось, чтобы на место прибыл кто-нибудь из начальства и чтобы все было зафиксировано не только в моем рапорте. Когда за плечами у тебя несколько лет работы в подполье, уже были достигнуты конкретные результаты, позволить провалить операцию из-за элементарного недосмотра было бы непростительно. Тут могут возникнуть слухи о недосмотре или неопытности, каждую глотку ведь не заткнешь, а я не желал бы потом никаких кривотолков.

Я живо представил себе враждебное лицо Берии, как он, сверкая стеклами пенсне, будет кричать: «Идиоты! Меня не интересуют объяснения! Вам поручили серьезную операцию, а вы ее провалили!»

И укоризненное выражение лица Павла Судоплатова: «От кого, от кого, но от вас я этого не ожидал!» А еще есть Фитин, Павел Журавлев. Понятно, я могу начать оправдываться. Я могу сказать: «Кого вы мне дали? Одного молодого! Что он умеет? Я не виноват, что он не знает простых вещей». А Паша мне скажет: «Я не знаю никаких молодых сотрудников… Вы были старшим, вы не новичок и вы отвечаете за все!.. У вас времени было хоть отбавляй! Можно было всему научить молодого сотрудника, а вы его даже толком не проинструктировали!»

— Не проинструктировал!.. Да я ему сто раз толковал, как первокласснику!.. Нет, не стану же я Аистова грязью мазать, да и по правде говоря, я совсем не уверен, что виноват именно он… Может, там причина совсем в другом. Раз за агентом следят, значит мы что-то не досмотрели. Иного толкования и не жди. Обидно, конечно, но что поделаешь».

В моей голове вертелись мысли, которые я никак не мог толком связать: когда Аистов передавал записку, он мог не заметить за собой немцев и навел их на агента. Они установили слежку за Червоной, а она вывела их на меня, когда села в мою автомашину. Если это так, то следует ожидать слежку за мной. Но вокруг меня все спокойно! Даже когда я выхожу на встречи с агентами. Что-то тут не вяжется…

За последние двое суток я к Богдану заметно подобрел. Ну какой с него мог быть спрос: его взяли в разведку сразу после окончания разведшколы, опыта практической работы у него никакого, язык знает слабо. Но парень он очень старательный и умный. Чувствуется институтское образование. Через полгода я его натаскаю, будет разведчик, что надо.

Да, разведка, это не романтика там всякая, рестораны, женщины. Разведка — это огромная работа и кровь. Не твоя, так чужая. Особенно в Германии. Гестапо — это не шуточки.

Брайтенбах такой приятный и вежливый только на встречах, потому что деньги нужны. Или, может, приказали такого разыгрывать. А там у себя — он зверь. Каждый раз идешь на встречу и думаешь: не выкинет сегодня он что-нибудь? Может, возьмет и арестует меня и концы в воду. Потом Кобулову скажут: знать ничего не знаем! Не было такого товарища Короткова!

Просвещая Аистова, я для пользы дела, по воспитательным соображениям, естественно, о трудностях много не говорил. У немецкой контрразведки к ее услугам: и наружное наблюдение, и агентура, и оперативные учеты, и ретивых заявителей полно. А у нас? Одни цели и задачи. Правда, есть агентура из числа порядочных людей, противников нацизма, готовая всегда прийти на помощь, одна на всех оперативная машина. Вот и все.

Мы имеем дело с гестаповцами, большинство из которых прошли школу криминальной и политической полиции, изощренные негодяи.

Что мы можем этому противопоставить?.. Только нашу хитрость и осторожность. Десять раз приходится примерять, пока один раз отрежешь. Но Москву это не интересует. Она ставит задачу, а ты хоть умри, но сделай! Точнее, как говорит начальство: сделай и чтобы комар носа не подточил! Все чисто и конспиративно!

Когда стемнело, я встретился с Аистовым и еще раз оговорил с ним все варианты действий. Потом мы поехали к Тиргартену и заняли исходные позиции. Ночь наступала прохладная, небо было чистым, полным звезд, как у нас на Юге, и оглядывая Млечный путь, я решил, что завтра еще раз серьезно поговорю с резидентом Кобуловым, выскажу ему без утайки то, что думаю, свои сомнения и несогласие и потребую, чтобы он немедленно сообщил все в Центр. Я не мальчик какой-нибудь, пусть с моим мнением тоже считаются. Даже Судоплатову скажу: «Зачем вы меня посылаете к такому слабаку. Я молчать не буду, все так прямо и скажу. Как с таким самоуверенным дураком можно работать!»

Уже было совсем темно, когда Червоная появилась на перроне Тиргартена. Она была в темном плаще и внешне среди пассажиров ничем не выделялась. Едва она прошла в голову платформы, как в дверном проеме одного из входов появился мужчина и быстро сместился вправо, в тень в глубине перрона. Он оставался там все время, пока Червоная прогуливалась по платформе. Потом я обнаружил еще двоих. Несмотря на то, что очередной поезд от платформы только отошел и на ней, кроме Червоной, фактически никого не осталось, выявленные мною люди не покидали своих мест.

Я взглянул туда, где находился Журавлев. В случае обнаружения слежки, он должен был сразу уйти. Но он оставался на месте. Уснул он, что ли?

Интуиция великая вещь и чутье мне подсказывало: слежка ведется, вот они, голубчики, видимо и не подозревают, что их кто-то может выявить. Изредка даже подают друг другу какие-то сигналы.

Для перестраховки, я решил дождаться, пока Червоная покинет платформу. Вот, наконец, она двинулась к выходу. И сразу же оживились наблюдающие. Один прошел возле меня в каких то десяти метрах, и я хорошо разглядел его худое, удлиненное лицо.

Все ясно, больше нам на вокзале делать было нечего. Мы двинулись в представительство и там я провел с Аистовым «разбор полетов». В выражениях я не стеснялся и его робкие попытки «я не уверен» или «я не заметил», лишь усиливали мою ярость. Что и говорить, урок он получил впечатляющий.

Потом, посоветовавшись с Кобуловым, я направил в Центр телеграмму, в которой проинформировал о случившемся и предложил группу Червоной законсервировать до выяснения всех обстоятельств. Тут я надеялся на Брайтенбаха.

Однако дело приняло совсем неожиданный оборот. Червоную, ее мужа и его брата гестапо арестовала. Первое сообщение об их аресте мы получили от Брайтенбаха. Он сообщил, что один из братьев, после интенсивного допроса, уже дает показания. Червоная держится стойко и все отрицает.

Центр быстро отреагировал на наше сообщение. Вопрос о консервации агентов, в том числе и Брайтенбаха, оставили на наше усмотрение. По их мнению, все будет зависеть от того, установят ли наблюдение за мной, за Кобуловым и Аистовым, а также за привлеченным нами, сотрудником торгпредства Алексеем Пановым. Как в таких случаях обычно бывает, от Кобулова потребовали обеспечить тщательное повседневное руководство работой связников, и их подробный инструктаж перед каждой встречей в частности, касающейся постановки заданий, конспирации, техники связи… Чудаки, они что не знают, что Кобулов в этих делах ничего не понимает? Конечно, знают. Просто пишут для перестраховки, чтобы прикрыться на тот случай, если начнут наказывать за прокол…

Меня вызвали в Центр для объяснений. Опасаясь, что в мое отсутствие Кобулов что-нибудь напортачит, я стал осторожно уговаривать его воздержаться от передачи источников связникам до моего возвращения из Москвы. На всякий случай, мол, чтобы не нажить себе неприятностей!

Моя затея, как ни странно, удалась, и Центр принял все наши предложения.

И вот я снова в Москве. С вокзала позвонил Маше, сообщил, что прибыл, жив, здоров, сейчас поеду на Лубянку и, как только освобожусь, сразу же поеду домой. В туалете на вокзале умылся, побрился. Затем позавтракал антоновским яблоком, купленным тут же, на привокзальной площади, и направился на встречу с начальством.

— Как оцениваете обстановку в Германии — жестко спросил Судоплатов, едва мы с Павлом Матвеевичем Журавлевым, начальником немецкого отделения, сели за приставной столик у его стола.

— Складывается впечатление, что немцы усиленно готовятся к военной акции против нас.

— Даже так? Какими фактами можете подтвердить свое мнение?

— Сужу по тону пропаганды, по поведению официальных лиц, активизации против нас контрразведки, интенсивному режиму работы Генштаба Верховного командования сухопутных войск.

Подготовьте по этому вопросу докладную записку с конкретными деталями, подтверждающими ваши наблюдения, — тут же приказал Судоплатов. — Павел Матвеевич, — обратился он к Журавлеву, — подключитесь тоже к выполнению этого документа!

— Что думаете о провале Червоной? — обратился ко мне Судоплатов.

— Скорее всего, совпадение случайностей, — бодро ответил я. — Я проводил проверочные мероприятия, но они не выявили повышенного интереса ко мне гестапо, а также не обнаружено подозрительных моментов в поведении наших источников.

— Считаете, значит, что это роковая случайность? — недоверчиво спросил заместитель начальника отдела.

— Да, не более того, — уверенно заявил я.

— Ну, что же… — Судоплатов задумался, через мгновение поднял на меня глаза. — Все-таки продолжайте наблюдение и не снижайте бдительности. Подключите осторожно Брайтенбаха, может он что-то узнает.

Прошло много времени, прежде чем я узнал истинную подоплеку дела Червоной. Как я был самоуверен в те предвоенные годы! А опытный Судоплатов уже тогда почувствовал, что дело обстоит не так просто, как мне казалось. Нам всем тогда здорово повезло и выручил нас, как ни покажется странным, сам… Гитлер!

А дело было так. Молодая немка, любовница Вильгельма Оберрайтера в Прибалтике, узнала от него, что ее дружок работает на советскую разведку. Когда Червоная с братьями уехала в Берлин, она выехала вслед за ними в Германию, однако там потеряла их след. Решив, что все это дело рук Червоной, которая, мол, специально сделала так, чтобы молодые люди не могли пожениться, немка, желая отомстить, написала донос в гестапо.

Делом заинтересовался сам Шелленберг. По его указанию контрразведка организовала наблюдение за советскими представительствами в Берлине и вскоре Оберрейтер был зафиксирован, когда посетил советское торгпредство. От него ниточка потянулась к Червоной и ее мужу Альтману. С этого момента гестапо контролировала деятельность всей группы. Мне повезло, что они не смогли меня зафиксировать в тот вечер, когда я встречался с Червоной на вокзале Бельвю, а еще раньше Аистова, когда он выходил на связь с ней.

Но тут произошло событие, разом перечеркнувшее все планы как гестапо, так и наши. Как-то беседуя с Гитлером, Гиммлер рассказал ему об этом деле. Фюрер страшно возмутился подрывной деятельностью советского полпреда Деканозова и приказал срочно завершить это дело в открытую. Никакие уговоры со стороны Гиммлера, Гайдриха и Шелленберга не помогли. На следующий день Эгон и Мария были арестованы. Младшего брата оставили на квартире с охраной для того, чтобы отвечать по телефону: Мария, мол находится в больнице с приступом аппендицита. Заявительницу тоже положили в больницу. Поскольку она была здорова, гестапо пришлось соответствующим образом проинформировать двух врачей. Один из них был членом группы Корсиканца и о случившемся тут же стало известно нам.

Позже Вильгельм появлялся у нас в торгпредстве но мы уже приняли необходимые меры. Эгон Альтман во время допросов сломался и все выдал.

Мария, напротив, стойко держалась до последней минуты и ничего немцам не выдала. Оба были казнены.

Закончив обсуждение дела Червоной, Судоплатов перешел к другим источникам.

— Центр ставит перед резидентурой задачу более глубоко проникнуть в нацистские структуры, экономику, центральные ведомства, военные круги и интеллигенцию, — продолжил он. — Подготовлен план развития наших отношений с Корсиканцем. План согласован с начальником отдела Фитиным, докладывался наркому и получил его одобрение. Надеюсь, вы понимаете, что

это значит?

Наступила многозначительная пауза. Решив, видимо, что я уже достаточно проникся ответственностью момента, Судоплатов приказал:

— Забирайте документ, внимательно его изучите и примите как руководство к действию!

Я взял план и отправился в кабинет направленца «изучать плоды творчества» начальства. Однако мне уже было не до плана. Сейчас мне хотелось только одного: поскорее вырваться с Лубянки домой. Повидать близких и хоть на день забыть о всех этих делах и планах.

Я освободился, когда две или три тусклые звездочки прокололи сгустившиеся сумерки над Москвой. Я стоял на Кузнецком мосту и задумчиво смотрел на поток проходящих мимо автомашин. Вдруг, мне показалось, что меня кто-то зовет. Из-за шума машин я отчетливо не слышал, однако разглядел в сумерках неясные очертания женской фигуры, берущей ко мне с протянутыми руками.

— Это же Маша! — невольно вырвалось у меня.

— Саша… Ой, Саша!

Я быстро повернулся и протянул к ней руки. Она влетела в мои объятья и прижалась ко мне. Сердце мое бешено колотилось, и я обнял ее.

Она уткнулась в мое плечо и мои губы нашли только шелк ее волос. Голос мой предательски сел:

— Маша…

Она не поднимала головы.

— Маша!

Вид моей фигуры вероятно оказал на нее совершенно расслабляющее действие: подбегая в сумерках, она чувствовала, что теряет остатки самообладания и не в силах больше сдерживаться. Пока она вынуждена была нести свою ношу одна, то почему-то воспринимала все относительно спокойно, но сейчас этот тяжкий груз словно придавил ее. Она ощущала потребность поделиться, поскольку знала, что мужское участие снимет добрую половину проблем.

Она плакала, дрожала от накопившейся тоски и сдерживаемой страсти.

— Маша! Ну успокойся… Я приехал, жив, здоров!

Она сотрясалась от рыданий и еще теснее прижималась ко мне. Оставалось лишь молчать и еще покрепче ее обнять. Вскоре рыдания стали утихать. Я уже овладел собой и лишь рука, машинально гладившая ее волосы, слегка дрожала.

Немного погодя она пошевелилась и, чуть отстранясь,

занялась поисками платка.

— Возьми мой, — предложил я. Видишь как я экипирован. Сказывается привычка к самостоятельности.

Прикладывая платок к глазам, Маша выдавила довольно жалкую улыбку.

— Твое плечо промокло? Извини, дорогой. Не знаю, что со мной. А ты, Саша, ловко справился с крайним случаем. Наверное, у тебя большой опыт?

Обычно не больше двух-трех женщин в день.

Бедный, ты мой!

Глупышка ты, дитя неразумное! — ласково говорил я ей. Потом взял ее за плечи, и мы потихоньку пошли вниз по Кузнецкому мосту.

По дороге Маша стала рассказывать о своей жизни, о нашей дочурке Софии, о работе, о своих отношениях с моей матерью, о все возрастающем предчувствии несчастья, которое могло произойти со мной в Берлине.

— Могло быть, но слава богу, пронесло, — неосторожно заметил я.

— Значит все-таки неприятности у тебя действительно были, — сразу насторожилась она.

Да нет, ничего серьезного. Обычные наши дела. Маша, ну как мне убедить тебя, что все это чепуха? Ты просто сама себе что-то придумала.

— Нет, — упрямо сказала она.

— Пойми, Саша. Я должна все выяснить. Это для меня важно!

— Но, милая моя…

Она вспыхнула, ее непрочное спокойствие улетучилось.

— Ради бога. Саша! Не считай меня абсолютной дурой, если хочешь знать, я не верю, что ты приехал просто по делам. Не верю! Неужели тебе непонятно!

Маша, слегка задыхаясь, обернулась ко мне, от раздражения ее начало трясти. На фоне неподвижных темных зданий и сгущающихся сумерек ее тонкая фигура казалась такой уязвимей. Она сама выглядела на редкость трогательной и очень юной в этом бессмысленном вызове и отчаянии. Меня вдруг захлестнула такая сильная волна желания, что самому стало не по себе. Я удивился, как она ничего не замечает, глядя на меня своими широко раскрытыми глазами.

Я с трудом подыскивал слова.

— Маша, милая…

— И перестань постоянно называть меня милой! — оборвала она меня.

Я рассмеялся и уступил так неожиданно, что ее злость

перешла в изумление. Ей, конечно, не пришло в голову, что я хватался за любые доводы, лишь бы увести беседу в строну от неприятной мне темы.

— Ну хорошо, моя любимая, будь по твоему.

— Ты хочешь сказать, что расскажешь мне все, Саша. Ну пусть не все, но хотя бы какую-то часть, которую я как жена, имею право знать.

— Да, если тебе так хочется неприятностей. Только не делай из меня героя, Маша. Я расскажу все, что смогу…

Она глубоко вздохнула и улыбнулась, а я внимательно следил за ней, точнее, за выражением ее лица.

— Я знала, что ты со мной согласишься! — в ее голосе сквозило торжество и облегчение; она приблизила ко мне свое лицо с огромными, сияющими в лунном свете глазами. Я обнял ее за плечи и привлек к себе. Маша подняла свое очаровательное личико и спросила с наивным нетерпением:

— Что мы будем делать дальше?

— Ты действительно хочешь знать? — я на мгновение еще крепче прижал ее к себе.

— Конечно!

— Для мужчины с моим темпераментом, — проговорил я шепотом — я проявляю потрясающую выдержку. — Я разнял руки и рассмеялся. — Ладно, милая. Сейчас наша задача — доставить тебя домой в целостности и сохранности. — Я мягко взял ее за подбородок и повернул ее лицо к лунному свету. — Домой… Это место должно вам понравится.

Она отстранилась и, смеясь, заметила:

— Вообще ты говоришь сегодня много ласковых слов. Разлука определенно действует на тебя положительно.

— Это такой вечер и луна!

Мы медленно двигались по тротуару. Маша постепенно успокаивалась. Изредка она поглядывала на меня, а я, чувствуя эти взгляды, улыбался. Наша отчужденность, вызванная разлукой, постепенно таяла. Все становилось на свои места. Я протянул ей руку и мы пошли быстрей.

Давай купим бутылочку вина, кое-что из еды, и мы отметим мое благополучное прибытие? — спросил я.

— Отлично придумано. Но только все это уже есть и ожидает тебя дома.

Мы поднялись в горку. Маша повернулась ко мне:

— Саша… — она на секунду задумалась. — Ты наверное, думаешь, что я сумасшедшая и каждый подумал бы так… Но я не могу иначе. Ты понимаешь меня?

— Да, понимаю.

Она почти смущенно коснулась моей руки.

— Я ужасно благодарна тебе. Я так рада, что ты приехал. Жалко, только, что не надолго.

Я еще раз обнял и поцеловал ее.

— Ладно, все это прекрасно… Но, что-то я сильно проголодался!

Мы расхохотались.

Время в Москве пролетело очень быстро. Перед отъездом я имел короткую беседу с Судоплатовым. В основном обсуждали план работы резидентуры, согласованный с Фитиным и Берией. Ведь я возвращался в другом качестве — официально утвержденным заместителем резидента. В заключение Павел Анатольевич сказал:

— Нарком считает возможным продолжать связь с Брайтенбахом. Определитесь, кто с ним будет работать. Лаврентий Павлович не исключает, что через Брайтенбаха контрразведка может разрабатывать нашу резидентуру или же будет пытаться перевербовать нашего сотрудника. Имейте это в виду!

Немного помолчав, уже более доверительным тоном он добавил:

— Ваш скептицизм и недоверие к Брайтенбаху нам понятны. Слишком много тут нагородили за последние годы. Одних врагов народа, связанных с ним, сколько уничтожили!

Он прошелся по кабинету, видимо, вспоминая своих прежних друзей и сослуживцев. Потом подошел ко мне вплотную и глядя снизу вверх прямо в глаза, негромко сказал:

— Я хочу вас предупредить, Александр Михайлович! Следите, чтобы бдительность сотрудников резидентуры не переходила в другую крайность. Если мы решили работать с Брайтенбахом значит в основе этого решения лежит мысль, что этот агент не является подставой. Поэтому отношение к нему должно быть корректным и, если хотите, теплым. Разумеется, снижать требовательность, которую вы проявляете, не следует. Но в вашем отношении должна проявляться забота о человеке, о его безопасности.

Закончив, он вернулся к своему месту за столом.

— Так, кому поручим с ним работать? — спросил он.

— Думаю, что лучше всего Аистову, — ответил я. — На первых порах я буду его наставником.

— Согласен. Встречи Аистова с Брайтенбахом тщательно готовьте, ведь Богдан, если мне не изменяет память, работал на приеме иностранцев в консульском отделе представительства. Его каждый день видела масса народа, в том числе и шпики гестапо.

— Понимаю.

— Не забывайте, что Брайтенбах привык работать с нелегалами. Поэтому он ведет себя в общественных местах свободно и порой забывает об осторожности.

Он опять замолчал, что-то обдумывая. Потом продолжил:

— Теперь о наблюдении немцев за военным атташе полковником Хлоповым, о чем вам сообщал Брайтенбах, но вы с Кобуловым не придали его информации особого значения. Так вот, от Брайтенбаха поступило новое сообщение. Хлопов в открытую ухаживает за певицей из кабаре «Рио-Рита» Элизабет Холланд. Дарит ей цветы, приглашает за свой столик, иногда провожает домой. Таким образом он, якобы, прикрывает выполнение своих заданий по работе с агентами. Эти «гусарские приемы» вызвали интерес к атташе не только в абвере, но и в гестапо. Эта Холланд является любовницей самого Гайдриха.

Абвер, в частности некий Зигфрид Мюллер, пытался завербовать Холланд и подставить ее Хлопову. Сейчас с ним разбирается сам Гайдрих.

О том, что немцы серьезно занимаются Хлоповым, нам также сообщил американский военный атташе в Берлине. Разведупр мы обо всем уже проинформировали.

Это к вопросу о ценности получаемой от Брайтенбаха информации. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду, — не смог удержаться Судоплатов, чтобы не уколоть меня.

Я уж и так все понял. Учтем, как говорится, на будущее.

Судоплатов подошел ко мне и протянул руку.

— Давайте прощаться. Я надеюсь, что эта командировка была для вас полезной. Успехов вам и помните о наших наставлениях! Передайте приветы от меня всем товарищам!

Мы крепко пожали друг другу руки.

Новый,1941 год, начался для Лемана неудачно. Обострилась болезнь и он встречал начало года в постели. Он и подумать не мог, что те несколько встреч, которые он провел с сотрудником советской разведки Александром Эрдбергом, под такой фамилией выступал Коротков, будут иметь для него такие печальные последствия.

Вилли так ждал и стремился восстановить связь с московским разведцентром, столько думал об этом во время бессонных ночей, долго выжидал, пока наконец смог бросить свое письмо в почтовый ящик советского полпредства, что неожиданная для него форма общения — резкость, грубоватая требовательность, наконец скрытое недоверие, проявленные Эрдбергом — начисто выбила его из колеи и надолго уложила в постель.

Он не мог понять, чем вызвано это недоверие и эта

настороженность. Не он ли помогал русским, столько лет оберегая их от арестов, представлял интересующую их информацию в таких объемах? Чем он заслужил к себе такое отношение? Нет, Вилли решительно не мог понять этих русских!

Он провалялся в постели около шести недель и появился на работе лишь в середине января. Когда он вышел на службу, первое, что он заметил, это ощущение, что он «выпал из команды». Его место уже занял другой чиновник, а его перевели с понижением в должности в отделение Е на обслуживание военной промышленности. Работа спокойная, хорошо ему знакомая, так что он особенно не расстроился. Главное, что оплата осталась на прежнем уровне.

С Эрдбергом они расстались холодно. Разведчик, как показалось Вилли, формально оговорил условия восстановления связи, и он подумал тогда, что русские, видимо, хотят от него избавиться. Стар стал, не интересен.

Но он ошибся. Через четыре месяца связник от русских позвонил ему домой и предложил встретиться. Вилли согласился, почему бы не встретиться, хотя в душе особого желания не испытывал. Особенно, когда вспоминал, как давил на него Эрдберг. Но он считал, что разорвать отношения никогда не поздно, поэтому лучше встретиться, поговорить, а там будет видно.

К его удивлению, на месте встречи, в назначенное время, к нему подошел элегантно одетый, красивый молодой человек и вежливо представился, назвавшись Богданом. Был он чуть выше среднего роста, не широк в плечах, двигался легко и уверенно, что свидетельствовало о тренированности и хорошей физической выносливости.

Внешне на его появление Вилли никак не реагировал, заметив лишь мимоходом, что частая смена партнеров отражается на качестве их работы и хотелось бы работать с кем-то одним постоянно. Он, конечно, догадался, что Эрдберг, высокую фигуру которого он заметил на углу Берлинер и Шарлоттенбургер, обеспечивал безопасность их встречи, но Богдану об этом ничего не сказал.

Они повернули в сторону Тиргартена и не спеша, двинулись переулками. Говорил больше Вилли, поскольку Борис немецким языком владел слабо, смущался, от чего его тонкое загорелое лицо с прямым носом и красиво очерченными губами принимало застенчивое выражение.

— Вот по вашей просьбе таскал в кармане список мест расположения казарм и служебных помещений Службы восточных укреплений. Все ждал, когда вы позвоните, — негромко говорил

Леман.

— Как идут ваши дела сейчас, — спросил Богдан, никак не отреагировав на его замечание.

— В связи с болезнью меня перевели в первое отделение. Проверяю лиц, которые будут заниматься охраной заводов особой государственной важности: металлургические, самолетостроительные, производства синтетического бензина и другие. Однако, у меня по прежнему есть доступ к документам, которые вас интересовали раньше. Но на все нужно время. Невозможно сразу представить схему управления с расстановкой кадров, как этого требовал Александр.

Вилли, держался спокойно и совершенно не обращал внимания на прохожих, не понижал голоса, когда они приближались, его обгоняя. Зябко поеживаясь в своем демисезонном пальто, он все посматривал по сторонам, и заметив, наконец, ресторан, предложил зайти погреться.

Заходили по очереди: сначала Богдан, потом, несколько минут спустя, Леман. В зале было довольно пусто, лишь трое клиентов обедали, да один молодой человек пил пиво. Они выбрали столик в остекленной кабине, и Вилли заказал пиво.

— Было тихо и лишь изредка доносились звуки голосов с той стороны, где обедала троица. Они уже были в подпитии, говорили громко, не стесняясь в выражениях. Похоже, что они обсуждали какие-то события в Чехословакии.

— …Убили банковского клерка. Каково? И где, в Праге! Конечно, это шайка Корта, кто же еще… Его взяли, а вот женщина, его сестра, та сбежала, — толковал один, с усами.

— Но попомните мои слова, ее тоже схватят… — говорил с придыханием его напарник. — Наша полиция научит чехов, как надо работать.

— Наконец-то, — усмехнулся Вилли. — Несут наше пиво. Кельнер с подносом, на котором стояли пивные бокалы, профессионально лавировал между столиками, умудряясь не терять времени и успевая проявлять живой интерес к предмету обсуждения подвыпившими клиентами. Он мгновенно уловил нить разговора и умудрился на ходу вставить пару слов.

— Ваше пиво, господа. Да, ужасное ограбление. Газеты писали, что одного преступника поймали, но он ухитрился повеситься в камере…

Кельнер с некоторым облегчением добежал до столика, где сидели Вилли с Борисом, и с видом гонца, прибывшего с хорошей вестью, поставил перед ними два бокала с пивом:

— Ваше пиво, господа… Благодарю, господа… — и, пожелав им приятно провести время, он выскользнул из стеклянной

кабинки.

— Вот это да! — воскликнул Вилли, удивленный этой ловкостью.

Богдан, между тем, наблюдал за молодым человеком. Тот расплатился за пиво, оделся, потом подошел к их кабинке и посмотрел на Лемана.

— Что это может значить? — встревожено спросил Аистов.

— Почему он так посмотрел на вас?

— Не знаю, никогда его не видел, — невозмутимо ответил Леман. — Скорее всего принял меня за кого то из своих знакомых.

— Нам нужно договориться, как мы при необходимости можем срочно связаться друг с другом, — перешел к делу Аистов. — Предлагаю такой вариант: вы звоните в консульство и просите срочно оформить визу Крюгеру. Это будет означать, что встречаемся в этот же день, в семь вечера. Вас устраивает такой вариант?

— Согласен, — ответил Вилли. — Раньше, когда я работал с Ярославом, я звонил в табачную лавку и справлялся о сигаретах. У меня тоже есть вопрос: как у нас будет обстоять дело с оплатой?

— Сколько вам раньше платили? — вопросом на вопрос ответил Аистов.

— Пятьсот ежемесячно, плюс премии к праздникам, — ответил Вилли. Он хотел сказать, что ему еще оплачивали лечение, что Ярослав помогал с продуктами, но постеснялся.

— Возможно, мы вернемся к этой сумме, но все будет зависеть от вашей активности, — пояснил Аистов.

— Между прочим, я уже десять лет с вами работаю и всегда приносил много материалов, — с улыбкой заметил Вилли.

— А сегодня что-нибудь принесли? — поймал его на слове

— Принес схему РСХА с указанием фамилий начальников подразделений. — Леман потянулся рукой в карман, но Аистов его остановил. — Потом, когда будем расставаться.

— Теперь о времени наших обычных встреч, — продолжил Аистов. — Предлагаю встречаться позже, когда стемнеет, часов в семь и гулять на улице. Ресторан для встреч не подходит, тут невозможно обстоятельно что-то обсудить, постоянно кто-то рядом крутится.

На этот раз Вилли позволил себе не согласиться. Работу он заканчивает в половине пятого, болтаться до семи на улице с секретными документами в кармане опасно, приходить домой поздно — жена начнет беспокоиться, будет думать, что он встречается с другими женщинами. Она уже привыкла, что по

вечерам он всегда дома.

Решили вернуться к этому вопросу позже. Они расплатились и вышли на свежий воздух. Уже стемнело. Было тихо и пустынно. Окружающие здания погрузились в сумерки. Лишь на фоне бледного небосклона еще выделялись крыши зданий да церковный шпиль. Вереница легких облаков медленно скользила по небу.

Пока они шли к автобусной остановке, Аистов перечислил Леману вопросы, которые в первую очередь интересуют Москву.

— Вот мы и пришли, — сказал Вилли, когда они подошли к автобусной остановке. — Может поедем вместе. Автобус будет проходить мимо вашего представительства.

— Нет, спасибо, — поблагодарил Богдан. — Лучше будет, если мы поедем порознь.

— Показался автобус. Они пожали друг другу руки и Вилли заметил, что было бы неплохо, если бы они продолжили совместную работу в будущем. Ответить Богдан не успел, потому что подошел автобус. Домой Аистов возвращался на метро. Сидя в полупустом вагоне, он снова и снова перебирал все нюансы поведения Брайтенбаха.

«Странно, говорит так, словно в гестапо для него открыты все двери, — думал он. — Держится очень смело, даже слишком смело. Разговаривая, совершенно не обращает внимание на прохожих, не останавливает разговора. Предложил вместе ехать до полпредства. Сказал, что встречаться ему лучше в Западном районе Берлина, потому что его сослуживцы живут в Восточном. Не чувствуется, что он лицемер, нет. По-моему, он держится довольно искренне. И мною совершенно не интересуется… Да, странно все это. Надо посоветоваться с Коротковым и написать обо всем в Москву».

Встречи с Брайтенбахом стали регулярными.

19 июня 1941 года. В резидентуре, смешно говорить, состоящей всего из четырех человек вместе с Кобуловым, полный аврал. 16 июня отправили в Центр тревожную телеграмму. У Аистова не выходят из головы строки:

«Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время… Объекты налетов германской авиации определены… Часть германских самолетов уже находится в Венгрии… Розенберг заявил, что понятие «Советский Союз» должно быть стерто с географической карты».

Коротков, страшно занятый подготовкой к работе в условиях войны агентурных групп Корсиканца — Старшины, заметил мимоходом, что неплохо бы написать обобщенную справку по

последним сообщениям Брайтенбаха. Агент очень некстати ушел в отпуск, хотя и обещал, что будет поддерживать связь со своим отделом и в случае необходимости, срочно свяжется с Аистовым. Борису было невыносимо стыдно сидеть в такой момент без дела, видя, как твои товарищи буквально разрываются от массы дел.

Богдан открыл свою рабочую тетрадь и стал прочитывать дневниковые записи сообщений, поступивших от Брайтенбаха.

> *«**17 февраля 1941 г.** Разработкой советского полпредства и торгового представительства занимаются чиновники его отдела Гофман и Баак. Держатся они замкнуто и приходится проявлять много изворотливости, чтобы осторожно из них что-нибудь вытянуть. Гофман проговорился, что у него есть доверенное лицо в «Интуристе», но кто этот человек, узнать не удалось.*
>
> ***19 марта 1941 г.** В связи с тем, что из-за Балкан в отношениях между СССР и Германией усилилось охлаждение, у нас все больше поговаривают о возможности их военного столкновения. По этой причине заметно усилилась работа военной разведки и контрразведки Верховного командования вермахта против Советского Союза. Во главе одного из контрразведывательных подразделений поставлен хауптман Абдт, мой непосредственный начальник в прошлом, во время работы в политической полиции. Абдт жил в России, хорошо знает русский язык. Ввиду нехватки людей, он привлекает на службу пенсионеров. Проверяя людей по картотеке, он наткнулся на Эрнста Кура и стал интересоваться, не пойдет ли тот к нему на работу».*

А вот еще интересная запись: личное письмо Василия Зарубина. Аистов знал, что опала с этого заслуженного человека снята и что он готовиться поехать в Китай.

«Дорогой Богдан! — писал Зарубин. — Материалы, полученные от Брайтенбаха с момента возобновления с ним связи, по мнению руководства, свидетельствуют, что они не состряпаны специально для нас. Целый ряд его сведений при проверке подтверждается… Отрицательная сторона его информации в том, что она еще малочисленна и незначительна по своему оперативному содержанию и значению.

Тебе необходимо тщательно совместно с агентом на каждой встрече обсуждать пути и способы расширения его разведывательных возможностей. Во время такого обсуждения неизбежно выявятся ряд моментов, пока для Центра еще не

ясных, станут более явными его возможности, выяснятся его связи в других отделениях, наметятся люди, с которыми он должен сближаться, определиться характер документов, которые уже сейчас он мог бы доставать.

Формальное, сухое требование улучшить работу, даже повторяемое каждый раз в настойчивой форме, результатов не принесут, поверь моему опыту…

Не забывай о личных желаниях агента. Иногда нужно идти на уступки и приспосабливаться к ним. Успехов тебе. Василий Зарубин».

Дальше пошли опять заметки от Брайтенбаха.

25 марта 1941 г. *Существует опасность моего перехода в жандармерию. Такое предложение мне уже было в августе 1940 года с последующей поездкой в Париж. Тогда я отказался. Теперь, ввиду большой нехватки людей, такая комбинация может возникнуть в принудительном порядке.*

Передал сведения об пеленгаторных установках, об укреплениях на Восточной границе, о бензохранилищах в Гамбурге, бюллетень гестапо.

5 апреля 1941 г. *Гестапо срочно подготовила списки руководителей Югославии, которые подлежат аресту после вторжения германских войск. Вторжение в Югославию должно состояться в ближайшие три-четыре дня.*

Подтвердил, что у него хранится вся секретная документация по отделу, но выносить ее нельзя, поскольку в любой момент она может кому-нибудь понадобиться. Выносить можно лишь те документы, с которыми все познакомились.

Использовать для встреч квартиру любовницы Флорентины Ливорски невозможно, так как у нее много заказчиков, она взяла ученицу и квартира пустой практически не бывает. В качестве почтового ящика квартира подходит.

10 апреля 1941 г. *От родственников жены, проживающей на германо-польской границе /линия Франкфурт-на-Одере — Познань/ стало известно, что через их городок Швибут проходит большое количество воинских эшелонов как с людьми, так и с техникой. Раньше подобного не было. На бензоколонках скапливаются вереницы военных грузовиков. Направление движения. — Восточная Пруссия, Варшава, Краков.*

Информации через меня проходит так много, что я часто не успеваю ее прочитывать. Заметки для вас приходится делать в большой спешке.

***21 мая 1941 г.** Представил доклад рейхсфюреру СС Гиммлеру «О деятельности советской разведки в Германии», подготовленный Шелленбергом. За подписью Гайдриха доклад был направлен Гитлеру.*

От начальника советского отделения хауптштурмфюрера Кубицкого узнал, что за машиной советского посла Деканозова ведется тщательное наблюдение, поскольку она используется для секретных операций…»

Вот и вся информация в сжатом виде. Пожалуй, небольшую справку можно подготовить.

В этот момент раздался телефонный звонок. Аистов поднял трубку:

— Слушаю.

— Богдан Николаевич, вы? Это из консульского отдела. Сейчас позвонил какой-то Крюгер, интересовался визой. Сообщаю, как вы предупреждали.

— Понятно. Спасибо!

Аистов не мешкая направился к резиденту.

— Амаяк Захарович! Только что позвонил Брайтенбах! Вызывает на экстренную встречу!

— У вас на какое время договоренность? — живо спросил Кобулов.

— В семь часов вечера.

— Хорошо! Если приедет Коротков, он тебя выбросит. Но лучше ты на него не рассчитывай. Выйди пораньше, проверься и действуй сам по обстоятельствам. Только осторожно, понял!

— Так точно.

— Ну, действуй… Потом сразу же доложишь о результатах.

Вечером 19 июня начальник внешней разведки НКГБ Павел Фитин находился на своем рабочем месте. Последние дни он получал непрерывный поток информации и в первую очередь сообщения резидентов о готовящейся германской агрессии. Из этого вороха сообщений Фитин должен был отобрать все заслуживающие внимание и по каждому особо важному случаю докладывать хозяину товарищу Сталину. Он, Фитин, как никто другой ощущал усилия многих своих сотрудников, ощущал пульс всех оперативных мероприятий, проводимых с его санкции во многих странах.

Обилие агентурных сведений о «секретной подготовке

Германии» к войне, оживленная дискуссия по этому поводу в англо-американской печати наводили сотрудников центрального аппарата разведки на мысль, не имеет ли здесь место либо широко задуманная инспирация самих немцев, чтобы оказать давление на СССР и получить уступки по интересующему их вопросу, либо интрига англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и направить германскую агрессию на Советский Союз. При этом агентура могла стать простым рупором этих слухов, которые специально фабриковались как той, так и другой стороной. Было над чем подумать…

Зазвонил телефон внутренней связи, и Фитин поднял трубку.

— Павел Михайлович! Срочная телеграмма из Берлина, — доложил дежурный шифровальщик.

— Давай, неси! — приказал Фитин.

Через минуту шифровальщик положил перед ним бланк шифротелеграммы, на котором от руки был написан текст:

Тов. Павлу, Москва.
Совершенно секретно.

«Сегодня,19 июня, агент Брайтенбах вызвал оперативного работника Николая на экстренную встречу и сообщил ему следующее: германские войска получили приказ начать военные действия против Советского Союза 22 июня после трех часов утра. Гестапо приведена в состояние повышенной боевой готовности.

Мы проявляем бдительность, внимательно наблюдаем за развитием обстановки и будем тщательно перепроверять поступающую от агентуры информацию.

Захар».

Фитин поднял трубку и набрал номер начальника немецкого отделения Журавлева.

— Павел Матвеевич! Пришла срочная телеграмма из Берлина. Справку на Брайтенбаха срочно занесите ко мне!

— Будет сделано, Павел Михайлович!

Фитин задумался. Перед глазами встала картина его недавнего визита к Сталину…

Вызванные экстренно, он, Фитин, и нарком госбезопасности Всеволод Меркулов, приехали почти одновременно. После доклада об их прибытии, они оба вошли и негромко почтительно поздоровались. Сталин ответил им едва заметным кивком, не предложил пройти, и они остались стоять при входе в нескольких шагах от дверей просторного кабинета, настороженные, хорошо

представляя, зачем они так срочно понадобились, и не ожидая от этого вызова для себя ничего хорошего.

Сталин, в своем светлом френче, в брюках, заправленных в шевровые кавказские сапожки, заложив одну руку за спину, а другой держа неизменную трубку, и неслышно ступая по ковровой дорожке, расхаживал быстрее обычного, что было у него признаком сильного недовольства.

Пока он удалялся в другом конец кабинета, оба стоявших у входа ели глазами его чуть сутулую спину и седоватый затылок.

Когда же он поворачивал и возвращался, они смотрели ему в лицо, но глаз его не видели: как обычно, расхаживая, покуривая трубку, Сталин не подымал головы. Однако на этот раз вождь изменил своему правилу. Подойдя к наркому безопасности и начальнику разведки, он поднял голову и стал в них всматриваться по очереди, как бы изучая и прикидывая в уме, понимают ли эти люди всю сложность и остроту обстановки. Он не сомневался, что они с нетерпением и опаской, если даже не со страхом, ожидают, когда он заговорит. Наконец Сталин пронзительным взглядом небольших цепких глаз посмотрел прямо в зрачки Фитина и произнес:

— Товарищ начальник разведки, не надо мне рассказывать содержание вашего сообщения. Я его прочел. Объясните, откуда и как ваш источник получает информацию? Верите ли вы ему и почему? Можете ли вы поручиться за его честность и искренность?

Фитин, молодой, светловолосый, с открытым, чуть простоватым, очень русским лицом, выдвинутый на этот пост из партийных рядов по инициативе вождя, стоял прямо перед Сталиным и смело смотрел ему в глаза.

— Их клички Корсиканец и Старшина, товарищ Сталин, — начал докладывать он. — Они убежденные антифашисты, сотрудничают с нами на идейной основе, поэтому откровенно делятся с резидентурой добываемой информацией. Она неоднократно проверялась и, как правило, подтверждалась. У разведки на этот счет нет никаких сомнений.

— Корсиканец это что?

— Корсиканец? Это агентурная кличка.

— Он что имеет отношение к Корсике?

— Нет, это придумано для конспирации.

— Рабочее имя, — понимающе сказал Сталин и, как бы для себя уяснив, отвел глаза и, поворачиваясь, мягкими неторопливыми шагами ступил влево.

Спустя секунды он уже шел в противоположный конец кабинета и оба держали взглядом его небольшую ладную фигуру.

У самой панели Сталин повернулся и, в молчании возвратясь на середину кабинета, негромко сказал:

— Есть только один немец, которому можно безоговорочно верить, — это товарищ Вильгельм Пик. Все, что вы написали, перепроверьте тщательным образом и снова доложите! Идите!

Это «идите» и указание все перепроверить тщательным образом относилось к начальнику разведки, но и нарком госбезопасности Меркулов вслед за Фитиным торопливо вышел из кабинета. Они хорошо знали, что Хозяин любит, чтобы все его распоряжения, указания и даже советы претворялись в жизнь сейчас же, выполнялись без малейшего промедления.

— Ну что ты думаешь о сказанном? — спросил Меркулов у Фитина, когда они вместе расположились на заднем сиденье большого черного автомобиля наркома. Фитин сидел насупившись и угрюмо молчал.

— Вероятно товарищ Сталин подразумевал, что следует доверять только немецким коммунистам, — ответил Меркулов сам на свой вопрос. Спад нервного напряжения после визита к вождю у него проявлялся в повышенной разговорчивости. Фитин же по прежнему оставался молчаливым.

По приезду на Лубянку, Меркулов приказал Фитину срочно подготовить список, всех донесений Корсиканца и Старшины в которых содержалась информация о готовящейся агрессии Германии.

…В кабинет вошел начальник немецкого отделения Журавлев со справкой в руках и Фитин очнулся от своих раздумий. Взяв справку, бегло ее прочитав, подчеркнув в ней отдельные места, Фитин поднял трубку прямой связи с Кремлем.

— Слушаю, — узнал он глуховатый голос вождя.

— Докладывает Фитин, товарищ Сталин! Из Берлина пришла срочная телеграмма. Разрешите прочитать?

— Читайте.

Фитин четко, не торопясь, зачитал телеграмму. На другом конце провода установилось молчание. Очевидно, Сталин осмысливал суть доложенного, а затем спросил:

— Кто этот Брайтенбах. Пользуется ли он доверием?

— Брайтенбах наш проверенный источник в гестапо. Сотрудничает с нами с 1929 года. Антифашист. В настоящее время обслуживает военную промышленность, имеет доступ к секретным документам, представил ряд оперативно важных сведений и документов.

Сталин опять задумался. Наконец, послышался его голос.

— Подумайте и проверьте еще раз, товарищ Фитин. Не провокация ли. Это?

И вождь положил трубку.

Но перепроверять информацию уже не пришлось. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз.

Связь со многими агентурными источниками, в том числе и с Брайтенбахом была прервана на неопределенное время.

Все сотрудники советской разведки в Берлине, а также находящаяся в краткосрочной командировке Лиза Зарубина, в составе дипломатического представительства, выехали на Родину окружным путем, через Турцию.

Путь на Голгофу

Приближалось Рождество 1942 года. В этот промозглый вечер, как это бывало уже не раз, группа начальников отделений Четвертого управления РСХА собралась вечером на Курфюрстерштрассе, в доме своего начальника группенфюрера СС Генриха Мюллера. Приятно было после напряженного дня расслабиться, сидя у горящего камина с рюмкой коньяка, обсудить с коллегами последние новости.

Сегодня всеобщее внимание привлек хауптштурмфюрер СС Райзман, начальник зондеркоманды Париже, прибывший в Берлин в командировку. Райзман оживленно рассказывал окружившим его чиновникам о результатах расследования по делу «Красной капеллы» — группы советских разведчиков и агентов во Франции, и, особенно в деталях, как они задерживали резидента советской разведки Жильбера.

— Все произошло на удивление просто, — заливался Райзман, польщенный присутствием на вечеринке у шефа и всеобщим вниманием окружающих.

— Мы висели у него на хвосте уже несколько дней, но каждый раз опаздывали. Двадцать четвертого, утром, Гиринг допрашивал одну дамочку, припугнул ее, естественно, и вдруг она вспомнила, что в начале лета Большой шеф страдая зубной болью, попросил ее дать ему адрес какого-нибудь дантиста. Она назвала доктора Мальпляту на улице Риволи.

Гиринг с представителем абвера Пиппе решили проверить дантиста и уже в одиннадцать тридцать были у него на квартире. Доктора на месте не оказалось, он был в госпитале. Его срочно вызвали, и Гиринг потребовал у него список его пациентов. В списке нужного нам господина Жильбера не оказалось, Но Мальпляту вдруг вспомнил: пациенту, назначенный на четырнадцать часов свой визит отменил, а вместо него должен явиться месье Жильбер.

Гиринг с Пиппе прикинули: время до визита Жильбера осталось мало, придется рассчитывать только на свои силы. «Мы арестуем Жильбера у вас. Ведите себя как обычно: усадите его в кресло и запрокиньте его голову», потребовали они от врача.

Все прошло, как по маслу. В четырнадцать ровно прибыл пациент — невысокий, плотный господин с крупной, седой головой. Это был Жильбер.

Мальплят встретил его и пригласил в кресло. Правда дантист был бледен и руки его так тряслись, что Жильбер даже обратил на это внимание. Тем не менее, врачу удалось уговорить пациента

сесть в кресло, запрокинуть голову, и в этот момент мы вошли…

— И как вел себя Большой шеф — не удержался кто-то.

— А он и сообразить ничего не успел, — заявил Райзман.

Его обыскали, одели наручники. Оружия при нем не было.

Мюллер, как обычно, сидел в углу гостиной за партией в шахматы с Эйхманом, его самым молодым протеже. Рядом на стуле примостился старинный друг группенфюрера Кристиан Шольц, пристроенный Мюллером в отдел по связи с «институтом Геринга». Он с интересом ожидал, как будут развиваться события на шахматной доске. Ему доставляло особое удовольствие наблюдать, как каждый раз, жертвуя фигуры, Мюллер мастерски заманивал молодого Эйхмана в ловушку. Тот возбуждался, начинал торопиться, делал одну ошибку за другой, а хитрому Мюллеру только этого и надо было. Финал неизменно был один — Эйхман проигрывал. На этот раз все шло по обычному сценарию.

Мюллер, играя, в пол-уха прислушивался к тому, что рассказывает Райзман. Он сам недавно побывал в Париже, присутствовал на допросах, которые проводил криминальинспектор Гиринг, и был в курсе всех подробностей этого дела. Слушая Райзмана, он слегка улыбался. Эта улыбка появлялась в уголках рта, что придавало выражению его лица некую странность: нельзя было понять, то ли он сомневается в том, что говорит собеседник, то ли разделяет его радость.

Обычно Мюллер во время таких встреч предпочитал больше молчать, а если возникала необходимость, старался отделываться короткими фразами.

В гостиной бесшумно появился адъютант группенфюрера Духштейн, поискал глазами шефа и, обнаружив его в углу, ловко пробрался к нему между сидящими в небрежных позах чиновниками и стал что-то тихо говорить ему на ухо. Шольц лишь уловил фразу «он настаивает».

Мюллер извинился и быстро вышел из гостиной в сопровождении адъютанта. В своем рабочем кабинете он увидел стоявшего в верхней одежде хауптштурмфюрера СС Хорста Копкова, начальника отделения, специализирующегося в его управлении но радиоиграм с Советами и занимающегося в настоящее время «Красной Капеллой» в Берлине. Черный, блестящий плащ Копкова был усеян мелкими каплями, видимо, от растаявших снежинок.

— Что, идет снег? — спросил Мюллер, входя в кабинет.

— Да, небольшой, — необычно громким голосом заговорил Копков.

— Что у тебя? Только говори потише…

— Прошу прощения, группенфюрер, но мне кажется, важное дело.

— Что случилось? — прервал его Мюллер, который весь подобрался, понимая, что неурочное посещение его квартиры Копковым связано с каким-то чрезвычайным происшествием.

— Группенфюрер, из двух радистов, которых мы задержали, один, Альберт Бар, «запел».

— Так, а второй?

— Второй упорно молчит и думаю, что уже ничего не скажет. Мы испробовали все, что могли.

— Что сообщил Барт?

Копков нервно сглотнул, видимо, его томила жажда. Но он терпел, решив закончить доклад.

— Барт сообщил, что второго зовут Артур Хесслер. Оба они немцы, из военнопленных. Прошли специальную подготовку как радисты. Задание Хесслера Барт не знает…

— Какое задание имел сам Барт? — нетерпеливо спросил Мюллер.

— Барт должен был восстановить связь с двумя людьми и передавать получаемую от них информацию. Первый источник — ученый, химик Куммеров, а второй… — Копков замолчал, не решаясь продолжать.

— Ну, не тяни, кто второй? — нетерпеливо спросил Мюллер.

— Второй — хауптштурмфюрер СС Вильгельм Леман из отдела четыре Е.

— Что-о? Дядюшка Вилли? Не может быть? — невольно вырвалось у группенфюрера.

Кличку дядюшка Вилли Леману присвоили в гестапо за почтенный возраст и добродушный характер. Несколько минут Мюллер молчал не в силах осмыслить услышанное. В его управлении предатель! Чудовищно! Это просто не укладывалось в голове.

— Это точно? Ошибки быть не могло?

— Все сходится, группенфюрер. Барт назвал адрес его местожительства — Кармен-Сильваштрассе, 24, номер домашнего телефона, пароль и отзыв, описал внешний вид. Все сходится.

— Как они должны встретиться?

— Разработаны условия: пароль и отзыв. Встреча на другой день по обусловленному адресу на улице. Может организовать для подстраховки их встречу?

— Нет, — живо возразил Мюллер. — Не надо…

Он задумался. Через какое-то время поднял голову, подошел вплотную к Копкову и глядя снизу вверх прямо в зрачки его глаз, жестко проговорил:

— Дружище, Хорст! На тебя возлагается ответственная задача.

Сейчас поедешь в Управление и через дежурного, как обычно это делается, срочно вызовешь Лемана к месту службы. Машину пошлешь только с шофером. Жди его у входа. Как только он войдет — обыскать, изъять оружие, переодеть в гражданское, если он будет в форме и отвести в подвал, в камеру. Никому ни слова, Гуппенкотену[44] я позвоню. Помни, Леман опытный полицейский, поэтому все должно быть, как обычно, до мелочей. Понял?

— Есть, группенфюрер!

Копков вскинул руку и вышел из кабинета.

«Так, нужно подобрать трех надежных следователей и пусть приступают к делу, — размышлял Мюллер, расхаживая по кабинету. — Их нужно предупредить: биографией, работой не интересоваться. Их задача — привести его в такое состояние, чтобы он согласился дать показания. Потом его допрошу я сам. Да, он чем-то серьезно болен. Чем же? Ага, вспомнил, диабетом. Предупредить следователей, нашего врача. Ежедневно давать таблетки, обращаться так, чтобы он раньше времени не умер. Кажется, все!»

После этого он вернулся в гостиную. Но игра уже не клеилась и Эйхман это сразу почувствовал. Он извинился и стал прощаться, сославшись на занятость по работе.

За Эйхманом потянулись другие чиновники. Вскоре гостиная опустела. Остался лишь один Шольц.

— Что-нибудь неприятное, — осторожно спросил Шольц. Он неспешно расхаживал но гостиной и собирал на поднос посуду. Мюллер сидел в кресле в глубокой задумчивости, попыхивая своей неизменной сигарой. Наконец, стряхнув пепел, он сказал:

— Да. Обнаружилось, что один из чиновников моего управления работает на Советы.

— Ошибка исключена?

Все сходится. Черт, неужели он так обиделся, что я понизил его в должности! — и он опять замолчал.

Шольц продолжал бесшумно заниматься уборкой.

— Как это некстати сейчас! — неожиданно с досадой проговорил Мюллер. — Вот-вот должен решиться вопрос с назначением начальника всего РСХА и тут на тебе! Если об этом узнает Борман со своей шайкой, они сразу подымут шум против меня. И так напакостят, где могут…

После убийства в Праге летом этого года шефа Главного управления имперской безопасности Гайдриха, должность начальника главка оставалась вакантной. Рассматривались

несколько кандидатов, в том числе и Мюллер, и все ожидали решения по этому вопросу самого Гитлера.

Против Мюллера тайно интриговал Борман. Руководитель партийной канцелярии и верхушка СД были против шефа гестапо, так как знали, что в течение ряда лет он собирает компрометирующие материалы на членов партии в связи с превышением ими полномочий или совершением других правонарушений. Гайдрих был единственны в высшей нацистской иерархии, который всегда его поддерживал. Теперь приходилось рассчитывать только на свои силы.

— Черт с ней, с должностью, Генрих! — воскликнул Шольц. — Тут надо думать, как голову сберечь. Если об этом узнает фюрер, последствия могут быть самые неожиданные.

— Я знаю и над этим думаю, — сказал Мюллер. После некоторого молчания, он добавил. — Я приказал Копкову без шума его арестовать и поместить в одной из камер нашего управления. Знать об этом будет ограниченный круг надежных людей.

— У кого он работает?

— У Гуппенкотена. Которому придется все рассказать, но он парень с головой, надежный. Опасен Шелленберг, тот, если узнает, сразу же побежит к Гиммлеру. Но я думаю, если с ним предварительно поговорить, он тоже будет молчать. Ведь этот Леман был у него заместителем, когда Вальтер возглавлял контрразведку.

— А кто его выдвигал?

— Да я, кто же еще. А как было его не выдвинуть. Старейший работник гестапо, безупречные характеристики, работал против Советов. Проверял его в течение года, ничего подозрительного не обнаружил. В тридцать девятом покойный Гайдрих выдвинул на должность начальника отдела контрразведки, вместо Беста, этого проныру Шелленберга. Ну, я под видом помощи молодому, неопытному начальнику отдела, подсунул ему своего человека Лемана, чтобы он приглядывал за ним. Работал он хорошо, претензий не было, но где-то через год у него серьезно обострилась старая болезнь. Пришлось его заменить. Мы подобрали ему подходящее место, сделали его ответственным за документацию в отделе. Представляешь, какой поднимется шум, если все это всплывет?

— Да, дрянь дело, — согласился Шольц. — Его нужно замять. Нет человека и нет проблемы.

— Я тоже так думаю, — согласился Мюллер. — Ну ладно, давай что-нибудь почитаем.

Мюллер открыл книгу, а Шольц, собрав всю посуду, ушел на

кухню.

Мюллер попытался читать, но очень быстро понял, что это ему не удается. Перед его глазами постоянно стояли два выпученных от ярости глаза Гитлера, его искаженный в крике рот. Он отогнал это видение и попытался сосредоточиться на чтении, но через несколько минут обнаружил, что снова и снова читает одну и ту же страницу, а в голове, как на испорченной пластинке, повторяется: «Пригрели предателя, пригрели предателя…» Он откинул голову назад, отгоняя виденье, прекратил бесполезные попытки читать и все крутил машинально в руках шахматную фигуру, не зная, как освободиться от этого дьявольского наваждения.

— Шольц! — позвал Мюллер друга.

— М — м? — Шольц, увлеченный изучением иллюстрированного журнала с полуобнаженными женщинами в фривольных позах, никак не мог оторваться.

— Давай пойдем поедим.

— Еще раз? — Шольцу явно не хотелось отрываться, от интересного занятая.

— Идем. Еще не поздно. Выпьем по рюмке коньяку.

Мюллер решительно поднялся, бросил на столик шахматную фигурку и направился на кухню. Шольц нехотя поплелся следом. Они потом долго сидели на кухне, неторопливо потягивая коньяк и дымя сигарами, лениво перебрасываясь словами.

Вечер выдался на редкость спокойный, со службы никто не звонил. Наконец Мюллер заявил:

— А теперь я пойду отдохну.

К своему удивлению он быстро уснул крепким сном. Утром встал бодрым и отдохнувшим. Умываясь после бритья, одевая привычную одежду, он ощущал во всем теле необычную легкость. Вчера случилось неприятное событие, но теперь все это позади и воспоминания о неслыханном поведении одного из чиновников можно со всеми другими отвратительными новостями с Фронта выбросить на помойку. Он уже придумал, как он будет действовать, чтобы не дать врагам повода заняться против него интригами.

В это декабрьское утро Вилли Леман встал по обыкновению рано. Он любил утром спокойно, не торосясь заниматься свои туалетом и, потихоньку сбрасывая ночную сонливость, приходить в себя. Сегодня, намыливая перед бритьем щеку, он думал о событиях на фронте, где обстановка для германской армии складывалась все хуже и хуже и, несмотря на геббельсовскую трескотню, он был уверен, что страну ожидают еще большие несчастья. Чем больше он над всем этим размышлял, тем больше

склонялся к мысли, что со службы в гестапо, пока еще не поздно, надо уходить и переезжать в Швибут, где можно будет отсидеться до лучших времен.

О восстановлении связи с русскими он уже не думал. После начала войны и интернирования всего персонала Советского представительства, его связь с куратором Борисом прервалась. Тогда, во время последней встречи за двое суток до начала войны, они оговорили условия, по которым русские могут с ним связаться. Никогда Вилли не забыть этой последней встречи, когда они, как два боевых товарища, обнялись на прощанье и выразили надежду на скорую победу правого дела.

Но вот прошло уже более полутора лет, но от русских не поступало никаких известий. В этой кровавой бойне, которая заварилась на огромных просторах России, русским друзьям, как ему казалось, было сейчас просто не до него. Их занимали более важные вопросы.

Завтракали они с Маргарет в полном молчании. Обстановка в стране, все возрастающие трудности с питанием, не побуждали к пространным разговорам, а тем более, к спорам. Теперь они рады были каждому, благополучно прожитому дню. Уходя, он предупредил, что сегодня задержится: воспалился зуб и нужно было посетить дантиста.

Рабочий день на службе прошел спокойно, без происшествий. Вилли работал с документами и отвлекался лишь тогда, когда надо было сходить в туалет или в столовую, на обед. В половине пятого он собрался и поехал на прием к врачу.

Стоматологический кабинет был пуст, в приемной ни одного больного, а раньше в ней всегда было полно посетителей.

Доктор Шмидт сам провел его в кабинет и усадил в кресло. Через час Вилли с большим облегчением вышел от врача и направился к автобусной остановке.

Дома он занялся газетами, машинально без аппетита, больше по привычке, поужинал. Около половины девятого раздался телефонный звонок. Звонил дежурный, предупредил, что Вилли срочно вызывают на работу и что машина за ним уже послана.

— Кто это звонил? — поинтересовалась Маргарет, которая уже разделась и готовилась лечь в постель.

— Со службы, наверное, что-то случилось, уже выслали машину.

Он одел свой теплый зимний костюм, проверил документы, по привычке сунул в боковой карман «вальтер» одел пальто, шляпу и вышел.

Машина уже ждала его у подъезда и через тридцать минут он входил в центральный подъезд управления на Принц-

Альбрехтштрассе, что вызвало у него недоумение, поскольку его отдел сидел в другом здании.

Едва Вилли миновал молчаливых проверяющих на посту у входной двери, как навстречу ему устремился Хорст Копков, сотрудник отдела Фридриха Панцигера, специалиста по радиоиграм с советской разведкой. Недоброе предчувствие шевельнулось у Вилли где-то возле сердца, но Копков уже был рядом.

— Леман, я ожидаю вас! — сообщил он. — Пойдемте со мной, у меня есть к вам дело.

Он направился по коридору к лестнице; ведущей в подвал. Леман окончательно понял, что тут что-то не так, остановился, рука его сама полезла в боковой карман за «вальтером».

— Руки! — рявкнул кто-то над ухом и в тоже мгновение его руки оказались заломленными назад. Два крепких эсэсовца из роты охраны быстро обыскали его, извлекли из кармана пистолет и надели наручники.

После нескольких секунд волнения, хладнокровие вернулось к Вилли и он почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— В чем дело? — довольно спокойно спросил он.

Они тоже, видимо, успокоились. В их взглядах он читал удивление людей, которые все еще не могли поверить, что все произошло так быстро и просто.

— Следуйте за мной! — скомандовал Копков, и они двинулись сначала вниз по лестнице, потом по коридору, пока не вошли в одну из камер. Вилли оглянулся: хорошо знакомая обстановка — столик, топчан с соломенным матрасом, окон, естественно, нет.

— Сейчас вам объяснят, в чем дело! — не без злорадства произнес Копков и выходя из камеры, добавил. — Советую искренне раскаяться. Вам же легче будет!

Охранники сняли наручники и вышли. Слышно было, как защелкнулся замок на двери.

Вилли присел на топчан. Во рту ощущалась знакомая сухость — диабет уже напоминал о себе. В голове вертелась только одна мысль — что случилось? Неужели докопались до прошлого?

Весь следующий день он проторчал в камере. Уходил час за часом, но о нем словно забыли. Обычно в камере выполняются общепринятые формальности: записывают имя, фамилию, обыскивают, заставляют раздеться… Ничего этого не делалось. Он понимал, что его специально держат в неизвестности, чтобы вывести из равновесия и лишить сил для сопротивления. Но все-таки, чем это вызвано? Вилли терялся в догадках.

Мысль о том, что может быть это последние часы в его жизни,

не мешали ему аккуратно раздеваться, складывать одежду перед сном и спать.

Однако, так продолжалось недолго. На следующую ночь камера озарилась ярким светом и он услышал команду:

— Встать! Выходи!

Леман не спеша поднялся и оделся. Что ж, можно выйти!

И снова пустой коридор. Наконец охранники привели его в просторную комнату, где за столом с настольной лампой сидел незнакомый ему следователь. Он предложил Леману сесть за небольшой отдельный столик.

— Может желаете выпить чашечку кофе, — любезно предложил следователь.

Вилли охотно согласился. Горячий кофе, налитый следователем из термоса, оказался как нельзя кстати.

Когда кофе был выпит, следователь объявил:

— Итак, господин Леман, нам известно, что вы являетесь агентом советской разведки и в этом качестве хорошо послужили своим хозяевам! С этим нельзя не согласиться. Но теперь нужно перевернуть эту страницу. Вы проиграли и, надеюсь, прекрасно знаете, что вас ожидает. Но слушайте меня внимательно. Можно умереть как врагу Третьего рейха легко и сразу, а можно после допроса третьей степени. Вы знаете, что это такое. Кроме того, можно устроить, чтобы вас расстреляли ваши хозяева как предателя…

— Мне не понятно, что это вы говорите, — с возмущением воскликнул Вилли. — Так можно придумать черт знает что! А на счет меня — напрасно вы меня запугиваете…

— Послушайте, Леман! Вся группа коммунистических агентов в Берлине во главе с Шульце-Бойзеном ликвидирована. Советую и вам признаться.

— Что вы от меня собственно говоря хотите? — продолжал возмущаться Вилли. — Арестовали! Я хочу вас официально предупредить: все что вы мне рассказываете, никак на меня не влияет, потому что я никого из подпольщиков не знаю и никаких дел с ними не имел.

— Вот как, — притворно удивился следователь. Он встал, не спеша подошел к Леману, окинул его оценивающим взглядом, потом повернулся и внезапно нанес сильный удар кулаком ему в челюсть. Вилли упал с табуретки и потерял сознание…

Трехдневный, непрерывный допрос, — без сна, без пищи, с побоями и пытками. Потом день перерыва, ровно столько, сколько нужно, чтобы вернуть истязаемому телу чувствительность к боли, а сознанию — способность воспринимать окружающее. После этого — снова допрос.

Леман знал: это называлось «мельницей». Для попавших в нее было только два выхода: первый — быть «размолотым», то есть забитым кулаками и дубинками следователей, изуверскими пытками и умереть тут же, в стенах тюрьмы или в камере следователя и второй — гильотина, либо расстрел.

К третьему дню допроса, а может и ко второму, к концу дня, Леман уже не только не испытывал острых физических страданий, которые вначале, казалось способны были лишить его рассудка, но даже перестал отчетливо воспринимать происходящее вокруг. Чтобы он не умер, ему регулярно врач колол инсулин.

На следующий день все началось с того, что следователь предложил ему сесть. Потом показал Вилли фотографию.

— Узнаешь?

Леман видел этого человека впервые и, как всегда, с самого ареста, ответил пренебрежительным молчанием. На этот раз, к его удивлению, следователь не вышел из себя, а сказал:

— Молчи, сколько влезет, мы и так все знаем.

Леман был уверен, что это все пустая похвальба.

— Этот человек был заброшен из Москвы, чтобы восстановить с тобою связь.

Леман молчал. Он знал, что гестаповцу очень нужно заставить его заговорить. Только бы начать, а там ниточка потянется.

— Может быть ты скажешь, что у тебя не было сообщников? Что ты никому ничего не передавал? Ну тогда почитай вот это!

Он выхватил из папки листок и с торжеством потряхивая им положил его перед допрашиваемым. Леман увидел отрывок из протокола допроса. В глаза бросилось:

«Я должен был позвонить по номеру 44-36-42 и сказать: «Говорит коллега Прайз. Я здесь проездом из Кенигсберга и хотел бы вас повидать. Он должен ответить: «Заходите завтра ко мне в бюро». Это означает, что встреча должна состояться на следующий день в 5 часов вечера на углу Берлинерштрассе и Шарлоттенбургер, на правой стороне, если идти от Бранденбургских ворот, около телефонной будки. Я должен подойти к человеку и спросить: «Как пройти на Кармен-Сильваштрассе? Ответ: «я живу на этой улице и могу вас проводить».

Все соответствовало действительности и все сразу стало на свои места. Он понял — они захватили связника и он «раскололся».

— Ты и теперь будешь все отрицать? — следователь угрожающе выпятил челюсть.

С этого момента все внимание Лемана сосредоточилось на том, чтобы не упустить какой-нибудь детали, которая поможет понять, насколько глубоко проникли щупальца гестапо. Все его душевные силы сосредоточились на одном: как не потерять эту нить, пока не будет запущена «мельница». Эта мысль не покидала Вилли ни на первой стадии допроса с сигаретами, уговорами и обещаниями, ни на второй, когда его били, а следователь орал, брызжа слюною:

— Скажешь?! Скажешь?! Говори!!

Наконец в ход пошла «мельница». И тут еще Леман пытался сосредоточиться на мысли «не забыть, не забыть главного!» Но багровый туман боли заволок сознание.

Струя холодной воды с трудом привела его в сознание. «Что ж, теперь можно уже выходить на запасную легенду» — решил он.

— Хорошо, — с трудом шевеля разбитыми губами, проговорил он — я согласен давать показания…

Два надзирателя проволокли по подвальному коридору стонущий мешок мяса и костей. Заключенного, в грязном, измятом костюме, втащили в пустую камеру и бросили на пол. Имени никто его не знал, в карточке был указан только номер.

Леман открыл припухшие глаза. Перед ним за столом, в своем неизменном светлом кителе с рыцарским крестом сидел коренастый, сухощавый человек. Увидев, что Леман очнулся, он попросил его сесть. Когда выяснилось, что сидеть арестованный не может, все валится на бок, он приказал охранникам усадить его на топчан, стоявший у стены, и удалиться.

Сам взял стул и уселся напротив, совсем близко от Вилли. Это был Мюллер, теперь Вилли узнал его. На этот раз он не кричал и не вращал дико глазами, как он это обычно делал, когда стремился запугать подследственного. Он вел себя совершенно спокойно.

— Вы, Леман, видимо неважно себя чувствуете. Может, хотите воды или коньяка?

Леман залпом опрокинул в себя рюмку обжигающего напитка.

— В вашем положении, Леман, — начал Мюллер, — нужна некоторая сила духа, чтобы чистосердечно признаться в своем предательстве и правильно оценить наши побуждения. Мы стремимся лишь к одному: вовремя искоренить и вразумить врагов райха. В наше суровое время это достигается, как вы знаете, только суровыми мерами. Вы меня слушаете, Леман?

— Стараюсь, — прохрипел Вилли.

— Я давно вас знаю, между прочим, запомнил с тех пор, как вы со своим другом приезжали в Мюнхен и посещали партийный

сбор. Насколько я помню, ваш друг даже состоял в партии и оказывал ей какие-то услуги, да и вы, кажется, были близки к этому. И честно говоря, я в полном недоумении, как русские смогли привлечь к сотрудничеству такого опытного полицейского, тем более, идейно близкого к режиму.

— Человеческие слабости, группенфюрер, все человеческие слабости…

— Интересно, какие же?

— Ипподром, группенфюрер, лошадиные бега. Впервые я начал играть в тридцать шестом, и эта страсть меня быстро затянула в свои сети. Однажды, я так увлекся, что проиграл большую часть зарплаты, что-то около двухсот марок. Старожилы ипподрома дали мне несколько советов, на кого следует поставить, чтобы отыграться. Я рискнул, поставил оставшиеся сто марок и… опять проиграл. В отчаянии я направился к выходу и когда спускался вниз с трибун, со мной заговорили двое мужчин. «Не расстраивайся, старина, такое здесь часто бывает, — сказал один из них, который назвался Мецгером, — со мной такое тоже случалось. Пойдем, еще поставим, возможно ты отыграешься». Он предложил мне сто пятьдесят марок с условием, что я буду отдавать ему пятьдесят процентов с каждого выигрыша. Я согласился. Поставил и опять проиграл. Мерцгер повторил сумму, я поставил и выиграл около трехсот марок. На эти деньги предстояло еще месяц жить…

Вилли замолчал. Дав ему немного отдохнуть, Мюллер сказал:

— Догадываюсь, как события развивались дальше.

— Совершенно верно, группенфюрер. Мерцгер предъявил мне счет и потребовал вернуть деньги. Когда я сказал, что не могу расплатиться, он стал грозить мне, что они все обо мне знают и сообщат обо мне моему начальству. Я был выпивши и не смог сопротивляться. За предоставление новой ссуды, они тут же отобрали у меня информацию о работе моего отдела. С этого времени мы начали регулярно встречаться.

— Как часто это происходило?

— Не очень часто. Один, максимум два раза в месяц.

— Какие материалы вы передавали?

— В основном все, что касается военного строительства.

— Документы передавались?

— Изредка… В основном старые, которые необходимо было уничтожить.

— Когда вы в последний рад встречались с русскими?

— Еще до войны, около двух лет назад…

Леман замолчал. Последние силы оставили его.

«А какое все это имеет значение сейчас. Общая картина

понятна», — подумал Мюллер, выходя из камеры.

— Расстрелять как члена «Красной капеллы», вместе с ними ликвидировать труп, — приказал Мюллер ожидавшему его в коридоре Копкову и быстро пошел по коридору к выходу.

Вилли устало прилег на топчан. Голые стены, яркая лампочка под потолком и часы, кем-то оставленные на столе, за которым сидел Мюллер. Слышно было, как часы тикали.

«Надо отказаться принимать лекарство, — подумал Вилли. — Это будет мучительно больно, но недолго будут тикать часы, если я это сделаю. Если я не кончу с собой таким образом, если буду лежать на топчане и дожидаться, пока придут охранники, боль придется терпеть целую вечность… А какая польза от того, что я останусь здесь лежать и буду терпеть целую вечность».

Кто-то вошел в камеру. Сквозь распухшие веки Вилли различил форменный мундир и с трудом узнал Хорста Копкова.

— Вы все еще здесь? — удивленно, но вежливо спросил Копков. — Мы, к сожалению, не можем о вас позаботиться. Вы сами хорошо знаете почему. Теперь двенадцать часов, у вас время до утра. Утром я приду опять.

И хадпгштурмфюрер ушел. В камере пусто, голо, очень светло от яркой электрической лампочки. Кажется, что часы тикают очень громко. «У вас время до утра. Утром я приду опять, — слова эти были сказаны не очень громко, но они до сих пор занозой сидят в мозгу. И лишь постепенно возвращаются собственные мысли. Значит, мне предоставлена свобода. Свобода умереть собственной смертью от болезни. Наконец-то она настигнет меня. Сколько лет я с нею боролся! Но теперь все… Наступил конец! Значит мне дан срок до утра… Осталось каких-то три — четыре часа. Вот и боль опять усилилась. Она стирают мысли, остается одна боль… Думать, думать… Если думать, мысли пересилят боль… Тик-так, тик-так… Если я поддамся, часы протекают еще много раз… Нет, больше не могу, не выдержу… Нет, выдержу, надо только захотеть. Я им не покорюсь… Все пройдет, как приятно думать, что скоро все пройдет. Это как волны. Боль накатывается волнами и я ее выдержу, после прилива всегда начинается отлив… Я выдержу… Надо собрать все силы. Я знаю, все скоро пройдет. Надо собрать все силы и заснуть. Часы тикают, они меня усыпляют. Они сделали глупость оставив мне часы.»

Вошел охранник. В ярком свете электрической лампочки Вилли отчетливо увидел в его руке пистолет. Последнее, что он подумал: «Слава богу! Мои мучения окончатся…»

Уговорить Шелленберга и Гиммлера замять дело Лемана Мюллеру особого труда не составило. Сошлись на том, что в

главке будет распространен слух: Леман командированный в Варшаву, во время приступа сахарной комы выпал из поезда и разбился насмерть.

В архивах гестапо осталась лишь карточка узника: Хауптштурмфюрер Вильгельм Леман без указания причин ареста и вынесенного судом наказания.

Эпилог

Дни тянулись один за другим, однообразные, серые, безликие. Маргарет все ждала от Вилли известий, но он исчез, как в воду канул. Все попытки дозвониться на службу и что-то там разузнать, результатов не принесли. Он в служебной командировке, отвечали ей, когда вернется — не знаем. И тут же вешали трубку.

Наконец однажды вечером в дверь ее квартиры позвонили. Она открыла. На пороге стоял Хиппе, сослуживец Вилли, с большим пакетом в руках.

— Можно войти? — неуверенно спросил он.

— Пожалуйста, — сказала Маргарет и отступила в глубь прихожей. Недоброе предчувствие зашевелилось где-то там, глубоко, под сердцем.

Хиппе не раздеваясь прошел в гостиную, положил на стол пакет и сказал:

— Я на одну минуту, госпожа Маргарит. Я принес вещи вашего мужа. Не обращайте внимание на то, что вы найдете в бумагах. То, что я вам скажу, является государственной тайной. Но ради нашей дружбы с Вилли, я раскрываю ее вам и прошу вас никому об этом не говорить.

Он замолчал. Маргарет опустилась на стул, из глаз потекли слезы. Она уже все поняла.

— Как это случилось? — тихо спросила она.

— Его расстреляли в подвале гестапо, тайно, без суда и следствия.

— Почему?

— Были получены доказательства его связи с русскими. Гестапо задержало двух московских агентов. Один из них показал на допросах, что он был послан для связи с Вилли.

Меня послали доставить вам его вещи. Распишитесь вот здесь, — она расписалась, — и вот здесь. Я полагаю, госпожа Маргарет, что вам лучше на время уехать из этой квартиры. Всего вам доброго!

Он поднялся и вышел. Некоторое время Маргарет сидела неподвижно, совершенно убитая этой новостью. Потом она встала и торопливо разорвала шпагат. В пакете лежало несколько свертков, а сверху конверт.

Когда она вскрыла конверт, то обнаружила там письмо, в котором сообщалось, что сотрудник Вильгельм Леман, находясь в поезде в связи с служебной командировкой в Варшаву, внезапно потерял сознание от приступа диабета и выпал на ходу. Выражая

соболезнование супруге по случаю трагической кончины супруга, ей высылаются: сосуд с пеплом умершего, вещи, бывшие на нем во время трагического происшествия. Список вещей прилагается.

Маргарит сидела не шевелясь. Письмо она уронила на колени, конверт лежал на полу. Через мгновение она коротко застонала и разрыдалась. Плакала она долго, а потом так и осталась сидеть, съежившаяся, потерянная. Несколько раз она пыталась поднять руку, но рука беспомощно падала. «Это надо вскрыть», — наконец решила она, глядя на сверки, но подняться и взять нож или ножницы не было сил. На нее навалилась страшная усталость и не было желания даже пошевелиться.

Вдруг ее охватил невыносимый страх. Она вообще была не боязлива, но сейчас, мысль о том, что отныне она будет оставаться в этой квартире одна, наедине с его вещами, показалась ей невыносимой.

Маргарет подхватилась, быстро собрала необходимое, закрыла квартиру и направилась на вокзал. Она бежала по улице так стремительно, что прохожие оглядывались и удивленно смотрели ей в след.

Внезапно Маргарит почувствовала, что она голодна и выбилась из сил. Она зашла в большую кондитерскую, полную людей. Свободных столиков не было и ей пришлось подсесть к другим. Надо было заказать еду. Зал был полон табачного дыма, но это ее не беспокоило. Она торопливо ела, а в голове вертелась мысль: надо что-то сделать, что-то неотложное. Вдруг она вспомнила: необходимо позвонить сестре в Швибут, поговорить с ней и предупредить, что она приедет. Сделать это надо сейчас же, не откладывая.

Она расплатилась за еду и в ближайшем почтовом отделении заказала разговор со Швибутом. Кабина, в которую она вошла, оказалась неудобной. Дверь не закрывалась, в нее проникал шум. Наконец в трубке послышался голос сестры.

— Как твои дела? Собираешься ли ты приехать к нам? Когда?

— Да, сейчас же еду, — произнесла Маргарит деревянным голосом.

— Что-нибудь случилось? — спросила сестра и в голосе ее послышалась тревога. — Говори же, что же ты молчишь!

— Вилли со мной нет, — в слезах вымолвила Маргарет.

— Уже уехал? — не поняла сестра.

— Нет, — ответила Маргарет, — он не уезжал, но его нет. Понимаешь, уже нет!

Наступило долгое молчание.

— Вы еще говорите? — спросила телефонистка.

— Да, да, говорим, — торопливо ответила Маргарет.

— Понимаю, — наконец сказала сестра голосом, который вдруг стал низким и хриплым. — Я правильно поняла? — переспросила она.

— Да, ты все правильно поняла, — подтвердила Маргарет.

— Хочешь приехать сюда? Или может приехать мне помочь?

— Не надо. Я выезжаю к вам. До свидания! — и она повесила трубку.

Домой она вернулась на такси. Войдя в квартиру, она первым делом распаковала сверки. В первом были личные документы, пара сигар, бумажник, который она когда-то подарила Вилли. Во втором — аккуратно вычищенный темный костюм. В третьем был четырехугольный сосуд, вероятно, с пеплом. Она оставила его на столе, решив отвезти его к себе на родину, в Швибут, и там захоронить на кладбище. Вещи она упаковала в чемодан.

На следующее утро она покинула Берлин, не зная, вернется ли когда-нибудь сюда. Но жизнь распорядилась по своему. Незадолго до конца войны Маргарет оказалась в Берлине и поселилась на Принцлауерштрассе.137. Там в мае 1945 года, ее разыскал красивый русский полковник и подробно выспрашивал о последних днях жизни Вилли. Она конечно не знала, что это был Александр Коротков, резидент советской политической разведки в Берлине…

Много лет спустя, в 1969 году, Президиум Верховного Совета СССР наградил советскими орденами группу участников немецкого движения Сопротивления за их вклад в борьбу против фашизма. Погибшие во имя уничтожения коричневой чумы, эти герои, вопреки своему глубочайшему отчаянью, все-таки не ошиблись, когда верили, что грядущий новый мир их не забудет и передаст потомкам достоверные свидетельства об их жизни.

Маргарет Леман в ходе торжеств, проводившихся в Германской Демократической Республике, был вручен ценный подарок — золотые часы с надписью: «на память от советских друзей».

notes

Примечания

1

Гогенцоллерны — династия бранденбурских курфюрстов, прусских королей, германских императоров (1871–1918).

2

Высший чин унтер-офицерского состава криминальной полиции.

З

Так на разведывательном жаргоне называли коммунистов.

4

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883–1937) был начальником Иностранного отдела ОГПУ с 1922 по 1929 г. В 1929 г. одновременно становится заместителем председателя ОГПУ. В 1937 г., работая в Исполкоме Коминтерна, был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г

5

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) — советский партийный и государственный деятель. С 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1921–1929 г.г. полпред в Германии. С 1930 г. заместитель и 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

6

Брюнинг Генрих (1885–1970) — германский рейхсканцлер в 1930–1932 г.г. Представитель католической партии «Центр». После прихода к власти Гитлера эмигрировал в 1934 г. в США.

7

Криминальрат — советник уголовной полиции (должностное звание старших чиновников).

8

Криминальсекретарь — секретарь уголовной полиции (должностное звание чиновников среднего звена).

9

Берман Борис Давидович (1901–1939). — С 1931 г. сотрудник ИНО, работал в Италии, Франции, Германии. В 1933 г. вернулся в центральный аппарат, был заместителем начальника ИНО, затем начальником секретно-политического отдела. С 1937 г. нарком внутренних дел Белоруссии. Арестован в 1937 г. и расстрелян.

10

Мессинг Станислав Адамович (1890–1937). — Возглавлял внешнюю разведку с 1921 по 1931 г. Затем на руководящий работе в Наркомате внешней торговли. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

11

Силли Карл (1883–1937), с 1931 г. сотрудник ИНО. Работал в Германии, Австрии. Был заместителем легального резидента в Берлине. Репрессирован в 1937 г.

12

Гиршфельд Александр Владимирович (1892–1962). — Сотрудник военной разведки. С 1935 г. по 1938 г. в Германии под дипломатическим прикрытием. После войны профессор МГУ.

13

Шлейхер Курт фон (1882–1934), генерал, немецкий военный и политический деятель. В 1932 г. был военным министром, затем до января 1933 г. рейхсканцлером. Убит гитлеровцами 30 июня 1934 г.

14

Абвер (оборона) — германская военная разведка и контрразведка.

15

Абверштиле — отделение военной разведки и контрразведки.

16

Папен Франц фон (1879–1969), глава правительства Германии в июле—ноябре 1932 г. В 1933–1934 г.г. вице-канцлер. Содействовал приходу нацистов к власти. Один из главных немецко-фашистских военных преступников.

17

Ресторан «Кемпински» — один из старинных солидных заведений в Берлине.

18

Рем Эрнст (1884–1934) — имперский министр в фашистской Германии, начальник штаба штурмовых отрядов (СА). Стремился превратить их в костяк армии, подчинить себе генералитет. Расстрелян без следствия и суда по приказу Гитлера.

19

Вессель Хорст, штурмовик, убитый в уличной стычке с коммунистами. Гитлеровская пропаганда превратила его в своего рода фашистского святого виликомученника. Песня о нем стала гимном нацистской партии.

20

Радек (настоящая фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель международного социал-демократического движения, партийный публицист. После Октябрьской революции в Советской России. Был секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудничал с «Правдой» и «Известиями». Эксперт по международным вопросам. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

21

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937). С 1919 г. служил в органах госбезопасности. Был заместителем начальника особого отдела ВЧК, начальник контрразведывательного отдела ГПУ, помощник начальника секретно-оперативного управления ОГПУ. С 1931 по 1935 г. возглавлял внешнюю разведку. Одновременно с 1934 г. был заместителем начальника военной разведки. В 1935 г. возглавил Разведуправление РККА (воинское звание — корпусной комиссар). В 1937 г. необоснованно репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

22

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938). С 1920 г. член президиума ВЧК, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ, нарком внутренних дел СССР (1934–1936). В 1936–1937 г.г. нарком связи СССР. Возглавлял органы внутренних дел, был одним из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

23

Штейнбрюк Отто Оттович (1898–1937). Служил в ВЧК с 1920 г. Был резидентом в Швеции. С 1931 г. начальник немецкого отделения в ИНО. В 1935–1937 г. на ответственной работе в Разведуправлении РККА. В 1937 г. необоснованно репрессирован и расстрелян.

24

Зарубин Василий Михайлович (1894–1972), генерал-майор. Во внешней разведке с 1925 г. На нелегальной работе с 1927 г. Был нелегальным резидентом во Франции, Германии. В 1937–1941 г.г. работал в центральном аппарате разведки. С 1941 по 1944 г.г. находился в США в качестве резидента легальной резидентуры. Затем был назначен заместителем начальника внешней разведки. На этой должности проработал до 1948 г., когда вышел в запас по состоянию здоровья

25

Гурский Феликс Антонович (1898–1937), оперативный псевдоним Монгол. С 1922 г. служил в разведке РККА, находился на нелегальном положении в Германии и Австрии. В 1931 г. его перевели во внешнюю разведку ОГПУ. С 1932 г. в нелегальной резидентуре в Берлине. В 1937 г. начальник отделения в ИНО. Покончил жизнь самоубийством.

26

Ювелир и Нина — агенты, с которыми работал В. Зарубин, возглавлявший нелегальную резидентуру в Париже.

27

Слуцкий Абрам Абрамович (1898–1938). В 1926–1930 г.г. — начальник отделения и помощник начальника ЭКУ ОГПУ, затем помощник и заместитель начальника ИНО — ОГПУ — ГУГБ — НКВД СССР. В 1935–1938 г.г. начальник ИНО. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. Умер от сердечного приступа (по другой версии был отравлен).

28

«Исследовательское ведомство’ (форшунгсамт) — служба перехватов телефонных разговоров и радиосвязи, подчинявшаяся министерству авиации.

29

Гесс Рудольф (1894–1987), личный секретарь Гитлера с 1925 г. В 1933 г. стал его заместителем по партии. В 1941 г. прилетел в Великобританию с предложением о мире; был интернирован. На Нюрнбергском процессе приговорен к пожизненному заключению как один из главных военных преступников.

30

Бокий Глеб Иванович (1879–1937) С 1921 по 1937 г. начальник Специального отдела ВЧК — ОГПУ — НКВД, в задачи которого входило шифровальное и дешифровальное дело. Комиссар Г/б 3-го ранга. Расстрелян. Реабилитирован.

31

Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945), немецкий адмирал. В 1935–1944 г.г. начальник управления разведки и контрразведки (абвер) верховного командования вооруженных сил фашистской Германии. Казнен за участие в антигитлеровском заговоре.

32

Гордон Борис Моисеевич (1896–1937). В органах безопасности с 1925 г. С 1933 г. легальный резидент ИНО ОГПУ — НКВД в Берлине. Необоснованно репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

33

Кривицкий Вальтер Германович (Гинзбург Самуил Гершевич) (1899–1941). В 1918–1922 г.г. на нелегальной партийной работе по линии ИККИ в Австрии и Польше, затем в Разведупре РККА. С 1931 г. в ИНО ОГПУ — НКВД. В 1935 г. — нелегальный резидент ИНО НКВД в Голландии. Осенью 1937 г. получил политическое убежище во Франции, затем в США. В 1942 покончил жизнь самоубийством.

34

Вольвебер Эрнст (1898–1967), немецкий коммунист, деятель международного профсоюзного движения, лидер профсоюза моряков торгового флота и портовых рабочих в 30-х г.г. прошлого столетия. После начала 2-ой мировой войны организовал в европейских и американских портах диверсионные группы, уничтожавшие немецкие торговые суда. Был связан с советской разведкой. В 1953–1957 г.г. заместитель министра внутренних дел и шеф службы государственной безопасности ГДР.

35

Фейхтвангер Лион (1884–1958), видный немецкий писатель. Убежденный противник фашизма, видевший в Советском Союзе реальную препону гитлеровским устремлениям к мировому господству. Написал книгу «Москва 1937», которая фактически явилась оправданием сталинизму.

36

Жид Андре (1869–1951), французский писатель. В 1936 г. опубликовал очерк «Возвращение из СССР», остро критикующий положение в Советском Союзе.

37

Блокляйтер — функционер возглавлявший ячейку нацистской партии в жилом районе.

38

Шупо — постовой полиции охраны порядка (по-немецки, шуцполицай).

39

Вестенд — западные районы Берлина

40

Павел — оперативный псевдоним наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия.

41

Ныне польский город Вроцлав, центр Силезии.

42

Второе бюро Генштаба — военная разведка Франции.

43

Кобулов Амаяк Захарович (1906–1954), генерал-лейтенант. В 1940–1941 г.г. был резидентом внешней разведки НКВД в Берлине. В 1941–1944 г.г. нарком внутренних дел Узбекской ССР, в 1944–1951 г.г. зам. Начальника Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, в 1951–1953 г.г. начальник управления по делам военнопленных и заместитель начальника ГУЛАГа. В июне 1953 г. арестован по делу Берия и в октябре 1954 г. расстрелян по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР.

44

Гуппенкотен — непосредственный начальник Лемана в отделе контрразведки.